ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
AUG 24 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

7

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Июнь 1907 г.—февраль 1917 г. Сборник документов и материалов. Киев. Госполитиздат УССР. 1960. 695 стр. 4 000 экз. 12 р. 15 к.

Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 624 стр. 2 000 экз. 11 руб.

В. И. Ленин — основатель и вождь Коммунистической партии Советского Союза. Сборник статей. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 419 стр. 3 850 экз. 14 р. 20 к.

ВОЛОДАРСКАЯ А. М. **Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. 1913—1914.** М. Соцэкгиз. 1960. 411 стр. 20 000 экз. 4 р. 50 к.

ГИЛИЛОВ С. **В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства.** М. Госполитиздат. 1960. 238 стр. 50 000 экз. 3 руб.

ГУМИЛЕВ А. Н. **Хунну. Срединная Азия в древние времена.** М. Изд-во вост. лит. 1960. 291 стр. 2 500 экз. 11 р. 50 к.

Документы внешней политики СССР. 19 марта 1921 г.— 31 декабря 1921 г. Т. 4. М. Госполитиздат. 1960. 836 стр. 30 000 экз. 15 руб.

За Советский Север. К 40-летию освобождения Севера от интервентов и белогвардейцев. Сборник документов и воспоминаний. Вологда. Кн. изд-во. 1960. 224 стр. 4 000 экз. 4 р. 35 к.

Из истории заводов и фабрик Урала. Сборник статей. Вып. 1. Свердловск. кн. изд-во. 1960. 123 стр. 1 000 экз. 6 р. 70 к.

История Татарской АССР. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Казань. Таткнигоиздат. 1960. 584 стр. 10 000 экз. 10 р. 90 к.

КАРАДЖАЕВ К. **Осуществление ленинского кооперативного плана в Туркменистане.** Ашхабад. Туркменгосиздат. 1960. 47 стр. 5 000 экз. 50 коп.

КАСЬЯНЕНКО В. И. **Борьба трудящихся СССР за техническую независимость промышленности. 1926—1932 гг.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 67 стр. 11 200 экз. 1 р. 80 к

КЛИБАНОВ А. И. **Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв.** М. Изд во АН СССР. 1960. 411 стр. 2 500 экз. 24 р. 10 к.

Коммунистическая партия в период упрочения Советской власти. Октябрь 1917—1918. Документы и материалы. М. Госполитиздат. 1960. 479 стр. 50 000 экз. 7 р. 80 к.

ЛАРЬКИНА Е. И. **Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации.** М. Соцэкгиз. 1960. 167 стр. 6 000 экз. 5 р. 20 к.

Ленин — журналист и редактор. М. Госполитиздат 1960 551 стр. 20 000 экз. 7 р. 70 к.

Сборник содержит статьи, письма, отдельные высказывания В. И. Ленина о принципах газетного и журнального дела, рукописи статей с правкой В. И. Ленина, планы отдельных ленинских произведений, воспоминания публицистов о деятельности В. И. Ленина в партийных органах печати.

МАКСИМОВИЧ Ф. К. **Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России.** Ашхабад. Туркменгосиздат. 1960. 114 стр. 5 000 экз. 1 р. 10 к.

МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. **К истории древней Грузии.** Тбилиси. Изд-во АН Груз. ССР. 1959. 507 стр. 1 500 экз. 33 руб.

Наш Ильич. Сборник воспоминаний старых большевиков Замоскворечья о встречах с В. И. Лениным. М. «Московский рабочий». 1960. 216 стр. 15 000 экз. 2 р. 55 к.

НЕКРАСОВА И. М. **Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921—1931 гг.** М. Изд-во АН СССР. 1960 144 стр. 6 000 экз. 4 р. 60 к.

Письма трудящихся Белоруссии В. И. Ленину. 1917—1924. Минск. Госиздат БССР. 1960. 140 стр. 15 000 экз. 2 р. 30 к.

Против буржуазной фальсификации истории советского общества. Сборник статей. М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 383 стр. 6 000 экз. 13 р. 25 к.

Трудящиеся Украины В. И. Ленину. Сборник документов. Киев. Госполитиздат УССР. 1960. 372 стр. 10 000 экз. 6 р. 50 к.

ШЕХВАТОВ Б. М. **Ленин и Советское государство. Деятельность В. И. Ленина по совершенствованию государственного управления. 1921—1922.** М. Соцэкгиз. 1960. 314 стр. 25 000 экз. 4 руб.

Всеобщая история

Афганский сборник. М. Изд-во вост. лит. 1960. 140 стр. 1 400 экз. 7 руб.

Статьи посвящены вопросам истории, экономики, литературы и искусства Афганистана.

АЦАМБА Ф М. **Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение. 1914—1952 гг.** М. Изд-во Моск. ун-та. 1960. 183 стр. 1 600 экз. 6 р. 70 к.

Великий поход 1-го фронта китайской Рабоче-крестьянской Красной Армии. 1934—1936. Воспоминания. Перевод с китайского. М. Изд-во иностр. лит. 1959, 568 стр. 13 руб.

КОДАЧЕНКО А. С. **Соревнование двух систем и слаборазвитые страны.** М. Соцэкгиз. 1960. 112 стр. 25 000 экз. 1 р. 35 к.

КЭМПБЕЛЛ Д. Р. **Некоторые экономические иллюзии в лейбористском движении.** Перевод с английского. М. Госполитиздат. 1960. 88 стр. 10 000 экз. 1 руб.

ЛАВРИЩЕВ А. **Индокитайский вопрос после второй мировой войны.** М. Изд-во ИМО. 1960. 228 стр. 3 500 экз. 7 р. 35 к.

МАТВЕЕВА Г. С. **Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Монгольской Народной Республики.** М. Изд-во вост. лит 1960. 115 стр. 1 200 экз. 4 руб.

Ленин и Восток. Сборник статей. М. Изд-во вост. лит. 1960, 306 стр. 4 000 экз. 9 руб.

ЛОНГО Л. (ГАЛЛО). **Интернациональные бригады в Испании.** Перевод с итальянского. М. Воениздат. 1960. 383 стр. 10 руб.

Новая история. Ч. 1. 1642—1870. Пособие для учителя. Под ред. А. И. Молока и Н. И. Сомина. М. Учпедгиз. 1960. 440 стр. 22 000 экз. 9 р. 30 к.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 томах. Т. 5. Допросы подсудимых и речи адвокатов. М. Госюриздат. 1960. 884 стр. 46 000 экз. 14 руб.

ПОДПАЛОВА Г. И. **Крестьянское петиционное движение в Японии (во второй половине XVII — нач. XVIII в.).** М. Изд-во вост. лит. 1960, 278 стр. 1 200 экз. 9 р. 50 к.

Проблемы «общего рынка». Сборник статей. Перевод с французского М. Изд-во иностр. лит. 1960. 256 стр. 7 р. 80 к.

ХЕЙФЕЦ А. Н. **Ленин — великий друг народов Востока.** М. Изд-во вост. лит. 1960, 248 стр. 9 000 экз. 5 руб.

ШЕВЯКОВ Ф. Н. **Борьба Социалистической единой партии Германии за построение социализма в ГДР.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 155 стр. 6 000 экз. 4 р. 90 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Voprosy istorii

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 7 ИЮЛЬ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — К XXV Международному конгрессу востоковедов 3

СТАТЬИ

Б. И. Марушкин — Позиция правящих кругов США и Англии в отношении фашистской агрессии против СССР 14

Д. Я. Фрейлихер (Харьков) — Трудящиеся Украины в борьбе с Врангелем 29

В. И. Буганов — Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками 44

В. М. Бахта — К вопросу о структуре первобытного производства . 59

Тадеуш Данишевский (Польша) — В. И. Ленин и развитие коммунистического движения в Польше 74

Г. Н. Караев (Ленинград), **В. Д. Королюк** — К 550-летию Грюнвальдской битвы 92

ИСТОРИОГРАФИЯ

Ш. Р. Арутюнян (Ереван) — Армянская советская историография за сорок лет 101

СООБЩЕНИЯ

Г. Г. Алахвердов — Разложение в войсках интервентов и белогвардейцев на Севере России в 1918—1919 годах 121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

П. И. Кабанов, А. И. Козаченко, И. Г. Рябцев — По страницам журнала «История СССР» 135

Ю. С. Кукушкин — «Этих дней не смолкнет слава». Воспоминания участников гражданской войны 145

Всеобщая история

Г. И. Каверин — Б. Я. Михайлов. Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955 (Из истории американского рабочего движения) 148

D
1
V6
1966
no.7-12

Л. П. Борисов — Н. Владимирский. Костромская область. Историко-экономический очерк; **Р. Ш. Тагиров** (Казань) «Экономическая платформа Русской секции I Интернационала». Сборник материалов; **И. С. Галкин** — И. Г. Сенкевич. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг.; **Н. Д. Ратнер** — Я. Новотный. О братской дружбе чехов и словаков в период национального возрождения; **Г. П. Башарин** (Якутск) — П. И. Кабанов. Амурский вопрос; **Ю. В. Ганковский.**— Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.); **Л. Ю. Слезкин** — Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро; **М. А. Барг** — В. М. Лавровский. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв.; **М. Л. Абрамсон** — З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI веке 153

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научные сессии, посвященные 90-летию со дня рождения В. И. Ленина 172

Е. Д. Воробьева — Советская научная общественность отмечает 15-летие народной Чехословакии 182

Н. А. Курашова, С. А. Лившиц — Научная сессия, посвященная изучению истории пролетариата в СССР 183

И. С. Кравченко (Минск) — Некоторые итоги работы и задачи Института истории АН БССР 189

З. Ш. Раджабов (Сталинабад) — Состояние и некоторые основные задачи советской исторической науки в Таджикской ССР . . . 193

П. М. Гапонов (Воронеж), **А. Е. Москаленко** (Воронеж) — Межвузовская историографическая конференция 199

Б. Х. Юлдашбаев (Уфа) — О работе историков Башкирского филиала АН СССР 202

Л. А. Дербов (Саратов) — Научная конференция по истории Нижнего Поволжья 206

А. И. Крушанов (Владивосток) — О работе ученых Дальнего Востока в 1959—1965 гг. по истории своего края 209

И. С. Капцугович (Пермь) — О работе историко-филологического факультета Пермского государственного университета имени А. М. Горького 211

Хроникальные заметки 213

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

А. Л. Нарочницкий — Советско-французская выставка документов о давних дружественных связях между СССР и Францией . . . 217

И. Р. Лаврецкий — Венесуэльские историки обсуждают задачи своей работы 221

К XXV МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ВОСТОКОВЕДОВ

В августе в Москве состоится очередной Международный конгресс востоковедов. Последние международные конгрессы ориенталистов проходят в обстановке, которая характеризуется всемирно-историческими изменениями в Азии и Африке. Завершается распад колониальной системы империализма. Победы народов Китая, Кореи, Вьетнама, а также Монголии, ставшей независимой еще на первом этапе общего кризиса капитализма, наряду с победоносным исходом народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы отражают главную тенденцию развития человечества в XX в.— переход от капитализма к социализму, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция.

В последние годы на путь независимости встали народы ряда крупных государств Азии, прежде всего таких, как Индия, Индонезия. На этом континенте после второй мировой войны образовалось 21 новое государство с общей площадью свыше 18 млн. кв. км и с населением около 1,3 млрд. человек.

Все сильнее втягиваются в борьбу за свободу народы Африки — последнего оплота колониализма на нашей планете. К осени 1960 г. здесь будет насчитываться около 20 государств, идущих по пути независимого развития. Важнейшей чертой освободительного движения азиатских и африканских народов на современном этапе является их солидарность в борьбе против колониализма. Это нашло отражение как на Бандунгской конференции 29 стран Азии и Африки, так и на конференциях представителей стран Азии и Африки в Каире, Аккре, Конакри, Аддис-Абебе и Тунисе.

Вступление народов Азии и Африки на путь самостоятельного развития сопровождается изменениями не только в их политической и экономической, но также и в духовной жизни. Завоевание независимости открыло перед народами Востока широкие возможности для возрождения национальной культуры и развития науки. Выступая в парламенте Индии в феврале 1960 г., Н. С. Хрущев отмечал: «В близкой исторической перспективе мы видим наступление такого времени, когда государства Азии, еще вчера находившиеся на положении угнетенных колоний, войдут в число передовых государств мира по уровню развития своей национальной экономики и культуры. Как раскованный Прометей, расправляют свои могучие плечи народы Азии, приступая к строительству новой жизни» [1]. Известно, что колонизаторы, подавляя самобытную культуру народов Востока, пытались зачеркнуть, растоптать их великое прошлое. В этой связи на долю ученых стран Азии и Африки выпадает особо почетная миссия — восстановить историческую правду о жизни и культуре своих народов. Уже издано немало ценных книг по этим проблемам, принадлежащих перу ученых, живущих и работающих в странах Азии. Можно с уверенностью сказать, что сейчас нельзя создать сколько-нибудь значи-

[1] «Счастье и мир — народам!». Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане 11 февраля — 5 марта 1960 г. М. 1960, стр. 25.

411517

тельные исследования по истории, экономике и культуре стран Азии и Африки без учета всех достижений национальных историографий. Глубокое ознакомление с трудами ученых стран Азии и Африки, всестороннее использование их достижений являются важнейшими условиями для дальнейшего изучения истории, языка и культуры народов, населяющих эти континенты.

Широким фронтом ведется научная работа в Китайской Народной Республике. Многочисленные труды по различным аспектам истории Китая, публикации источников создают основу для подготовки многотомной истории Китая, над которой ведут сейчас работу китайские ученые. Значительных успехов добились историки Корейской Народно-Демократической Республики. Ими создана двухтомная «История Кореи» (Пхеньян. 1956—1958) и немало исследований по различным периодам истории. Среди многочисленных работ историков Демократической Республики Вьетнам обращает на себя внимание двухтомное исследование Чан Хьюи Льеу «История 80-летней борьбы против французского господства» (Ханой. 1957—1960).

Успешно развивается историография в странах Азии и Африки, ставших после второй мировой войны на путь суверенного развития. Об этом, в частности, свидетельствует десятитомный труд «История и культура индийского народа» под редакцией Р. С. Мазумдара, исследование индийских экономистов П. А. Вадиа и К. Т. Мерчент «Экономические проблемы Индии» (Бомбей. 1954), серия книг арабского ученого Абд ар-Рахман ар-Рафии о развитии национально-освободительного движения в Египте, восьмитомный труд иракского историка Абасса ас-Аззави «История Ирака между двумя оккупациями» (Багдад. 1935—1955) и многие другие. Именно сейчас, когда окончательно рушится колониальная система, а вместе с ней лженаучные теории ее реакционных идеологов о «неполноценности» народов Востока, перед учеными стоит почетная задача — глубоко исследовать выдающуюся роль народов Азии и Африки в развитии мировой цивилизации.

Советские востоковеды и африканисты учитывают в своей научной деятельности большие перемены, которые произошли в жизни народов Азии и Африки, и концентрируют свое внимание в последние годы, особенно в период, прошедший между XXIV мюнхенским (1957 г.) и приближающимся XXV московским международными конгрессами востоковедов, на современных проблемах истории стран Востока, сохраняя и развивая при этом богатые традиции, существующие в изучении более отдаленных эпох. При этом советские исследователи руководствуются марксистско-ленинским учением, являющимся надежной методологической основой для глубокой научной разработки проблем общественной жизни восточных стран.

Ученые капиталистического мира также начинают больше уделять внимания современным проблемам. Однако свои исследования они ведут с иных методологических позиций. Несмотря на появление ряда ценных работ буржуазных историков, в которых предпринимаются попытки дать объективную картину происходящих в наши дни событий на Востоке, в буржуазной историографии преобладают книги, извращающие историю национально-освободительных движений и обеляющие колониальную политику.

Одной из отличительных особенностей советской науки всегда было бережное отношение к памятникам древней самобытной культуры народов Востока, уважение к их богатой истории, стремление правдиво показать громадную роль восточных народов в общечеловеческом прогрессе. Буржуазные ученые признают несомненные успехи советской науки в изучении стран Востока. Однако в печатных органах за рубежом нередко делаются попытки исказить, фальсифицировать научную значимость трудов советских востоковедов.

Три года, прошедшие после мюнхенского конгресса ориенталистов, были для советского востоковедения наиболее плодотворными.

Советское востоковедение развивается как комплексная наука, охватывающая проблемы древней, средневековой, новой и новейшей истории, экономику, идеологию, а также филологию и языкознание (в данной статье речь будет идти о работах по истории и экономике). Советские ученые стремятся к тому, чтобы изучать историю и культуру всех народов и всех стран Азии и Африки. Это находит отражение в том, что советские исследователи с каждым годом издают все большее количество трудов, посвященных странам, которые ими ранее не изучались. Советская наука уже сделала немало для изучения роли и подлинного места стран Востока во всемирно-историческом процессе. Точка зрения советских историков на эту роль отражена наряду с другими работами также в вышедших томах «Всемирной истории», где решительно отвергаются как антинаучные всякого рода «европоцентристские» концепции. Ныне от этих концепций вынуждены отказываться и многие ученые стран капитализма. Буржуазные исследователи не могут не считаться теперь с национальными чувствами народов Азии и Африки, с возросшей их ролью в современных международных отношениях.

При исследовании истории древнего Востока советская наука сосредоточила свое внимание на разработке кардинальной проблемы — становления и генезиса древнейших в мире классовых обществ, пришедших на смену первобытнообщинному строю.

За последние три года опубликован ряд работ, исследующих социально-экономическую и политическую структуру, а также идеологию древневосточных обществ. Это монография Б. Б. Пиотровского [2], которая является обобщающим трудом по истории и культуре Ванского государства, труд И. М. Дьяконова [3], рассматривающий социально-экономическую природу обществ древнего Двуречья, работы академика В. В. Струве, В. И. Авдиева, Р. Х. Саркисяна, А. Г. Периханяна, М. В. Воробьева, Л. Н. Гумилева [4] и других советских авторов.

Советские ученые стали больше внимания уделять изучению идеологии и культуры, в частности искусства, народов древнего Востока [5].

Вышли в свет ценные источники, способствующие изучению истории Востока, среди которых следует назвать труд Г. А. Меликишвили «Урартские клинообразные надписи» (М. 1960) — публикацию корпуса

---

[2] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М. 1959.

[3] И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М. 1959.

[4] В. В. Струве. Удельный вес рабского труда в храмовом хозяйстве досаргоновского Лагаша. «Вопросы истории», 1960, № 2; В. И. Авдиев. Военная история древнего Египта. Т. II. М.-Л. 1959; Р. Х. Саркисян. Тигранакерт (из истории древнеармянских городских общин). М. 1960; А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М. 1959; М. В. Воробьев. Древняя Япония. М. 1958; Л. Н. Гумилев. Хунну. М. 1960.

[5] Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.-Л. 1958 (посмертное издание); Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М. 1958; М. Матье. Искусство древнего Египта. М. 1958; В. Павлов, С. Ходжаш. Художественное ремесло древнего Египта. М. 1959; В. М. Штейн. Гуань-цзы. Исследование и перевод. М. 1959; Н. И. Конрад. Начало китайского гуманизма. «Советское востоковедение», 1957, № 3; Л. Д. Позднеева. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов. «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1958, № 3; ее же. Ораторское искусство и памятники древнего Китая. «ВДИ», 1959, № 3. Здесь необходимо также упомянуть исследования, посвященные культуре народов, живших в древности на территориях, входящих в настоящее время в состав Советского Союза, население которых имело тесные связи с народами древнего Востока. Так, член-корреспондент АН СССР К. В. Тревер опубликовала «Очерки по истории и культуре кавказской Албании IV века до н. э.— VII века н. э.» (М.-Л. 1959). Под редакцией А. М. Беленицкого и Б. Б. Пиотровского вышел сборник исследований о «Скульптуре и живописи древнего Пенджикента» (М. 1959).

урартских надписей, приведенных в данном издании в транслитерации, с переводом и комментарием. Издан ряд древнеиндийских текстов[6]. Важное значение имеет публикация археологических памятников народов, в древности населявших земли, которые ныне являются советскими территориями[7].

Перечисленные труды, разумеется, лишь часть того, что сделали советские специалисты по истории древнего Востока за последние три года. Продолжается интенсивная исследовательская работа по изучению истории древнего Шумера, социально-экономической истории и истории культуры древнего Египта, Японии, Индии, Китая, Судана, древней Аравии.

В изучении средневековой истории стран Востока основное внимание привлекают проблемы происхождения, развития и упадка феодализма.

В противоположность буржуазной историографии, которая игнорирует закономерности развития человеческого общества, советская историческая наука исходит из того, что всемирно-исторический процесс представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций. Это коренное различие между марксистской и буржуазной наукой в методологических позициях при оценке средневековья — эпохи, когда в большинстве стран Европы, Азии и многих странах Африки господствовал феодальный способ производства, отчетливо видно на примере третьего и четвертого томов «Всемирной истории», подготовленных советскими исследователями. Советские ученые, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, вскрывают не только общие закономерности эпохи средневековья, но и особенности развития феодализма на Западе и Востоке, уделяют должное внимание специфическим условиям в различных восточных странах. Взгляды советских ученых на историю восточного средневековья нашли отражение, помимо «Всемирной истории», и в ряде других трудов[8].

Среди работ о средневековой культуре народов Востока обращает на себя внимание монография академика И. Ю. Крачковского, посвященная арабской географической литературе[9]. В ней изложена история географии и географических открытий арабов, показана их выдающаяся роль в развитии данной науки. Большой интерес представляют и другие труды по истории культуры[10].

Из числа опубликованных источников отметим издание членом-корреспондентом АН СССР П. В. Ернштедтом коптских текстов Государственного Эрмитажа и Государственного музея изобразительных искусств

---

[6] «Панчатантра». М. 1958 (перевод и примечание А. Я. Сыркина); «Артхашастра, или наука политики». М.-Л. 1959 (подготовлен к печати В. И. Кальяновым); отдельные поэмы и эпизоды из древнеиндийского эпоса «Махабхарата». I—IV. Ашхабад. 1955—1958 (перевод с санскрита, введение, комментарии и словарь Б. Л. Смирнова); «Законы Ману». М. 1960 (перевод с санскрита и предисловие Г. Ф. Ильина).

[7] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Эпоха энеолита и бронзы. Баку. 1959.

[8] «История стран зарубежного Востока в средние века». М. 1957; В. А. Гордлевский. Государство сельджуков в Малой Азии. М. 1959 (посмертное издание в «Избранных произведениях» В. А. Гордлевского); К. А. Антонова. Английское завоевание Индии в XVIII в. М. 1958; Н. И. Семенова. Государство сикхов. М. 1958; Ю. В. Ганковский. Империя Дуррани. М. 1958; Д. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв. М.-Л. 1960; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.-Л. 1960; Г. И. Подпалова. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII в. М. 1960; К. З. Ашрафян. Делийский султанат. М. 1960.

[9] И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. М.-Л. 1957 (посмертное издание в IV томе его «Избранных произведений»).

[10] К. К. Флуг. История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. М.-Л. 1959; Ц. Дамдинсурэн. Исторические корни Гэсэриады. М. 1957; А. Е. Бертельс. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М. 1959; В. М. Штейн. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М. 1960; «Исследования по истории культуры народов Востока». Сборник в честь И. А. Орбели. М.-Л. 1960.

имени А. С. Пушкина [11]. Переводы этих текстов прежде у нас не появлялись. Известный специалист по сирийским текстам член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская издала в русском переводе с комментарием «Историю Мар Ябалиха Шаи раббам Саумы» (М. 1958). Вышли из печати также другие ценные научные публикации [12].

Среди законченных, но еще не опубликованных монографий представляют значительный интерес труды А. Я. Борисова «К истории неоплатонизма на Арабском Востоке» (теология Аристотеля); Е. Э. Бертельса «Суфизм и суфийская литература»; Е. И. Кычанова «Государство Сися»; А. А. Семенова «Аграрные отношения в Египте накануне турецкого завоевания»; В. М. Константинова «Оросияку суймудан» (издание и исследование японской рукописи XVIII века).

Работы советских востоковедов, посвященные изучению проблем древней и средневековой истории Востока, обогащают советскую историческую науку как конкретными материалами, так и выводами об общем и специфическом в проявлении основных закономерностей смены общественно-экономических формаций. Они служат также важным средством борьбы против буржуазных фальсификаторов, искажающих прошлое народов Востока, против тех буржуазных идеологов, которые пытаются на материале древности и средневековья «обосновать» извечность классового общества.

Советские ученые бережно относятся к наследию отечественных исследователей в области востоковедения. Осуществляется издание трудов крупных русских, а также советских востоковедов. Вышли в свет избранные произведения академиков И. Ю. Крачковского, В. А. Гордлевского, А. П. Баранникова, В. Б. Бартольда и др. Продолжается разработка истории русской ориенталистики [13].

Основное внимание советские востоковеды уделяют проблемам новой и новейшей истории народов Азии и Африки, вопросам общественных и прежде всего национально-освободительных движений. Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, советские ученые рассматривают народы этих континентов, как и народы всего мира, в качестве творцов исторического процесса.

В трудах советских востоковедов на основе изучения обширного фактического материала и глубокого научного анализа конкретных исторических событий разоблачаются измышления идеологов колониализма об «извечной отсталости» народов Азии и Африки, об их «неспособности» приобщиться к общечеловеческому прогрессу. Большой фактический материал, вводимый в научный оборот советскими исследователями, развенчивает миф о так называемой «цивилизаторской» миссии империализма в колониальных и зависимых странах.

За последние годы в СССР издан ряд монографий по проблемам новой истории стран Азии и Африки [14]. Среди них привлекает внимание кол-

---

[11] П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.-Л. 1959; его же. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.-Л. 1959.

[12] «Шара-Туджи» — монгольская летопись XVII века. М.-Л. 1957 (монгольский текст, перевод и примечания Н. П. Шастиной); Ким Бусик, Самкук Саги. М. 1959 (первое издание на европейском языке корейской рукописи, перевод и примечания М. Н. Пака); Гинассадин Али. Дневник похода Тимура в Индию. 1958 (перевод и примечание А. А. Семенова); три неизвестные [стихотворные] лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана экспедиции Васко да Гама в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. М.-Л. 1957 (перевод и комментарии Т. А. Шумовского).

[13] «Очерки по истории русского востоковедения». Вып. I, II, IV, V. М. 1953—1960.

[14] Г. В. Ефимов. Внешняя политика Китая. 1894—1899. М. 1958; Ю. А. Петросян. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М. 1958; Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.). М. 1959; П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М. 1959; «Новая история стран зарубежной Азии и Африки». Л. 1959; С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ю-вэй. М. 1959.

лективный труд «Очерки новой истории Японии» (ответственный редактор — А. Л. Гальперин) [15]. В этой работе особый интерес представляет трактовка так называемой революции Мэйдзи как незавершенной буржуазной революции.

Одной из важнейших особенностей советского востоковедения, наиболее ярко проявившейся после XX съезда КПСС, является решительный поворот к современности, анализ и исследование актуальных проблем исторического развития стран Востока. Большое внимание уделяется изучению современных процессов и закономерностей, связанных с подъемом национально-освободительных движений народов, появлением целого ряда новых государств в Азии и Африке.

Теоретическая разработка проблемы кризиса и распада колониальной системы имеет первостепенное значение для правильного понимания всей совокупности социально-политических процессов, которые происходят в странах Востока, для обобщения опыта и анализа закономерностей национально-освободительных движений народов Азии и Африки.

Как известно, начало кризису колониальной системы империализма положила Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую историческую эпоху — эпоху освобождения народов колониальных и зависимых стран и образования независимых, суверенных государств на Востоке. Всестороннему исследованию влияния Октября и идей марксизма-ленинизма на судьбы восточных народов посвящены специальные труды советских ученых. В сборнике «Великий Октябрь и народы Востока», вышедшем в 1957 г. (ответственный редактор — член-корреспондент АН СССР А. А. Губер), глубоко проанализировано воздействие победы социалистической революции в России на развитие национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран, раскрыто значение гениального предсказания В. И. Ленина, сделанного в 1922 г., о том, что «завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение» [16]. Это пророческое предвидение В. И. Ленина претворяется в жизнь в наши дни.

Освещению влияния ленинизма на пробуждение национального самосознания народных масс и на подъем освободительного движения в странах Востока посвящен сборник «Ленин и Восток» (ответственный редактор — член-корреспондент АН СССР Б. Г. Гафуров), изданный к 90-летию со дня рождения великого вождя и учителя трудящихся. В сборнике показано, какое огромное значение для освободительной борьбы народов Востока имеют коренные вопросы революционной теории, разработанные и развитые В. И. Лениным.

Следует отметить, что проблема кризиса и распада колониальной системы империализма является предметом специального исследования советских ученых. Не считая многочисленных книг по новейшей истории стран Востока, в которых эта проблема освещается и анализируется в различных аспектах, общему анализу распада колониальной системы империализма посвящено несколько трудов [17].

Исследование конкретных социально-экономических условий и особенностей каждой страны азиатского и африканского континентов, всесторонний анализ своеобразия развития национально-освободительного движения и классовой борьбы позволяют глубже понять и полнее раскрыть

---

[15] «Очерки новой истории Японии». М. 1958.

[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 559.

[17] В. Я. Аварин. Распад колониальной системы империализма. М. 1957; В. Я. Васильева. Распад колониальной системы империализма. М. 1958; С. Тюльпанов. Колониальная система империализма и ее распад. М. 1958; И. И. Потехин. Характерные черты распада колониальной системы империализма в Африке. «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.

многообразные специфические формы развития различных стран Азии и Африки в условиях распада колониальной системы империализма.

Перед советскими учеными стояла важнейшая задача творческого обобщения происходящих в социалистических странах Востока социально-экономических процессов, а также изучения их опыта революционной борьбы.

Коллектив специалистов по истории Китая выпустил капитальный труд «Очерки истории Китая в новейшее время»[18]. На базе достижений исторической науки в КНР и СССР авторы раскрывают путь к победе социалистической революции, пройденный 650-миллионным китайским народом под руководством Коммунистической партии Китая. В книге показаны историческое значение победы народной революции в Китае и громадные успехи братского китайского народа в строительстве социалистического общества. Этот труд подводит известный итог той большой исследовательской работе, которая ведется у нас по изучению истории и культуры Китая.

В последние годы появились работы, освещающие экономический строй и экономическое строительство в КНР[19], социалистические преобразования в китайской деревне[20], проблемы индустриализации, развития государственного сектора хозяйства[21] и другие аспекты переходного периода от капитализма к социализму.

Двухтомный труд Ф. И. Шабшиной[22] по новейшей истории Кореи посвящен анализу национально-освободительной борьбы корейского народа, его успехов в народно-демократическом строительстве.

Исследование борьбы народов МНР, КНДР и ДРВ, направленной на ликвидацию последствий господства колонизаторов, на уничтожение помещичьего землевладения и укрепление государственного социалистического сектора, занимающего теперь командные позиции в народном хозяйстве, было в центре внимания советских ученых, изучающих историю Монголии, Кореи и Вьетнама. В своих исследованиях они стремились показать проявление общих закономерностей и отразить специфику социалистических преобразований в этих странах[23].

Возникновение и укрепление мирового социалистического рынка принадлежит к числу важнейших факторов, содействующих экономическому прогрессу в народно-демократических государствах Востока. Проблемы сотрудничества и экономической взаимопомощи социалистических стран получили разработку в ряде трудов советских исследователей[24].

---

[18] «Очерки истории Китая в новейшее время». Редакционная коллегия: А. С. Перевертайло (ответственный редактор), В. И. Глунин, К. В. Кукушкин, В. Н. Никифоров. М. 1959.

[19] В. А. Масленников. Экономический строй КНР. М. 1958; Г. А. Ганшин. Экономика Китайской Народной Республики. М. 1958; Ю. Н. Капелинский. Развитие экономики и внешнеэкономических связей Китайской Народной Республики. М. 1959.

[20] В. А. Жамин. Социально-экономические преобразования в сельском хозяйстве Китайской Народной Республики. М. 1958; Н. А. Кокарев. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Китайской Народной Республики. М. 1958; А. Е. Каминский. Кооперирование сельского хозяйства Китая. М. 1959.

[21] Ю. И. Березина. Природные богатства Китая. М. 1958; С. А. Воеводин, А. М. Круглов. Социалистическое преобразование капиталистической промышленности и торговли в Китайской Народной Республике. М. 1959.

[22] Ф. И. Шабшина. Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.). М. 1959; ее же. Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.). М. 1958.

[23] С. К. Рощин. Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики. М. 1958; Г. С. Матвеева. Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Монгольской Народной Республики. М. 1960; А. Г. Мазаев. Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам. М. 1959; Л. Н. Каршинов. КНДР. Экономика и внешняя торговля. М. 1958.

[24] А. А. Нетрусов. Внешнеэкономические связи КНР. М. 1958; М. В. Мещеряков. Очерк экономического сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики. М. 1959; «Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки». М. 1958.

Глубоко изучаются пути развития других суверенных стран Востока, таких, как Индия, Индонезия, в частности особенности разложения в них феодализма и становления капиталистических отношений, изменения в аграрном строе, отличительные черты формирования рабочего класса и национальной буржуазии, зарождение и укрепление государственного капитализма и т. д. В странах Востока, не участвующих в империалистических блоках, наблюдаются серьезные успехи в различных отраслях народного хозяйства: проводится строительство ряда крупных предприятий при бескорыстной помощи стран социалистического лагеря, ведется борьба с пагубными последствиями колониализма в области хозяйства, культуры и быта. Советские ученые приступили к изучению этих важнейших проблем, составляющих основу социально-экономических процессов в слаборазвитых странах Азии и Африки.

«Новейшая история Индии» (ответственные редакторы — В. В. Балабушевич и А. М. Дьяков) освещает большой период жизни и борьбы народов Индии — от первой мировой войны до наших дней [25]. Этот труд советских индологов разоблачает ошибочные и извращенные представления о проблемах новейшей истории Индии, бытующие в апологетической и объективистской литературе буржуазных авторов. «Новейшая история Индии» — первое в советской и зарубежной литературе исследование, всесторонне освещающее историческую эпоху в жизни индийского народа.

Национально-освободительная борьба народов арабского Востока, образование ряда суверенных арабских государств, рост самосознания арабов нашли научное отражение в сборнике «Арабы в борьбе за независимость» (М. 1957).

Представляет интерес книга «Очерки новейшей истории Японии» (ответственный редактор — Х. Т. Эйдус) [26], в которой глубоко раскрыт процесс развития рабочего и коммунистического движения в стране, показана борьба рабочего класса и всех трудящихся за социальные и политические права, за демократизацию страны, за ликвидацию оккупационного режима и независимую мирную политику.

Советские ученые занимаются изучением проблем рабочего и национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. Опубликованные работы [27] раскрывают особенности формирования и борьбы рабочего класса этих стран, развития национально-освободительного движения.

Начато исследование изменений, происходящих в аграрном строе стран Востока. В частности, значительное внимание отводится конкретному анализу аграрных реформ, проводящихся в Индии, ОАР, Бирме и других странах Востока. В вышедших работах советских авторов [28] показано, что хотя эти реформы не могут удовлетворить чаяний всех слоев крестьянства, однако они ослабляют систему феодальной и полуфеодальной эксплуатации крестьянства и ускоряют капиталистическую эволюцию земледелия.

Важное значение для стран Востока имеют мероприятия, направлен-

[25] «Новейшая история Индии». М. 1959.

[26] «Очерки новейшей истории Японии». М. 1957.

[27] В. В. Балабушевич. О некоторых особенностях рабочего движения в странах Востока на современном этапе. «Проблемы востоковедения», 1959, № 2; М. Н. Егорова. О некоторых чертах рабочего движения в Индии. Там же, 1959, № 5; Ф. М. Ацамба. Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение (1914—1952 гг.). М. 1960; Л. Н. Котлов. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. М. 1958; Ф. И. Шабшина. Народное восстание 1919 года в Корее. М. 1958.

[28] «Аграрные отношения в странах Востока». М. 1958; Ш. М. Бади. Аграрные отношения в современном Иране. М. 1959; М. Ф. Гатауллин. Аграрные отношения в Сирии. М. 1957; А. Д. Новичев. Крестьянство Турции в новейшее время. М. 1959; Г. Г. Котовский. Аграрные реформы в Индии. М. 1959; В. А. Попов. Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны. М. 1959; П. П. Моисеев. Аграрные отношения в современной Турции. М. 1960.

ные на завоевание экономической независимости, в особенности начавшаяся индустриализация, которая проходит в условиях укрепления государственно-капиталистического сектора промышленности. Проведенная в начале 1958 г. в Институте востоковедения дискуссия на эту тему помогла выяснить роль и значение государственного капитализма в экономике стран Востока.

Появились публикации, касающиеся экономических процессов, происходящих в странах Юго-Восточной Азии [29].

Ряд общих трудов советских авторов посвящен современным проблемам Индонезии, Таиланда, Бирманского Союза, Египта, Судана, Ирана, Турции, Малайи и др. [30]. Началось изучение народного хозяйства стран Африки, ставших на путь независимого развития (Ганы, Гвинеи, Того, Судана и др.), а также процессов, обусловливающих особенности распада колониальной системы на этом континенте.

Наряду с изучением внутренних процессов продолжается исследование деятельности иностранного монополистического капитала, показ его грабительской роли в странах Азии и Африки, рост противоречий между развивающейся местной буржуазией и иностранным финансовым капиталом [31]. В этих работах разоблачаются псевдонаучные теории буржуазных ученых, стремящихся оправдать империалистический грабеж колоний и зависимых стран. Так, в последние годы идеологи империализма утверждают, что империалистические державы якобы инвестируют в слаборазвитые страны больше своих средств, чем извлекают оттуда прибылей. Этот вымысел создан для того, чтобы обелить политику империалистического грабежа.

Те же апологетические цели преследует так называемая «теория стадий», согласно которой все народы в своем развитии будто бы должны неизбежно проходить три стадии. Для первой стадии, говорят ее проповедники, характерна экономическая отсталость и вытекающая отсюда нищета населения, а на последней стадии якобы наступают экономическая зрелость и рост материального благополучия. Тот факт, что почти все страны Востока являются экономически отсталыми, по мнению этих «ученых», есть результат «естественного хода вещей».

Разоблачая подобные «теории», советские исследователи на основе изучения конкретных форм империалистического грабежа неопровержимо доказали, что экономическая отсталость большинства стран Азии и Африки есть результат их порабощения и эксплуатации со стороны нескольких развитых империалистических держав.

Ряд работ специально посвящен разоблачению агрессивной политики империализма США в Азии и Африке [32], анализу современного колониализма [33].

---

[29] См., например, «Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии». М. 1959.

[30] «Современный Иран». М. 1957; «Бирманский Союз». М. 1958; «Современная Сирия». М. 1958; «Современная Турция». М. 1958; «Современный Таиланд». М. 1958; «Южная Корея». М. 1959; В. С. Руднев. Очерки новейшей истории Малайи (1918—1957 гг.). М. 1959; А. Ф. Султанов. Положение египетского крестьянства перед земельной реформой 1952 г. М. 1958; В. И. Киселев. Путь Судана к независимости. М. 1958; Н. С. Луцкая. Марокко вновь обретает независимость. М. 1958; Н. А. Иванов. Современный Тунис. М. 1959; В. А. Вальков. Индонезия на пути независимого развития. М. 1960.

[31] С. М. Мельман. Иностранный монополистический капитал в экономике Индии. М. 1959; Л. И. Рейснер. Иностранный и национальный капитал в промышленности Индии (1947—1957). М. 1959.

[32] Б. Бухаров. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953 гг.). М. 1958; его же. Вопросы дальневосточной политики США. М. 1959; И. П. Беляев. Американский империализм в Саудовской Аравии. М. 1957; В. Мартынов. Конго под гнетом империализма. М. 1959; Б. Г. Гафуров. Колониальная политика США в странах Азии и Африки под маской экономической помощи. «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.

[33] И. М. Лемин. Экономическое содержание современного колониализма. «Про-

Советские ученые начали больше заниматься вопросами внешней политики стран Востока [34].

Одной из особенностей в развитии советской исторической науки за последние годы является возросший интерес к истории общественно-политической мысли народов Азии и Африки. Советские ученые успешно преодолевают имевшиеся прежде ошибочные взгляды на роль национальной буржуазии и ее идеологии в освободительной борьбе народов Востока.

Появился ряд трудов, выясняющих роль буржуазно-националистической идеологии в национально-освободительном движении народов Индии. Как в упоминавшейся «Новейшей истории Индии», так и в сборнике «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака» (М. 1958) и некоторых других работах освещаются зарождение, развитие и конкретно-историческое значение буржуазно-националистической идеологии в Индии.

В настоящее время большой коллектив научных сотрудников Института востоковедения совместно с сотрудниками Института философии АН СССР приступил к подготовке обобщающего труда «Идеологии современного национально-освободительного движения в странах Востока», в котором будут освещены характерные черты идеологических течений в странах Востока в связи с их борьбой за национальную независимость.

Достигнутые советскими востоковедами и африканистами успехи определяются неустанной заботой коммунистической партии и советского правительства о развитии науки. В области ориенталистики работает ряд научных учреждений. За последние годы подготовлены многочисленные кадры специалистов по странам Азии и Африки. В Москве имеются институты востоковедения, китаеведения, недавно созданный Институт Африки Академии наук СССР. Проблемами Азии и Африки занимаются также институты мировой экономики и международных отношений, этнографии и истории АН СССР, Институт восточных языков при Московском государственном университете. Крупным центром советской ориенталистики является Ленинград, где находятся отделение Института востоковедения и специальные кафедры при университете. Значительный вклад в развитие отечественной ориенталистики вносят сотрудники институтов востоковедения академий наук Азербайджанской и Узбекской ССР, Тбилисского и Среднеазиатского университетов, ученые Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении. В нашей стране нет научной периферии. Достаточно сказать, что капитальный труд — четырехтомный перевод с санскрита поэм из древнеиндийского эпоса «Махабхарата» был осуществлен ученым из Ашхабада Б. Л. Смирновым. Крупным событием в науке было издание в Ташкенте переводов «Бабур-наме», подготовленных С. Азимджановой, М. Салье и В. Е. Кайдаловым [35]. Ученые советских союзных республик создали обобщающие труды по истории народов Средней Азии и Закавказья [36]. Капитальные монографии по вопросам истории, экономики, культуры и языков народов Средней Азии и Закавказья, подготовленные исследователями этих научных центров, несомненно, обратят на себя внимание научной общественности.

Отмечая успехи советской науки по изучению истории стран Азии

блемы востоковедения», 1959, № 4; его же. Политическое содержание современного колониализма. «Проблемы востоковедения», 1960, № 1.

[34] Д. И. Гольдберг. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 гг.). М. 1959; В. П. Нихамин. Очерки внешней политики Индии (1947—1957). М. 1959.

[35] «Бабур-наме». Записки Бабура. Ответственный редактор С. А. Азимджанова. Перевод М. Салье. Иллюстрации В. Е. Кайдалова. Ташкент. 1958.

[36] «История Азербайджана». Т. 1. Баку. 1958; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Т. 1. М. 1955; «История Туркменской ССР» Тт. 1, 2. Ашхабад. 1957; «История Узбекской ССР». Тт. 1, 2. Ташкент. 1955—1957; «История Казахской ССР». Алма-Ата. Тт. 1, 2. 1957—1959.

и Африки, тем не менее надо признать, что многие важные проблемы истории и экономики стран Азии и Африки еще ждут своего решения. Мало создано обобщающих фундаментальных трудов, решающих такие важнейшие проблемы, как соотношение классовых сил в этих странах на современном этапе, роль рабочих партий в период кризиса и распада колониальной системы империализма, вопросы внешней политики, складывание наций и т. д.

Советские африканисты проделали уже известную работу по изучению стран африканского континента. С созданием Института Африки будет преодолено известное отставание этого участка советской науки.

Новые задачи встают перед советскими востоковедами и африканистами в связи с постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», которое призывает советских ученых творчески разрабатывать коренные теоретические проблемы современности. Советские ученые должны создать фундаментальные научные труды о кризисе и распаде колониальной системы империализма и развитии национально-освободительного движения в Азии и Африке.

Предстоящий XXV Международный конгресс ориенталистов советские ученые рассматривают как авторитетный форум, на котором возможен широкий научный обмен мнениями с зарубежными учеными. Советские востоковеды выражают надежду, что конгресс будет способствовать развитию контактов и укреплению международных научных связей.

СТАТЬИ

ПОЗИЦИЯ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ США И АНГЛИИ В ОТНОШЕНИИ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

(К историографии вопроса)

Б. И. Марушкин

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну. Рассчитывая молниеносно закончить войну, фашисты бросили против СССР свои главные силы. Однако их планы провалились. Борьба советского народа коренным образом изменила ход второй мировой войны в пользу антифашистских, демократических сил. Советская Армия не только сдержала напор фашистских полчищ, но и нанесла им решительное поражение.

В годы войны был создан союз свободолюбивых народов, антифашистская коалиция, что сыграло чрезвычайно важную роль в деле победы над германскими и японскими агрессорами и их союзниками.

Советские люди высоко ценят вклад народов стран антигитлеровской коалиции в дело разгрома германского фашизма.

Советская литература о второй мировой войне весьма значительна. Только за последние годы в СССР был опубликован ряд работ по истории последнего мирового конфликта [1]. Крупную услугу исторической науке оказали двухтомная публикация «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны» (Госполитиздат, 1957), а также сборник документов и материалов «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.» (Госполитиздат. 1959).

Советская историография объективно освещает события второй мировой войны. Она по достоинству оценивает труды зарубежных авторов, правдиво трактующих эту проблему. Вместе с тем мы не можем проходить мимо измышлений буржуазных фальсификаторов, умаляющих решающую роль Советского Союза в победе над гитлеризмом.

Реакционные буржуазные историки США и Великобритании отступают от истины, да и от своих прежних взглядов в освещении второй мировой войны. Этого факта некоторые из них, собственно, не скрывают. «Техника написания истории значительно изменилась за последнее время,— констатирует профессор Калифорнийского университета Дж. Хикс.— Историку совсем не нужно притворяться в своих работах в какой-то степени беспристрастным» [2].

---

[1] «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. Под общей редакцией генерал-лейтенанта С. П. Платонова (ответственный редактор), генерал-майора Н. Г. Павленко и полковника И. В. Паротькина. М. 1958; Г. А. Деборин. Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М. 1958; А. И. Еременко. Против фальсификации истории второй мировой войны. М. 1958; В. А. Секистов. «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря. М. 1958; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. М. 1959. и др.

[2] «American Historical Review». Vol. LXIII, № 1, October 1957, pp. 156—157.

Если в годы войны в США и Англии вышел ряд работ, в которых до известной степени объективно было показано значение СССР как союзника [3], то в послевоенный период самый факт участия США и Великобритании совместно с СССР в антигитлеровской коалиции подвергся ожесточенным нападкам реакции [4]. «Было бы намного лучше просто позволить русским и немцам истреблять друг друга» [5],— цинично писал реакционный американский публицист С. Гриффитс.

Особое неудовольствие реакционной буржуазной историографии в США и Англии вызывает рост и усиление мощи и авторитета Советского государства в послевоенный период. Реакционные историки пытаются замолчать огромные преимущества социалистического строя, обеспечившего небывалые достижения Советской страны. В соответствии со своим субъективистским методом они пытаются объяснить успехи СССР... ошибками американской и английской внешней политики. «Главная ошибка», по словам реакционных буржуазных историков, заключалась в том, что руководители США в период войны, якобы имея стремление достичь скорейшей военной победы, отодвигали политико-стратегические вопросы на второй план. «Мы стремились к победе,— утверждает Х. Болдуин,— но мы забыли, что войны должны иметь политические цели» [6].

Смысл концепции реакционной буржуазной историографии сводится к следующему: вступив во вторую мировую войну, США нарушили «баланс сил» в Европе и Азии. Бросив свой вес в войне на сторону союзников по антигитлеровской коалиции, они «лишили» Германию возможности обескровить и ослабить СССР. «Было бы значительно более осмотрительно в годы, предшествовавшие войне,— сокрушается Д. Кеннан,— вести политику так, чтобы столкнуть Германию и СССР с тем, чтобы они истощили друг друга» [7]. Выступая с подобными утверждениями, реакционные буржуазные историки пытаются тем самым преувеличить роль США и Англии в разгроме гитлеровской Германии, умалить и извратить роль Советского Союза во второй мировой войне, принизить значение его борьбы в деле разгрома фашистских агрессоров.

Для обоснования своей фальсификаторской концепции американская и английская буржуазная историография особое внимание уделяет первым, самым трудным для СССР месяцам войны, когда Советский Союз, по сути дела, один на один боролся с гитлеровской военной машиной, оправшейся на промышленный потенциал всей континентальной Европы. Конечно, это делается не для объективной оценки исторического подвига советского народа. Акцентируя внимание на событиях, связанных с гитлеровским нападением на СССР, и в особенности на заявлениях британского и американского правительств в июне 1941 г., англо-американские реакционные историки пытаются доказать, что, мол, не Советский Союз ценой огромных жертв и усилий спас мир от угрозы фашистского порабощения, а Великобритания и США своей «великодушной» поддержкой «спасли» СССР в критический для него период и тем самым изменили весь ход второй мировой войны.

Версия о «спасении» СССР западными державами в июне 1941 г. была выдвинута У. Черчиллем. В шеститомной «Истории второй мировой войны» бывший английский премьер-министр пишет: «Ни в коей мере не оспаривая вывод, подтверждаемый историей, что русское сопротивление сломило мощь германских армий и нанесло смертельный удар жизненной энергии германской нации, будет правильным ясно заявить, что

[3] J. Davies. Mission to Moscow. New York. 1941; W. and Z. Coates. A. History of Anglo-Soviet Relations. London. 1945.

[4] J. Deane. The Strange Alliance... New York. 1946; W. Standley, A. Ageton. Admiral Ambassador to Russia. Chicago. 1955.

[5] S. Griffits. Lying in State. New York. 1952, p. 157.

[6] H. Baldwin. Churchill was right. The Atlantic Monthly. July 1954, p. 27.

[7] G. Kennan. American Diplomacy 1900—1950. Chicago. 1952, pp. 75—77.

в течение более чем года после вовлечения России в войну она представлялась нам более как бремя, чем как помощник» (разрядка моя.— *Б. М.*). И далее: «Вступление России в войну можно было приветствовать, но оно не принесло нам немедленной пользы»[8]. У. Черчилль стремится представить дело так, будто бы с первого же дня после нападения фашистской Германии на Советский Союз правящие круги Англии и США бескорыстно протянули СССР руку помощи. По этому поводу он заявляет: вступление СССР в войну «принудило нас пойти на исключительно тяжелые жертвы и оказывать Советскому Союзу большую помощь»[9].

Еще более определенно высказывается реакционная американская историография. В книге Г. Фейса о международных отношениях периода второй мировой войны говорится: «Английское и американское правительства решили: кто старое помянет — тому глаз вон — и бросились спасать СССР»[10].

Политические выводы, которые делает империалистическая пропаганда из такой интерпретации истории, заслуживают того, чтобы на них остановиться подробнее. Это не только вновь выдвигаемые в завуалированной форме претензии на решающую роль США и Англии в прошлой войне, но и, ни много ни мало, попытка реабилитировать политику развязывания фашистской агрессии накануне второй мировой войны. «Великодушие», будто бы проявленное ими летом 1941 г., должно, по расчетам реакционных историков, заставить забыть тот факт, что гитлеровская военная машина, брошенная на Восток, создавалась при деятельном участии американских и английских монополий, забыть, что гитлеровская агрессия поощрялась англо-американскими «умиротворителями». При этом делается попытка возложить на СССР ответственность за срыв послевоенного сотрудничества и тем самым внушить простым людям мысль о невозможности его возобновления впредь.

Иными словами, реакционная буржуазная историография пытается «исторически» обосновать авантюристическую политику «холодной войны», оправдать безудержную гонку вооружений. В этих условиях разоблачение фальсификации истории и восстановление исторической истины становятся особо настоятельными. Лучшим средством для достижения данной цели является обращение к подлинным фактам и событиям того времени.

Какова была военно-политическая обстановка в мире накануне нападения фашистской Германии на СССР?

В мае — июне 1941 г. казалось, что гитлеровцы были ближе, чем когда-либо, к осуществлению своих военно-стратегических планов. Западная Европа была оккупирована. Германские подводные лодки дезорганизовали жизненно важную для Англии систему морских коммуникаций. Фашистское продвижение в Ливии и на Балканах открывало возможность для захвата Ближнего Востока. Гитлеровцы стояли у порога Британии. Английские города подвергались непрерывным налетам авиации. Никогда со времен наполеоновских войн угроза Англии не была столь реальной.

В сложном положении находились и Соединенные Штаты Америки. Правда, США были в более благоприятных условиях по сравнению с Великобританией. Но все новые и новые симптомы указывали на нараставшую опасность, надвигавшуюся и на США. В течение ряда лет накануне второй мировой войны и во время ее США вели политику натравливания одних государств на другие с целью их ослабления и укрепле-

---

[8] W. Churchill. The Second World War. Vol. III. The Great Coalition. Boston. 1950, pp. 350, 352.

[9] Там же, стр. 351.

[10] H. Feis. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton. 1957, p. 6.

ния мировых позиций американских монополий. Эта задача нередко решалась за счет американских союзников.

Но к лету 1941 г. политика «загребания жара чужими руками», основанная на поддержании «баланса сил» между двумя боровшимися империалистическими группировками держав, поставила под угрозу и Соединенные Штаты. «Баланс» в пользу держав фашистского блока начал круто изменяться еще в 1940 г., после разгрома Франции. Летом 1941 г. Англия, как отмечалось, находилась в критическом положении. Таким образом, вместо перспективы взаимного истощения воевавших сторон вырисовывалась весьма нежелательная для США перспектива чрезмерного усиления Германии. Более того, в этот период резко обострились отношения Соединенных Штатов с другим опасным конкурентом — милитаристской Японией.

Вступление Советского Союза в борьбу против гитлеровской агрессии явилось коренным поворотом в ходе войны, до того развивавшейся благоприятно для Германии. С самого начала советско-германский фронт приковал к себе основные силы фашистской армии. В июне 1941 г. гитлеровцы бросили против СССР 152 дивизии и 2 бригады, то есть более 70% своих сухопутных войск. Кроме того, в нападении на Советский Союз участвовало около сорока дивизий гитлеровских сателлитов. Все это не могло не сказаться решающим образом на положении других фронтов второй мировой войны. Ряд государственных деятелей США в то время правильно оценивал создавшееся положение. Так, государственный секретарь США К. Хэлл признавал: «Вступление Советского Союза в войну возродило в нас надежду на то, что гитлеризм будет побежден» [11]. В конфиденциальном письме адмиралу У. Леги 26 июня 1941 г. Ф. Рузвельт отмечал, что участие СССР в войне «будет означать освобождение Европы от нацистского ига» [12].

Характерно, что приведенное выше утверждение Черчилля о «бесполезности» для Англии борьбы СССР с фашистской Германией резко противоречит его заявлениям военного времени, когда британскому премьеру было трудно игнорировать реальное положение дел. В послании У. Черчилля И. В. Сталину от 8 июля 1941 г. отмечалось: «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение» [13]. 26 июля британский премьер писал: «Мы наблюдаем с восхищением и волнением за всей замечательной борьбой Ваших армий. Все сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают на тяжелые потери и тревогу противника» [14].

Британские военные круги считали, что предполагавшееся вторжение против Соединенного королевства было отложено ввиду того, что «большинство германских военно-воздушных сил и армейских группировок было занято на Востоке» [15]. По мнению штаба американской армии, развернувшиеся на советско-германском фронте боевые операции ликвиди-

---

[11] C. Hull. The Memoirs. Vol. II. New York, 1948, p. 973.

[12] W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War. New York. 1953, p. 544.

[13] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны» (в дальнейшем «Переписка...»). Т. I, стр. 9.

[14] Там же, стр. 14. См. послание У. Черчилля от 21 июля 1941 г. (там же, стр. 11), а также W. Churchill. Указ. соч., стр. 351. Интересно отметить, что, когда в августе 1941 г. британский посол в США лорд Галифакс спросил Черчилля, существует ли еще опасность вторжения, последний пожал плечами и добавил: «Я думаю, что теперь это может только вылиться в двухнедельную неприятность» (Earle of Halifax. Fulness of Daus. London. 1957, p. 284).

[15] R. Sherwood. The White House Papers of H. Hopkins. London. 1949, p. 305.

ровали прямую угрозу вторжения на Британские острова [16]. Показательны также оценки вступления СССР в войну научной общественностью западных держав. Например, английский буржуазный историк К. Мидлтон в работе «Англия и Россия» пишет: «Изменение отношения Англии к Советской России после июня 1941 г. вызывает изумление. Правые аплодировали; энтузиазм левых не имел границ... Рост прорусских настроений в начале 1914 г. не выдерживает никакого сравнения с этими выражениями чувств». Касаясь причин роста симпатии к СССР, автор отмечает: «Британцы имели самые конкретные основания благословлять Красную Армию. После гитлеровского нападения на Советский Союз воздушные налеты на наши города фактически прекратились и опасность вторжения исчезла» [17].

Советско-германский фронт имел решающее значение на всем протяжении войны. Так, в летней кампании 1943 г. из 294 дивизий, имевшихся в составе сухопутных войск фашистской Германии, 196 дивизий были сосредоточены на советско-германском фронте. Всего же, с учетом войск гитлеровских союзников, в это время Советской Армии противостояло свыше 250 дивизий. На завершающем этапе войны, в начале 1945 г., из 313 дивизий и 32 бригад, которыми располагало гитлеровское командование, на советско-германском фронте действовали 185 дивизий и 21 бригада. Между тем на Западном фронте и в Италии в это время находилось только 108 дивизий и 7 бригад [18]. Остальные немецко-фашистские войска несли охранную службу в оккупированных ими странах.

Согласно документам германского генерального штаба, с 22 июня 1941 г. по 30 июня 1943 г., то есть за первые два года войны с Советским Союзом, гитлеровские силы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести на советско-германском фронте 4 126 тыс. чел., а с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1944 г.— 2 400 тыс. человек. Таким образом, за три года войны с СССР немецко-фашистская армия потеряла более 6,5 млн. чел., что составило четыре пятых всех потерь, понесенных ею во второй мировой войне [19].

Следует учитывать и тот факт, что Советский Союз, ведя напряженную борьбу с гитлеровской военной машиной, в то же время сковывал огромную японскую армию в Маньчжурии.

Так обстоит дело с вопросом о действительном значении для западных держав вступления СССР во вторую мировую войну.

Англо-американские реакционные историки, всячески искажая подлинные исторические факты, пытаются представить дело таким образом, что политика Вашингтона и Лондона в отношении СССР с самого начала определялась «великодушием», «искренним» стремлением протянуть ему руку помощи. «Когда фашисты вторглись в Россию, Британия и Соединенные Штаты,— указывается, например, в коллективном труде реакционных американских историков и социологов «Советская мощь и политика»,— обняли Кремль как подлинного союзника» [20]. В подтверждение этого тезиса приводятся заявления английского и американского правительств в июне 1941 г. о солидарности их стран с СССР в его борьбе против гитлеризма. Но было бы лучше, если бы авторы вышеуказанной книги изучили подлинные дела реакционных монополистических кругов Англии и США, которые, к сожалению, говорят об ином.

Известно, что народные массы Великобритании и Соединенных Штатов с глубоким сочувствием относились к героической борьбе советского

[16] М. Мэтлофф, Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне. 1941—1942 гг. М. 1955, стр. 73.

[17] K. Middleton. Britain and Russia. London. 1947, p. 179.

[18] Маршал Советского Союза А. Гречко. Незабываемый подвиг советского народа. «Правда», 9 мая 1959 года.

[19] «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.», стр. 840.

[20] G. de Huszar. Soviet Power and Policy. New York. 1955, p. 15.

народа и настойчиво требовали от своих правительств объединения сил с СССР в войне против общего врага. На следующий день после гитлеровского нападения на Советский Союз в Лондоне состоялся многотысячный митинг, участники которого требовали от английского правительства полной поддержки СССР. В крупнейших американских городах — Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Детройте, Вашингтоне, Филадельфии — также проходили митинги, демонстрации, собрания, на которых широкие круги населения выражали свою солидарность с героическим советским народом и требовали сотрудничества с СССР. Таково было отношение простых людей к событиям, развернувшимся на востоке Европы.

Но позиция реакционных кругов США и Великобритании была далека от позиции народов этих стран.

Даже накануне нападения гитлеровской Германии на СССР эти круги упорно продолжали придерживаться своей обанкротившейся антисоветской политики. Особенно «твердолобую» позицию занимали некоторые деятели в Соединенных Штатах. В телеграмме от 14 июня 1941 г. американским посольствам в Лондоне и Москве госдепартамент следующим образом сформулировал политику Вашингтона: «Мы не намерены делать каких-либо предложений о переговорах правительству Советского Союза». Если Советское правительство «обратится к нам с такими предложениями, мы отнесемся к ним сдержанно... Если Советская Россия с целью улучшения советско-американских отношений предложит сделать уступки, мы должны отказаться» [21]. Бескомпромиссная программа, изложенная в этом документе, поддерживалась американским послом в Москве Штейнгардтом, который в своих донесениях убеждал Вашингтон, что только «твердая» политика может иметь успех в Москве [22]. И этот политический курс рекомендовался в то время, когда американское правительство в оценках международного положения исходило из неизбежности советско-германской войны в ближайшее время [23].

В меморандуме госдепартамента от 21 июня констатировалось: «Мы должны твердо придерживаться линии, что факт вступления Советского Союза в войну с Германией не означает, что он защищает, борется или придерживается наших принципов в международных отношениях». Поэтому Советский Союз, говорилось в меморандуме, может рассчитывать лишь на некоторое смягчение «ограничений на экспорт», да и то если это будет соответствовать интересам «взаимной выгоды» [24] (читай: выгоды американских монополий).

Однако после гитлеровского нападения на СССР наиболее дальновидные буржуазные деятели Запада не могли не учитывать огромного значения борьбы СССР против фашистских захватчиков для государственной безопасности Великобритании и США. Это публично признал У. Черчилль 22 июня, заявив, что Гитлер «стремится уничтожить русскую мощь, так как он надеется, что в случае успеха он будет в состоянии перебросить с Востока основные силы своей армии и авиации и направить их против нашего острова» [25]. Об этом же президент США писал президенту Бразилии [26].

Учет реального военно-политического положения заставил Лондон и Вашингтон пересмотреть свою тактику в отношении Советского Союза. Без решающей помощи СССР у Англии и США не оставалось надежд на успех в борьбе с Германией.

---

[21] C. Hull. Указ. соч., стр. 972—974; W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 530.

[22] Телеграмма Штейнгардта от 17 июня 1941 года (W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 530).

[23] C. Hull. Указ. соч., стр. 967.

[24] W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 531.

[25] W. Churchill. Указ. соч., стр. 331—333.

[26] W. Langer, S. Gleason, Указ. соч., стр. 580—581.

В Лондоне считали, констатируется в одной из новых американских работ по истории второй мировой войны, что в тот момент «было не время задавать вопросы и ставить условия» ввиду «огромной опасности, которая нависла над Британией: смерть с воздуха, голод, вторжение и возможный распад всей ее империи» [27]. Таким образом, собственные интересы, а вовсе не мнимое великодушие лежали в основе политики английского и американского правительств. В то же время при создавшейся ситуации правящие круги США и Великобритании не могли игнорировать настроений подавляющего большинства английского и американского народов в пользу сотрудничества с СССР. Они чувствовали жизненную необходимость такого сотрудничества и с чисто военной стороны.

Таковы были подлинные мотивы заявлений правительств Великобритании и Соединенных Штатов в июне 1941 г. о солидарности их стран с СССР и так складывалась обстановка, которая привела к оформлению антигитлеровской коалиции.

Но и после указанных выше заявлений влиятельные реакционные круги в Америке и Англии пытались противодействовать исторической необходимости объединения всех миролюбивых сил против фашистской агрессии.

Мнение этих групп в Соединенных Штатах выразили в своих выступлениях Г. Гувер и Г. Трумэн. «Поскольку СССР и Германия сцепились в смертельной схватке,— говорил Г. Гувер,— государственная мудрость требует от США остаться посторонним наблюдателем, но вооруженным до зубов» [28]. Влияние реакционных сил США и Великобритании сказывалось на всем протяжении войны.

Наиболее наглядно стратегия правящих кругов западных держав проявилась в вопросе об оказании реальной поддержки СССР в его борьбе против общего врага. Англо-американская буржуазная историография затратила немало усилий, чтобы возвеличить роль Великобритании и США в оказании помощи Советскому Союзу. «С первого же момента,— пишет У. Черчилль,— я делал все, что мог, с тем, чтобы помочь (СССР.— *Б. М.*) вооружением и поставками необходимых товаров» [29]. С этим заявлением солидаризируется американский буржуазный историк Г. Фейс, добавляя, что правительство США также предпринимало энергичные шаги, чтобы «доставить оружие борющимся русским» [30]. Насколько эти утверждения не соответствуют действительности, будет показано ниже.

Как уже отмечалось, английское и американское правительства официально объявили о своей готовности оказать поддержку СССР. 22 июня У. Черчилль говорил: «Мы окажем всевозможную помощь России и русскому народу». Это обязательство было подтверждено министром иностранных дел А. Иденом в парламенте 24 июня [31] и в его выступлении 5 июля в Лидсе [32]. 12 июля 1941 г. было достигнуто англо-советское соглашение о совместных действиях, по которому правительство Великобритании обязалось оказывать СССР на основе взаимности «помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии» [33].

---

[27] H. Feis. Указ. соч., стр. 9.

[28] Цит. по W. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York. 1952, p. 401. С аналогичными заявлениями выступил ряд других реакционных политических деятелей США: сенаторы Б. Кларк, Р. Тафт, конгрессмены Ф. Смит, Г. Фиш и др. («New York Times» 24 и 29 июня 1941 года).

[29] W. Churchill. Указ. соч., стр. 345.

[30] H. Feis. Указ. соч., стр. 8, 11.

[31] A. Eden. Freedom and Order. London. 1947, p. 112.

[32] «Times», 7 июля 1941 года.

[33] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I. М. 1946, стр. 131. Обещания помощи СССР содержатся также во многих посланиях У. Черчилля И. В. Сталину (см. «Переписка...»)

Подобные же обязательства были взяты США. «Правительство Соединенных Штатов решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии» [34],— указывалось в ноте исполняющего обязанности государственного секретаря С. Уэллеса советскому послу К. А. Уманскому.

Это было сделано прежде всего в интересах самосохранения. «Поскольку Германия была общим врагом,— признает американский буржуазный историк Е. Геррант,— в наших интересах, так же как и в их интересах (то есть СССР.— *Б. М.*), было добиться сокрушения нацистов» [35]. Выступая с заявлениями о поддержке СССР, правящие круги Соединенных Штатов Америки и Великобритании рассчитывали в конечном счете выиграть время для наращивания собственных сил [36]. Небезынтересна в этом отношении запись в дневнике тогдашнего министра внутренних дел США Г. Икеса. Раскрывая смысл американской помощи, он писал: «Соединенным Штатам выгодно помогать Англии и СССР, так как, если эти страны смогут разгромить Гитлера, мы в неизмеримой мере выиграем в отношении людских потерь и материальных затрат» [37].

Но вернемся к официальным декларациям британского и американского правительств и посмотрим, что последовало за ними.

24 июня министр иностранных дел Великобритании А. Иден информировал парламент о том, что Советское правительство приняло предложение о посылке английской экономической и военной миссии в Москву. По словам Идена, правительство СССР «ясно заявило нам, что в период открывающегося военного сотрудничества помощь будет оказываться на взаимной основе» [38]. В конце июня 1941 г. британская миссия, возглавляемая генералом М. Макфарланом, прибыла в Москву. Одновременно в Лондон вылетела советская миссия во главе с генералом Ф. И. Голиковым. 8 июля, то есть спустя более полумесяца после своего обещания оказать СССР «всевозможную помощь», У. Черчилль писал И. В. Сталину: «Мы сделаем все, чтобы помочь Вам, поскольку это позволяет время, географические условия и наши растущие ресурсы» [39].

Пока шли переговоры, Советский Союз один на один, без какой-либо помощи Англии и США, вел тяжелые бои с общим противником. 18 июля 1941 г. И. В. Сталин писал У. Черчиллю: «Может быть, нелишне будет сообщить Вам, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным». В связи с этим И. В. Сталин отмечал, что «военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)». «Легче всего создать такой фронт именно теперь,— указывалось в послании,— когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции» [40]. 3 сентября предложение об открытии второго фронта было повторено советской стороной ввиду ухудшения положения на советско-германском фронте. Пользуясь бездействием союзников СССР на Западе, гитлеровцы перебросили на Восток свыше 30 пехотных дивизий и большое количество танков и самолетов [41].

Каков же был ответ Лондона? Английское правительство продол-

---

[34] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 141.
[35] E. Guerrant. Modern American Diplomacy. New York. 1954, p. 202.
[36] W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 563.
[37] «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. III. New York 1954, p. 595.
[38] «Правда», 26 июня 1941 г.; A. Eden. Указ. соч., стр. 112.
[39] «Переписка...». Т. I, стр. 9.
[40] Там же, стр. 10—11.
[41] Там же, стр. 18—20.

жало отделываться одними обещаниями. 8 июля премьер-министр У. Черчилль писал И. В. Сталину: «По моему желанию Адмиралтейство подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике, после чего, я надеюсь, будет установлен контакт между британскими и русскими военно-морскими силами» [42]. В письме же к первому лорду Адмиралтейства от 10 июля У. Черчилль упоминал лишь об операции «небольшого смешанного соединения кораблей военно-морского флота», рассчитанной скорее на психологический эффект, а не на действительную поддержку СССР. В этом же письме, частично раскрывая свои планы, У. Черчилль констатировал: «Преимущества, которые мы получим», если СССР будет один продолжать бороться, «неизмеримы» [43].

Неопределенным был ответ Лондона и на другое послание И. В. Сталина (от 3 сентября) [44]. Позднее У. Черчилль сделал следующее знаменательное признание: «Я хорошо знал, что в ранний период нашего союза, мы мало что могли сделать, и я старался заполнить пустоту любезностями» [45] (разрядка моя.— *Б. М.*). Именно в этом свете и следует рассматривать британскую политику в отношении СССР в тот период. Правительство Соединенных Штатов следовало такой же тактике оттяжек и задержек в реализации собственных обязательств. Комментируя позицию американского правительства, бывший министр внутренних дел США Г. Икес записал в своем дневнике: «Конечно, как само собой разумеется, мы не помогаем России...» [46].

Характерно, что нападение Германии на Советский Союз не привело к немедленному распространению ленд-лиза на СССР [47], хотя закон о ленд-лизе, принятый 11 марта 1941 г., предусматривал, что помощь будет оказываться всем государствам, оборона которых «против агрессии жизненно важна для обороны США». Все первоначальные поставки в нашу страну были невелики и производились за наличный расчет в соответствии с американо-советским торговым соглашением 1937 года. О том, сколь «бескорыстны» были мотивы этой помощи, свидетельствует все тот же секретный дневник Г. Икеса. Делая запись об одном из заседаний американского правительства, где «зашел разговор о золотых запасах, которыми располагают русские», автор дневника замечает: «...По-видимому, мы стремимся к тому, чтобы русские передавали нам свое золото в уплату за поставки, пока их золотой запас не будет исчерпан. Тогда мы и применим закон о ленд-лизе к России» [48]. Думается, что подобное признание не нуждается в комментариях.

29 июня в Москве начались переговоры между представителями Советского правительства и послом США Штейнгардтом. 30 июня, судя по американским документам, госдепартамент получил список требующихся СССР военных материалов [49].

Что же последовало за этим? Необычайно длительная бюрократическая волокита: вначале С. Уэллес заявил, что требуется подробное изучение советского списка, затем был создан специальный комитет из представителей различных инстанций, который должен был заняться вопросом о поставках СССР. 7 июля исполняющий обязанности государственного секретаря предложил, чтобы американское оборудование обменивалось на советские сырьевые материалы, необходимые США [50]. 10 июля было

---

[42] Там же, стр. 9.
[43] W. Churchill. Указ. соч., стр. 341.
[44] «Переписка...» Т. I, стр. 20—21.
[45] W. Churchill. Указ. соч., стр. 345.
[46] «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. III. pp. 549—550.
[47] Действие ленд-лиза было распространено на СССР 7 ноября 1941 года.
[48] «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. III, p. 620.
[49] Телеграммы Штейнгардта от 29 и 30 июня 1941 г. (W. Langer, S. Gleason. Указ соч., стр. 545).
[50] Там же.

заявлено, что вопрос о поставках требует предварительного согласования с Англией, поскольку материалы, выделяемые США, «должны использоваться в тех именно местах, которые с военной точки зрения являются наиболее целесообразными» [51] (как будто с военной точки зрения советско-германский фронт не был важнейшим фронтом второй мировой войны!). «Советский список (необходимых материалов.— *Б. М.*),— признают американские буржуазные историки,— переходил из одного учреждения в другое. Каждое из них рассматривало советские потребности с точки зрения своих возможностей и почти неизменно отвергало их». Первоначальное решение американских властей предоставить СССР кредит «как обычно» встретило препятствие, касающееся условий обеспечения кредита. Такое «обеспечение» могло совершаться «лишь в форме получения (из СССР.— *Б. М.*) сырья», но оказалось, что Соединенные Штаты в нем «не нуждаются» [52].

18 июля вопрос о поставках обсуждался американским правительством. Во время обсуждения С. Уэллес заявил, что он может рекомендовать «только очень скромные, если не сказать незначительные, поставки Советам на период не более чем одного года» [53]. 21 июля правительство США приняло решение — часть предполагаемых поставок (в основном машинное оборудование) отправить до 1 октября 1941 года. Вопрос же о самолетах и вооружении был оставлен для дальнейшего обсуждения [54].

В этих условиях американские поставки военных материалов Советскому Союзу были крайне невелики. В письме У. Кою, занимавшемуся вопросами поставок, Ф. Рузвельт писал 2 августа: «Почти шесть недель прошло после начала русской войны, и мы практически ничего не сделали, чтобы доставить необходимые им (русским.— *Б. М.*) материалы» [55].

В позднейшей реакционной буржуазной исторической литературе была сделана попытка оправдать эту политику. В качестве причин выдвигались, во-первых, нехватка требуемых военных материалов и вооружения и, во-вторых, неуверенность английского и американского правительств в способности Советского Союза оказать эффективное сопротивление фашистской Германии (поэтому, дескать, «было бессмысленно жертвовать дефицитными и ценными материалами») [56]. Эти утверждения явно несостоятельны. Под влиянием войны американская промышленность, особенно военная, развивалась исключительно бурными темпами. В течение года (до июля 1941 г.) промышленная продукция США увеличилась на 30%, производство самолетов — на 158%, судостроение — на 120% [57]. В этих условиях трудно говорить о «нехватке», тем более, что СССР выставил очень скромные требования. В такой же степени и второе «объяснение» может рассматриваться лишь как отговорка. Такой хорошо информированный дипломат, как бывший американский посол в Москве Дж. Дэвис, не высказывал ни малейшего сомнения в способности СССР противостоять агрессору. «Сила сопротивления Красной Армии поразит и удивит мир» [58],— заявил он 23 июня. В меморандуме Г. Гопкинсу от 18 июля он же писал: «Сопротивление русских армий оказалось более эффективным, чем предполагали» [59]. В трудные дни, когда атаки гитлеровских армий были особенно сильными, американский посол в Москве Штейнгардт в своих донесениях в Вашингтон

---

[51] Меморандум беседы С. Уэллеса с лордом Галифаксом 10 июля 1941 г. (там же, стр. 546).
[52] Там же, стр. 558.
[53] Там же, стр. 559.
[54] E. Stettinius. Lend-Lease. Weapon for Victory. New York. 1944, p. 121.
[55] W. Langer, S. Gleason, p. 561.
[56] Там же, стр. 537, 559.
[57] Там же, стр. 569.
[58] J. Davies. Указ. соч., стр. 475.
[59] Там же, стр. 493.

высказывал убеждение в том, что Советский Союз будет продолжать войну [60]. В послании И. В. Сталину 30 сентября 1941 г. президент США Ф. Рузвельт выражал твердую уверенность, что войска Советской Армии «в конце концов одержат победу над Гитлером» [61]. Все это можно резюмировать не требующим комментариев высказыванием государственного секретаря К. Хэлла: «Я верил, что мы могли посылать России все вооружения и материалы..., не рискуя, что немцы захватят их» [62].

С точки зрения здравой военной стратегии существовала не только необходимость, но и возможность оказания как материальной, так и прямой военной поддержки СССР. Этого не отрицали и сами государственные деятели США. «В первый раз с того момента, как Гитлер развязал войну,— писал военно-морской министр Нокс президенту 30 июня,— нам предоставилась возможность повлиять на исход всемирной борьбы... В то время, как он (Гитлер.— *Б. М.*) забыл о нас и повернулся на Восток, мы должны воспользоваться его оплошностью и нанести ему удар» [63]. Но эти возможности не были использованы.

На заседании членов американского правительства 1 августа 1941 г., пишет в своих дневниках Г. Икес, президент сказал, что госдепартамент и военное министерство «поставили Россию в заколдованный круг». «Мы дали обещание направить поставки вооружения в Россию, у нас в течение пяти недель находится список ее потребностей, однако ничего даже не начато». «Мы не можем позволить,— говорится далее в дневнике,— чтобы сохранялась ситуация, которая давала бы повод послу Уманскому или русской военной миссии информировать Сталина о том, что они не могут получить здесь ни помощи, ни поддержки». В связи с этим президент потребовал, чтобы СССР были сделаны «символические» поставки [64]. Г. Икес далее отмечал, что «члены кабинета слишком буквально приняли призыв президента на последнем заседании оказать «символические» поставки России. И тем не менее я боюсь, что президент подразумевал именно это. Он, по-видимому, полагал, что мы сможем внушить русским, что мы оказывали им значительную помощь в то время, когда мы, к примеру, посылаем им пять бомбардировщиков вместо требуемых трех тысяч» [65].

Вопреки утверждениям англо-американской буржуазной историографии о «жертвах», которые якобы были принесены Великобританией и США в интересах поддержки СССР, правящие круги этих стран явно не торопились с оказанием помощи СССР. Как признает бывший советник госдепартамента Г. Фейс, английское и американское правительства были прежде всего заинтересованы в том, чтобы «русские продолжали борьбу» [66]. Посылка личного представителя президента Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. была обусловлена не стремлением оказать действительную помощь, а лишь «обнадежить» СССР. Нужно убедить Сталина, писал он, что «мы подходим к делу серьезно» [67].

---

[60] Телеграммы Штейнгардта от 1, 2, 3 июля 1941 г. (W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 546).

[61] «Переписка...». Т. II, стр. 11.

[62] C. Hull. Указ. соч., стр. 967. По свидетельству американского буржуазного историка Г. Фейса, в Лондоне особенное впечатление произвел тот факт, что Советское правительство, «убеждая Британию активизировать свои военные действия, не высказывало какой-либо отчаянной зависимости от помощи» (H. Feis. Указ. соч., стр. 11). См. также выступление лорда Бивербрука 12 октября 1941 г. (W. and Z. Coates. Указ. соч., стр. 689).

[63] W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 539.

[64] «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. III, pp. 592—593. Личный советник президента Г. Гопкинс признает в своих записках, что политика Вашингтона в отношении оказания материальной поддержки СССР заключалась в том, чтобы «не торопиться» (R. Sherwood. Указ. соч., стр. 308).

[65] «The Secret Diary of Harold L. Ickes». Vol. III, p. 595.

[66] H. Feis. Указ. соч., стр. 12.

[67] «Pearl Harbor Attack». Vol. XX. Washington. 1946, p. 4384.

Находясь в Москве (переговоры велись 30—31 июля 1941 г.), Г. Гопкинс признал, что «на американский народ произвела большое впечатление доблестная оборона Красной Армии» [68]. Однако, заявив о желании американского и британского правительств оказать материальную поддержку СССР, он вместе с тем подчеркнул, что даже те небольшие поставки, которые предполагалось выделить, не прибудут в нашу страну до начала зимы. Более того, США и Великобритания не намеревались поставлять Советскому Союзу тяжелое вооружение «до тех пор, пока не будет созвана конференция наших трех стран, на которой относительные стратегические интересы каждого фронта, так же как и интересы наших стран, будут полностью и совместно рассмотрены» [69]. Таким образом, в то время как на Восточном фронте шла тяжелая борьба, тактика правящих кругов США и Англии сводилась к выжиданию. «Мы не хотели,— писал 12 августа У. Черчилль,— чтобы конференция в России началась до конца сентября, когда, как можно надеяться, мы будем знать расположение русского фронта зимой» [70]. Такой же была и точка зрения американского правительства [71].

В совместном послании И. В. Сталину от 15 августа, составленном на Московской конференции, Ф. Рузвельт и У. Черчилль писали: «Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза» [72]. Однако на этой же конференции американские и английские представители обсуждали планы послевоенного устройства мира, исходя из того, что «Москва не должна была играть сколько-нибудь важной роли в дальнейшем» [73]. Правящие круги США и Англии всячески затягивали оказание реальной помощи Советскому Союзу.

30 августа У. Черчилль писал в личном послании И. В. Сталину: «Я стремился найти какой-либо путь для оказания помощи Вашей стране в ее великолепном сопротивлении впредь до осуществления рассчитанных на более длительный срок мероприятий, по поводу которых мы ведем переговоры с Соединенными Штатами Америки и которые послужат предметом Московского совещания» [74]. В это же время он отправил письмо лорду У. Бивербруку, который должен был возглавить британскую делегацию на предстоявшей конференции в Москве, где констатируется: «Никакие крупные поставки не могут начаться до середины или конца 1942 г., и основное планирование будет отнесено на 1943 г.». И далее: «Если на вас окажет влияние атмосфера в России, я буду очень тверд в этом отношении» [75]. Еще более откровенно позиция британского правительства была изложена в инструкции У. Бивербруку от 22 сентября: «Будет благоразумно не давать обязательств в отношении точных цифр поставок. Однако лорд Бивербрук свободен приободрить длительное сопротивление России, говоря в обнадеживающих тонах о более отдаленных перспективах» [76]. В равной степени и глава американской делегации А. Гарриман «был вынужден отправиться со своей миссией (на Московскую конференцию.— *Б. М.*), получив полномочия делать широкие обещания, но совершенно не имея возможности указать, как будет организовано их осуществление» [77].

---

[68] R. Sherwood. Указ. соч., стр. 334.
[69] Там же, стр. 341—342; H. Feis. Указ. соч., стр. 13.
[70] W. Churchill. Указ. соч., стр. 397.
[71] R. Sherwood. Указ. соч., стр. 342.
[72] «Переписка...». Т. I, стр. 16.
[73] W. Williams. American-Russian Relations. 1881—1947. New York. 1952, p. 262
[74] «Переписка...». Т. I, стр. 17.
[75] W. Churchill. Указ. соч., стр. 403; см. также телеграмму Черчилля английскому послу в Москве С. Крипсу от 5 сентября 1941 г. (там же, стр. 410).
[76] Там же, стр. 764.
[77] W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 798.

Но и после Московской конференции, где стороны пришли к соглашению относительно поддержки СССР, правительства США и Англии продолжали тормозить его выполнение. И. В. Сталин писал 3 октября У. Черчиллю: «Не скрою от Вас, что наши теперешние потребности военного снабжения... не исчерпываются согласованными на конференции решениями, не говоря уже о том, что ряд вопросов отложен до окончательного рассмотрения и решения в Лондоне и Вашингтоне...»[78].

Только 7 ноября 1941 г., то есть спустя почти пять месяцев после начала советско-германской войны, Ф. Рузвельт сообщил администратору по осуществлению ленд-лиза: «Сегодня я установил, что оборона СССР жизненно важна для обороны США»[79],— что означало распоряжение распространить ленд-лиз на нашу страну. До конца 1941 г. в СССР были направлены американские поставки стоимостью в 545 тыс. долларов, при общей сумме американских поставок в этом году в 741 млн. долларов. СССР, несший в одиночку основное бремя войны, получил менее одной десятой доли процента всей американской помощи, оказанной другим странам[80]. В этой связи лишены всяких оснований утверждения буржуазных фальсификаторов истории о «жизненно важном значении» американской и английской «поддержки» в решающий момент битвы за Москву[81].

Что же касается второго фронта, то союзники открыли его в Западной Европе в тот момент, когда ясно вырисовывались перспективы разгрома гитлеровской Германии Советской Армией. «Когда весь ход второй мировой войны коренным образом изменился,— говорил Н. С. Хрущев на 9-й общегерманской рабочей конференции в Лейпциге,— когда события повернулись для западных стран так, что если бы они опоздали с открытием второго фронта, то советские войска могли оказаться не только в Берлине, но и в Париже, тогда наши союзники стали поспешно действовать. Тогда-то и был открыт второй фронт. Было похоже на то, что наши союзники спешили тогда с его открытием, чтобы не дать народам стран Западной Европы самим с помощью Советской Армии разгромить войска оккупантов»[82].

В свете вышеизложенного явно неубедительны попытки реакционной буржуазной историографии представить Лондон и Вашингтон поборниками хороших отношений с СССР, в то время как Советский Союз якобы проявлял явное нежелание к сотрудничеству. «Я прилагал все усилия,— писал У. Черчилль,— чтобы установить (с Советским правительством.— *Б. М.*) такие же хорошие отношения, какие я имел с президентом (США.— *Б. М.*). Но эти попытки не «получили ответа» и зачастую встречали «резкие отказы»[83]. Это утверждение У. Черчилля явилось основой для позднейших измышлений американской реакционной историографии о «невозможности» сотрудничать с Советской страной[84].

В действительности же в течение войны государства антифашистской коалиции, несмотря на препятствия, чинимые реакционерами, плодотворно сотрудничали, приходили к согласованным решениям по наиболее важным проблемам того времени.

Огромную роль в укреплении и сплочении антифашистской коалиции сыграл СССР. Уже в своем выступлении по радио 3 июля

---

[78] «Переписка...». Т. 1, стр. 22.

[79] «Documents on American Foreign Relations». Vol. IV, p. 605.

[80] «Foreign Commerce and Navigation of the United States for the Calendar Year 1941». Washington. 1942, p. 36.

[81] Например, H. Feis. Указ. соч., стр. 17; F. Sanborn. Design for War. New York. 1951, p. 400.

[82] «Правда», 27 марта 1959 года.

[83] W. Churchill. Указ. соч., стр. 345, 346, 402.

[84] Например, W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 810; H. Feis Указ. соч., стр. 7, 15.

1941 г. И. В. Сталин подчеркнул стремление Советского Союза к объединению сил со всеми миролюбивыми народами в борьбе против гитлеровских захватчиков. «В этой освободительной войне,— говорил он,— мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера» [85].

12 июля было подписано соглашение о совместных действиях советского и английского правительств в войне против Германии. Комментируя это соглашение, «Правда» писала 14 июля 1941 г.: «В грозные исторические дни народы Советского Союза и народы Великобритании протянули друг другу руку братской помощи». Общественное мнение СССР горячо приветствовало заключение советско-английского соглашения [86].

Советское правительство встретило с удовлетворением решение правительства США об экономическом содействии СССР. 7 августа 1941 г. «Правда» писала по этому поводу: «Ныне на основе общности интересов, определяемых необходимостью борьбы против общего врага, заложена основа для плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки».

В своей политике СССР исходил из общности интересов союзников. Так, предлагая Великобритании создать второй фронт в Европе, И. В. Сталин писал: «Его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии» [87].

Советский Союз не только нес основное бремя борьбы против гитлеровских армий, но и оказывал помощь союзникам материальными ресурсами, хотя в последних в связи с войной он испытывал острую нужду. На Московской конференции в конце сентября А. Гарриман от имени США и Англии подтвердил «получение от Советского правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения» [88].

Характерно, что американские и английские участники переговоров в СССР приводят свидетельства, прямо противоречащие утверждениям У. Черчилля о «несговорчивости» советского партнера. Уже Г. Гопкинс, посетивший Москву в конце лета 1941 г., писал об искренности и стремлении к сотрудничеству, которые он наблюдал в советской столице [89]. Атмосфера сотрудничества и доброй воли преобладала и на Московской конференции. После первой встречи участников совещания А. Гарриман отметил: «Бивербрук и я считаем, что встреча прошла исключительно дружелюбно, и мы более чем довольны оказанным нам приемом» [90]. Конференция, отмечалось в совместном коммюнике СССР, США и Великобритании, «успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями, продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свободных народов» [91].

---

[85] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 34—35.

[86] «Правда», 15 июля 1941 года.

[87] «Переписка...». Т. I, стр. 11.

[88] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 175. Это же подтвердил и А. Иден (W. and Z. Coates. Указ. соч., стр. 692).

[89] W. Langer, S. Gleason. Указ. соч., стр. 566.

[90] R. Sherwood. Указ. соч., стр. 390.

[91] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I стр. 176.

Итак, благодаря политике СССР уже в самом начале войны была заложена хорошая основа для сотрудничества, которое было прочным и плодотворным. «Если мы,— отмечал американский делегат А. Гарриман,— выполним то, что обещали, и если личные отношения будут поддерживаться со Сталиным, подозрительность, которая существовала между Советским правительством и нашими двумя правительствами, наверняка исчезнет» [92]. Что же касается перспектив советско-англо-американского сотрудничества, то в годы войны У. Черчилль признавал: «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов» [93].

Анализ позиции США и Англии в период Великой Отечественной войны может привести лишь к одному выводу: утверждения англо-американской реакционной историографии о решающем значении для СССР «помощи» США и Великобритании в первые, самые трудные месяцы войны не имеют никакого отношения к исторической действительности. Вся аргументация реакционных буржуазных историков не может скрыть одного очевидного факта: не американская и не английская помощь, а героическая борьба народов СССР, несокрушимая мощь социалистического государства явились решающим фактором в повороте хода второй мировой войны и затем в деле достижения победы над фашистскими агрессорами.

Говоря о решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии, мы никогда не отрицали и не отрицаем того вклада, который внесли народы Соединенных Штатов Америки и Англии в общее дело разгрома гитлеризма.

Советские люди всегда будут помнить и ценить то сочувствие народов стран антигитлеровской коалиции, которое они проявляли и выражали нам в трудные годы борьбы с германскими фашистами.

Антифашистская коалиция СССР, США, Англии и других государств в годы второй мировой войны — это наглядное свидетельство возможности сотрудничества государств, принадлежащих к разным общественным системам. И как бы ни стремилась реакционная буржуазная историография путем различных подтасовок и фальсификации доказать «невозможность» сотрудничества с Советским Союзом, жизнь опровергала и опровергает эти попытки.

---

[92] R. Sherwood. Указ. соч., стр. 391.
[93] «Переписка...». Т. I, стр. 33.

ТРУДЯЩИЕСЯ УКРАИНЫ В БОРЬБЕ С ВРАНГЕЛЕМ

Д. Я. Фрейлихер

Разгром Врангеля является одним из важных событий в истории борьбы советского народа и его вооруженных сил под руководством коммунистической партии за свободу и независимость.

По этой проблеме имеется немало литературы. Большую ценность представляют документы М. В. Фрунзе — командующего Южным фронтом, непосредственно возглавлявшего разгром Врангеля. М. В. Фрунзе готовил специальный труд о разгроме Врангеля и собрал для этой цели большой материал. Из подробного плана книги [1] видно, что в этой работе, задуманной как широкий оперативно-стратегический очерк борьбы с Врангелем, предполагалось также осветить вопросы политического и экономического положения страны, в частности положения Украины. К сожалению, значительная часть материала, подобранного М. В. Фрунзе, утеряна [2].

В историографии на эту тему преобладает литература, исследующая преимущественно военные вопросы [3]. Хотя в последние годы заметно усилился интерес исследователей к изучению всего комплекса вопросов по истории разгрома Врангеля [4], тем не менее ряд важных проблем, касающихся роли советского рабочего класса и трудового крестьянства в разгроме Врангеля, еще недостаточно изучен.

Данная статья ставит целью осветить некоторые малоизученные вопросы, относящиеся к участию широких масс трудящихся Украины в общенародной борьбе за разгром Врангеля.

Весной 1920 г. Антанта организовала новый объединенный поход на Советскую Россию. На этот раз империалисты смогли использовать для антисоветского выступления лишь двух своих ставленников: буржуазно-помещичью Польшу, которой отводилась роль главной ударной силы, и окопавшегося в Крыму генерала Врангеля. Несмотря на имевшиеся глубокие противоречия [5], белополяки нашли общий язык с Врангелем, сговорившись о совместных действиях по удушению Советской республики и ликвидации рабоче-крестьянской власти [6].

Новый поход Антанты начался 25 апреля 1920 г. наступлением поль-

---

[1] М. В. Фрунзе. Соч. Т. 1. М.-Л. 1929. Приложение № 1.

[2] См. В. Костромин. Архив книги М. В. Фрунзе «На Врангеля». «Военно-исторический журнал», 1940, № 10, стр. 130.

[3] Можно отметить фундаментальный труд полковника И. С. Короткова. «Разгром Врангеля». Изд. 3-е. М. 1955.

[4] Г. М. Шевчук. Боротьба трудящих Радянської України проти контрреволюції на Півдні в 1920 р. Київ. 1956; Н. П. Липатов. Некоторые вопросы истории разгрома врангелевщины. «Вопросы истории», 1957, № 12; Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М. 1958; Н. А. Зегжда. Коммунистическая партия — организатор разгрома третьего похода Антанты. М. 1959.

[5] Врангель проводил великодержавную программу «единой, неделимой России», которая шла вразрез с захватническими устремлениями правящих кругов Польши (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 299—300).

[6] В нашей исторической литературе довольно убедительно показана преступная роль инициатора и организатора этого черного дела — международного империализма.

ских войск в районе Украины против 12-й и 14-й армий, входивших в состав Юго-Западного фронта. Противнику удалось потеснить ослабевшие в борьбе с деникинцами советские войска. Однако уже 14 мая в Белоруссии перешли в наступление силы Западного фронта, что сковало крупные соединения белополяков и позволило войскам Юго-Западного фронта перейти в контрнаступление. Последние прорвали 5 июня линию обороны противника и начали быстрое продвижение вперед. В этот момент Врангель нанес удар по тылам Красной Армии, действовавшей на советско-польском фронте. Войска Врангеля, использовав свой численный перевес перед противостоявшей им 13-й армией, 6 июня прорвались в Северную Таврию. Над тылом Юго-Западного фронта нависла грозная опасность, ликвидация которой потребовала больших усилий.

Вдохновителем и организатором всенародной борьбы за разгром Врангеля, за освобождение Украины и Крыма от вражеского нашествия были коммунистическая партия и В. И. Ленин. Возглавляя ЦК РКП(б) и советское правительство, В. И. Ленин уделял огромное внимание этому фронту. Особенно большое значение для мобилизации народа на разгром белогвардейских войск имело письмо Центрального Комитета партии «Всем организациям РКП(б)», опубликованное в «Правде» 10 июля 1920 года. ЦК призвал партийные организации, профессиональные союзы и другие рабочие организации немедленно принять меры к усилению борьбы с Врангелем. Важную роль в этом деле сыграли письмо ЦК РКП(б) всем партийным организациям, разосланное во второй половине июля [7], и директивы, направленные 19 августа 1920 г. в адрес ЦК КП(б)У, Кавказского и Сибирского бюро ЦК [8].

На борьбу с Врангелем поднялась вся страна. Трудящиеся молодой Советской республики во главе с коммунистической партией грудью встали на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Исходя из указаний В. И. Ленина и решений ЦК РКП(б), партийные и советские организации предприняли ряд важных мер для организации победы над врагом. Среди них видное место занимала мобилизация коммунистов в Красную Армию. В 1920 г. ЦК РКП(б) провел семь партийных мобилизаций. Кроме того, на Западный и Южный фронты было переброшено несколько тысяч коммунистов, ранее находившихся в тыловых частях и на Кавказском фронте. Всего с апреля по ноябрь 1920 г. ЦК РКП(б) послал на фронт 24 244 коммуниста. В это число не входят члены партии, мобилизованные на Украине, и те, кто был призван в прифронтовых губерниях согласно постановлениям соответствующих реввоенсоветов и сведения о ком не поступали в ЦК [9].

Выполняя директиву ЦК РКП(б) от 19 августа 1920 г. о посылке на врангелевский фронт значительного числа лучших работников, способных поднять боеспособность частей, укрепить тыл и провести борьбу с бандитизмом в ближайшем тылу, Центральный Комитет КП(б)У объявил в девяти губерниях Украины мобилизацию членов партии. Вместо 660 коммунистов по первоначальному плану явилось 805 [10].

Пополнение Южного фронта коммунистами продолжалось вплоть до

---

[7] «Ленинский сборник» XXXV, стр. 140; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 2, д. 803, л. 74.

[8] «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 348—349; «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 22, стр. 10—11; № 24, стр. 9—10.

[9] «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 22, стр. 15; 1921, № 28, стр. 13, таблицы №№ 1, 2; № 29, стр. 3; Ю. П. Петров. Партийные мобилизации в Красную Армию (1918—1920 гг.). Военно-мобилизационная деятельность Коммунистической партии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М. 1956, стр. 149—185.

[10] «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г. к V Всеукраинской парт-конференции». Приложение к журналу «Коммунист», 1920, № 5, стр. 3, 11 (таблица № 8).

окончания войны. По данным, приведенным в докладе С. В. Косиора на V Всеукраинской партийной конференции, только через ЦК КП(б)У в период нового объединенного похода Антанты в армию было направлено 3 тыс. коммунистов. Общее же число влившихся в ряды действующей армии было значительно большим [12].

Некоторые партийные организации Украины посылали на фронт уже скомплектованные боевые подразделения. В составе 13-й армии сражался коммунистический отряд Мелитопольского партийного комитета, получивший высокую оценку Реввоенсовета армии. Из коммунистов, мобилизованных в Кременчуге, было сформировано несколько ударных отрядов, направленных затем на фронт [13].

Были случаи, когда партийные организации в полном составе объявляли себя мобилизованными на врангелевский фронт (например, так поступили общее собрание коммунистов и сочувствующих станции Киев-2, 2-я уездная Лебединская партийная конференция и др.) [14]. На фронт ушел весь состав (285 человек), в том числе и женщины, первого выпуска Центральной партийной школы на Украине [15].

Партийные организации сыграли огромную роль в обороне городов, находившихся под угрозой врангелевского вторжения (Херсон, Таганрог, Мариуполь, Юзовка), чем оказали серьезную помощь регулярным войскам Красной Армии. В этих организациях коммунисты находились на казарменном положении, несли полевую караульную службу и внутреннюю охрану городов [16].

Особенно следует отметить хорошую организацию партийных и советских сил на борьбу против Врангеля и бандитизма на Николаевщине. Врангелевцы пытались любой ценой подорвать ближний тыл Красной Армии. С этой целью они снабжали оружием кулаков, перебрасывали на Николаевщину офицеров для организации антисоветских мятежей и т. п. Однако благодаря энергичным мерам, предпринятым Николаевской партийной организацией, диверсионные замыслы противника были сорваны. Для борьбы против врангелевцев и бандитов была создана из коммунистов специальная так называемая херсонская боевая группа, которую возглавил секретарь Николаевского губкома партии Исакович. Опираясь на помощь николаевских рабочих и трудового крестьянства прифронтовых сел, группа охраняла свой участок до окончательного разгрома Врангеля [17].

В Донбассе формировались коммунистические отряды особого назначения. В Луганске и Таганроге были созданы коммунистические батальоны. В тот момент, когда врангелевцы подошли к Юзовке, политотдел 40-й дивизии при содействии губернского партийного комитета провел мобилизацию коммунистов в Юзовке и Макеевке. 549 коммунистов были распределены по боевым частям, что подняло настроение воинов; врангелевцы были отброшены. В критический момент боев за Донбасс парторганизация Юзовки направила в Богучаровскую стрелковую дивизию еще

---

[12] «Бюллетень V Всеукраинской конференции КП(б)У», № 2, 19 ноября 1920 г., стр. 18; «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 22, стр. 14.

[13] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 198, оп. 1, д. 13, л. 217; газета «Селянська біднота», 13 ноября 1920 года.

[14] Газета «Коммунист» (Киев), 8 сентября 1920 г.; газета «Коммунист» (Харьков), 10 сентября 1920 г. (дальше всюду ссылки на «Коммунист», издававшийся в Харькове); ЦГАКА, ф. 101, д. 1, л. 50.

[15] «Коммунист», 8 мая 1920 года.

[16] Днепропетровский областной государственный архив (ДОГА), ф. Р-108с, д. 73 лл. 18, 48; д. 72, л. 1; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, л. 119; ЦГАКА, ф. 101, д. 1, л. 192

[17] ЦГАКА, ф. 101, д. 1, л. 104; Херсонский областной государственный архив (ХОГА), ф. 1-Р, оп. 1, д. 719, лл. 58, 59, 66, 67; ф. 251, оп. 1, д. 3, л. 74; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства УССР (ЦГАОР УССР), ф. 2, оп. 2, д. 81, л. 18; «Літопис революції», 1931, № 1—2, стр. 194; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, л. 68.

250 коммунистов, которые воодушевили красноармейцев и помогли им отбить наступление врангелевцев. Кроме того, с 15 сентября по 15 октября Юзовский районный партийный комитет мобилизовал 250 коммунистов для усиления боеспособности частей Красной Армии, которые были дислоцированы в Юзовском районе [18].

Екатеринославский губернский комитет партии 18 октября 1920 г. сообщал в своем докладе ЦК КП(б)У, что в те дни, когда фронт близко подходил к городу, местная организация направила во 2-ю Конную армию 209 коммунистов, в 46-ю дивизию — 106 [19].

Под руководством коммунистической партии успешно осуществлял мобилизацию на фронт своих членов и комсомол. В конце августа 1920 г. ЦК КСМУ объявил мобилизацию 2 тыс. комсомольцев на врангелевский фронт. Одновременно началась широкая кампания записи добровольцев среди рабочей и крестьянской молодежи [20]. В короткий срок (две недели) планы мобилизации по всем губерниям Украины были значительно перевыполнены. Комсомол Донбасса, например, вместо предполагавшихся 550 человек послал на фронт тысячу молодых патриотов [21], из них около половины составлял комсомольский актив.

Большое число рабочих Украины ушло на фронт по профсоюзной мобилизации, объявленной Южбюро ВЦСПС [22]. 22 августа 1920 г. Южбюро решило мобилизовать значительно больше людей, чем было указано в задании ВЦСПС (900 человек). Но и встречная цифра, принятая Южбюро (5 300 человек), была в кратчайший срок перевыполнена. По данным на 15 октября, было мобилизовано 5 936 членов профсоюзов [23]. Профсоюзная мобилизация вылилась в яркую демонстрацию преданности рабочего класса своей Родине. Особенно успешно мобилизация была проведена в городах и рабочих поселках Донбасса, где вместо одной тысячи было мобилизовано 1 360 человек [24].

Следует подчеркнуть, что угольно-металлургический Донбасс дал фронту основную массу наиболее боеспособных сил, посланных Украиной на борьбу с Врангелем. По данным Донецкого губисполкома, с 18 января по 1 ноября 1920 г. в Донбассе было проведено 15 мобилизаций [25].

Однако фронт получал пополнение не только по партийным, комсомольским и профсоюзным мобилизациям. Тысячи украинских рабочих и крестьян по примеру русских братьев — трудящихся Москвы, Петрограда, Царицына, Тюмени, Тулы, Ярославля, Воронежа и других мест [26] — добровольно шли на фронт. Партийные организации провели в этом направлении огромную агитационно-массовую, разъяснительную работу. Было издано большое количество плакатов, лозунгов, листовок [27], в аги-

---

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, лл. 39, 115; ЦГАКА, ф. 101, д. 2, л. 89; ф. 198, оп. 1, д. 50, л. 71; ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 208, л. 12.

[19] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 73, лл. 30, 74, 118; д. 43, л. 12; ЦГАКА, ф. 101, д. 1, лл. 37—38.

[20] «Коммунист», 31 августа 1920 г.; «Комсомольская летопись», 1927, № 5—6, стр. 161—163.

[21] «Мобілізації комсомолу України на фронти громадянської війни 1918—1920 рр.». Київ, 1939, стр. 75; ЦПА, ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, л. 115.

[22] Высший профсоюзный орган на Украине в то время.

[23] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 125, лл. 25, 27, 29—31, 42, 43; ф. 5, оп. 1, д. 74, л. 2; «Профсоюзы после Октября на Украине». Харьков, 1923, стр. 25.

[24] ЦГАОР УССР, ф. 2, д. 239, л. 24; оп. 2, д. 29, л. 46; газета «Диктатура труда», 24 сентября 1920 г.; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 5451, оп. 1, арх. № 150, л. 90.

[25] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 123, л. 89; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 803, л. 60.

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 107, л. 34; д. 463, л. 11; ЦГАОР и СС, ф. 5451, оп. 4, арх. № 109, лл. 7, 29, 64; арх. № 153, лл. 21—22, 123; «Правда», 1 августа, 11, 12, 15, 26 сентября, 3, 5, 17, 30, 31 октября 1920 года.

[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 107, л. 22; см. там же, фонд нелегальной дореволюционной литературы, №№ 279814ц, 279824ц; ЦГАКА, ф. 198, оп. 2, д. 193, лл. 6, 11, 37; ЦГАОР УССР, фонд листовок, В-№ 885, Д-№ 144, Г-238, Г-695; ф. 2602, д. 4, л. 52; журнал «Горнорабочий», 1920, № 1, стр. 1—2, и др.

тационных целях использовались кино, театры и т. п. На предприятиях, в учреждениях, селах и воинских частях проводились многочисленные собрания и митинги, на которых выступали руководящие деятели коммунистической партии и советского правительства Украины — Г. И. Петровский, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь и другие.

В сентябре 1920 г. состоялась IX Всероссийская партийная конференция. Центральное место в политическом отчете ЦК РКП(б), с которым выступил В. И. Ленин, отводилось вопросу о заключении мира с Польшей и подготовке сил для ликвидации врангелевских войск. Решения конференции сыграли выдающуюся роль в разгроме Врангеля.

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КП(б)У 28 сентября приняло постановление о проведении массовой кампании под лозунгом: «В октябре разбить Врангеля!». Эта кампания включала в себя ряд мероприятий организационного и агитационного характера. Было намечено ускорить формирование кавалерийских отрядов из незаможных крестьян (бедняков и середняков), в деревню направлялись коммунисты для усиления работы по организации помощи фронту, расширялась агитационно-издательская деятельность и т. д.[28]. 30 сентября Политбюро ЦК КП(б)У утвердило проект циркулярного письма о мобилизации комитетов незаможных селян и предложило Президиуму ВУЦИК выпустить по этому поводу специальное обращение. На этом заседании Политбюро приняло решение о необходимости усилить участие ЦК КП(б)У в политической работе среди личного состава армий, которые были дислоцированы на Украине[29].

Большое значение для разгрома врангелевцев имело пополнение кавалерийских частей Красной Армии добровольцами. Первое время Врангель имел преимущество в коннице перед советскими войсками. ЦК РКП(б) призвал трудящихся к созданию новых конных частей, чтобы ликвидировать это преимущество. В августе 1920 г. по всем военным округам было дано распоряжение провести формирование кавалерийских частей для отправки на врангелевский фронт[30]. 24 августа В. И. Ленин подписал постановление Совета народных комиссаров, обязывавшее все без исключения гражданские учреждения и предприятия сдать военному ведомству имеющихся у них лошадей, годных для кавалерийских войск, в обмен на лошадей, негодных для использования в войсках[31].

Осуществляя указания Центрального Комитета РКП(б), ЦК КП(б)У провел две массово-политические кампании по призыву на фронт добровольцев-кавалеристов. Было дано задание губернским военкоматам о формировании кавалерийских эскадронов. После его выполнения ЦК дал другое задание — привлечь из среды незаможников 6 тыс. добровольцев-кавалеристов и полностью экипировать их на местах[32]. Последнее распоряжение было выполнено также со значительным превышением.

Успеху этой кампании в громадной степени содействовало обращение В. И. Ленина «К незаможным селянам Украины» от 2 октября 1920 г., призывавшее все трудовое крестьянство подняться на борьбу против Врангеля[33]. Призыв вождя нашел горячий отклик среди беднейшего и всего трудового крестьянства Украины и способствовал значительному усилению размаха всенародной борьбы с врагом.

18 октября 1920 г. в Харькове открылся 1-й Всеукраинский съезд комитетов незаможных селян (комнезамов). Основное направление всей

---

[28] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 41, л. 31.
[29] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 803, лл. 26, 27.
[30] «Исторический журнал», 1941, № 10—11, стр. 48.
[31] «Бюллетень НКПС», 1920, № 106.
[32] «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 3.
[33] См. В. И. Ленин. Соч., Т. 31, стр. 289—290.

работе съезда дала телеграмма, присланная В. И. Лениным. Она содержала практические указания о деятельности комнезамов[34]. От имени Красной Армии съезд приветствовал М. В. Фрунзе. Он пожелал делегатам, чтобы работа съезда помогла делу победы на фронте. Делегатов съезда приветствовал также член Реввоенсовета Южного фронта Бела Кун[35]. Наряду с такими важными вопросами, как земельный, продовольственный, борьба с кулачеством, съезд уделил большое внимание борьбе с Врангелем и бандитизмом и способствовал еще более энергичной мобилизации сил всего трудового крестьянства Украины на быстрейшее завоевание победы. Преодолевая скрытый саботаж и прямое сопротивление кулачества всем мероприятиям Советской власти, комнезамы Украины внесли серьезный вклад в дело разгрома белогвардейской армии Врангеля.

К началу ноября из Харьковской губернии было отправлено на фронт 11 кавалерийских эскадронов, сформированных из добровольцев-незаможников, из Донецкой губернии — 500 добровольцев, полностью обмундированных, из Полтавской губернии — тысяча добровольцев[36]. В Кременчугской губернии был сформирован кавалерийский эскадрон из 151 добровольца-незаможника. Незаможники Одесской губернии полностью обмундировали и послали на фронт 1 200 добровольцев, из которых был сформирован Одесский конный полк[37].

Патриотический подъем, охвативший трудовое крестьянство Украины в период борьбы с белополяками и врангелевцами, свидетельствовал о решительном повороте не только бедняков, но и середняков в сторону Советской власти, который, как это и предвидел В. И. Ленин[38], наступил после господства деникинщины.

В докладе, представленном в ЦК КП(б)У Николаевским губернским комитетом партии, сообщалось о происходившем в начале октября 1920 г. губернском съезде незаможных селян. При этом обращалось внимание на то, что съехались крестьяне тех самых сел Херсонщины, в которых в предшествовавшем году агенты Деникина свили гнезда контрреволюции и подняли восстание. Ныне, указывалось в докладе, эти крестьяне торжественно дали клятву всемерно поддерживать Советскую власть и, приняв решение о формировании кавалерийского полка, обратились с горячим призывом к незаможникам губернии идти в ряды Красной Армии, выполнять разверстку, создавать кавалерийские части и пр.[39].

Одним из важных мероприятий, проведенных в тылу при активном участии комитетов незаможных селян и оказавших влияние на успешный исход боевых действий Красной Армии, была борьба с бандитизмом. Его социальной базой являлось кулачество. Идеологами бандитизма были разного рода буржуазно-националистические и другие контрреволюционные партии и группировки[40]. Многочисленные бандитские шайки являлись ближайшим резервом Врангеля. Банды Тютюника, Зеленого, Струка, Петренко и других кулацких главарей убивали партийных и советских работников. По данным Наркомпрода, в 1920 г. было убито бандитами только продработников 1 071 человек. На Украине насчитывалось около 50 тыс. сирот, родители которых погибли от рук кулацких

---

[34] См. там же, стр. 313.

[35] «Вісти», 20 октября 1920 года.

[36] А. Г. Слюсарский. Комнезамы Украины в период 1920—1921 гг. Кандидатская диссертация. 1941, стр. 95—111; «Вісти», 9 ноября 1920 г.; ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 68, л. 22; «Коммунист», 2, 21, 22 сентября, 7, 13 октября 1920 г.; газета «Більшовик» (Киев), 16 ноября 1920 года.

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, лл. 114, 118; «Коммунист», 21 октября 1920 г.; «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 3; ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 63, л. 12; д. 102, л. 73; д. 162, л. 42; ф. 257, оп. 1, д. 6, л. 5 и др.

[38] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 267.

[39] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, л. 118.

[40] Г. М. Шевчук. Указ. соч., стр. 128—130.

бандитов[41]. Кулацкие банды устраивали крушения на железных дорогах. Совершая диверсии в тылу, они отвлекали на себя силы Красной Армии, необходимые для борьбы с белополяками и Врангелем.

Большую работу по сплочению украинского народа в борьбе против бандитов проделали начальник тыла Юго-Западного фронта Ф. Э. Дзержинский и член РВС этого фронта И. В. Сталин. Крупнейшую роль в этом сыграл М. В. Фрунзе.

Значительную долю тяжести борьбы с бандитизмом несли местные партийные ячейки. Для противодействия бандитам они создавали отряды из коммунистов. Такие отряды, например, были созданы в Константинограде, Полтавской губернии, селе Луганском, Донецкой губернии, и др.[42].

В ликвидации бандитизма большое участие принимал комсомол Украины. Очевидец этих событий на Черниговщине рассказывает: «Вся губерния была охвачена бандитизмом... Не было ни одного уезда без банды и не было ни одной комсомольской организации в губернии, которой не пришлось бы ожесточенно драться с бандитами. Когда вечером кто-нибудь приходил в любую организацию, то первое, что бросалось в глаза: комсомольцы лежали на полу рядами, подостлавши под себя солому, не раздеваясь, и спали с винтовкой в руке»[43].

Бандитизм на Украине был искоренен полностью немного позже исследуемого нами периода. Но уже в то время благодаря мерам, принятым партией, многие бандитские шайки были ликвидированы частями Красной Армии при широкой помощи населения и прежде всего незаможников. По данным, приведенным М. В. Фрунзе на V Всеукраинском съезде Советов, с 1 мая 1920 г. по 1 января 1921 г. у бандитов было отобрано 205 пулеметов, 13 орудий, 23 714 винтовок и обрезов, 683 револьвера, 207 бомб, 342 шашки и проч. В это число не вошли трофеи, отобранные у Махно, насчитывавшие свыше 600 пулеметов, 20 орудий и много другого оружия[44]. Сюда же нужно добавить 33 тыс. винтовок, изъятых комитетами незаможных селян у кулаков[45].

Составной частью работы по организации разгрома нового похода Антанты, проведенной коммунистической партией, явилось создание прочной военной экономики — материальной основы победы над врагом. Изучая конкретные мероприятия, предпринимавшиеся в этой области, нельзя упускать из виду, что Коммунистическая партия Украины могла заниматься вопросами экономического строительства лишь в той мере, в какой это позволяла военная обстановка. Фронт и удовлетворение его непосредственных нужд зачастую привлекали к себе все внимание партийной организации. Это не могло не отражаться на работе экономических органов.

Победа над Врангелем, указывал В. И. Ленин, «требует гигантской энергии, самодеятельности именно рабочих, именно профсоюзов, именно пролетарской массы, и в первую голову тех рабочих, которые близко стоят к отраслям промышленности, связанным с обороной»[46]. Важнейшее значение в тех условиях имело, в частности, неукоснительное испол-

---

[41] Бюллетень Центральной комиссии по проведению «Недели защиты детей» (ЦГАОР УССР, 1921, ф. 2767, оп. 1, д. 14, л. 47); «Вістник Народного комісаріату освіти УРСР», 1920, № 2—5, стр. 12; «Отчет Народного комиссариата по продовольствию за 1920 год». «Збірник справоздань народних комісаріатів і центральних установ УРСР та уповноважених народних комісаріатів РРФСР 5-му Всеукраінському зъіздові Рад Україні». Харьків. 1921 (в дальнейшем «Збірник справоздань»), стр. 3.

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 806, лл. 30, 76, 118; ЦГАКА, ф. 101, д. 1, лл. 37—38; ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 43, л. 12.

[43] «Юношеское движение». Сборник Истомола, № 3—4. Харьков. 1923, стр. 39.

[44] «Збірник справоздань», стр. 5.

[45] «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 1.

[46] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 287.

нение подписанных В. И. Лениным постановлений Совнаркома: «О борьбе с прогулами» от 27 апреля 1920 г., «О трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним» от 4 мая 1920 г. и других правительственных декретов [47].

Рабочий класс Украины живо откликался на массовые кампании («Недели трудового фронта», «Трудовые недели» и др.), проводившиеся в течение 1920 г. партийными и профсоюзными организациями с целью повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины, концентрации усилий на важнейших хозяйственных задачах.

В этой связи особенно следует подчеркнуть организаторскую деятельность Политотдела Донбасса и всей Донецкой партийной организации, возглавлявшейся Ф. А. Сергеевым (Артемом) [48]. Показательно отношение к этому делу коммунистов Замчало-Сулинского района, которые по велению своего сердца первыми приходили на работу и уходили последними, подавая этим пример беспартийным [49].

«Известия Политотдела Донбасса» систематически сообщали о многочисленных фактах трудового героизма донецких коммунистов, их авангардной роли в труде. Так, на Анненском руднике была организована ударная группа из 12 коммунистов для выполнения самых трудных и опасных работ. На 4-м Зуевском кусте по инициативе коммунистов была создана ударная группа по добыче и погрузке угля в праздничные дни. В нее вначале вошло 115 рабочих (32 коммуниста и 83 беспартийных), затем группа выросла до 187 человек. Особенно отличились в труде коммунистка-саночница Елена Соловьева и беспартийный заведующий шахтой Банковский [50].

На Ольго-Веровском руднике рабочие организовали ударные артели для повышения производительности труда и «приложения наибольших усилий к максимальному поднятию добычи угля для скорейшей победы над Врангелем» [51]. Инициаторами создания этих артелей были шахтеры Федор Шевченко, Афанасий Махов, Константин Кощеев, Павел Нарыжный, Пантелей Маркин, Федор Гончаренко и другие.

Свидетельством духа высокого патриотизма, царившего в то время среди пролетариата, явилось возникшее среди рабочей молодежи Киева движение за создание Юношеской трудовой дивизии [52]. В проекте ее положения говорилось, что важнейшей задачей молодежи должно являться «активное участие в строительстве наших социалистических форм общественной жизни и в борьбе с хозяйственной разрухой» [53].

Большое значение для укрепления тыла имели «Недели трудового фронта». Их назначением было максимально повысить производительность труда, усилить заготовку и погрузку топлива, улучшить работу транспорта, а в деревне — выполнить хлебную разверстку. Такие «Недели» проводились с большим успехом. Например, на предприятиях Чистяковского уезда в Донбассе производительность труда в «Неделю трудового фронта» поднялась на 40%. Благодаря помощи трудящихся Центральной России (кадрами, оборудованием, продовольствием, обмундированием и т. д.) [54] донецкие шахтеры успешно возрождали всероссийскую

---

[47] «Борьба с трудовым дезертирством». Сборник официальных положений. М. 1920, стр. 7—12.

[48] ЦГАКА, ф. 101, д. 1, лл. 87—88 и др.

[49] «Известия Политотдела Донбасса», 27 октября 1920 года.

[50] «Известия Политотдела Донбасса», 20 августа, 27 октября 1920 года.

[51] «Известия Политотдела Донбасса», 7 ноября 1920 года.

[52] Практически Юношескую трудовую дивизию создать не удалось в связи с военными действиями, которые потребовали участия передовой молодежи в боях, что, естественно, отвлекло ее внимание от организации своей дивизии.

[53] «Юношеское движение». Сборник Истомола, № 3—4, стр. 98; «Більшовик» (Киев), 7, 28 апреля 1920 года.

[54] «Братерська співдружність російського и українського народів». Харьків. 1954.

кочегарку — Донбасс. К августу 1920 г. были восстановлены 300 крупных и более тысячи мелких шахт, на которых работало около 120 тыс. человек [55].

Приближение Врангеля к Донбассу в октябре 1920 г. вызвало остановку части предприятий; ухудшилось снабжение рудников и заводов. И все же благодаря трудовому энтузиазму горняков, воодушевленных коммунистической партией, добыча угля в Донбассе продолжала расти: с 25,68 млн. пудов в сентябре она повысилась к ноябрю до 29,5 млн. пудов [56].

На железнодорожном транспорте с целью вовлечения широких рабочих масс в восстановительные работы проводились «Недели ремонта». Такая «Неделя» успешно прошла в сентябре 1920 г. на одной из крупнейших магистралей страны — Южных железных дорогах. В ней участвовало 26 643 человека, которые проработали сверх нормы по 2—4 часа. Было достигнуто значительное повышение производительности труда, которая возросла на работах по ремонту подвижного состава до 125%, инструмента и оборудования мастерских — до 170%, помещений — до 160% [57]. О самоотверженности железнодорожников наглядно свидетельствуют результаты погрузочных работ: по октябрьскому плану Южные железные дороги должны были погрузить 5 680 воинских платформ, фактически погрузили 7 979. По неполным данным, всего по четырем железным дорогам Украины за 1920 г. было погружено 408 687 вагонов вместо 236 726 по плану [58].

Большую роль в усилении помощи фронту и укреплении тыла сыграли субботники и воскресники, организацией которых по указанию ЦК РКП(б) непосредственно занимались партийные комитеты [59]. В Харькове с 11 января по 16 ноября 1920 г. состоялось 35 общегородских воскресников, в результате которых был выполнен большой объем работ для нужд фронта, транспорта, здравоохранения, социального обеспечения. Число участников воскресников все время увеличивалось: если в июле в среднем на работу выходило немногим более 1,5 тыс. человек, то в ноябре — более 8 тысяч. В Екатеринославе средняя посещаемость субботников составляла 800—1 000 человек, в Полтаве — 860 человек. На Южных железных дорогах с января по сентябрь 1920 г. в 230 субботниках и воскресниках участвовало 54 466 человек. По неполным данным, стоимость произведенных работ оценивалась в 4 160 944 рубля. Успешно прошел в начале сентября вседонецкий воскресник. Ряд рудников Донбасса дал в этот день повышенную добычу угля. Например, в Марьевском районе было добыто угля в 2 раза больше, чем в обычные дни [60]. По данным, сообщенным только делегатами I Всеукраинского съезда комитетов незаможных селян, за время с мая по октябрь 1920 г. в селах Украины по инициативе этих комитетов было проведено 1 455 субботников [61].

Коммунистическая партия придавала огромное значение делу всенародной помощи фронту. К наиболее массовым кампаниям на Украине в период борьбы с Врангелем нужно отнести «Неделю помощи фронту», проведенную с 15 по 22 октября 1920 г. по совместному решению ЦК КП(б)У, ВУЦИК, Совнаркома республики и Реввоенсовета Южного фронта. Целью «Недели» являлось объединение и усиление всей работы

---

[55] В. Я. Чубарь. Восстановление хозяйства Украины. «Коммунист», 13 августа 1920 года.

[56] «Украинская промышленность в 1920 году». Харьков. 1921, стр. 14; журнал «Народное хозяйство», 1921, № 1—2, стр. 123; «Известия ВСНХ», 1921, № 4—5, стр. 25; журнал «Топливное дело», 1921, № 3—4, стр. 110.

[57] ЦГАОР УССР, ф. 2767, оп. 1, д. 1, лл. 193, 195—205, 216, 221, 226, 230.

[58] Там же, л. 114.

[59] «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 25, стр. 6; «Правда», 6 июля 1920 года.

[60] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 43, лл. 6, 17; д. 239, л. 21; ф. 2767, оп. 1, д. 2, л. 252; ф. 2602, оп. 1, д. 4, л. 111.

[61] «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 2.

по оказанию помощи фронту [62]. Как и другие массовые кампании, эта «Неделя» проходила под непосредственным руководством губернских и уездных комитетов партии.

Идея «Недели помощи фронту», уже проводившейся в Центральной России, Туркестане, Киргизской, Татарской и других советских республиках, с большим энтузиазмом была воспринята трудящимися Украины. Денежный сбор в эту «Неделю» дал в Харькове около 30 млн. руб., Чернигове — почти 7 млн. руб. и т. д. Было собрано много подарков, отправленных со специальными делегациями на фронт [63].

Широкий размах приняли добровольные пожертвования крестьян фронту. По имеющимся неполным данным, незаможники собрали для Красной Армии более 100 тыс. пудов хлеба [64]. В деревнях Донецкой, Харьковской и других губерний крестьяне шили для красноармейцев полушубки, сапоги, изготовляли седла, женщины вязали рукавицы и теплые носки [65].

Одной из эффективных форм помощи фронту, широко распространенных по всей стране, было проведение в июле 1920 г. «Недели помощи больному и раненому красноармейцу». Инициатором этой кампании явился В. И. Ленин, который 2 июля 1920 г. обратился к трудящимся Советской страны с призывом: «На помощь раненому красноармейцу!» [66].

На Украине в целях координирования этой работы и привлечения к ней всей общественности, организаций и учреждений при ВУЦИК был создан Всеукраинский комитет помощи больным и раненым красноармейцам. Решением Политбюро ЦК КП(б)У председателем Комитета была назначена К. Н. Самойлова. Одно время его возглавлял Д. З. Мануильский [67]. В Харькове в «Неделе помощи больному и раненому красноармейцу» приняло участие 50 тыс. рабочих и работниц. Было собрано около 32 млн. руб. и большое количество вещей. В фонд этой «Недели» только деньгами поступило: в Херсоне — 2 447 723 руб., Юзовке — 1 153 874 руб., Чернигове — 907 262 руб., Славянске — 1 188 369 рублей [68].

Рабочие и служащие отчисляли в пользу больных и раненых красноармейцев однодневные заработки, устраивали субботники. На многих шахтах, заводах и учреждениях по инициативе трудящихся в эти дни рабочее время было удлинено на 2—3 часа.

На предприятиях Украины исключительно большой вклад во всенародное дело помощи советским воинам внесли женщины-работницы, составлявшие около 20% от общего количества рабочих [69], и крестьянки. Работницы Киева за два субботника привели в надлежащий вид госпитали, починили 1 500 пар белья. Такая же работа проводилась работницами Славянска, станции Иловайская и многих других городов и рабочих поселков [70]. В селах нередко крестьянки сами оборудовали помещения для раненых и больных красноармейцев, обеспечивали питание и уход за ними. Зачастую крестьяне посылали в госпитали продукты.

---

[62] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 113, л. 16; «Коммунист», 13 октября 1920 года.

[63] «Коммунист», 27 октября 1920 г.; «Пролетарий», 3 декабря 1920 г.; «Знамя Советов», 2 декабря 1920 года.

[64] «Материалы к перевыборам КНС». Харьков. 1925, стр. 65; ДОГА, ф.Р-108с, д. 76, л. 35; «Більшовик» (Киев), 12 августа 1920 года.

[65] «Селянська біднота», 23 ноября 1920 г.; «Известия» (Херсон), 23 октября 1920 г.; «Красный шахтер», 15 августа 1920 г.; «Коммунист», 17 октября, 9 ноября 1920 г.; ЦГАОР УССР, ф. 2, д. 154, л. 27.

[66] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 159.

[67] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 803, л. 1; «Пролетарий», 11 сентября 1920 г.; «Красноармейская жизнь», 1920, № 1, стр. 13.

[68] «Диктатура труда», 31 августа 1920 г.; «Известия» (Херсон), 5 августа 1920 г.; «Коммунист», 8 августа 1920 г.; «Знамя Советов», 1 августа 1920 года.

[69] «Жіноча праця на Україні». Статистичный довідник. Харьків. 1930, стр. 40, таблица 12.

[70] «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 21; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 801, л. 32.

Наряду с работой по оказанию помощи фронтовикам принимались меры по обеспечению семей советских воинов. В основу этой работы было положено указание партии о том, что забота о семьях борющихся за отечество красноармейцев есть дело всей Республики[71].

По декрету Совнаркома РСФСР от 16 июня 1920 г. и в развитие наказа IV Всеукраинского съезда Советов на Украине с 15 по 22 сентября была объявлена «Неделя семьи красноармейца» с целью обеспечить семьи красноармейцев продуктами, засеять их поля и убрать урожай, улучшить жилищные условия красноармейских семей, обеспечить их топливом[72].

Следует отметить, что эти вопросы, в частности о засеве полей и уборке урожая хозяйств красноармейцев, неоднократно ставились и оперативно решались местными партийными комитетами. Например, по решению бюро Харьковского губкома в июле по всей губернии была довольно успешно проведена недельная кампания уборки урожая с наделов, принадлежавших семьям красноармейцев.

Женотдел губкома командировал для этого в села 180 работниц[73].

«Неделя» еще сильнее приковала внимание партийных, советских, комсомольских, профсоюзных организаций к делу всесторонней помощи семьям защитников Родины. На селе большую роль в выполнении этой задачи играли комнезамы. В этом отношении показателен пример комнезамов Донецкой губернии. В Гришинском районе комнезамы заставили кулаков оказывать помощь семьям красноармейцев и беднейшего крестьянства в уборке урожая. В Часов-Ярском районе, Николаевской, Сокольницкой, Старо-Айдарской и Черкасской волостях, Луганского района, проводили сбор средств для сирот красноармейцев, выдавали денежные и продовольственные пособия семьям красноармейцев, производилась вспашка их наделов. В Александровско-Грушевском районе в «Неделю крестьянина и красноармейца», проходившую в октябре, было выдано для семей красноармейцев и неимущих 1 086 пудов семян, засеяно для них 210 десятин. В Бахмутском и Чистяковском районах для семей красноармейцев были организованы покос сена, починка сельхозинвентаря[74].

Аналогичные мероприятия осуществляли комнезамы Харьковской, Херсонской, Полтавской, Николаевской и других губерний Украины[75].

В прифронтовых районах население оказывало непосредственную помощь советским войскам в выполнении боевых задач. Командованию Красной Армии постоянно сообщались ценные разведывательные данные о противнике. Крестьяне селений, находившихся близ фронта, подвозили к фронту красноармейцев, боевое снаряжение, ими было установлено постоянное добровольное дежурство на переправах[76]. Широко известен подвиг крестьянина села Строгановки И. Оленчука, который провел вброд через Сиваш войска, направлявшиеся на штурм Перекопа. По указанию

---

[71] «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 26, стр. 18.

[72] «Тыл фронту» (однодневная газета Всеукраинской междуведомственной комиссии при Наркомсобесе по проведению «Недели семьи красноармейца») (Харьков), 15 сентября 1920 г.; см. постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 1 августа 1920 г. «О неделе помощи семье красноармейца в деревне» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 803, л. 17), телеграмму № 1724 Наркомвнудела УССР всем губисполкомам о мерах помощи крестьянским семьям на селе (ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 268, л. 38), постановление Совнаркома УССР об обеспечении хозяйств красноармейцев землей, запашкой, засевом и уборкой полей (там же, д. 5, л. 154).

[73] «Бюллетень Харьковского губкома КП(б)У», 1920, № 1, стр. 6, 9, 10; № 2, стр. 16, 19.

[74] ЦГАОР УССР, ф. 5, оп. 1, д. 231, лл. 19, 31, 64, 103, 104; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 808, л. 48; «Селянська біднота», 18 июля 1920 года.

[75] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 100, лл. 50, 51; ф. 2605, оп. 1, д. 57, л. 12; ХОГА, ф. 1, д. 59, лл. 37, 41, 48; д. 72, л. 92; «Більшовик» (Киев), 20 июля 1920 г.; «Коммунист», 15 сентября 1920 года.

[76] «Красное знамя», 16 июля 1920 г.; ЦГАОР УССР, ф. 5, оп. 1, д. 231, л. 89; Херсонский историко-археологический музей, И. Д-4, И. Д-5.

М. В. Фрунзе ревкомы сел в районе Сиваша (Строгановка, Владимировка и др.) мобилизовали все сельское население в помощь переправлявшимся войскам [77].

Непосредственная помощь населения войскам, облегчавшая боевые действия Красной Армии,— яркая страница всенародной борьбы с врангелевцами. Фронт, в свою очередь, помогал укреплению тыла. Армейские политорганы принимали большое участие в организации партийной и советской работы в районах расположения воинских частей. Армейские политорганы активно участвовали в проведении таких массовых кампаний, как «Неделя больного и раненого красноармейца», «Неделя крестьянина» и др.

Привлечению трудящихся к решению разнообразных задач советского и хозяйственного строительства содействовали различные съезды и конференции (комнезамов, Советов, работниц и крестьянок и др.). За 9 месяцев 1920 г. на Украине было созвано свыше 7 тыс. съездов и конференций. Важную роль в этом деле сыграли беспартийные конференции (рабочие, крестьянские, красноармейские, женские). Их значение высоко оценивал В. И. Ленин [78]. На беспартийных конференциях систематически обсуждались вопросы помощи фронту. Трудящиеся Одессы, Екатеринослава, Донбасса, Сум, Каховки и многих других мест выносили на конференциях решения о посылке добровольцев на фронт (иногда их сразу же выделяли из состава делегатов, как, например, на беспартийной конференции молодежи Ахтырского уезда) и оказании разнообразной помощи красноармейцам и их семьям. Делегаты беспартийных конференций принимали активное участие в проведении мобилизаций на фронт, на продработу, на командные курсы, в формировании добровольческих кавалерийских эскадронов, участвовали в изъятии продовольственных и иных излишков у буржуазии.

Горячую поддержку Советской власти и Красной Армии оказывали трудящиеся временно захваченных белогвардейцами районов. Крестьянство на занятой Врангелем территории помнило, что Советская власть, ликвидировав помещичье землевладение, передала ему землю в бесплатное пользование. Врангель же, согласно утвержденному им 25 мая 1920 г. так называемому «земельному закону», оставлял за каждым помещичьим хозяйством до 600 десятин земли, за кулаками — до 150 десятин. Часть помещичьих и других земель крестьяне могли приобрести только за огромный выкуп [79]. Население оккупированных районов подвергалось насилию, грабежам, страдало от постоянных реквизиций хлеба и скота. Врангель установил 12-часовой рабочий день при мизерной заработной плате, профсоюзы преследовались. Повсюду свирепствовали военно-полевые суды, приговаривавшие к смертной казни за сочувствие Советской власти.

Введенный Врангелем режим грабежей и террора, насилия и произвола не мог не вызвать освободительной борьбы трудящихся, которая подрывала и разрушала тыл белогвардейцев. Важнейшими формами этой борьбы были партизанское движение, уклонение от мобилизации в белую армию, саботаж всех мероприятий врангелевских властей.

Общее руководство подпольными партийными организациями и партизанским движением в тылу у врага осуществлял Центральный Комитет РКП(б). На Украине, в соответствии с указаниями ЦК РКП(б), эта работа направлялась Закордонным отделом ЦК КП(б)У [80].

В Северной Таврии центром партизанских действий стали днепровские плавни. В октябре 1920 г. в Приднепровском районе оперировало

---

[77] «Перекоп». Сборник воспоминаний. М.-Л. 1941, стр. 187—188.
[78] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 165—166.
[79] «Вестник агитации и пропаганды», 1920, № 1, стр. 13—17.
[80] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 803, л. 100.

2 отряда, возглавлявшихся коммунистами. Первый отряд, под командованием Будько, насчитывал 25 человек, вооруженных винтовками и пулеметами. Отряд оперировал в районе Лепатих, где он фактически являлся хозяином положения. Во втором отряде, избравшем местом действий плавни Никопольского района, было около 150 человек. Этим отрядам ставилась задача сделать плавни базой и исходным пунктом для наступления на Мелитопольский район, систематически разрушать тылы противника.

Партизаны часто выполняли задания ближайших воинских частей Красной Армии, преимущественно разведывательного характера. В Херсонском уезде активно действовали 3 партизанских отряда под общим командованием Прокофия Тарана, сына крестьянина-бедняка. В его отрядах насчитывалось около 170 человек, в том числе 15 девушек-комсомолок. Сохранились имена двух командиров отрядов — Демиденко и А. Я. Недождий. Партизаны сорвали подготовлявшуюся Врангелем у Голой пристани десантную операцию против Херсона, сумели угнать у белых катер, плоты и захватить пленных. Они провели рейд на занятую врангелевцами Монастырскую слободку, освободив при этом 60 заключенных и причинив врагу большой урон. Среди активных участников этого отряда были Петр Птахов, Кутущенко, Москаленко, Поляков, Иванов [81].

Местное население всячески помогало партизанам, сообщало разведывательные сведения, снабжало хлебом, мясом, фуражом. Рискуя жизнью, жители оккупированных сел Алешкинского уезда — Колончака, Чаплинки и др.— помогали бежавшим из плена красноармейцам, прятали их в плавнях, снабжали провизией и одеждой, переправляли к линии фронта, по ночам уводили у врангелевцев лошадей и передавали их партизанам. Молодежь рвала телефонные провода, нарушала связь врангелевцев. Последняя форма борьбы с врангелевцами достигла настолько широкого распространения, что генералом Кутеповым был издан приказ, угрожавший «злоумышленникам» военно-полевым судом [82].

Почва горела под ногами белогвардейцев. Советские патриоты держали в постоянном страхе врангелевские гарнизоны, уничтожали живую силу врага, сковывали его действия и тем самым способствовали успеху регулярных войск Красной Армии. В конце октября — начале ноября 1920 г. партизанские отряды вместе с регулярными войсками Красной Армии приняли участие в решающих боях по разгрому Врангеля [83].

Партизанские отряды, нанося удары по тылам белогвардейских войск, отвлекали на себя значительные силы врага. Врангелевскому командованию для борьбы с партизанами пришлось создать специальную тыловую армию численностью в несколько тысяч человек и особый штаб во главе с генералом Носовичем [84].

Одной из главных задач, которую пытался решить Врангель, было пополнение крестьянами его частей, создание большой армии для «похода на Москву». Однако эти попытки Врангеля были обречены на провал. 2 октября 1920 г. в речи на съезде рабочих и служащих кожевенного производства В. И. Ленин говорил: «...крестьянское войско, как оно было против Колчака, Деникина и Юденича, так оно никогда не может идти с врангелевскими офицерскими войсками» [85]. Так было во время высадки врангелевских десантов на Дону и Кубани. То же происходило и на Украине.

Заняв территорию Днепровского уезда, Врангель сразу же объявил мобилизацию населения в возрасте от 18 до 37 лет. Крестьяне массами

---

[81] Херсонский областной историко-археологический музей, И. Д-1, И. Д-7.
[82] Там же, И. Д-1; ДОГА, ф. Р-616с, д. 179, л. 92.
[83] Херсонский областной историко-археологический музей, И. Д-1, И. Д-7.
[84] «Известия» (Херсон), 10 октября 1920 г.; И. С. Коротков. Указ. соч., стр. 80.
[85] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 286.

скрывались от мобилизации, не желая идти в армию Врангеля[86]. Насильно же мобилизованные, как правило, переходили линию фронта и вступали в ряды Красной Армии или просили советское командование снабдить их оружием для того, чтобы они могли организоваться в партизанские отряды и помогать Красной Армии. Аналогичная картина наблюдалась в Мелитополе, Александровске и других местах.

Озлобленное провалом мобилизации, врангелевское командование в приказах угрожало уклонявшимся от мобилизации преданием военно-полевому суду и расстрелами, конфискацией имущества, мобилизацией в армию членов семьи. Так оно и было. В места, где происходили выступления против мобилизации, посылались карательные экспедиции. Во время одной из таких экспедиций (в селе Белозерке) на начальника карательного отряда генерала Купчинского было совершено покушение[87]. Но белым не помогали ни карательные экспедиции, ни митинги с призывами добровольно вступать во врангелевскую армию, ни вся та демагогия, которая широким потоком разливалась со страниц полутора десятков врангелевских газет, а также всякого рода призывов и прокламаций.

Не имели успеха и мобилизации населения для отбывания так называемой трудовой повинности, несмотря на все драконовские меры, применявшиеся врангелевцами. В приказе от 20 августа 1920 г. Врангель вынужден был признать «недружелюбное» отношение населения к требованиям войск, отказы поставлять армии продукты, нежелание населения расквартировывать войска[88].

Таким образом, трудящиеся Украины единодушно поддерживали все мероприятия коммунистической партии и советского правительства, направленные на разгром Врангеля. В этом сказалась правильность провозглашенной VIII съездом РКП(б) политики партии по отношению к среднему крестьянству, политики союза с ним, при прочной опоре на бедноту и борьбе с кулачеством. Эта мудрая политика позволила ликвидировать колебания середняка, прочно завоевать его на сторону Советской власти.

★

Самоотверженная борьба советского народа против врангелевского нашествия привела к краху последнего похода Антанты. Вместе с русским и другими народами Советской России большой вклад в разгром Врангеля внесли рабочий класс и трудовое крестьянство Украины. Этот вклад оказал существенное влияние на ход и исход боевых операций, способствовал выполнению указания В. И. Ленина «раздавить в кратчайший срок Врангеля»[89].

Вдохновителем и организатором победы советского народа над силами внешней и внутренней контрреволюции была коммунистическая партия во главе с ленинским Центральным Комитетом. Громадная заслуга в организации разгрома врага принадлежала ее славному отряду — Коммунистической партии (большевиков) Украины. Вопросы борьбы с белополяками и врангелевцами, создания прочного тыла Красной Армии всегда были в центре внимания ЦК КП(б)У, в который входили тогда С. В. Косиор, Г. И. Петровский, Д. З. Мануильский, В. Я. Чубарь, Ф. А. Сергеев (Артем) и др. За семь с половиной месяцев, прошедших между IV и V всеукраинскими партконференциями (30 марта — 15 нояб-

[86] ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 2, д. 171, л. 9; д. 81, л. 25; д. 162, лл. 26, 45; д. 175, лл. 119, 120, 127; ЦГАКА, ф. 101, д. 2, л. 74; ХОГА, ф. 251, оп. 1, д. 6, л. 2; «Красный воин», 31 июля 1920 года.

[87] ЦГАКА, ф. 101, д. 252, л. 1.

[88] Газета «Крымский вестник», 26 августа 1920 года.

[89] В. И. Ленин. Соч., Т. 31, стр. 306.

ря 1920 г.), состоялось более 150 заседаний Политбюро, Оргбюро и Бюро ЦК КП(б)У. Большинство из этих заседаний посвящалось разрешению важнейших политических, хозяйственных и военных задач, которые ЦК РКП(б) ставил перед партийными организациями на этапе вооруженной иностранной интервенции и гражданской войны, а также задач, вытекавших из специфики обстановки на Украине [90].

Как отмечается в отчете ЦК КП(б)У V Всеукраинской партконференции, ЦК не ограничивался тем, что предоставлял инициативу ВУЦИКу, Совнаркому и Совету Украинской трудовой армии: он сам принимал деятельное участие в решении всех практических задач. При этом необходимо особенно подчеркнуть, что со стороны ЦК РКП(б) Центральный Комитет КП(б)У встречал полнейшую поддержку [91].

Постоянно заботясь об усилении боеспособности Украинской парторганизации, ЦК РКП(б) укреплял ее кадрами. В орготчете ЦК КП(б)У на IV Всеукраинской партконференции, сделанном С. В. Косиором, указывалось, что с января по март 1920 г. ЦК РКП(б) направил на Украину более 500 ответственных работников. С апреля по ноябрь было направлено еще 1 099 партийных деятелей [92].

Направлявшиеся в 1920 г. на врангелевский фронт виднейшие деятели коммунистической партии и Советского государства Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе и другие одновременно оказывали ценную практическую помощь партийным и советским органам Украины.

В ходе борьбы против Врангеля украинские коммунисты добились укрепления и расширения своих связей с массами трудящихся. Оценивая итоги работы Коммунистической партии Украины, проведенной за время, прошедшее от IV до V партийной конференции, ЦК РКП(б), в частности, отмечал, что партийные организации «распространили свое влияние не только на городское рабочее население, но приобрели большое идейное и организационное влияние на широкие слои беднейшего и среднего крестьянства Украины» [93].

Один из важнейших выводов, который сделал для себя украинский народ из истории борьбы с Врангелем,— это необходимость крепить и впредь дружбу с великим русским и всеми другими народами Советской страны.

Уроки войны не прошли даром. Трудящиеся массы Украины вышли из боев еще более сплоченными вокруг коммунистической партии. Упрочился военно-политический союз рабочего класса и крестьянства. Опыт руководства массами, который приобрела Коммунистическая партия Украины в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, в дальнейшем помог успешному решению задач, вставших перед страной,— восстановлению народного хозяйства и строительству социализма.

---

[90] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 803, лл. 1, 43, 53, 104, 107, 110; «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 1—7.

[91] «Отчет ЦК КП(б)У с 1 апреля по 1 ноября 1920 г.», стр. 6—7.

[92] «Коммунист», 1920, № 1, стр. 28; «Бюллетень V Всеукраинской конференции КП(б)У», № 2, 19 ноября 1920 г., стр. 17.

[93] «Известия ЦК РКП(б)», 1920, № 26, стр. 5.

МЕТОДЫ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА НАД СТАТИСТИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

В. И. Буганов

При изучении идейного наследия В. И. Ленина важное место занимает вопрос о приемах его работы над источниками. Знакомство с этой стороной ленинской деятельности вводит нас в творческую лабораторию гениального мыслителя и исследователя.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые стороны творческого метода В. И. Ленина при работе над важнейшими статистическими источниками, использованными в его трудах 90-х годов, в первую очередь в «Развитии капитализма в России».

Основными источниками для исследования пореформенной экономики России являются материалы земской и правительственной статистики. Во второй половине XIX в. было издано свыше 600 сборников по хозяйственной, санитарной статистике, народному образованию, промыслам и т. д.[1]. В большинстве сборников по хозяйственной статистике сведения группировались по общинам, волостям данного уезда и губернии (так называемая территориальная сводка); лишь в отдельных сборниках давалась группировка данных по степени экономической состоятельности крестьянских хозяйств (по количеству посева, рабочего скота, батраков и т. д. на одно хозяйство). Обработка цифрового материала, его сводка страдали серьезными недостатками: отсутствием единой программы при сборе сведений, обилием «средних» цифр, разнобоем в приемах сведения и обобщения данных.

Правительственными органами в течение второй половины XIX в. было издано немало статистических сборников о поземельной собственности, об урожайности по различным губерниям, но в них не было материала для сравнительного изучения отдельных типов крестьянских хозяйств с точки зрения их экономической мощности; исключение составляли военно-конские переписи, которые позволяли сгруппировать материал по отдельным хозяйственным типам. В области промышленной статистики имелись многочисленные сборники, изданные министерствами внутренних дел, финансов, государственных имуществ; они охватывали различные типы промышленных заведений — от домашних промыслов до крупной машинной индустрии. Отсутствие единого центра, единой программы в сборе сведений приводило к разнобою, получались разнохарактерные данные, не поддающиеся сравнению за отдельные периоды[2].

Несмотря на недостатки земской и правительственной статистики,

---

[1] См. С. Н. Велецкий. Земская статистика. Ч. I. История и методология. М. 1899; З. М. и Н. А. Свавицкие. Земские подворные переписи. 1880—1913 гг. Поуездные итоги. М 1926, стр. 5—6; Н. А. Свавицкий. Земские подворные переписи. М. 1930, стр. 38—51.

[2] С. А. Никитин. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). М. 1940, стр. 57—80.

она давала разносторонний и богатый материал для изучения экономической действительности России. Кроме того, имелось немалое количество местных исследований по экономике, санитарии, по разным отраслям народного хозяйства, различных статей, опубликованных в газетах и журналах, и т. д. Весь этот материал использовался в трудах по экономике России, в частности народниками, которые с помощью статистических данных пытались обосновать свои взгляды. Так, либеральный народник В. П. Воронцов, используя «средние» цифры земской статистики, отрицал расслоение крестьянства. Классовый анализ экономического положения различных групп крестьянства у него совершенно отсутствовал, вместо этого приводились «средние выводы» о крестьянах вообще [3]. В. И. Ленин ярко показал несостоятельность подобных упражнений В. Воронцова [4]. Народник Н. А. Карышев, некритически используя цифры из различных статистических изданий 1860—1890 гг., утверждал, что количество фабрик в России во второй половине XIX в. уменьшилось и тем самым поле действия капитализма сузилось [5]. В. И. Ленин, проанализировав цифровой материал тех же сборников, полностью разбил эти утверждения Карышева [6].

Проанализировав и обобщив данные земской и правительственной статистики, В. И. Ленин показал ненаучность приемов, какими пользовались народники. Для ленинских методов работы характерен прежде всего научный, классовый, партийный подход к предмету исследования. На первое место В. И. Ленин ставил анализ конкретных имущественных отношений, сложившихся в сельском хозяйстве и промышленности России, выяснение их социальной сущности, защиту интересов передовых классов — участников будущих революций — пролетариата и беднейшего крестьянства. Его исследования подчинены интересам рабочего класса. Подобный подход к изучению социально-экономических явлений, методы обработки статистических данных были совершенно новыми, коренным образом отличавшимися от приемов работы буржуазных и мелкобуржуазных ученых, в частности народников.

В. И. Ленин придавал решающее значение статистике как источнику в научном исследовании. «Социально-экономическая статистика,— писал он,— одно из самых могущественных орудий социального познания» [7]. При подготовке своих трудов В. И. Ленин привлекал огромное количество источников, высоко ценил лучшие статистические издания своего времени, в частности труды земских статистиков, которые собрали «громадный и детальнейший материал» о положении русского крестьянства. Вместе с тем он критиковал земскую статистику за часто неудовлетворительное обобщение цифрового материала, в результате чего «масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется» в «средних», зачастую фиктивных цифрах по общинам, волостям, разрядам крестьян, надельным группам и т. д. Главным в деле обработки статистических материалов при исследовании вопроса о разложении крестьянской общины В. И. Ленин считал проблему группировки крестьянских хозяйств. Он выступал за рациональную научную группировку хозяйств, по степени экономической силы, против группировок по наделу, ревизским душам и т. д. [8].

---

[3] В. В. Разделение труда земледельческого и промышленного в России. «Вестник Европы», 1884, кн. 7, стр. 330, 337.

[4] См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее — В. И. Ленин. ПСС), т. 3, стр. 72—73.

[5] Н. А. Карышев. Материалы по русскому народному хозяйству. 1. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х годов. М. 1898.

[6] См. В. И. Ленин. Соч. Изд. 4-е, т. 4, стр. 1—31; ПСС, т. 3, стр. 460—461.

[7] В. И. Ленин. Соч. Изд. 4-е, т. 16, стр. 400.

[8] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 632—633; Соч., изд. 4-е, т. 5, стр. 195, прим.; т. 10, стр. 174; т. 15, стр. 75; т. 20, стр. 67—68.

В. И. Ленин широко использовал также статистические и другие источники о «кустарном» производстве, но отмечал бессодержательность, расплывчатость самого понятия «кустарничество», отсутствие группировок в описаниях «кустарных» промыслов и т. д.[9]. Еще более сурово он критиковал правительственную фабрично-заводскую статистику, называл ее «лживой, неряшливой, канцелярски-путаной статистикой разных «ведомств», скорее заслуживающей названия полицейской отписки», отмечал разнобой, разнохарактерность собранных данных, отсутствие точного определения понятий «фабрика» и «завод»[10].

В. И. Ленин начал изучать материалы статистики, в первую очередь земской, уже с конца 80-х годов. В его трудах 1890-х годов использован ряд статистических изданий, характеризующих крестьянское хозяйство, промыслы, а также фабрично-заводскую промышленность России. Уже в то время создавались им новые методы работы над источниками, с таким блеском примененные впоследствии в обобщающем труде о русском капитализме. В своих исследованиях 1893—1894 гг. В. И. Ленин использовал в качестве источников ряд статистических сборников по Таврической, Московской, Воронежской, Саратовской, Самарской губерниям, исследования Постникова, Гурвича и др.[11]. Рассматривая данные книги В. Е. Постникова о крестьянском хозяйстве Таврической губернии, В. И. Ленин принял его группировку крестьянских хозяйств по величине посевной площади. Но В. Е. Постников, как отмечал В. И. Ленин, не провел последовательно разделение крестьян на «ясные группы» и не сумел вследствие этого увидеть социальную сущность экономических отношений среди различных групп крестьянства. В. И. Ленин впервые в экономической литературе поставил изучение этого вопроса на научную политико-экономическую основу; он детально изучил данные В. Е. Постникова и статистических сборников и рельефно показал экономическую рознь между бедной и зажиточной группами крестьянства[12]. В своих работах В. И. Ленин последовательно проводил группировку статистических данных о крестьянском хозяйстве по трем группам (бедной, средней и зажиточной).

В статьях 1893—1897 гг. В. И. Ленин обработал данные о «кустарных» промыслах, взятые из статистических сборников по Московской и Пермской губерниям, «Трудов по исследованию кустарной промышленности в России», «Отчетов и исследований по кустарной промышленности в России», работ Исаева, Харизоменова, Пругавина о промыслах в Московской и Владимирской губерниях и др. материалов[13]. Он подверг критике составителей ряда сборников, экономистов-народников, за неправильную группировку и неполноту сведений, увлечение «средними» цифрами; указал, что при изучении мелкого производства необходимо «группировать кустарей на разряды по числу рабочих (и семейных, и наемных) в мастерской и приводить все данные переписи по этим разрядам»[14].

В. И. Ленин применял различные, в ряде случаев новые, необычные для того времени способы использования и обработки материалов. Это переработка, комбинирование данных, дополнительные подсчеты, составление новых таблиц и т. д.

Фабрично-заводскую статистику В. И. Ленин начал исследовать несколько позже, примерно с середины 90-х годов. Как известно, непосредственно к работе над «Развитием капитализма в России» В. И. Ленин

---

[9] В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 399—401; т. 3, стр. 342 и др.
[10] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 455—469; Соч., изд. 4-е, т. 10, стр. 174.
[11] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 1—66, 106—113, 224—234, 249—250, 313—319.
[12] Там же, стр. 1—66.
[13] Там же, стр. 113—118, 209—224; т. 2, стр. 317—424.
[14] В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 365.

приступил в 1896 году. С этого времени он начал широко знакомиться с фабрично-заводской статистикой. Ряд материалов этой статистики использован или упомянут им в работе «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии...»[15]. В написанной В. И. Лениным в 1898 г. статье «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике»[16] использованы различные сборники правительственной статистики, ряд исследований, справочников и т. д. В этой статье В. И. Ленин отмечал «плачевное состояние» фабрично-заводской статистики и предлагал применять научный критерий для группировки статистических сведений о фабрично-заводских предприятиях (по числу рабочих, по роду двигателей, по величине производства), ставил вопрос о необходимости составления, помимо групповых, таблиц комбинационных.

★

Результатом изучения огромного количества источников и литературы, а также экономической действительности России явилось классическое произведение В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В этом капитальном труде получили дальнейшее развитие ленинские приемы исследования источников, частично примененные в его произведениях 1893—1898 годов.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин тщательно и всесторонне исследовал вопросы развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности страны во второй половине XIX в., экономически обосновал руководящую роль пролетариата и необходимость союза рабочего класса и крестьянства в будущей революции. Творчески развивая Марксову теорию воспроизводства применительно к русским условиям, он окончательно разгромил народнические воззрения. Основываясь на открытых К. Марксом законах капиталистического производства, В. И. Ленин показал, что в России растущий капитализм сам создает для себя рынок, то есть условия для своего дальнейшего развития. После появления его книги в факте широкого развития капитализма в российской экономике уже нельзя было сомневаться.

Ленинский труд «Развитие капитализма в России» отличается не только новизной, глубиной научного анализа, смелостью и обоснованностью выводов, но и принципиально новыми методами исследования источников, оригинальными приемами их обработки, сводки данных. В этом отношении он коренным образом отличается от буржуазных экономических сочинений того времени, в том числе народнических, в которых использовались те же источники.

Материалы, использованные В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России»[17], можно разделить на несколько групп. Наиболее важную группу из них составляют статистические источники, в первую очередь таблицы, отдельные цифровые данные из сборников земской, «кустарной» и фабрично-заводской статистики. Другой группой являются описательные источники — различные исследования о крестьянском и помещичьем хозяйствах, о «кустарных» промыслах, различных отраслях фабрично-заводской промышленности, торговле, транспорте и т. д.; текстовые описания крестьянских и частновладельческих хозяйств, промыслов в земских статистических сборниках. Многие из этих работ принадлежали перу экономистов и статистиков народнического толка. Ряд данных В. И. Ленин взял из собственных трудов 90-х годов. Некоторые фактические сведения были им заимствованы из иностранных источни-

---

[15] См. там же, стр. 338, 341, 347, 381, 389, 393, 418.
[16] В. И. Ленин. Соч. Изд. 4-е, т. 4, стр. 1—31.
[17] Их полный перечень см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 666—725.

ков[18] в большинстве случаев для сравнения с русскими данными. Немногочисленную, но важную группу составляли художественные произведения (М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского, Г. И. Успенского и др.), из которых В. И. Ленин брал яркие сравнения, литературные образы, стараясь конкретизировать свои мысли, сделать их более наглядными.

Обычно в литературе указывается, что в труде «Развитие капитализма в России» использовано примерно 600 различных источников. В целом В. И. Ленин просмотрел их, конечно, гораздо больше. Например, для «Развития капитализма в России» он брал данные далеко не всех земско-статистических сборников, но, несомненно, был знаком с большинством из них. О некоторых он бегло упоминает в своей книге. Так, о тверских сборниках он пишет, что в них, несмотря на богатство сведений, «обработка подворных переписей крайне неполна, группировки дворов по хозяйственной состоятельности нет». Далее он приводит пример того, как составитель одного из тверских сборников (т. XIII, вып. 2) П. А. Вихляев, пользуясь наличием в них недостатков, пытается отрицать разложение крестьянства, «поет гимн» «народному производству»[19]; эти замечания основаны, конечно, на знакомстве В. И. Ленина со всеми тверскими сборниками. В своей работе он, например, ссылается на другой тверской сборник (т. VIII)[20]. Хозяйственные группировки отсутствуют также во всех 12 рязанских сборниках, тем не менее последние были изучены Лениным, который, характеризуя различные виды отработок, ссылался на «сборники... по Рязанской губ.»[21].

В. И. Ленину, несомненно, были известны земско-статистические сборники и по другим губерниям. О широком знакомстве с ними он упоминает в труде «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.»[22]. То же можно сказать о ряде сборников, исследований и т. д. по «кустарной» и фабрично-заводской статистике («Труды кустарной комиссии», «Статистика Российской империи» и др.)[23], которые также были выделены из большого числа сборников, журналов, газет, просмотренных им. Таким образом, В. И. Ленин проделал огромную подготовительную работу по изучению и отбору значительного количества источников (оно превышает число названий, непосредственно зафиксированных в его труде, вероятно, в 1,5—2 раза). Это было первым этапом его исследовательской деятельности.

О ленинских методах изучения, интерпретации источников свидетельствуют пометки на страницах статистических сборников, книг, которыми он пользовался. Он подчеркивал характерные места в тексте, делал различные пометы, заметки на полях, проверял и исправлял таблицы, производил дополнительные подсчеты, составлял новые таблицы и т. д.[24]. Нередко В. И. Ленин прямо использовал, цитировал, брал цифровые данные источников. Так, он привел различные данные и описания из статистических сборников, исследований В. Е. Постникова, В. Воронцова, Н. А. Карышева, Маресса[25]. Иногда он комбинировал данные из различных мест источника, исследования или из разных изданий (например, в главах «Развития капитализма в России», посвященных рассмотрению различных форм промышленности). Чаще всего В. И. Ленин применял метод переработки показателей источников, особенно статистических сборников. В последних сведения чаще всего были разброса-

[18] Там же, стр. 722—725.
[19] Там же, стр. 118—119.
[20] Там же, стр. 304.
[21] Там же, стр. 192, прим.
[22] В. И. Ленин. Соч. Изд. 4-е, т. 15, стр. 61.
[23] См. их перечень — В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 666 и др.
[24] См. подробнее об этом Ленинский сборник XXXIII.
[25] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 62, 67, 72, 81—83, 88—89, 91, 162—163, 193 и др.

ны, несистематизированы; группировки отличались излишней дробностью, разнохарактерностью; данные обычно приводились в абсолютных цифрах; все это, вместе взятое, мешало ясно представить характер того или иного экономического явления.

В. И. Ленин проделал огромную работу по анализу статистических материалов, переработке и перегруппировке данных, переводу абсолютных цифр в относительные (в%, в показатели на 1 двор, на 1 заведение, на 1 рабочего). Для этого ему часто приходилось составлять промежуточные таблицы (являясь лишь подготовительным материалом, они не вошли в книгу «Развитие капитализма в России»), проводить сотни и тысячи операций по подсчету различных цифр.

Чтобы получить наиболее полное, конкретное представление о характерных чертах ленинской методики, необходимо рассмотреть некоторые примеры того, как В. И. Ленин обрабатывал статистические источники по крестьянскому хозяйству, «кустарному» производству, фабрично-заводской промышленности.

В первом параграфе II главы «Развития капитализма в России» В. И. Ленин пишет, что данные из книги В. Е. Постникова он считает «необходимым свести по принятой нами системе»[26]. Эта система обработки, сводки статистических данных характерна не только для указанного параграфа, но и для всей второй главы, а также труда В. И. Ленина в целом. Материалы о Таврической губернии (гл. II, § 1) были взяты им из книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» и трех земско-статистических сборников по Таврической губернии. В. И. Ленин выбрал из книги В. Е. Постникова сведения, представляющие наибольшую ценность; остальные были исключены, как, например, данные по Екатеринославской и Херсонской губерниям, обильно приводимые В. Е. Постниковым (в них отсутствовали хозяйственные группировки). По Таврической губернии имелось восемь сборников по 8 уездам с группировкой хозяйств, сделанной на основе учета размера посевных площадей, и девятый — с итогами по губернии[27]. В. Е. Постников использовал из них в основном сборники по 3 уездам — Мелитопольскому, Днепровскому и Бердянскому,— характерным для земледелия Южной России. В. И. Ленин выписал из книги Постникова показатели о количестве дворов разных категорий крестьян (колонистов, государственных, бывших помещичьих и т. д.), о площади посева, количестве лошадей, волов и т. п., сам подсчитал на полях книги общее количество дворов всех категорий крестьян по 3 уездам, процент дворов колонистов и процент волов и т. д.[28]. Из этих данных многое он не включил в свою книгу, например, таблицы по отдельным категориям крестьян по всем уездам Таврической губернии и т. д., а также вычисленный им процент дворов колонистов и процент волов. В «Развитии капитализма в России» приведены лишь некоторые характерные цифры по 3 уездам, причем они систематизированы не так, как у В. Е. Постникова. У последнего дается много десятков таблиц, загромождающих изложение, у В. И. Ленина — только 9, четко и выразительно раскрывающих положение отдельных групп крестьянских хозяйств.

При составлении таблиц В. И. Ленин пользовался разными приемами. Ряд таблиц В. Е. Постникова он переработал и свел в одну. Так, таблица о количестве скота на 1 двор по 3 уездам и инвентаря на 1 двор по Днепровскому уезду составлена из 3 таблиц В. Е. Постникова, причем опущены данные об инвентаре по Мелитопольскому и Бердянскому уездам и данные о количестве инвентаря на 100 дес. посева по всем

---

[26] Там же, стр. 61.

[27] «Сборник статистических сведений по Таврической губернии». Тт. I—IX. Симферополь — Москва. 1885—1889.

[28] Ленинский сборник, XXXIII, стр. 20—21.

3 уездам [29]. Из таблицы В. Е. Постникова о количестве надельной, купчей и арендованной земли на 1 двор по группам дворов 3 уездов В. И. Ленин сам подсчитал (исправив ошибки автора) общее количество земли на 1 двор по всем группам и уездам; для «Развития капитализма в России» он взял данные только по Днепровскому уезду [30]. Иногда В. И. Ленин комбинировал сведения В. Е. Постникова и земских сборников; таким путем составлена его первая таблица по Новороссии [31].

Используя таблицу В. Е. Постникова о цене 1 арендованной десятины по Днепровскому уезду, В. И. Ленин писал, что данные по Мелитопольскому и Бердянскому уездам (тоже приводимые Постниковым) «совершенно аналогичны», поэтому они опущены [32]. Из сведений по 3 уездам В. И. Ленин выбирал наиболее характерные, отображавшие отношения двух полярных типов хозяйств; именно такими были данные по Днепровскому уезду. Так, в таблице В. Е. Постникова приводятся цифры о цене 1 десятины земли по всем 6 группам хозяйств трех уездов: Бердянского (крестьяне низшей группы платят за 1 дес. 11 руб.; высшей — 4 р. 20 к.) и Мелитопольского (соответственно 5 р. 50 к. и 3 р. 93 к.). Однако противоположность низшей и высшей групп рельефней всего видна из таблицы по Днепровскому уезду; здесь высшая группа при аренде бóльшего количества земли платит за десятину 3 р. 55 к., низшая при аренде меньшего количества земли—15 р. 25 к. [33] за десятину, то есть в 4,3 раза больше. В. И. Ленин, как и в других подобных случаях, взял таблицу по Днепровскому уезду.

Некоторые таблицы составлены В. И. Лениным на основании данных сборника по Днепровскому уезду. Из многих таблиц этого сборника он использовал одну — сводную по всем разрядам крестьян. По ней составлена таблица распределения земель по 6 группам хозяйств [34]. Маловыразительные, терявшиеся среди сотен и тысяч других показателей цифры приобрели после их обработки совершенно новое звучание; они позволили В. И. Ленину сделать вывод о громадной концентрации купчей и арендованной земли зажиточной группой крестьян (78% и 59%; всего землепользования — 46,4%; дворов — 18,4%, населения — 25,2%), выталкивании бедной группы из числа землевладельцев (39,9% дворов, 32,6% населения — 6% купчей, 6% арендованной земли, 12,4% всего землепользования).

Так же разнообразны методы обработки статистического материала и по остальным губерниям. В этом случае В. И. Ленин использовал исключительно статистические сборники, не привлекая таблиц из другой литературы; техника обработки им сведений столь же совершенна и необычна для того времени. Сведения о крестьянских хозяйствах в статистических сборниках по другим губерниям приводятся по разному количеству групп, которые В. И. Ленин во всех случаях переводит в данные по трем основным группам. Так, в сборнике по Красноуфимскому уезду, Пермской губернии, сведения приводятся по 6 группам; в группу бедняков В. И. Ленин объединил данные 1-й и 2-й групп сборника, среднего

[29] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 64; ср. В. Е. Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство. М. 1891, стр. 120, 135, 275. У В. И. Ленина ссылки на таблицы В. Е. Постникова не приводятся.

[30] В. Е. Постников. Указ. соч., стр. 145; Ленинский сборник XXXIII, стр. 22—23. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 64.

[31] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 62; ср. «Сборник статистических сведений по Таврической губернии». Т. I, вып. I. Мелитопольский уезд. Симферополь. 1885, стр. Б 190; т. II. Днепровский уезд. Симферополь. 1886, стр. Б 112; т. V. Бердянский уезд. Симферополь. 1887, стр. Б 184; В. Е. Постников. Указ. соч., стр. 114, 116, 117.

[32] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 72—73.

[33] В. Е. Постников. Указ. соч., стр. 149.

[34] «Сборник статистических сведений по Таврической губернии». Т. II, стр. Б 118—Б 123; В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 70—71.

крестьянства — 3-й и 4-й; зажиточного — 5-й и 6-й. Слишком дробные показатели этого сборника (так, данные о количестве скота приводятся в пяти графах; о надельной, арендованной и сданной в аренду земле — в 25 графах) В. И. Ленин свел воедино [35].

По пяти другим губерниям, которым посвящены специальные параграфы II главы «Развития капитализма в России», статистические данные сгруппированы по количеству рабочего скота на одно крестьянское хозяйство; количество групп в сборниках по этим губерниям неодинаково: четыре (Орловская и Воронежская), пять (Нижегородская), шесть (Саратовская) и семь (Самарская). В саратовском сборнике крестьянские хозяйства разделены сначала на 6 надельных категорий (по количеству надельной земли). Каждая из них, в свою очередь, делится на 6 групп по рабочему скоту. Таким образом, в сборнике числилось 36 типов хозяйств, выделенных на основе определения количества рабочего скота. В. И. Ленин выбрал сведения о группах по рабочему скоту из данных по надельным категориям (например, данные о безлошадных из всех 6 надельных категорий и т. д.); таким образом, основная группировка сборника — по наделу — отбрасывалась; получались данные по 6 группам хозяйств по рабочему скоту, которые затем сводились в данные по трем основным группам [36]. По Нижегородской губернии группы хозяйств по рабочему скоту располагались от высшей к низшей; В. И. Ленин расположил группы от низшей к высшей [37].

В целом В. И. Ленин привел данные о крестьянском хозяйстве по 12 губерниям России, в том числе из сборников с неполными сведениями (в некоторых сборниках, например, отсутствовали сведения о сданной земле и т. д.); это было сделано, по его словам, в «интересах полноты» (сборники по Новгородской, Черниговской, Иркутской, Полтавской, Калужской губерниям) [38].

Следующим этапом обработки В. И. Лениным земско-статистических материалов было сведение их в масштабе ряда губерний. Для этого были взяты сведения по 7 губерниям (21 уезду), по которым имелись достаточно полные сравнимые данные [39]. При этом В. И. Ленин применил оригинальный прием сопоставления отношений между высшими и низшими группами. Для этого из всех высших групп 7 губерний он составил группу в 20% дворов, а из низших — 50% дворов (таблицы А и Б). При условии распределения общего количества дворов (100%) от низших к высшим группам следующим образом: 1) 30%, 2) 25%, 3) 20%, 4) 15% и 5) 10% — для составления 50% дворов низшей группы брались 30% первой группы и 20% (то есть $^4/_5$) второй; 20% высшей группы — 10% пятой группы и 10% (то есть $^2/_3$) четвертой группы; в соответствии с этим подсчитывались и процентные отношения групп к данным о посеве, скоте и т. д. Сначала В. И. Ленин вычислял процентные отношения каждой группы к итогу по уезду или по группе уездов одной губернии, затем определял с помощью описанного выше приема, «какая процентная доля земли, посева, скота и т. д. придется на долю» 50% дворов низшей и 20% дворов высшей группы. Приведем пример. Из сводной таблицы видно, что по двум уездам Орловской губернии отношения между двумя группами характеризуются следующими дан-

[35] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 97—103; ср. «Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии». Вып. III. Таблицы. Казань. 1894, стр. 78—89.

[36] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 83—96; ср. «Сборник статистических сведений по Саратовской губернии». Т. XI. Камышинский уезд. Саратов. 1891, стр. 173—185.

[37] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 111—114; ср. «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии». Экономическая часть. Вып. IV. Княгининский уезд. Нижний Новгород. 1888, приложения, стр. XXXIV—XLI; вып. IX. Васильский уезд. Нижний Новгород. 1890, приложения, стр. XX—XXIX; вып. XII. Макарьевский уезд. Нижний Новгород. 1889, приложения, стр. XXXVIII—XLVII.

[38] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 114—118.

[39] Там же, стр. 119—133.

ными: низшая группа из 50% дворов имеет 93,9% сданной и 8,9% купчей земли, высшая группа из 20% дворов — 2,7% сданной и 63,4% купчей [40]. Как были получены эти данные? Распределение всей земли между группами хозяйств двух уездов Орловской губернии имеет (см. таблицу в § V II главы «Развития капитализма в России») следующий вид [41]:

	% семей	% купчей земли	% сданной земли
Безлошадные	22,9	3,1	85,8
С 1 лошадью	33,5	7,2	10,0
С 2—3 лошадьми	36,4	40,5	3,0
С 4 и более	7,2	49,2	1,2

50% бедняцких хозяйств (низшая группа) получены здесь из 22,9% первой группы и 27,1% второй группы. Эти 27,1% составляют 81/100 всех дворов (33,5%) второй группы; следовательно, низшая группа в 50% дворов имела сданной земли 85,8 + 81/100 от 10%, то есть 8,1%, всего 93,9%; купчей — 3,1 + 81/100 от 7,2%, то есть 5,76%, всего 8,86% (у В. И. Ленина округлено — 8,9%). Такие же подсчеты были произведены по всем другим показателям по уездам или группам уездов 7 губерний. Таблицы А и Б В. И. Ленин свел в диаграмму, в которой графически изобразил долю зажиточной и несостоятельной групп в общей сумме крестьянских хозяйств. Он подробно охарактеризовал их долю по всем показателям, указав на сосредоточение у высшей группы земли, посева, скота, торгово-промышленных заведений, улучшенных орудий труда и т. д.[42].

Критикуя взгляды народников и суммируя свои выводы, В. И. Ленин писал, что «общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено современное русское крестьянство, есть товарное хозяйство» со всеми свойственными ему противоречиями (конкуренция, сосредоточение производства в руках меньшинства, пролетаризация большинства); «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его». На основании земско-статистических данных, заключал В. И. Ленин, показано (в его книге), что разложение крестьянства «есть теперь уже совершившийся факт, что крестьянство совершенно раскололось на противоположные группы» [43].

★

Для изучения процесса разложения мелких производителей («кустарей») В. И. Ленин применял глубоко научные методы обработки статистических источников. В целом при характеристике «кустарного» производства он мог использовать, за редкими исключениями, лишь описательный, иллюстративный материал из различных местных исследований, «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», «Отчетов и исследований по кустарной промышленности в России». В некоторых случаях В. И. Ленин привлекал и статистические сведения (о московских, владимирских, пермских «кустарях») [44], но по большинству «кустарных» промыслов массовые статистические данные отсутствовали. Исключение составляла московская земская статистика, детально изученная В. И. Лениным. Им были использованы статистические сведения о промыслах «кустарей» Московской губернии, помещенные в приложениях к их описаниям в московских

[40] Там же, стр. 122—125.
[41] Там же, стр. 104.
[42] Там же, стр. 126—133.
[43] Там же, стр. 164, 165, 180.
[44] См. их перечень — В. И. Ленин. ПСС. Т. 3. Указатель.

земских сборниках и в исследовании А. Исаева[45]. Всего в названных изданиях приведены описания почти 60 промыслов; В. И. Ленин использовал материалы по 37 промыслам, так как по одним статистические таблицы совсем отсутствовали (например, по цветильному, картиночному, стекольному, обручному и др. имелись только описания)[46], по другим — в статистических таблицах отсутствовали данные о количестве семейных и наемных рабочих у отдельных кустарей (например, по камушному промыслу)[47], по-третьим — таблицы содержали данные только по селениям, а не по отдельным хозяевам-кустарям (например, по промыслам позументному, сусальному, кружевному)[48]. Материалы о 37 промыслах в указанных изданиях помещены без какой-либо группировки по экономической мощности отдельных кустарных заведений. В них обычно приводятся сведения по отдельным заведениям (точнее, по отдельным хозяевам-кустарям); таблицы содержат, как правило, данные о времени основания заведений, количестве рабочих (семейных и наемных отдельно), сумме годового производства, характеристику производимых товаров, иногда техники производства; по ряду заведений приводятся сведения о способе обработки земли (самостоятельно или с помощью найма), количестве скота и некоторые другие.

Основные, наиболее важные цифры были взяты В. И. Лениным в таблицу 37 промыслов, которую он составил по материалам статистических таблиц московских сборников. Ряд данных он не использовал, так как они не были нужны для его целей (например, данные о количестве мужчин, женщин, мальчиков, девочек у отдельных хозяев, сведения о количестве коров, мелкого скота и т. д.). Его цель состояла в том, чтобы показать «те общественно-экономические отношения, которые складываются среди мелких товаропроизводителей в промышленности»; эта задача, по словам В. И. Ленина, «однородна» задаче исследования таких отношений среди мелких землевладельцев[49].

За основу группировки заведений кустарей по трем разрядам В. И. Ленин взял размеры промысловых хозяйств: по количеству рабочих, иногда по количеству производимого продукта на одно заведение или по технической оснащенности производства и т. д. Распределение кустарей по разрядам он производил, исходя из конкретных данных, содержащихся в описаниях промыслов, причем по разным промыслам к одинаковому разряду он относил заведения с неодинаковым количеством рабочих: к низшему разряду в мелких промыслах — заведения с 1 рабочим, в крупных промыслах — с 1—5, 2—4, 5—11, 7—10 рабочими и т. д. Для составления своей таблицы[50] В. И. Ленин должен был провести огромную работу по подсчету цифр, распределенных по установленным им разрядам. Возьмем в качестве примера данные о булавочном промысле. В земском сборнике сведения о нем приводятся без всякой группировки, по отдельным кустарям, названным по фамилиям[51]. К первому разряду В. И. Ленин отнес заведения с 7—10 рабочими, ко второму — с 11—13, к третьему — более 13; в его таблице приводятся материалы об общем количестве заведений, рабочих, заведений с наемными рабочими, наемных рабочих, сумме годового производства

[45] «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Отдел хозяйственной статистики. Т. VI, вып. I—II; т. VII, вып. I. Промыслы Московской губернии. Вып. I—III. М. 1879—1882; А. Исаев. Промыслы Московской губернии. Тт. 1—2. М. 1876.

[46] См. «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Т. VI, вып. I, стр. 75—127; т. VI, вып. II. М. 1880, стр. 261—263 и др.

[47] Там же. Т. VI, вып. II, стр. 121—131.

[48] Там же, стр. 157—161, 244—245; приложение, стр. 90—91.

[49] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 341.

[50] Там же. Приложение I. Сводная таблица статистических данных о мелких крестьянских промыслах Московской губернии.

[51] «Сборник статистических сведений по Московской губернии». Т. VI, вып. I, стр. 152.

(данные о количестве скота, способе обработки земли в сборнике отсутствуют) [52]. Чтобы получить все эти данные, В. И. Ленин выбрал из сборника цифры, характеризующие заведения одного разряда по всем названным показателям. Так, в низшем разряде оказалось 6 заведений с общим числом рабочих 53 (из них наемных — 35) и суммой производства 16,9 тыс. руб.; во втором разряде — 3 заведения с общим числом рабочих 35 (из них наемных — 26) и суммой производства 9,9 тыс. руб.; наконец, в высшем разряде — 1 заведение с общим числом рабочих 75 (из них наемных — 73) и суммой производства 28 тыс. рублей.

Итоговые цифры по трем разрядам кустарных заведений были включены в его таблицу. Такую работу В. И. Ленин проделал по всем 37 промыслам, многие из которых насчитывали более чем по 100—200 заведений; все данные нужно было свести и распределить по трем разрядам. Цифры о некоторых промыслах В. И. Ленин брал из статистических таблиц, заключавших самые разнообразные показатели. Так, в статистической таблице А. Исаева о металлических производствах приводятся данные о кустарях, занимавшихся выделкой самых разнообразных вещей: подносов, солдатских кокард, церковной утвари, шандалов, подков, «латунных мелочей» и т. д. [53]. Из всей этой массы сведений В. И. Ленин выбрал рассеянные по всей таблице данные о кустарях, занимавшихся подносным промыслом [54]. Цифры о фарфоровом, горшечном промыслах взяты им из таблицы А. Исаева, посвященной различным гончарным промыслам [55].

Большое количество данных, разбросанных по пяти томам московских сборников и исследованию А. Исаева, было сведено В. И. Лениным в одну таблицу, которая, в свою очередь, подверглась дальнейшей переработке. Все промыслы в сводной таблице распределены по 4 категориям; в первую вошло 9 промыслов со средним числом рабочих 1,6—2,5 человека на заведение; во вторую —9 промыслов с 2,7—4,4 рабочих на заведение; в третью —10 промыслов с 5,1—8,4 рабочих на заведение; в четвертую — 5 промыслов с 11,5—17,8 рабочих; всего 4 категории охватывают 33 промысла с 2 085 заведениями, 9 427 работниками и 3 466 тыс. руб. годового производства [56]. После этого В. И. Ленин составил новую таблицу распределения заведений, рабочей силы, наемных рабочих, сумм годового производства по трем разрядам кустарей четырех категорий, причем абсолютные цифры первой таблицы он перевел в относительные, то есть в процентные отношения и в данные на одно заведение, на одного рабочего [57]. Чтобы получить эти относительные цифры, потребовалось сделать большое количество вычислений в каждом отдельном случае; то же имело место и по отношению ко всем другим показателям и по всем категориям; в конце таблицы приведены итоги по категориям (то есть по 33 промыслам). Следующим этапом обработки статистических данных было составление диаграммы; в ней показаны процентные доли кустарей низшего и высшего разрядов в общем числе заведений, рабочих, сумме годового производства [58]; прием вычисления процентных отношений обоих разрядов аналогичен тому, который В. И. Ленин применил во II главе «Развития капитализма в России».

---

[52] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, приложение 1, см. № 32.

[53] А. Исаев. Промыслы Московской губернии. Т. 2, стр. 98—109

[54] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3. Приложение 1, см. № 30.

[55] А. Исаев. Промыслы Московской губернии. Т. 2, стр. 189—200; ср. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3. Приложение 1, №№ 15, 37.

[56] 4 промысла (счеточный, бахромный, портняжный и фарфоровый) исключены из-за неполноты данных и «по исключительному характеру» промысла (например, фарфорового, в 20 заведениях которого работало 1 817 наемных рабочих, то есть более чем по 90 наемных рабочих на одно заведение!) — см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3. Приложение 1, №№ 34—37.

[57] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 344.

[58] Там же, стр. 347.

В. И. Ленин подробно проанализировал итоговые цифры своих таблиц, сделал ряд выводов о сущности общественно-экономических отношений среди мелких товаропроизводителей в промышленности. Эти данные свидетельствовали, что наемный труд в «кустарных» заведениях преобладал над семейным (51% всех рабочих в 33 промыслах являлись наемными); его роль повышалась параллельно с расширением размеров заведений. Критикуя народников, подчеркивавших количественное преобладание мелких заведений с исключительно семейными рабочими (в подтверждение чего ими нередко приводились «средние» цифры), В. И. Ленин показал, что «численное преобладание мелких заведений с семейными рабочими нисколько не устраняет того факта, что тенденция мелкого товарного производства клонится к все большему употреблению наемного труда, к образованию капиталистических мастерских»[59]. С увеличением размеров «кустарных» заведений повышалась и производительность труда. Экономический строй промыслов представлял собой типичный мелкобуржуазный строй (с одной стороны, мелкие капиталисты, с другой — большинство наемных рабочих или «самостоятельных кустарей», которым жилось еще тяжелее и хуже, чем наемным рабочим); «мы наблюдаем, следовательно, в самых мелких крестьянских промыслах самые явственные зачатки капитализма»[60].

Проанализировав данные огромной массы источников по «кустарной» промышленности в России, В. И. Ленин показал различные стадии развития капитализма в русской промышленности второй половины XIX в. (мелкие товаропроизводители, капиталистическая простая кооперация, капиталистическая мануфактура и капиталистическая работа на дому). Все эти формы капиталистической промышленности рассматривались народниками, отмечал В. И. Ленин, «как нечто экономически однородное» и под названием «кустарная промышленность» противопоставлялись «капитализму», под которым подразумевалась «фабрично-заводская» промышленность. В. И. Ленин показал, что в результате этого «предрассудка» (В. В., Н-она и других народников) «со счета капитализма скидываются те массы капиталистически занятых рабочих, которые попадают в число «кустарей», ...обходится вопрос о различных формах промышленности...», говорится об оторванности «кустарной» промышленности от «фабрично-заводской», об «искусственности» капитализма[61].

Высшей форме капиталистической промышленности — крупной машинной индустрии — отведена VII глава труда «Развитие капитализма в России». В качестве источников здесь был привлечен ряд сборников, исследований, журнальных и газетных статей, посвященных отдельным отраслям промышленности, а также различные справочники, доклады в научных обществах и т. д.; главными источниками послужили различные издания правительственной «фабрично-заводской» статистики. Эти источники, в первую очередь статистические сборники, не давали в большинстве случаев сравнимых однородных сведений о развитии русской фабрично-заводской промышленности во второй половине XIX в.; данные о фабриках и заводах не были сгруппированы по какому-либо научному принципу (например, по количеству рабочих, сумме годового производства и т. д.). В результате этого показатели различных статистических сборников при их некритическом использовании давали возможность говорить, как это делали народники, об уменьшении количества фабрик и тем самым о неразвитости капитализма в пореформенной России. В. И. Ленин заново изучил и переработал материалы правительственной статистики, сгруппировал их по научным признакам, показал серьезные

[59] Там же, стр. 345—346.
[60] Там же, стр. 349—351, 352—353.
[61] Там же, стр. 451—452.

недостатки этой статистики и разбил утверждения народников о «затухании» капиталистических тенденций в экономической жизни России.

Понятию «фабрично-заводской» статистики, ее главнейшим источникам он посвятил два специальных параграфа в начале VII главы. Он указал, что фабрично-заводская статистика до сих пор остается «в своей старой чисто дореформенной организации, будучи простым придатком губернаторских отчетов»; точное определение понятий «фабрика и завод» отсутствует; нет центрального органа, который проводил бы принцип единообразия при собирании сведений, проверял правильность последних; результатом всего этого является путаница в статистических сведениях различных сборников: уменьшение числа рабочих и суммы производства в показаниях фабрикантов (их ведомости и являются основным источником фабрично-заводской статистики), отнесение по разным губерниям различного количества мелких и мельчайших ремесленных и кустарных заведений к числу фабрик и заводов, несравнимость показаний сборников за разные годы. В качестве курьезного примера В. И. Ленин привел показания «Военно-статистического сборника» [62], согласно которым в Европейской России в 1866 г. насчитывалось 70 631 фабрика, 829 573 рабочих и 583 317 тыс. руб. годового производства; в число фабрик были включены самые мелкие предприятия. Сравнивая эти сведения с данными за тот же год «Ежегодника министерства финансов» [63] и выделив параллельные цифры по 71 производству в обоих сборниках, В. И. Ленин установил, что число фабрично-заводских рабочих преувеличено в «Военно-статистическом сборнике» минимум на 280 тыс. человек [64].

Ценным источником В. И. Ленин считал три издания «Указателя фабрик и заводов», содержащих сведения за 1879—1890 годы. В первом издании приведен поименный перечень (за 1879 г.) всех предприятий 93 производств с суммой годового производства не менее 2 тыс. руб. [65]; остальные, более мелкие заведения в поименный список не вошли, но они включены в итоговые данные «Указателя» [66]; таким образом, в итогах первого издания смешиваются крупные и мелкие заведения. Во втором издании поименный список (на 1884 г.) дан по 90 производствам; в итоги также включены заведения с годовым производством менее 2 тыс. руб. [67]. В третьем — данные (на 1890 г.) по 91 производству; итоги — те же [68]. Объединяя показатели всех трех изданий, В. И. Ленин составил таблицу числа фабрик и заводов, сумм производства и числа рабочих на них в 1879, 1884 и 1890 гг.; число фабрик и заводов по этим данным выразилось в таких цифрах: соответственно 27 986, 27 235 и 21 124. В действительности, делал вывод В. И. Ленин, количество фабрик не уменьшилось; дело в том, что в число фабрик в разное время попадало различное количество мелких заведений; особенно это характерно для первого издания «Указателя». Используя таблицы второго и третьего изданий с группировкой фабрик по сумме производства, В. И. Ленин показал, что число фабрик за эти годы не сократилось, а увеличилось. Так, заведений с суммой произ-

---

[62] «Военно-статистический сборник». Вып. IV. Россия. СПБ. 1871, стр. 316—436, 913—918.

[63] «Ежегодник министерства финансов». Вып. I. На 1869 год. СПБ. 1869, отдел III, стр. 138—306.

[64] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 457—462.

[65] «Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и вел. кн. Финляндским. Материалы для фабрично-заводской статистики». Составил по официальным сведениям департамента торговли и мануфактур П. А. Орлов. СПБ. 1881, стр. 1—677.

[66] Там же, стр. 679—695.

[67] «Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского...». Изд. 2-е. СПБ. 1887, стр. 1—643; итоги — стр. 731—752.

[68] «Указатель фабрик и заводов Европейской России». Составили... П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Изд. 3-е. СПБ. 1894, стр. 1—744; итоги — стр. 745—760.

водства более 1 000 руб. в 1884 г. было 19 277, в 1890 г.—21 124; с суммой производства более 2 тыс. руб. в 1884 г.—11 509, в 1890 г.—17 642[69].

Столь же критически, как показал В. И. Ленин, следует относиться и к другим изданиям правительственной статистики за 1880—1890-е годы, из которых он рассмотрел содержание «Сводов данных о фабрично-заводской промышленности в России» за 1880-е и 1890-е годы, «Сборника сведений по России за 1884—1885 гг.» и «Перечня фабрик и заводов»[70]. «Из обзора нашей ф.-з. статистики,— резюмировал В. И. Ленин,— следует, что данными ее в громадном большинстве случаев нельзя пользоваться без особой обработки их и что главной целью этой обработки должно быть отделение сравнительно годного от абсолютно негодного»[71].

В. И. Ленин проделал большую работу по составлению статистических таблиц на основе сведений различных сборников правительственной статистики, по проверке ее данных с помощью других источников. Он свел воедино показатели о количестве всех фабрик и заводов Европейской России, не обложенных акцизом, с их суммами годового производства и числом рабочих за 1864—1879 и 1885—1891 гг.; так как за разное время источники приводят данные о различном числе производств, то В. И. Ленин особо выделил 34 производства, по которым имелись сведения за все годы. Как свидетельствовала таблица, количество фабрик по 34 производствам за 60—90-е годы XIX в. остались почти без изменения: в 1864 г.— 5 782, в 1890 г.— 5 969[72]. На самом деле происходило не уменьшение количества фабрик, как утверждали народники, а увеличение, притом в весьма значительной степени. Чтобы правильно судить об этом, необходимо, указывал В. И. Ленин, установить «точный признак понятия «фабрика»,— без этого условия было бы нелепо иллюстрировать развитие крупной машинной индустрии данными о заведениях, в число которых в разное время попадали разные количества мелких мельниц, маслобоек, кирпичных сараев и пр. и пр.». Избирая таким признаком наличие в заведении не менее 16 рабочих, В. И. Ленин установил, что «*число фабрик в России в пореформенную эпоху увеличивается и притом увеличивается довольно быстро*»: в 1866 г. таких фабрик было 2,5—3 тыс.; в 1879 г. — около 4,5 тыс.; в 1890 г. — около 6 тыс.; в 1894/95 г. — около 6,4 тыс.; в 1903 г. — около 9 тыс.[73].

Анализируя цифры по ряду отраслей промышленности (текстильная, обработка дерева, химическая, керамическая и др.) и сравнивая данные из специальных, посвященных этим отраслям, источников с данными названных выше сборников[74], В. И. Ленин показал, что в фабрично-заводской статистике «*чем дальше мы отступаем от настоящего времени, тем большее число мелких заведений попадает в число фабрик*»; преувеличиваются также и число фабрично-заводских рабочих и размеры производства[75].

Используя сведения указанных выше источников о количестве рабочих в различных отраслях промышленности и прибавив к ним количество рабочих горных заводов и железных дорог, В. И. Ленин установил, что

---

[69] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 463; ср. «Указатель». Изд. 2-е, стр. VI—VII; изд. 3-е, стр. VIII.

[70] «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1885—1887 годы». СПБ. 1889, то же за 1888 г. СПБ. 1891; то же за 1889 г. СПБ. 1891; то же за 1890 г. СПБ. 1893; то же за 1891 г. СПБ. 1894; «Статистика Российской империи». I. Сборник сведений по России за 1884—1885 гг. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. СПБ. 1887; «Перечень фабрик и заводов». СПБ. 1897.

[71] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 468.

[72] Там же, приложение II, стр. 603; на стр. 604 указаны источники, по которым составлена таблица.

[73] Там же, стр. 468—469; данные за 1903 г. взяты из «Свода отчетов фабричных инспекторов» за 1903 год.

[74] Там же, стр. 469—483

[75] Там же, стр. 483—484.

общее количество рабочих за 25-летие увеличилось более чем вдвое (1865 г.—706 тыс., 1890 г.—1 млн. 432 тыс.), то есть «возрастало не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения» [76].

Группируя данные сборников фабрично-заводской статистики о крупнейших фабриках, имевших по 100 и более рабочих, В. И. Ленин показал, что за пореформенное 25-летие число крупных фабрик увеличилось в целом в 1,5 раза (1866 г.— 644, 1890 г.— 951); особенно выросло число наиболее крупных фабрик (с 500—1 000 рабочих и более), что свидетельствовало об усилении концентрации производства [77]. С помощью новаторских, оригинальных приемов (группировка данных по количеству рабочих, сумме производства) В. И. Лениным была доказана неправильность итоговых сведений статистических сборников (в которых смешивались крупные и мелкие, даже мельчайшие заведения) и основанных на них выводов народников, искажавших картину развития русской пореформенной промышленности.

Подытоживая результаты развития фабричной промышленности в России во второй половине XIX в., В. И. Ленин писал, что это развитие «создает громадный и все увеличивающийся рынок на средства производства... увеличивает особенно быстро долю населения, занятого изготовлением предметов производительного, а не личного потребления» [78]. Анализ различных статистических (земская и правительственная статистика) и других источников позволил ему сделать вывод о том, что социально-экономические явления, происходившие в земледелии и промышленности (разложение крестьянства, «кустарей», увеличение числа фабрик и промышленных рабочих, концентрация производства) приводили к созданию внутреннего рынка для капитализма; различные отрасли народного хозяйства России шли по пути быстрой капитализации.

★

Труды В. И. Ленина 90-х годов, в первую очередь «Развитие капитализма в России», являются классическими не только по своему идейно-теоретическому значению, но и по приемам, методике обработки источников.

Критически относясь к содержанию, принципам составления различных сборников, В. И. Ленин вместе с тем ценил и широко использовал лучшие статистические издания своего времени. В отличие от народников, для которых были типичны некритическое отношение к источникам, в частности статистическим, увлечение «средними» цифрами и, как результат этого, затушевывание глубинных экономических процессов, классового антагонизма, В. И. Ленин критически, по-научному перерабатывал данные, проверял сведения одних сборников показаниями других; с помощью ряда новаторских приемов он исследовал характерные особенности и масштабы капиталистического развития народного хозяйства России послереформенного периода. В. И. Ленин создал новую систему обработки источников, положив в ее основу анализ классовой сущности социально-экономических явлений. Этот анализ подчинен у него задачам борьбы за дело пролетариата, интересам революционной партии рабочего класса. Приемы работы В. И. Ленина над источниками были новаторскими, революционными по своему значению. Поэтому изучение этих приемов имеет принципиальное значение для советского источниковедения и исторической науки в целом.

[76] Там же, стр. 495—498.
[77] Там же, стр. 509—510.
[78] Там же, стр. 551—552.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПЕРВОБЫТНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В. М. Бахта

История первобытного общества — один из интереснейших и сложнейших участков исторической науки. Ее теоретические основы разработаны в ряде работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В настоящее время неизмеримо возросло и продолжает возрастать число фактов, которыми располагают историки первобытного общества. Но идеи, развитые основоположниками марксизма-ленинизма, по-прежнему составляют незыблемый теоретический фундамент всех исследований в этой области истории. Именно благодаря твердому и неуклонному следованию принципам исторического материализма советские ученые оказались в авангарде мировой науки о первобытном обществе.

Однако в области первобытной истории до сих пор немало нерешенных еще вопросов. Спорно толкование многих недавно введенных в научный оборот фактов. Имеются также различные точки зрения по ряду важных проблем истории первобытного общества. В настоящей статье мы остановимся на двух проблемах такого рода, окончательное решение которых затрудняется, как нам кажется, вследствие недостаточного внимания отдельных исследователей к теории марксизма.

Первая проблема — проблема перехода от обезьяны к человеку. Еще недавно казалось, что в советской исторической науке твердо установилось представление о труде, как о критерии, позволяющем провести четкую грань между животным миром и человеческим обществом. В основе этого представления лежат высказывания Ф. Энгельса о роли труда в процессе очеловечения обезьяны. Опираясь на эту теорию и анализируя новые факты о начальных этапах человеческой истории, советские ученые создали стройную систему взглядов, которая рассматривает начальные этапы человеческой истории как эпоху становления и формирования человека и общества. Однако в 1955 г. Б. Ф. Поршнев попытался (первая попытка такого рода была сделана лет двадцать пять тому назад М. П. Жаковым) опровергнуть принятое большинством советских ученых понимание роли труда в процессе очеловечения обезьяны. Отрицая существование производства и общества у питекантропов, синантропов и ранних форм неандертальцев, Б. Ф. Поршнев отнес их к числу представителей животного мира [1]. Статья Б. Ф. Поршнева вызвала оживленную дискуссию. Несмотря на резкую и обстоятельную критику его концепции и антропологами, и археологами, и этнографами, и философами, Б. Ф. Поршнев продолжал развивать и защищать свои воззрения в последующих статьях [2]. Большая часть советских историков первобытного

---

[1] Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии». 1955, № 5.

[2] Б. Ф. Поршнев. Еще к вопросу о становлении человека. «Советская антропология». 1957, № 2; его же. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества. «Вопросы истории», 1958, № 2; его же. Проблема возникновения человеческого общества и человеческой культуры. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2.

общества высказалась против концепции Б. Ф. Поршнева[3]. Некоторые же участники дискуссии заняли как бы промежуточную позицию — одни признали существование «животного труда» (то есть труда у животных.— *В. Б.)* [4], другие отрицали наличие формирующегося производства в период становления человеческого общества[5].

Вторая большая проблема — проблема земледельческого производства. В нашей этнографической и отчасти археологической литературе материальная культура, практически сводимая для более ранних эпох истории к технике (так как ничего иного не сохранилось), очень часто рассматривается отдельно от хозяйства. Но такой «традиционный» порядок исследования не отражает экономической структуры производства, которое представляется в этом случае сложной совокупностью разнообразных по цели, но равнозначных по своему экономическому значению производственных процессов. При таком методе исследования в значительной мере теряется представление и о качественном различии между присваивающим и производящим типами хозяйства, различии, на которое в свое время обращали особое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс[6]. Охота, земледелие, собирательство, скотоводство, рыболовство, различные ремесла и т. д.— все эти формы хозяйства неизбежно выступают в данном случае отличными друг от друга по сложности, но не по своему экономическому качеству. Характерным примером исследования, в котором материал излагается в строго традиционной последовательности, служит книга М. О. Косвена «Очерки истории первобытной культуры», где за главой «Развитие техники» следуют две главы «Развитие хозяйства». Несмотря на богатство изложенного в них материала, «Очеркам» присущ, по нашему мнению, один недостаток: за пестрой эволюцией различных форм и элементов человеческой культуры теряется представление об экономическом механизме этой эволюции. Как, например, объясняет М. О. Косвен, тот факт, что именно земледелие оказало столь необычайное воздействие на развитие общественного производства и общества в целом? «...Земледелие,— пишет он,— стало давать новый, постоянный и сравнительно легко добываемый вид сытной пищи. Есте-

---

[3] Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы происхождения человека. «Советская этнография», 1956, № 4; его же. О некоторых общих вопросах теории антропогенеза. «Вопросы философии». 1957, № 2; А. П. Окладников и П. И. Борисковский. О времени и условиях становления человеческого общества. «Вопросы истории». 1956, № 11; О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества. «Советская археология». 1957, № 1; В. С. Сорокин. Об одной ошибочной концепции в вопросе происхождения человечества. «Советская этнография». 1958, № 1; Г. Ф. Хрустов. Категория скачка и проблема становления человеческого общества. «Советская этнография». 1958, № 1; А. П. Окладников. Становление человека и общества. Сборник «Проблемы развития в природе и обществе». М.-Л. 1958; А. И. Першиц, Г. Ф. Хрустов. К проблеме возникновения общества и культуры. «Вестник истории мировой культуры». 1959, № 5.

[4] Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества). «Ученые записки» Красноярского государственного педагогического института. Т. 6, вып. 2, 1956; его же. К дискуссии по проблемам возникновения труда и становления человеческого общества. «Советская антропология». 1958, № 4. Критику точки зрения Ю. И. Семенова см.: М. Я. Ковальзон, Г. Ф. Хрустов. Сборник работ красноярских философов. «Вопросы философии». 1957, № 5; Г. Ф. Хрустов. О возникновении материального производства. «Вопросы философии». 1960, № 3.

[5] А. Н. Чулков. Господствующие и направляющие факторы в развитии предков человека. «Вестник ЛГУ». 1958, № 17; его же. Соотношение биологических и социальных факторов в период становления человека. Л. 1959 (автореферат диссертации). Критику точки зрения А. Н. Чулкова см.: Г. Ф. Хрустов. Против вульгаризации марксистской науки о происхождении человека и общества. «Советская антропология». 1960, вып. 2.

[6] См. К. Маркс. К критике политической экономии. М. 1953, стр. 220; Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1953, стр. 26.

ственно, что этому способу добычи средств существования суждено было интенсивно развиваться, оттесняя на второй и еще более далекий план собирательство, охоту и рыболовство»[7]. Здесь М. О. Косвен исходит из чисто «потребительской» оценки земледелия. Несостоятельность такой оценки видна уже из того, что этнография знает немало примеров, когда неземледельческое хозяйство также обеспечивало людей «постоянным и сравнительно легко добываемым видом сытной пищи». Примером этого служат хозяйства племен — собирателей урожая, индейцев-рыболовов северо-запада Северной Америки. Если же говорить в более широком плане, то следует подчеркнуть, что всякий установившийся хозяйственный цикл, будь то собирательство, охота или рыболовство, обеспечивает людей известным минимумом пищи. Если бы дело обстояло иначе, человечество, может быть, и не дожило бы до появления земледелия. К тому же, оценивая земледелие только по получаемому продукту, можно и не заметить качественной экономической разницы между земледелием и собирательством, особенно если сравнивать с собирательством земледелие на его начальных ступенях: в обоих случаях получаемый продукт один и тот же[8].

Объяснение той революции в производстве, которая была вызвана появлением земледелия, правильнее искать в экономическом анализе самого земледельческого хозяйства.

Как нам представляется, недооценка некоторыми советскими историками и этнографами важности экономического анализа земледельческого хозяйства и существенные различия в их взглядах на происхождение человека имеют одну и ту же причину. Дело в том, что богатейшее теоретическое наследство, оставленное классиками марксизма-ленинизма, используется историками первобытного общества, на наш взгляд, далеко не равномерно. Исследованием форм семьи и рода, процесса разложения родового строя и возникновения частной собственности и государства наши ученые занимались довольно много, в то время как вопросы производства, становления и дальнейшей эволюции производительных сил, их исторического развития и внутренней структуры, проблемы роста, расширения и усложнения производства, начиная с эпохи нижнего палеолита вплоть до образования классов, изучались ими в гораздо меньшей степени.

Недостаточная разработанность этих и смежных с ними вопросов объясняется, возможно, тем, что «живой производственный процесс» в первобытном обществе исследуется в основном этнографами, которые сосредоточивают свое внимание на характеристике этнических форм хозяйства и материальной культуры изучаемых ими племен или народов, оставляя в стороне экономический анализ производства в доклассовом обществе. В то же время экономисты рассматривают преимущественно производства классовых обществ. Так или иначе, но если «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса постоянно находится в центре внимания этнографов и историков первобытного общества, то «Капитал» К. Маркса используется ими в меньшей степени. Между тем в гениальной работе Ф. Энгельса изложению теории первобытного производства отводится сравнительно небольшое место. Сжато излагая в девятой главе свой взгляд на историю первобытного производства, Ф. Энгельс, естественно, сосредоточил свое внимание на определении последовательных этапов его развития. Каждый из этих

[7] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М. 1957, стр. 69.

[8] Экономическая разница между земледелием (l'agriculture) и собиранием les fruits spontanés de la terre была подмечена французским политэкономом Ш. Ганилем (см. Ch. Ganilh. La Théorie de l'économie politique, fondée sur les faits résultants des statistiques de la France et de l'Angleterre. T. I. Paris. 1815, p. 257), что и было отмечено К. Марксом (см. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 186).

этапов он выделяет по степени разделения труда в обществе. На наиболее раннем этапе его развития «разделение труда,— по его словам,— чисто естественного происхождения»[9]. Далее Ф. Энгельс показывает, как расширение сферы общественного производства приводит сначала к первому, а затем ко второму крупному общественному разделению труда и как продолжавшее развиваться разделение труда разрушает родовой строй. Иначе говоря, именно процесс разделения труда служит ключом к пониманию эволюции первобытного производства.

Существует глубочайшая органическая внутренняя связь между приведенными выше положениями Ф. Энгельса о конкретном развитии разделения труда и его роли в падении первобытно-общинного строя и тем пониманием генезиса разделения труда в обществе, которое К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали в других своих работах. Мысль о том, что развитие производительных сил проявляется прежде всего в разделении труда, была высказана К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии». «Уровень развития производительных сил нации,— писали они,— обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда»[10]. Позже К. Маркс в «Капитале» уже с исчерпывающей полнотой выявил значение разделения труда в истории производства. И хотя для К. Маркса докапиталистические формы разделения труда не были непосредственным предметом исследования, тем не менее историческая последовательность их появления и существования определена им с достаточной ясностью. «Разделение труда внутри общества,— указывал Маркс,— ...имеет... две противоположные исходные точки развития». С одной стороны, с начала развития производства возникает естественное разделение труда внутри человеческого коллектива «вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве», с другой,— «различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»[11].

Таким образом, естественные предпосылки для разделения труда имеются как внутри первобытных человеческих коллективов, так и между ними. В соответствии с этим разделение труда устанавливается как внутри первобытных общин, так и между этими общинами. Обе тенденции в развитии разделения труда идут рука об руку, но в различные исторические периоды преобладающее значение получает то одна, то другая. На заре человеческой истории, когда отдельные первобытные человеческие коллективы были еще в известной мере замкнутыми и разобщенными, преобладала первая тенденция. Разделение труда внутри общины между людьми различного пола и возраста только еще оформлялось и конституировалось. Это был период становления внутриобщинных форм разделения труда на основе физиологических различий между членами первобытной общины, и только признав его существование, можно понять позднейший ход развития разделения труда. Второй период — это время возникновения постоянных или, во всяком случае, регулярных в течение длительного срока контактов между общинами, период становления и развития межобщинных форм разделения труда, основанных на естественных территориальных различиях районов обитания племен. Межобщинное разделение труда осуществлялось прежде всего в форме межплеменного обмена, принимая порой, как это пока-

[9] Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 164.
[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, 2-е изд., стр. 20.
[11] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 359.

зывает австралийская этнография, значительные масштабы. Достаточно сказать, что до европейской колонизации межплеменные пути обмена охватывали весь австралийский континент. Хотя в то время постепенно развивалось и внутриобщинное разделение труда (появились мастера, преимущественно старики, изготовлявшие орудия труда и некоторые другие изделия), межобщинное разделение труда шло быстрее.

Анализируя процесс развития производства в Европе и Азии, Ф. Энгельс пришел к выводу, что тенденция к межобщинному разделению труда реализовалась в конечном счете в первом крупном общественном разделении труда — в выделении скотоводческих племен из остальной массы племен и в установлении постоянного обмена продуктами производства между первыми и вторыми. Обычно исследователи подчеркивают форму этого разделения труда — выделение скотоводческих племен, оставляя без внимания содержание данного процесса, а именно, что первое крупное общественное разделение труда было межобщинным разделением труда. Если по своему содержанию оно являлось всемирно-историческим процессом, то конкретные формы реализации его отнюдь не исчерпывались формой, которая оказалась решающей и ведущей для населения Евразии. Специфика природных условий сделала невозможным выделение скотоводческих племен в Америке и Океании. Естественно, что тенденция к межобщинному разделению труда проявлялась в этих районах в совершенно иных, отличных от евразийской формах [12].

Дальнейшее развитие общественного производства происходило в условиях нараставшего преобладания тенденции к внутриобщинному разделению труда. Последняя в отличие от тенденции к межобщинному разделению труда повсюду реализовывалась в форме отделения ремесла от земледелия. Однако в разных обществах ведущее место в этом всемирном процессе занимали различные ремесла. Развитие указанной тенденции в конце концов привело ко второму крупному общественному разделению труда, взорвав первобытную общину изнутри, окончательно разрушив социально-экономический фундамент родового строя. Наступила эпоха классовых обществ, исследование специфики которых выходит за рамки данной статьи.

Такова в главных чертах картина развития разделения труда в первобытном обществе, нарисованная в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому-то, излагая в девятой главе «Происхождения семьи, частной собственности и государства» квинтэссенцию теории первобытного производства, Ф. Энгельс прямо ссылался на К. Маркса. «Здесь,— писал он,— «Капитал» Маркса будет столь же необходим, как и книга Моргана» [13]. Без этой ссылки было бы непонятно, почему Ф. Энгельс говорит в девятой главе главным образом об этапах разделения труда, то есть результатах развития общественного производства, не рассматривая подробно, какими путями достигались перечисленные им результаты. Но в том-то и дело, что содержание процесса развития общественного производства уже было к тому времени изложено в «Капитале». «Экономические эпохи,— указывал Маркс,— различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [14].

Отсюда ясно, что, изучая степень развития общественного производства, следует сосредоточить внимание в первую очередь на той сфере общественного производства, которая связана с производством орудий и средств труда, то есть на первом подразделении общественного произ-

---

[12] См., например, Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. Сборник «Проблемы истории первобытного общества». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. LIV. М.-Л. 1960, стр. 145.

[13] Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 163.

[14] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 187.

водства. По существу, лишь развитие этого последнего определяет уровень производства в целом, и только в развитии производства средств производства заключена возможность разделения труда, а значит, и обмена.

Правомерно ли, однако, различать первое и второе подразделения общественного производства уже в доклассовом обществе? Не так давно на страницах нашей печати была высказана противоположная точка зрения. Д. Д. Тумаркин, критикуя метод исследования, к которому прибегнул автор одной из статей «Океанийского этнографического сборника», последовательно рассматривавший а) производительные силы папуасов Новой Гвинеи в сфере производства средств производства и б) производительные силы в сфере производства средств потребления, писал: «Как известно, важнейшей производительной силой являются люди, производящие материальные блага. У папуасов залива Астролябия в силу неразвитости производительных сил и почти полного отсутствия общественного разделения труда одни и те же лица изготовляли орудия труда, обрабатывали землю, ловили рыбу и т. д., т. е. были заняты как в сфере производства средств производства, так и в сфере производства предметов потребления. Ввиду этого нам представляется искусственным деление производительных сил астролябцев на две самостоятельные группы. Такое деление, на наш взгляд, может быть применимо лишь в отношении формаций с далеко зашедшим общественным разделением труда» [15].

Д. Д. Тумаркин, видимо, исходит из того, что К. Маркс различал два подразделения общественного производства при анализе процесса воспроизводства в капиталистическом обществе. Однако вот что писал К. Маркс: «Весь продукт, а следовательно и все производство общества, распадается на два больших подразделения:

I. Средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в производительное потребление.

II. Предметы потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в индивидуальное потребление класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных отраслей производства, относящихся к этому подразделению, составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае отрасль производства средств производства, в другом — предметов потребления» [16].

Основанием для деления общественного совокупного продукта на две части служит здесь характер последующего его потребления (пойдет ли данный продукт в производительное или же в индивидуальное потребление). Иначе говоря, основанием для отнесения продукта к той или иной категории служит его дальнейшая экономическая роль в процессе общественного воспроизводства. Любой общественно-экономической формации свойственно общественное воспроизводство, а совокупный общественный продукт, на какой бы ступени исторического развития ни находились его производители, всегда распадается на две части: на средства производства и предметы потребления. Здесь уместно вспомнить следующее место из «Введения» к «Критике политической экономии» К. Маркса: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры (Gliede-

[15] Д. Д. Тумаркин. Рецензия на «Океанийский этнографический сборник». «Труды» Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXXVIII. М. 1957. «Советская этнография». 1959, № 1, стр. 202.

[16] К. Маркс. Капитал. Т. II. Госполитиздат. 1955, стр. 395.

rung), дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно»[17].

Деление всего совокупного продукта, а следовательно, и общественного производства на два подразделения имеет, конечно, свою специфику в каждой общественно-экономической формации. Так, в первобытном обществе, где общественное разделение труда внутри общины только намечалось, сфера производства средств производства еще не отделилась от сферы производства средств потребления в том смысле, что и средства производства и средства потребления действительно производят в основном одни и те же люди. Но помимо этой исторически конкретной специфики, деление совокупного продукта и производства на две части имеет всеобщее значение. «Есть определения,— писал К. Маркс в том же «Введении»,— общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие...»[18].

К числу таких определений, несомненно, принадлежит и то, согласно которому весь продукт и производство общества распадаются на два подразделения[19]. Пока исследователи придерживаются этого определения как общего всем ступеням производства, вопрос о том, кто и с помощью каких средств труда изготовляет совокупный общественный продукт, не имеет значения: именно в этом и заключается «всеобщность» рассматриваемого определения. Но сами по себе «так называемые всеобщие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя»[20].

Как только историк касается названного выше вопроса, он тотчас же переходит от абстрактного к конкретно-историческому, ибо производства различных общественно-экономических формаций как раз и отличаются друг от друга прежде всего тем, кто и с помощью каких средств труда осуществляет общественное производство. Тот конкретно-исторический факт, на который ссылается Д. Д. Тумаркин и который тысячи раз зарегистрирован путешественниками, этнографами, миссионерами и служащими колониальной администрации, что в доклассовых обществах с неразвитым разделением труда одни и те же люди производят как средства производства, так и предметы потребления, отнюдь не говорит об отсутствии в доклассовом обществе деления совокупного общественного продукта на два больших подразделения. Такой вывод можно было бы сделать лишь при условии потребления продуктов труда в доклассовом обществе одновременно и равным образом

---

[17] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 218—219.

[18] Там же, стр. 199.

[19] К. Маркс указывал, что «у дикаря он (избыточный труд.— *В. Б.*) выступает как труд, непосредственно направленный на производство средств производства» (см. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 864). И несколько ниже сказано: «...раз дано общественное производство какого бы то ни было рода (напр. примитивная индийская община или более искусственно развившийся коммунизм перуанцев), то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и их иждивенцев [Angehörige] и,— оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление,— другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей» (там же, стр 891); см. также К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1953, стр. 208. Письмо Маркса Кугельману от 11 июля 1868 года.

[20] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 199.

и в качестве средств труда и в качестве предметов потребления. И хотя у папуасов и меланезийцев Новой Гвинеи действительно одни и те же люди изготовляли и орудия, и средства труда, и предметы потребления, тем не менее первые (орудия и средства труда) играли в своей совокупности совсем иную экономическую роль в общественном воспроизводстве, нежели последние (предметы потребления).

Невнимание к структуре первобытного производства, к наличию в нем как производства средств производства, так и производства средств потребления, по нашему мнению, затрудняет и понимание того, почему именно земледелие дало столь необычайный толчок развитию общественного производства и общества в целом. В чем экономический секрет этого толчка? Суть дела состоит, как нам кажется, в том, что по своему производственно-экономическому содержанию цикл земледельческих работ распадается на две стадии: на обработку земли (производство средств производства) и на выращивание сельскохозяйственных культур (производство средств потребления). Отсюда следует, что земледелие — и в этом его всемирно-историческое значение — дало в руки человека новое, могущественное средство производства — землю как средство труда в земледелии.

И палеолитический и ранненеолитический человек, а равным образом и современные слаборазвитые племена, еще не освоившие земледелия, искусственно изготовляли (кроме предметов потребления) только орудия и огонь. Всем этим племенам прошлого и настоящего для осуществления процесса воспроизводства был достаточен тот несложный инвентарь, которым они располагали. В земледельческой практике человечество впервые столкнулось с необходимостью искусственного изготовления совершенно иного, ничем не похожего на прежде известные орудия труда средства производства. С производственной точки зрения новым в земледелии является именно производство земли, как средства труда в земледелии. Получаемый же продукт по существу своему у земледельцев тот же, что и у собирателей. В самом деле, конечной целью всякого земледелия является получение растительной пищи. Но ведь употребление последней не менее широко было распространено и у доземледельческих народов. При этом они употребляли в пищу, как правило, те же съедобные части растений, что и народы-земледельцы. Австралийцы, например, используют для своих нужд, главным образом для еды, семена, плоды, корни, корневища, клубни, листья и другие части десятков различных растений [21]. Подробный перечень растений, составлявших пищу аборигенов Австралии и Тасмании, опубликовал в 1957 г. Ф. Р. Ирвин [22]. Но нас в данном случае интересует другой момент: среди десятков различных растений, употребляемых австралийцами в пищу, можно выделить немногие растения, которые преимущественно служат источником растительной пищи туземцев. Например, корни растения «muurang» в сыром виде и приготовленные на огне служили летом основным продуктом питания для аборигенов Западной Виктории [23]. В это же время года они собирали в больших количествах смолу акации, для чего на коре деревьев делали специальные надрезы. Корни другого вьющегося растения, «taaruk», были их «главной растительной пищей» зимой. У группы описанных Даусоном аборигенов было еще пять-шесть растений, имевших меньшее значение в их пищевом рационе. Что же касается множества других растений, плоды, клубни, ягоды, корневища и листья которых также годятся и употреб-

[21] См. J. Dawson. Australian Aborigenes. Melbourn. 1881, p. 19—22; W. S. Chaseling. Julengor, nomads of Arnhem Land. London. 1957, p. 42—46.

[22] См. F. R. Irvine. Wild and emergency foods of Australian and Tasmanian Aborigenes. «Oceania». T. 28, № 2, 1957.

[23] Даусон отмечает, что приготовление «muurang» составляет значительную часть труда женщины. J. Dawson. Указ. соч., стр. 20—21.

ляются в пищу, то они привлекали гораздо меньшее внимание аборигенов и лишь от случая к случаю дополняли основной рацион их питания.

Еще более показателен в этом отношении пример аборигенов Арнхемленда (Северная Австралия). Животная пища составляет лишь небольшую часть их диеты [24]. Казалось бы, в этих условиях многообразие употребляемых в пищу растений должно быть особенно велико. Однако и здесь четко определяются те немногие виды растений, которые служат источником пищи людей. Описывая растительную пищу племени юленгор, Чеселинг называет в качестве основных два вида ямса, по одному виду папоротника и тростника, плоды пальмы Cycas [25]. Томсон к наиболее важным пищевым растениям аборигенов восточного Арнхемленда относит лишь два вида ямса и плоды пальмы Cycas [26]. Указанные авторы отмечают, что большая часть растительной пищи собирается лишь от случая к случаю. Сходную картину описывает Меггит относительно диеты вальбири — одного из племен Центральной Австралии [27]. Здесь также нетрудно выделить виды растительной пищи, предпочитаемой аборигенами, хотя у них разница между главными и второстепенными ее видами менее резка, по-видимому, из-за особенно неблагоприятных условий существования вальбири.

Возможно все же, что различие между собирательскими циклами племен юленгор и вальбири объясняется не только несходством ландшафта и климата в местах их обитания. Далеко не все народы, у которых собирательство составляет одну из основных отраслей их хозяйства, находятся на одном и том же уровне экономического развития. Этот известный в этнографии факт в течение многих лет изучался прогрессивным немецким этнографом Ю. Липсом, который начиная с 1928 г. [28] опубликовал результаты своих исследований в ряде работ. От собственно собирателей, к которым он причислял сохранившиеся еще кое-где изолированные племена пигмеев Африки, ведда, кубу, семангов и сеноев, южноамериканские племена жез, бушменов и некоторые племена Австралии, Ю. Липс отличал народы, перешедшие от беспорядочного и вынуждаемого угрозой голода собирания всего съедобного, что только попадалось на глаза, к планомерному (planmäßig) сбору урожая определенных дикорастущих съедобных растений. Ю. Липс назвал такие народы «народами — собирателями урожая» (die Erntevölker). «Их способ добывания пищи,— писал он,— основывался на собирании урожая одного или немногих дикорастущих растительных видов, которые служили им основным средством питания в течение всего года» [29]. При этом, чем больше тот или иной народ, имевший хозяйство указанного типа, был обязан своим существованием урожаю определенного растительного вида, тем в большей мере данное обстоятельство отражалось на всем его жизненном укладе и миропонимании, тем значительнее и многочисленнее оказывались черты, отличавшие такой народ от «классических» собирателей. Анализ всех рассматриваемых черт склонил Ю. Липса к убеждению, что народы — собиратели урожая представляют собою «звено между собирателями и охотниками, с одной стороны, и

---

[24] D. Thomson. Exploration among an Unknown People (Arnhem Land). «Geographical Journal». Tt. CXII—CXIV. 1948—1949; W. S. Chaseling. Указ. соч., стр. 42; А. Н. Максимов. Накануне земледелия. «Ученые записки» Института истории РАНИИОН. Т. III. М. 1929, стр. 22—23.

[25] W. S. Chaseling. Указ. соч., стр. 43—44.

[26] D. Thomson. Указ. соч., стр. 42.

[27] M. J. Meggit. Notes of the Vegetable Foods of the Walbiri of Central Australia. «Oceania». T. 28, № 2, 1957, p. 143—145.

[28] J. Lips. Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker. «Festschrift für P. W. Schmidt». Wien. 1928.

[29] J. Lips. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft. Berlin. 1953, S. 11.

племенами — носителями производящего хозяйства (Productionswirtschaft) — с другой»[30].

Взгляды Ю. Липса еще не нашли всеобщего признания. Тем не менее наличие существенного экономического различия между разными типами собирательства — факт несомненный[31]. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с экономикой североамериканских индейцев — собирателей дикого болотного риса; их культура, быт и хозяйственный цикл хорошо известны благодаря работам А. Йенкса, Ф. Кинсинга, Ю. и Е. Липсов и других этнографов.

Семена дикого болотного риса (Zizania acvatica), обширные заросли которого встречаются в области Великих озер, собирались индейцами в огромных количествах и служили им обильной пищей в течение всего года[32]. Перечислим ряд черт, сближающих хозяйственный уклад индейцев — собирателей дикого болотного риса с хозяйственным укладом примитивных земледельцев: относительная оседлость при довольно значительной плотности населения[33]; комплекс специализированных средств труда для сбора урожая и его обработки[34]; развитая система хранения собранного урожая[35]; наличие строго соблюдаемых обычаев землепользования и лиц, следящих за выполнением таких обычаев[36]; уход за растениями и охрана их[37]; сравнительная сложность общественной жизни[38]. Таким образом, есть основания считать хозяйственные уклады специализированных собирателей и примитивных земледельцев во многом близкими друг другу. Это обстоятельство и привело Ю. Липса к заключению, что народы — собиратели урожая и есть «недостающее звено» между собственно собирателями и земледельцами.

Итак, там, где собирательство в значительной степени специализировано, мы сталкиваемся с теми же в своей основе явлениями производственной и общественной жизни, какие находим и у примитивных земледельцев. Но есть одно обстоятельство, один производственный процесс, который характерен только для земледельцев,— это обработка земли. Даже у весьма специализированных групп собирателей, вроде маринд-аним Новой Гвинеи или индейцев — собирателей болотного риса, земля выступает в качестве естественного, данного им природой средства производства. И, наоборот, даже у самых примитивных земледельцев

---

[30] Там же.

[31] А. Н. Максимов еще раньше отмечал, что калифорнийские индейцы в отличие от австралийцев являются представителями «высшей стадии собирательства» (А. Н. Максимов. Указ. соч., стр. 25).

[32] F. M. Keesing. The Menomini Indians of Wisconsin. Philadelphia. 1939, p. 22.

[33] J. Lips. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft, S. 17.

[34] A. E. Jenks. The Wild Rice Gatherers of the Upper Lakes. «The Nineteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution 1897—1898 by J. W. Powell». P. 2. Washington. 1900, p. 1056—1072; E. Lips. Die Reisernte der Ojibwa-Indianer. Berlin. 1956, S. 82—105. Ср. также описание приготовления саго у папуасов племени маринд — собирателей саго Новой Гвинеи. (P. Wirz. Die Marind-anim von Holländisch Süd-Neu-Guinea. T. I. Hamburg. 1922, S. 88—91).

[35] A. E. Jenks. Указ. соч., стр. 1071—1072.

[36] Там же, стр. 1072—1073; J. Lips. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft, S. 13—15.

[37] A. E. Jenks. Указ. соч., стр. 1057—1061. Следует подчеркнуть, что Йенкс сообщает даже о случаях сева болотного риса ассинибойнами и оджибве (там же, стр. 1057—1058). Ср. сообщение Линг-Рота, со слов А. Грегори, о посадке дикого ямса аборигенами западного побережья Австралии (H. Ling-Roth. On the Origin of Agriculture. «The Journal of the Anthropoligical Institute of Great Britain and Ireland». T. XVI, № 2(57). 1886, p. 120, 131).

[38] A. E. Jenks. Указ. соч., стр. 1089—1100; J. Lips. Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker; его же. Die Erntevölker, eine wichtige Phase in der Entwicklung der menschlichen Wirtschaft, S. 17; E. Lips. Указ. соч., стр. 3—4 сл.

почва как средство труда создана человеком с помощью орудий труда. Описания тяжелого и длительного процесса обработки земли, требующего напряжения и объединения усилий всех трудоспособных членов общины, содержатся в работах Н. Н. Миклухо-Маклая, Фицедома, Меггит[39] (в отношении народов Новой Гвинеи) и других исследователей.

Здесь важно подчеркнуть, что именно обработка земли как средства труда в земледелии открыла невиданные возможности для производства средств питания. Что касается дальнейших земледельческих работ (второй части земледельческого цикла), то их эффективность целиком зависела от качества обработки земли. Знаменательно то, что прогресс в земледелии прежде всего был следствием развития и усовершенствования орудий обработки земли (палка → мотыга → рало → плуг и т. д.). Тот бессознательный искусственный отбор, производившийся в течение тысячелетий сначала земледельцем неолита, а затем земледельцем бронзового и железного веков и приведший в конце концов к созданию основных видов культурных растений, стал возможен только благодаря возделыванию почвы. Обработка земли как средства труда в земледелии была главным из факторов, совокупность которых создавала максимально благоприятные условия для произрастания культивируемых растений. Каждый знает, как быстро дичают культурные растения, случайно попавшие в естественные условия. Собирательство даже в его наиболее совершенных и специализированных формах лишь максимально способствует сохранению того или иного дикорастущего вида, тогда как обработка земли служит предпосылкой для изменения культивируемого вида в сторону увеличения его урожайности и максимального улучшения полезных человеку свойств. К тому же, что очень важно, умение обрабатывать землю дает возможность значительно расширить производство средств питания.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что земледелие как отрасль производства есть сложный производственный комплекс, включающий как производство средств производства, так и производство средств потребления[40].

Если учесть, что в каждом конкретном обществе неолитических земледельцев, помимо обработки земли, существовало производство разнообразных орудий (каменных топоров, копий, луков и стрел и т. п.) и иных средств труда, то вывод о необходимости различать два подразделения в общественном производстве первобытного общества станет очевидным. Хотя в производстве средств производства и в производстве предметов потребления участвуют одни и те же люди, это не меняет экономической сущности дела. Только при таком подходе к исследованию общества неолитических земледельцев становятся понятными колоссальные потенциальные возможности, заложенные в земледелии как отрасли общественного производства и еще далеко не исчерпанные по сей день.

До сих пор мы рассматривали структуру производства в родовом обществе. Но, может быть, то, что верно для родового общества, не действительно для обществ, находившихся на более ранних ступенях исторического развития? Шагнем из неолита в ту далекую эпоху, когда еще не был завершен процесс антропогенеза, время существования древнейших

[39] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. III, ч. 1-я. М.-Л. 1951; G. F. Vicedom und H. Tischner. Die Mbowamb. T. I. Hamburg. 1943—1948, S. 184—190; M. J. Meggit. The Enga of New Guinea Highlands. «Oceania», T. 28, № 4, 1958, p. 302—318.

[40] Скот также имеет двойственное значение в хозяйстве человека: он может служить и средством производства (источник энергии, средство передвижения и перевозки грузов и т. п.) и источником предметов потребления (молоко, мясо, жир и т. д.). Сыграла ли эта экономическая особенность скота какую-либо роль в истории развития производства? Решение этого вопроса тесно связано с разработкой выдвинутой Ф. Энгельсом проблемы первого великого общественного разделения труда.

и древних гоминид, эпоху первобытного стада. Сравним для наглядности жизнедеятельность стада животных с жизнедеятельностью шелльской орды:

Стадо животных	Шелльская орда
Воспроизводство вида (размножение и выращивание потомства)	Воспроизводство рабочей силы (размножение и воспитание потомства)
	Изготовление орудий и средств труда
Добыча средств существования	Изготовление и добыча средств существования (при помощи орудий труда)

Нетрудно заметить, что изготовление орудий и средств труда, или, точнее, производство средств производства, и есть тот качественно новый род жизнедеятельности, который решающим образом отличает примитивные человеческие коллективы от любых даже самых развитых и совершенных животных сообществ; это тот рубеж, та грань, которая отделяет животное от человека. Поэтому и здесь нельзя смазывать коренного экономического различия между производством предметов потребления и производством средств производства. Производство предметов потребления становится производством лишь тогда, когда ему предшествует и его определяет производство средств производства.

Пренебрежение к наличию двух подразделений в общественном производстве с самого момента его возникновения сильнее всего сказалось во взглядах М. П. Жакова, гальванизированных в последнее время Б. Ф. Поршневым; имеются в виду их представления об инстинктивном, животном, дообщественном, аморфном (по Жакову), инстинктивном, животнообразном, первобытном (по Поршневу) труде[41]. Как и Д. Д. Тумаркин, М. П. Жаков и Б. Ф. Поршнев не замечают качественной разницы между трудом — добыванием средств существования при помощи орудий труда и трудом по изготовлению орудий и средств труда. Как и Д. Д. Тумаркин, М. П. Жаков и Б. Ф. Поршнев оперируют в своих построениях «трудом вообще». Не удивительно, что с их точки зрения труд широко распространен и среди животных: последние так или иначе добывают средства к существованию, нередко используя при этом предметы из окружающего их материального мира. «Труд,— по мнению М. П. Жакова,— не составляет привилегии человека, но свойственен в определенных формах всем животным, в особенности же — высшим»[42]. «...Инстинктивный, животнообразный первобытный труд в принципе еще столь же отличен от социального, разумного труда архитектора, как и труд пчелы... труд носил сначала животнообразный инстинктивный характер, оставаясь долгое время не более, как предпосылкой, возможностью производства в собственном смысле...»,— пишет Б. Ф. Поршнев[43].

---

[41] См. М. П. Жаков. К постановке генетических проблем доистории доклассового общества. Сборник «Из истории докапиталистических формаций». М.-Л. 1933, стр. 72—82; его же. К вопросу о генезисе человеческого общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 5, стр. 29—45; его же. Труд, техника и отношения производства возникающего общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1934, № 6, стр. 9—45; Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии». 1955, № 5, стр. 143—156, и др.

[42] М. П. Жаков. К постановке генетических проблем доистории доклассового общества, стр. 72.

[43] Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека, стр. 147, 148.

И для М. П. Жакова и для Б. Ф. Поршнева человеческое заключено не в труде, а в социальности, в общественности [44]. Труд, с их точки зрения, есть всякая деятельность живого существа, вооруженного каким-либо материальным предметом, с помощью и посредством которого это живое существо воздействует на другой предмет внешнего мира. В результате подобной деятельности последний становится годным или доступным для потребления (или присвоения). Такие действия инстинктивны или рефлекторны у животных и сознательны и целенаправлены у человека. И если придерживаться приведенного выше определения труда, то действительно нельзя найти разницы между трудом неандертальцев и «трудом» бобров, пчел или муравьев.

Как нам кажется, классики марксизма смотрели на этот вопрос несколько иначе. «Труд,— писал Ф. Энгельс,— начинается с изготовления орудий» [45]. «Употребление и создание средств труда,— указывал К. Маркс,— хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда...» [46]. Создание и изготовление средств труда и есть, по сути дела, то, что в политической экономии называется производством средств производства.

Таким образом, выделение и научное абстрагирование первого подразделения в производстве доклассового общества с начала его существования — это вопрос о человеческой истории и не только в социально-экономическом, но и в антропологическом смысле. Дело в том, что в процессе антропогенеза решающее влияние на его направление оказывает как раз та сфера первобытного производства, которая называется производством средств производства. Действительно, именно изготовление орудий труда стало тем совершенно новым комплексом, осуществление которого требовало от первых гоминид подлинно человеческих решений. Изготовление орудий труда вызвало изменение физического типа наших обезьяноподобных предков. Значение изготовления орудий труда в процессе антропогенеза не раз уже отмечалось в нашей литературе [47]. Простое манипулирование предметами внешнего мира (палками, камнями и пр.), известное в мире антропоидов [48], не породило существенных изменений в их физической организации. Только процесс изготовления орудий вызвал эволюцию руки, мозга и развитие речи, а значит, и всех речетворных органов [49]. Это и понятно. Человек унаследовал от животного мира тело, не приспособленное к общественному труду. Необходимо было приспособиться к новым условиям как раз потому, что в силу неприспособленности своего тела к труду люди не могли бы развивать производство, совершенствуя средства производства. Поэтому до известной степени справедливо утверждение, что развитие производства началось с развития главной производительной силы — самого человека. Но у человека на

---

[44] М. П. Жаков. К постановке генетических проблем доистории доклассового общества, стр. 73; Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека, стр. 148.

[45] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат. 1955, стр. 137.

[46] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 186—187.

[47] См., например, Я. Я. Рогинский. Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии. «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. II. М. 1947; его же. Новые теории происхождения человека. М. 1948; его же. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М. 1949, и др.; В. П. Якимов. Ранние стадии антропогенеза. Сборник «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. XVI. М. 1951; А. П. Окладников. Становление человека и общества. Сборник «Проблемы развития в природе и обществе». М.-Л. 1958.

[48] Н. Ю. Войтонис. Предыстория интеллекта. М. 1949 (см. гл. III «Пользование предметами как «орудиями» у обезьян»).

[49] В. П. Якимов. Указ. соч., стр. 62, 63, 68 и сл.; В. В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. Сборник «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», стр. 281—284.

заре его существования не было иных средств развития производства, кроме естественных, животных средств. Механизм естественного отбора продолжал действовать на всем протяжении антропогенеза, правда, уже в преобразованном виде, подчиненный закону общественного производства: отбирались, сохранялись и передавались по наследству лишь те качества, которые были нужны человеку как носителю рабочей силы, как производителю средств труда. И когда физический тип человека оказался в лице «Homo sapiens fossilis» в полном соответствии с теми требованиями, которые предъявляло к производителю общественное производство и прежде всего производство средств производства, только тогда механизм естественного отбора перестал действовать. Теперь путем совершенствования орудий и средств труда, расширения производственного опыта и накопления производственных навыков, путем усложнения форм организации трудового процесса и разделения труда общественное производство могло развиваться иными, более совершенными и быстрыми способами.

В советской литературе подробно и убедительно аргументировано положение об охоте как важном факторе антропогенеза [50]. Последние исследования Р. Дарта и Л. Лики [51] в Африке делают такой взгляд на охоту еще более убедительным. Но резкая полемика со сторонниками «собирательской стадии» на заре человеческой истории в какой-то мере заслонила от ученых то, что решающим условием очеловечения всегда было производство средств производства. Так, в некоторых работах [52] охота рассматривается, по существу, в качестве основного фактора становления и развития человеческого общества. Но может быть, так оно и было: изготовление орудий труда обусловливало направленные изменения физического типа человека, тогда как охота стимулировала развитие общества? Однако такая схема несовместима с представлением об общественной сущности производства. Скорее всего признание изготовления орудий труда главным фактором очеловечивания справедливо не только в отношении трансформации физического типа от «Homo primigenius» к «Homo sapiens fossilis», но и в отношении зарождения социальности, то есть генезиса самого человеческого общества. Социальность как совершенно новое, чисто человеческое качество рождалась именно в процессе изготовления человеком орудия, эффективное производительное потребление которого было возможно лишь при его совместной деятельности с другими членами человеческого стада. Эта качественно новая, основанная на чисто производственном принципе спайка формировалась прежде всего в сфере производства средств производства. Через отношение индивида к изготовляемому им орудию как к орудию общественного, коллективного, производства только и было возможно проявление отношения к членам стада как к членам человеческого общества. Что же касается совместной, коллективной охоты, то она сама приобретала характер человеческой деятельности прежде всего благодаря тому, что охотники были вооружены уже изготовленными ими орудиями труда [53].

---

[50] Кроме вышеуказанных работ А. П. Окладникова, Я. Я. Рогинского и В. П. Якимова, см. также С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. «Советская этнография», 1931, № 3—4; П. И. Борисковский. Древнейшее прошлое человечества. М. 1957; С. Н. Замятнин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Сборник «Проблемы истории первобытного общества». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. LIV, и многие другие.

[51] R. Dart. The osteodontokeratik culture of Australopithecus Prometheus. Pretoria. 1957; «The Newest Link in Human Evolution: The Discovery by L.S.B. Leakey of Zinjanthropus boisei». «Current Anthropology». Vol. 1, № 1, 1960.

[52] Например, Н. А. Бутинов. Проблема экзогамии. Сборник «Родовое общество». «Труды» Института этнографии. Новая серия. Т. XIV. М. 1951.

[53] Подробнее об этом см. Г. Ф. Хрустов. О возникновении материального производства. «Вопросы философии». 1960, № 3.

★

Изложенные выше соображения, как нам представляется, показывают, что ни теория бесструктурности первобытного производства, ни представление о дочеловеческом труде не укладываются в рамки марксистской теории производства. Недостаток этих взглядов заключается в недооценке социальной роли средств производства и прежде всего орудий производства.

В разрешении проблемы перехода от обезьяны к человеку концепция «дочеловеческого», или «животного», труда ведет к забвению основного критерия, позволяющего провести качественную грань между животным миром и человеческим обществом. Этим критерием, как известно, является «изготовление орудий производства», или, точнее, производство средств производства, в ходе которого и рождаются качественно новые общественные связи. Произведенные средства производства, в свою очередь, становятся важнейшим фактором социальной консолидации формирующегося человеческого общества. Отрицание этих важнейших выводов, вытекающих из марксистской теории происхождения человека и человеческого общества, служит, по нашему мнению, помехой для дальнейших исследований в области первобытной истории.

Представление о бесструктурности первобытного производства, об отсутствии в нем двух подразделений мешает также выявлению коренных, качественных различий между присваивающим и производящим типами хозяйства в первобытном обществе, различий, значимость которых не раз подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс (в частности, в советской литературе недостаточно еще освещен вопрос о существенных различиях между родом у охотников и собирателей и родом у земледельцев и скотоводов).

Невнимание к структуре первобытного производства со стороны части этнографов и историков сказывается в том, что они, порою следуя традиции, унаследованной от буржуазной этнографической науки, описывают материальную культуру (в том числе и некоторые средства производства) отдельно от хозяйства. В результате из поля зрения исследователя нередко выпадает или почти выпадает важнейшая сфера общественного производства — производство средств производства. Даже если отдельные стороны, некоторые производственные процессы этой сферы попадают в этнографическое описание, целостного представления о производстве средств производства не создается. А ведь именно это последнее определяет в конечном счете всю конкретно-историческую специфику исследуемого общества. Так, в частности, невнимание к структуре первобытного производства приводит к недооценке огромной прогрессивной роли земледелия в истории человеческой культуры и человеческого общества[54].

Успех дальнейших изысканий в области истории первобытного общества в значительной мере связан с необходимостью детального и всестороннего изучения специфики первобытного производства. Пришло время создать фундаментальный труд по истории первобытного производства, который обобщил бы накопленные наукой за последние десятилетия материалы и факты и явился бы достойным вкладом в марксистско-ленинскую разработку истории первобытного общества.

---

[54] В очень интересной, хотя и во многом спорной статье Ю. Ф. Новиков не без оснований называет переход к земледелию «великой экономической революцией, которая в течение одного-двух тысячелетий преобразовала лицо земли» (см. Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. «Советская археология». 1959, № 4, стр. 34).

В. И. ЛЕНИН И РАЗВИТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

Тадеуш Данишевский

Идеи В. И. Ленина оказали глубокое влияние на польское революционное движение, с которым вождь трудящихся всего мира был тесно связан многие годы. Теория и практика ленинизма помогли польским коммунистам найти правильную стратегию и тактику в условиях новой исторической эпохи, начало которой положила Великая Октябрьская социалистическая революция, на том этапе развития Польши, когда была восстановлена ее государственность.

Хронологические рамки настоящей статьи охватывают пятилетие между I и II съездами Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) (1918—1923 гг.) [1].

В идеологическом развитии КРПП в этот период можно установить два главных этапа: 1918—1920 гг., когда партия стояла еще в основном на почве непреодоленных концепций люксембургианства, и 1921—1923 гг., когда ленинские идеи, ломая многочисленные преграды, овладевали сознанием все более широких масс польских коммунистов. Такое разделение на этапы отвечает также установившейся в науке периодизации гражданской истории Польши.

Процессы, которые в 1918—1923 гг. наблюдались внутри КРПП, были обусловлены переменами, происходившими тогда во всем мировом коммунистическом движении в связи с изменениями международной обстановки. Это были годы прилива революционной волны, которая охватила Европу и Азию. Могучим толчком, вызвавшим эту волну, являлась Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством партии большевиков, партии великого Ленина.

Прорвав фронт мирового империализма на $^1/_6$ части земного шара, Октябрьская революция в огромной степени ускорила созревание социалистических революций в различных странах Европы, являясь одновременно стимулом для демократических и национально-освободительных движений во всем мире. Началась эра постепенного, но неизбежного краха капитализма.

Революционная волна, поднявшаяся после октября 1917 г. во всем мире, не ликвидировала, однако, господства империализма ни в одном из государств, за исключением России. Такой исход объяснялся рядом факторов объективного и субъективного характера. Одним из них, очень существенным, являлась слабость и идеологическая незрелость молодых коммунистических партий, которые не сумели тогда, как это сделали большевики России, привести в действие все рычаги революционного движения и надлежащим образом руководить борьбой трудящихся города и деревни, борьбой всех угнетенных и эксплуатируемых.

То же надо сказать и о польском коммунистическом движении, путь которого к ленинизму был очень сложным. Переход к ленинизму польской компартии был, однако, подготовлен всем предыдущим развитием

---

[1] Начиная с III съезда (март 1925 г.) КРПП стала называться Коммунистической партией Польши (КПП).

польского революционного движения, его тесной связью с русским революционным движением, руководимым В. И. Лениным.

★

В конце 1918 г. Польша, только что вновь приобретшая независимость, в первую очередь благодаря победе социалистической революции в России, встала перед лицом революционного кризиса. Главным проявлением его было возникновение Советов рабочих, а в некоторых районах страны и крестьянских депутатов.

Власть в стране оказалась в руках так называемого «народного правительства» во главе с руководителем ППС И. Дашиньским, которое выдвинуло радикальную программу, носившую с самого начала фиктивный характер, так как реализация этой программы по самым коренным социально-политическим вопросам была поставлена в зависимость от решений буржуазного сейма. Политика руководителей ППС в то время совпадала с политикой руководителей других европейских реформистских партий.

На этом фоне ярко выделялась позиция Коммунистической рабочей партии Польши. С момента своего возникновения (декабрь 1918 г.) [2] КРПП являлась партией глубоко революционной и интернационалистской.

I съезд КРПП заклеймил предательство правых лидеров II Интернационала, признал полное банкротство их реформистских концепций. В то же время съезд поддержал ленинскую идею создания Коммунистического Интернационала.

Польские революционеры стояли у колыбели Коминтерна, участвовали во всех совещаниях, предшествовавших его созданию. Они присутствовали на международном совещании коммунистов и левых социалистов в Петрограде 24 января 1918 г.[3], а также на совещании представителей некоторых коммунистических и социалистических партий в Москве 21 января 1919 года. В московском совещании участвовали делегация ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным, представители заграничного бюро Коммунистической рабочей партии Польши и другие [4]. Совещание приняло воззвание к ряду рабочих революционных партий, приглашавшее их на «I конгресс нового революционного Интернационала». Под этим воззванием стояла также подпись Карского (Юльяна Мархлевского) [5].

В работе I конгресса Коминтерна в качестве представителя КРПП принимал участие старый деятель СДКПиЛ Уншлихт (Юровский). В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС сохранился отчет Уншлихта о деятельности КРПП, представленный конгрессу. Этот отчет, кратко характеризовавший положение в Польше и деятельность польской коммунистической партии, был проникнут духом революционного оптимизма. «Мы, со своей стороны, готовимся к решительной схват-

---

[2] В отличие от других коммунистических партий Запада, образовавшихся путем раскола социалистических партий и выделения из них левого крыла, польская компартия возникла вследствие объединения двух пролетарских партий — СДКПиЛ и ППС-левицы, стоявших на коммунистической платформе диктатуры пролетариата. Это было возможно лишь благодаря тому, что в польском рабочем движении организационное обособление революционного течения произошло значительно раньше, чем в рабочем движении остальных стран Западной Европы (СДКПиЛ — в 1893 и ППС-левицы — в 1906 г.).

[3] См. К. С. Трофимов. Борьба В. И. Ленина за создание и укрепление Коммунистического Интернационала (1919—1922 гг.). Сборник «О деятельности В. И. Ленина в 1917—1922 гг.». М. 1958, стр. 119; М. Тоняев. В. И. Ленин — основатель и вождь III Коммунистического Интернационала. М. 1959, стр. 16.

[4] К. С. Трофимов. Указ. соч., стр. 124; М. Тоняев. Указ. соч., стр. 17.

[5] «5 лет Коминтерна в решениях и цифрах». М. 1924, стр. 7.

ке» [6],— говорилось в нем. КРПП была принята в Коммунистический Интернационал (20 июля 1919 г.) [7] как одна из первых его секций. Анализ документов I съезда КРПП показывает, что партия с самого начала понимала правильность ленинского тезиса о государственной власти как коренном вопросе всякой революции.

Провозгласив в своей политической платформе, что «открылась эра непосредственной борьбы за осуществление социалистического строя, эра социальной революции» [8], съезд выдвинул в качестве основной задачи борьбу за свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата в форме власти Советов.

Несмотря на то, что с первых минут своего существования коммунистическая партия действовала в условиях неслыханного террора, она вписала многие прекрасные страницы в революционную борьбу конца 1918 и начала 1919 года.

В. И. Ленин придавал огромное значение развитию революционного движения в Польше. Архивные документы ИМЛ свидетельствуют о том, что Владимир Ильич постоянно был в курсе революционных событий в стране, внимательно читал сообщения из Польши и делал пометки [9].

В. И. Ленина особенно интересовало положение в Советах рабочих депутатов, ибо от этого в огромной степени зависел дальнейший ход польского революционного движения. На VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г. В. И. Ленин говорил: «У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского Совета рабочих депутатов: от польских социал-предателей — 333, от коммунистов — 297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалек уже Октябрь. Это — не то август, не то сентябрь 1917 года» [10].

Вместе с тем В. И. Ленин предостерегал зарубежные революционные партии, что «большевистский революционный календарь» нельзя механически применять во всех других странах, в том числе и в Польше, где большинство рабочих находилось еще под влиянием ППС и где капиталисты и помещики, используя укоренившееся среди поляков недоверие к русским, вызванное национальным гнетом со стороны царизма, силились запугать трудящихся угрозой коммунизма.

Несмотря на большой подъем революционного движения, польский рабочий класс не взял кормило власти в свои руки. Ответственность за это падает в первую очередь на правых главарей ППС. Они отвлекали рабочих от активной борьбы за политическую власть, старались максимально ослабить Советы. В мае 1919 г. официальное руководство ППС, вопреки сильной оппозиции внутри собственных рядов, довело дело до раскола, создав свои отдельные, так называемые «национальные» Советы. Сложившаяся в то время ситуация была использована правительством Падеревского, которое в июле 1919 г. ликвидировало поочередно все Советы, проведя массовые аресты революционных деятелей. Кампания в защиту Советов, начатая КРПП, не смогла уже исправить дело.

Только в условиях раскола рабочего класса буржуазия, несмотря на все внутренние и внешние трудности, смогла удержать, а затем и усилить свою власть в Польше.

Поражение польского рабочего класса объяснялось и рядом других причин. Одной из них было то, что коммунистическая партия не оказалась в тот ответственный момент полностью на вы-

---

[6] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 495, оп. 124, ед. хр. 7.

[7] «5 лет Коминтерна в решениях и цифрах», стр. 15.

[8] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I. Warszawa. 1953, str. 37.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10581, 12529, 14571.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 153.

соте стоявших перед ней задач. Коммунистическая рабочая партия Польши непреклонно и самоотверженно сражалась за социализм, но она не понимала всей важности разрешения в ту пору общедемократических задач в стране, страдавшей от сильных пережитков феодализма, которые тяжелым бременем ложились прежде всего на крестьянство.

«Социалистическая революция в Польше,— указывалось в тезисах Центрального Комитета ПОРП к 40-летию КПП,— могла наступить только в результате развития классовой борьбы под руководством пролетариата за осуществление основных задач революционно-демократического характера, а КПП не отдавала еще себе отчета в необходимости соединения в одном революционном потоке патриотических, национальных и демократических стремлений широких слоев народа с классовыми стремлениями пролетариата и крестьянства» [11].

Не преодолев еще на первом этапе своего существования некоторых ошибочных концепций, унаследованных от своей предшественницы — СДКПиЛ, КРПП занимала незрелую, не соответствовавшую ее задачам и условиям борьбы позицию по таким кардинальным вопросам, как национальный и крестьянский, как проблема гегемонии рабочего класса. КРПП ошибочно полагала, что «в период международной социальной революции, разрушающей фундамент капитализма, польский пролетариат отвергает такие политические лозунги, как автономия, завоевание самостоятельности, самоопределение... Для международного лагеря социальной революции не существует вопроса о границах...» [12].

Но уже в феврале 1919 г. I партийное совещание (расширенный пленум ЦК), порвав с этими, по сути дела, анархистскими взглядами, выдвинуло правильный для того времени лозунг — Польской республики Советов [13]. В восстановлении независимого Польского государства КРПП видела вначале лишь его классовый аспект — гнет буржуазного государства. Она недооценивала прогрессивного характера восстановления независимости страны, которое стало возможным в результате победы Октябрьской революции в России, а также революций в Германии и Австро-Венгрии. Такая позиция изолировала коммунистическую партию от значительной части трудящихся масс, не исключая и некоторых слоев рабочего класса. Одновременно следует отметить, что КРПП с самого начала правильно подчеркивала зависимость буржуазно-помещичьей Польши от мирового империализма, противоречившую жизненным интересам польского народа.

Большой заслугой КРПП являлась ее непримиримая борьба с национализмом, который в польских условиях всегда был одной из главных форм воздействия буржуазной идеологии на пролетариат. Коммунистическая партия постоянно разоблачала каждое проявление национального гнета в буржуазной Польше. Однако она не сумела сразу занять последовательной позиции в отношении захваченных польскими имущими классами украинских и белорусских земель, так как не усвоила еще ленинского лозунга самоопределения народов вплоть до их отделения.

Позиция КРПП по крестьянскому вопросу также не могла обеспечить ей поддержки со стороны миллионных масс крестьянства. В тех условиях, когда крестьяне все категоричнее выступали с требованием отторжения помещичьих земель, когда такое требование выдвигали даже некоторые соглашательские партии, развивавшие оживленную деятельность в деревне, когда буржуазные правительства вынуждены были поставить на повестку дня куцые проекты аграрной реформы, КРПП стояла на пози-

---

[11] «W 40-ta rocznicę powstania Komunistycznej Partii Polski. Tezy Komitetu Centralnego PZPR». Warszawa. 1958, str. 10.

[12] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I, str. 42—43.

[13] Там же, стр. 71.

циях обобществления крестьянского хозяйства и противилась лозунгу «Земля — крестьянам!». Практически коммунистическая партия действовала в деревне в то время почти исключительно среди сельского пролетариата и лишь в малой степени охватывала малоземельных крестьян, не говоря уже о середняках.

КРПП представляла себе борьбу за социализм как нечто вроде поединка между пролетариатом и буржуазией, не сознавая необходимости привлечения союзников для пролетариата в лице трудящегося крестьянства, а также угнетенных польской буржуазией национальностей.

Рассчитывая на быструю победу мировой революции, которая, как считали руководители КРПП, автоматически охватила бы и Польшу, они вплотную не задумывались над внутренними революционными факторами в стране и над способами активизации последних. Поэтому и требования, которые партия выдвигала в тот период, носили порою чисто пропагандистский характер. Например, заключительная часть политической платформы I съезда выдвигала перед партией как главную задачу «доказывать», «разоблачать», «внушать» и т. д.[14].

Руководители КРПП делали в то время особый упор на отгораживание рабочего класса от других классов и слоев — носителей буржуазной или мелкобуржуазной идеологии. Они еще не понимали другой стороны проблемы — необходимости сплочения вокруг рабочего класса и под его руководством всех угнетенных и эксплуатируемых.

Говоря об идеологической незрелости КРПП на первом этапе ее деятельности, необходимо со всей силой подчеркнуть, что польская компартия при всех ее недостатках и слабостях была с самого начала одним из наиболее закаленных и боевых отрядов международного коммунистического движения. Ликвидация указанных недостатков и слабостей была тесно связана с творческим усвоением ею ленинской теории социалистической революции, а для этого требовалось время.

Кроме упомянутых, преимущественно субъективных факторов, затруднявших победу польского пролетариата над буржуазией в момент складывания польской буржуазной государственности, необходимо отметить и серьезные объективные препятствия:

а) КРПП опиралась почти исключительно на рабочий класс, последний же был сильно ослаблен в результате первой мировой войны (эвакуация в Россию, принудительный вывоз в Германию, массовый голод и эпидемии) [15];

б) широкие массы трудящихся, исполненные сознания полученной наконец столь желанной независимости, готовы были на известные жертвы, обманываясь тем, что в возрожденной Польше их положение будет постепенно улучшаться, что управлять государством будет польский народ;

в) соглашательские партии, в первую очередь ППС и «Вызволение», проводили демагогическую политику, не отказываясь от псевдорадикальной фразеологии;

г) польская буржуазия еще могла вводить в заблуждение народ, так как никогда до этого не была у власти и не успела разоблачить себя;

д) международный империализм оказывал всемерную поддержку польской буржуазии.

---

[14] Там же, стр. 43.

[15] Если в Королевстве Польском в 1913 г. было всего 604 тыс. рабочих, в том числе свыше 362 тыс. промышленных, то численность рабочих, занятых как в промышленности, так и на дорожных, военных и других работах, в период австро-немецкой оккупации Королевства достигала немногим более 210 тыс. человек. S. Cruszewski, M. Zdziarski. Zycie robotników w Polsce. 1913—1921. Warszawa. 1923, str. 6—7.

Эти обстоятельства в большой степени повлияли на положение, сложившееся в Польше в первые годы ее независимости.

★

С первых дней возникновения польского независимого государства буржуазия и тогдашние польские правители втянули страну в захватническую войну против молодой Советской республики. В послеверсальской Европе буржуазно-помещичьей Польше отводилась роль «санитарного кордона» против ленинских идей, распространявшихся на весь мир.

Руководимый В. И. Лениным Коммунистический Интернационал призвал польских рабочих стать на защиту завоеваний российской пролетарской революции [16]. Многие выступления В. И. Ленина были посвящены вопросам польско-советской войны [17]. В его высказываниях, проникнутых духом мира и глубокого уважения к польскому народу и его праву на независимое существование, подчеркивалось, что за плечами буржуазно-помещичьей Польши стоит империалистическая коалиция, которая толкает ее на антисоветскую авантюру вопреки очевидным интересам страны. В. И. Ленин прилагал огромные усилия, чтобы помешать осуществлению военных планов буржуазного польского правительства и завязать связи между советским народом и демократическими кругами польского общества, настроенными против войны [18].

Когда армия Пилсудского приближалась к Киеву, В. И. Ленин в речи 5 мая 1920 г. разъяснял красноармейцам, отправлявшимся на польский фронт, причины и характер войны: «Товарищи! Вы знаете, что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто-польское население. Мы шли на все уступки и пусть каждый из вас помнит это на фронте. Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы — солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители» [19].

Обращение В. И. Ленина, преисполненное чувствами дружбы к польскому народу, к польским трудящимся, встретило одобрение передовой польской общественности.

Единственной партией, которая последовательно и без колебаний выступила против антисоветской войны, в защиту первого в мире социали-

---

[16] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I, str. 83—85. (Письмо Исполкома Коминтерна от 6 июля 1919 г.)

[17] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 59—60, 135—137, 153, 190—191, 270, 307—308, 320, 325, 340, 349—350, 368—369, 385, 421—422, 481, 484; т. 31, стр. 98—100, 106, 109—110, 114, 118—119, 120, 145—151, 159, 179, 239—241, 250—254, 276, 286, 293—312, 380—383, 386, 453, 456—457; т. 32, стр. 125—126, 129—130, 147, 267; т. 33, стр. 114; т. 35, стр. 373, 374, 387.

[18] В начале 1919 г. находившийся в России бывший деятель ППС В. Ястржембский отправился по просьбе Советского правительства в Варшаву, чтобы убедить некоторых «левых» министров в необходимости наладить мирные торговые и культурные отношения с Советской Россией. Миссия Ястржембского не имела успеха вследствие решительного отказа со стороны правых лидеров ППС, связанных с пилсудчиной. Несмотря на это, В. И. Ленин был за продолжение переговоров. На отчете Ястржембского имеется собственноручная пометка В. И. Ленина, адресованная Л. Б. Красину, наркому торговли и промышленности: «Немедленно передайте Чичерину и следите (или кому-либо поручите следить), чтобы энергично и неустанно проводили сию политику» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8521). В Центральном партийном архиве ИМЛ имеется также подписанный В. И. Лениным документ от 9 декабря 1919 г., уполномочивавший Ю. Мархлевского заключить соглашение с Польским Красным Крестом от имени Российского Красного Креста (там же, ед. хр. 11976).

[19] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 106.

стического государства рабочих и крестьян, была Коммунистическая рабочая партия Польши. В воззвании «К пролетариям всех стран», выпущенном в 1920 г., ЦК КРПП подтвердил, что польские рабочие не имеют ничего общего с нападением польского милитаризма на Советскую Россию, что они решительно клеймят эту войну, ведущуюся не для защиты независимости, а в защиту всемирного господства капитала; что они видят в красных войсках не захватчиков, грозящих свободе поляков, а союзников в революционной борьбе за освобождение [20]. Конференция КРПП (апрель 1920 г.) в соответствии с воззванием Коммунистического Интернационала поставила перед партией в качестве ближайшей задачу— «призывать рабочие и солдатские массы, чтобы они путем революции прервали преступную империалистическую войну и на развалинах государства капитала и варварства построили с помощью диктатуры рабочего класса государство пролетариата — Польскую республику Советов рабочих депутатов» [21].

В июле 1920 г. в освобожденном Красной Армией Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши (ВРКП), в состав которого вошли выдающиеся деятели польского революционного движения Ю. Мархлевский (председатель комитета), Ф. Дзержинский, Ф. Кон, Э. Прухняк и Ю. Уншлихт.

В данной статье автору хотелось бы обратить внимание на одну только область деятельности ВРКП — работу в деревне. Комитет провозгласил переход помещичьей земли в собственность народа и передал фольварки под управление батрацких комитетов. Он гарантировал неприкосновенность крестьянской земли.

Аграрная политика ВРКП нашла поддержку среди основной массы сельскохозяйственных рабочих Белостокского района. Крестьяне в отличие от сельскохозяйственных рабочих заняли выжидательную позицию. Большое влияние на них оказал принятый сеймом 15 июля 1920 г. закон об аграрной реформе, который впоследствии так и не был полностью реализован. В программе же ВРКП они не видели конкретных выгод для себя. Среди членов ВРКП не было единства во взглядах по аграрному вопросу. Ф. Дзержинский высказывался за раздел между крестьянами помещичьих земель, остальные члены комитета не поддерживали его точки зрения [22].

В. И. Ленин подсказывал руководству ВРКП необходимость частичного раздела помещичьих земель, отмечая, что таким образом будут удовлетворены требования малоземельных крестьян и завоевана их поддержка. Он послал в ВРКП следующую телеграмму: «Для Дзержинского и всех членов Польского ЦЕКА. Если в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать поместья, то абсолютно необходимо издать особое постановление Польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками. Прошу ответа. Ленин» [23].

Но Временный революционный комитет Польши (даже если не принимать в расчет различий в позициях его членов) существовал слишком недолго, чтобы суметь осуществить эти ленинские указания. Если же говорить о всей стране, то тогдашнее руководство КРПП, обремененное сектантскими взглядами по аграрному вопросу, не выдвинуло революционизирующего сельские массы лозунга «Земля — крестьянам!» и не сумело привести в движение огромную революционную энергию, которая таилась в крестьянской толще, особенно в тот момент, когда в ходе войны буржуазно-помещичья власть была основательно подорвана.

[20] Archiwum Zakładu Historii Partii (далее: AZHP), zesp. 158/VIII, 1920.
[21] «KPP—Uchwały i rezolucje». T. I, str. 95.
[22] См. Ф. Кон. Феликс Эдмундович Дзержинский. М. 1938, стр. 76.
[23] Цит. по факсимиле телеграммы В. И. Ленина, воспроизведенной в публикации «Феликс Эдмундович Дзержинский. 1877—1926». Альбом. М. 1951.

Рижский мирный договор, заключенный между Советской Россией и Польшей, и утверждение сеймом конституции внесли некоторую стабильность в польскую буржуазную государственность. Стало очевидным, что, несмотря на сильный натиск революционного движения, власть осталась в руках буржуазии. Этот факт не мог пройти незамеченным для польских коммунистов. Так сама жизнь толкала их на путь пересмотра ряда ошибочных или устаревших концепций, стратегических и тактических установок.

В то время среди руководителей коммунистической партии уже складывалась группа, которая пыталась наметить для партии новые направления и методы деятельности, опираясь на ленинское учение, на указания Коминтерна. К ней принадлежали А. Варский, В. Костшева, Г. Валецкий, Э. Бранд, Э. Прухняк и др. Они стремились найти ответ на вопрос, как случилось, что из первых крупных классовых схваток польская буржуазия вышла победительницей, пролетариат же потерпел поражение.

Еще накануне образования коммунистической партии А. Варский поставил под сомнение правильность тактики СДКПиЛ, которая ограничивалась лишь выдвижением лозунга «Да здравствует социальная революция!», не наполняя его живым содержанием, не указывая путей, ведущих к этой революции, и всех сил, которые могли ее осуществить[24]. А. Варский и его ближайшие товарищи постепенно все более убеждались в том, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда в международном масштабе назрел вопрос о борьбе пролетариата за власть, нельзя ограничиваться одними общими лозунгами, необходимо выработать соответствующую стратегию, которая могла бы обеспечить победу над классовым врагом.

Интернационализм коммунистической партии основан не на ожидании автоматического и одновременного краха капитализма во всем мире. Правильная интернационалистическая тактика, учил В. И. Ленин, означает, что каждая коммунистическая партия должна делать «максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*»[25]. Это, в свою очередь, требует точного знания расстановки классов и движущих сил революции в каждой стране.

Руководство КРПП постепенно, извилистыми тропинками подходило к пониманию правильности проверенной большевистской партией на опыте трех русских революций ленинской истины, что коммунистический авангард может одержать победу только тогда, когда сумеет направить в одно русло три основных потока революционной энергии: борьбу рабочего класса за социализм, борьбу крестьян за помещичью землю и борьбу угнетенных народов за освобождение от национального гнета. Найти правильную стратегическую и тактическую линию КРПП в огромной мере помогли решения Коминтерна, вся плодотворная деятельность его вождя — В. И. Ленина.

На II конгрессе Коммунистического Интернационала (июль — август 1920 г.) так же, как на его I конгрессе, польская делегация не присутствовала. Ее приезд был невозможен из-за военных действий, которые велись в этот период. КРПП приходилось знакомиться с материалами конгресса с некоторым опозданием, но они все же облегчали ей пересмотр неправильных, устаревших взглядов.

Огромное значение при этом играло изучение деятелями КРПП работ В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Условия приема в Коммунистический Интернационал» и др. В трудах В. И. Ленина этого времени, прежде всего в его гениальном произведении «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», польские коммунисты находили ответы

[24] A. Warski. Wybór pism i przemówień. T. II. Warszawa. 1958, str. 5—10.
[25] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 269.

на волновавшие их вопросы. Освещение таких проблем, как международное значение Октябрьской революции, опыт большевистской партии в борьбе на два фронта, тезис о необходимости работы даже в самых реакционных профсоюзах, участие коммунистов в парламентских выборах, вопрос о компромиссах, самый метод полемики В. И. Ленина с «левыми» догматиками из коммунистических партий Запада,— все это давало богатейшую духовную пищу для польских коммунистов, которые должны были многое пересмотреть в своих взглядах, чтобы стать настоящими ленинцами.

Для КРПП имели самое актуальное значение выступления В. И. Ленина и подготовленные им для II конгресса Коминтерна документы, которые знакомили остальные секции Коминтерна, все международное коммунистическое движение с огромным опытом большевистской партии. В. И. Ленин высоко ценил деятельность Коммунистической рабочей партии Польши, которую она вела в неслыханно сложных условиях. В тезисах об основных задачах II конгресса Коминтерна он привел в качестве примера умелого сочетания нелегальной и легальной работы деятельность польской компартии [26].

На II конгрессе Коминтерна КРПП представлял Ю. Мархлевский, являвшийся председателем аграрной комиссии III Интернационала. Из заметок Мархлевского к предварительному наброску тезисов В. И. Ленина по аграрному вопросу [27] видно, что под влиянием Владимира Ильича у Мархлевского обозначилась известная эволюция взглядов — отход от традиционной позиции СДКПиЛ, которой тогда придерживалась и КРПП. Мархлевский высказывался за частичный раздел помещичьих земель среди крестьян Западной Европы.

Подчеркнув необходимость готовности коммунистических партий к революционным боям и разрыва их с оппортунистическими и колеблющимися элементами (знаменитое 21 условие), II конгресс Коминтерна одновременно поставил вопрос о борьбе за массы, за привлечение союзников пролетариата — крестьянства и угнетенных народов.

В тезисах для II конгресса Коминтерна В. И. Ленин указывал, что «действительно революционным, действительно социалистически действующим классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплуататоров...» [28]. Над этими словами не могли не задуматься и вожди КРПП. Благотворное воздействие ленинских идей сказалось уже на решениях II конференции КРПП (февраль 1921 г.), где впервые в истории польской коммунистической партии была сформулирована задача «стать выразителем интересов не только фабрично-заводских рабочих, но и широчайших слоев населения, ввергнутых капиталистической системой в нищету» [29]. II конференция приняла 21 условие, сформулированное II конгрессом Коминтерна, заявив одновременно, что программа, деятельность и тактика КРПП с первого момента соответствовали этим условиям [30]. В Исполком Коминтерна были назначены от КРПП Г. Валецкий и Ю. Мархлевский [31].

Руководство КРПП стремилось к наиболее тесной связи с массами. В марте 1921 г. был принят циркуляр ЦК «О необходимости реагирования на отдельные проявления наступления капиталистов и правительства» [32]. Много внимания партия уделяла работе в профсоюзах и призы-

---

[26] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 171.
[27] J. B. Marchlewski (Karski). Sprawa rolna a rewolucja socjalistyczna. Moskwa. 1927, str. 35—48.
[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 130.
[29] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I, str. 123.
[30] Там же, стр. 126.
[31] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 29.
[32] Там же, ед. хр. 36.

вала рабочих к активному участию в профсоюзной жизни. Обсуждался также вопрос об издании легальной газеты. «Мы не дадим изолировать себя от масс — это наверное»[33],— писал в связи с этим Э. Бранд Э. Прухняку.

Решения II конференции были развиты III партийным совещанием (май 1921 года). Совещание всесторонне обсудило вопрос о роли частичных требований в процессе развития сознания и борьбы революционных масс.

Большое значение для дальнейшего идеологического развития партии имела работа Г. Валецкого о парламентаризме[34]. Вопреки господствовавшим тогда в КРПП взглядам и решениям по этому вопросу II конференции[35] Г. Валецкий после глубокого анализа сложившейся в Польше ситуации пришел к выводу, что бойкот выборов в первый сейм являлся политической ошибкой[36], и добивался активного участия партии в последующих выборах. Брошюра Г. Валецкого была недоброжелательно воспринята значительной частью руководства КРПП и партийного актива[37], хотя в ней излагалась правильная точка зрения, отвечавшая ленинской линии Коммунистического Интернационала.

★

Непосредственное влияние на идейное развитие КРПП оказал III конгресс Коминтерна (июнь — июль 1921 г.), в котором впервые участвовала в составе 20 человек делегация КРПП. К этому времени в ряде стран Западной Европы уже выявились признаки спада революционной волны. Поэтому В. И. Ленин считал основной опасностью в этих условиях изоляцию коммунистов от масс. В «Речи в защиту тактики Коммунистического Интернационала» В. И. Ленин, полемизируя с догматиками, говорил: «Тот, кто не понимает, что в Европе,— где почти все пролетарии сорганизованы,— мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения...»[38].

Тезисы и доклад В. И. Ленина о тактике РКП(б)[39], выясняющие сущность нэпа и надлежащее отношение пролетариата, находящегося у власти, к крестьянству, имели большое значение для коммунистических партий капиталистических стран, в том числе и Польши.

А. Варский впоследствии в докладе «5 лет КРПП», сделанном на II съезде партии (сентябрь — октябрь 1923 г.), отмечал важную роль для КРПП решений III конгресса Коминтерна и высказываний В. И. Ленина. «Важным этапом в развитии нашей партии,— говорил Варский,— было участие нашей делегации в III конгрессе Коминтерна. Там впервые в полном объеме был поставлен перед нашими товарищами вопрос о завоевании масс не только во имя конечных целей, но также путем активнейшего участия в их повседневной борьбе»[40].

Ядро тогдашнего руководства КРПП, стремившееся оживить внутрипартийную жизнь, пронизать всю деятельность партии духом ленинизма, горячо желало упрочения связей с Коминтерном. Вскоре после III конгресса Секретариат ЦК КРПП на заседании 5 сентября 1921 г. принял решение, в котором говорилось: «ЦК подтверждает, что партия длительное время была изолирована от идейной жизни КИ и что вследствие нелегальных условий организация принимала слабое участие в об-

---

[33] Там же, ед. хр. 33.

[34] H. Walecki. O taktyce i ó stosunku do parlamentaryzmu. Warszawa. 1921.

[35] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I, str. 125.

[36] КРПП не принимала участия в выборах в сейм в январе 1919 г., рассчитывая на возможность непосредственного перехода власти в Польше в руки Советов.

[37] Об этом свидетельствует письмо КРПП от 12 апреля 1921 года (ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 33).

[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 446.

[39] См. там же, стр. 429—472.

[40] A. Warski. Wybór pism i przemówień. T. II, str. 216.

суждении и решении тактических вопросов, стоящих на повестке дня КИ и КРПП»[41].

Секретариат ЦК постановил использовать все возможности для того, чтобы издать резолюции III конгресса Коминтерна, важнейшие выступления, а также отчет польской делегации на конгрессе, разослать во все округа издания Коминтерна и братских партий, а также открыть в партийной печати дискуссию. На том же заседании Г. Валецкий был назначен представителем КРПП в Исполнительном Комитете Коминтерна, а Э. Прухняк — его заместителем[42].

В 1921 г., несмотря на некоторую стабилизацию власти буржуазии в Польше, внутреннее положение страны продолжало быть обостренным. Попытки буржуазии выйти из финансового кризиса за счет рабочего класса — путем атаки на 8-часовой рабочий день и другие социальные завоевания — вызвали сильный рост стачечного движения. Иллюзии относительно буржуазной демократии постепенно терпели крах. Росло коммунистическое влияние на широкие народные массы.

Указывая на серьезность обстановки, создавшейся тогда в Польше, В. И. Ленин в письме к польским коммунистам (19 октября 1921 г.)[43] предостерегал их от преждевременного выступления и призывал не поддаваться на провокации со стороны врага. Плод революции, подчеркивал В. И. Ленин, должен созреть до конца. Владимир Ильич указывал на огромное международное значение, которое имела бы победа революции в Польше: вместе с революцией в Германии, Чехословакии и Венгрии она взорвала бы изнутри всю версальскую империалистическую систему. В. И. Ленин обращал, наконец, внимание на то, какая большая ответственность ложилась в связи с этим на польских коммунистов, которые должны были поэтому осторожно вести дело.

Письмо В. И. Ленина имело большое значение для разработки соответствующей линии партии, рассчитанной на неустанную, систематическую мобилизацию внутренних резервов революции и выполнение таким образом интернационального долга партии перед международным рабочим движением. Та часть руководства КРПП, которая по своим воззрениям приближалась к ленинским позициям, ссылалась на это историческое письмо и цитировала его[44].

1921 год ознаменовался некоторым поворотом в деятельности КРПП по указанному В. И. Лениным и Коминтерном пути. Однако настоящий перелом еще не наступил. В отчете ЦК КРПП за время с середины октября до декабря 1921 г. отмечалось: «Весной текущего года партия в первый раз оценила подлинное значение крестьян для социальной революции в Польше и решила взяться за работу среди них. В период подъема рабочего движения наши попытки установить связи с крестьянами имели успех... но не были достаточно энергичными и настойчивыми. Теперь снова сорван всякий контакт. В программном отношении мы непрерывно топчемся на месте... Наша организация не имеет никакого понятия об аграрном вопросе и даже не видит, на чем он основан. Аграрные тезисы II конгресса совершенно неизвестны. Надо как можно скорее найти конкретные формулировки наших аграрных требований, которые могли бы привлечь малоземельных»[45].

III конференция КРПП (апрель 1922 г.) явилась дальнейшей и исключительно важной вехой идеологического развития партии по пути к ленинизму. Руководство и актив КРПП начали осознавать необходимость глубоких перемен в существе и методах партийной работы, кото-

[41] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 36.
[42] Там же.
[43] Письмо не опубликовано.
[44] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. II, str. 263; A. Warski. Wybór pism i przemówień. T. II, str. 216, 302.
[45] AZHP, zesp. 158 (необработанные материалы).

рую провозгласил В. И. Ленин и о которой говорилось в решениях Коминтерна. Введение к решениям III конференции [46] указывает на изменение положения в сравнении с начальным периодом существования III Интернационала. Тактику коммунистической партии в тот период кратко можно было сформулировать следующим образом: решительная атака против твердынь капитализма. Однако капитализм выдержал натиск послевоенного кризиса. В этих условиях мобилизация масс на борьбу за частичные требования приобретала особо революционный характер.

III конференция КРПП обсудила вопрос о тактике единого фронта рабочего класса и аграрный вопрос (национальный вопрос в связи с недостатком времени был исключен из повестки дня).

Президиум ИККИ, развивая основной лозунг III конгресса Коминтерна — о необходимости завоевания коммунистическими партиями большинства рабочего класса, принял под непосредственным руководством В. И. Ленина тезисы о борьбе за единый рабочий фронт. В результате предварительных переговоров в начале апреля 1922 г. состоялась совместная конференция представителей Интернационалов в Берлине.

На III конференции КРПП выявились три точки зрения по вопросам тактики единого фронта: а) Варский защищал установку Коминтерна, б) Гжех (Слюсарский) вообще отвергал тактику единого фронта как якобы поворот на путь соглашения с правыми социалистами, в) Краевский, представлявший позицию большинства ЦК, соглашался в принципе с тактикой единого фронта, но сомневался в возможности применения ее в Польше и категорически отвергал всякое обращение к руководству ППС с предложением о едином фронте. А. Варский в своем докладе указывал на жизненное значение тактики единого фронта для польского рабочего класса [47]. В ходе обсуждения была вскрыта несостоятельность позиции Гжеха, и конференция большинством голосов приняла резолюцию, внесенную Варским [48].

Горячая дискуссия развернулась по аграрному вопросу. Представленные на обсуждение тезисы, основным автором которых была В. Костшева, давали марксистский анализ социально-экономической структуры Польши. Подтверждая, что вследствие недоразвитости капитализма социалистическая революция на польских землях застанет много феодальных пережитков, тезисы указывали, что польская революция «будет не только рабочей революцией, но и революцией рабоче-крестьянской» [49]. В тезисах подробно формулировалась аграрная политика партии как в период подготовки социалистической революции, так и после ее победы. В качестве главного лозунга выдвигалось требование экспроприации (без выкупа) всех помещичьих земель в пользу трудового сельского населения. В целом это был документ, в котором излагались применительно к условиям Польши ленинские идеи союза рабочих и крестьян.

В связи с тем, что голоса на конференции разделились, было принято решение провести общепартийную дискуссию по аграрному вопросу. Проблема была нелегкой, так как значительная часть руководителей партии колебалась, а аграрный отдел ЦК и большинство окружных конференций партии высказались в защиту принятой в 1918 г. программы СДКПиЛ по аграрному вопросу, которая содержала требование о превращении помещичьих имений в государственные и социалистические хозяйства [50].

---

[46] «Sprawozdanie z III. Konferencji Partyjnej Komunistycznej Partii Robotniczej Polski». Warszawa. 1922.

[47] Там же, стр. 18.

[48] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 36.

[49] «Materialy w sprawie rolnej», Cliwice. 1922, str. 59.

[50] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 36, 40, 63.

Между тем идея раздела помещичьих земель, содержавшаяся в аграрных тезисах, завоевывала все более широкое признание в партии. Это отразилось в партийной переписке В. Костшевы. 29 апреля 1922 г. в письме Прухняку она отрицательно высказывалась о положении в партии после конференции, особенно потому, что «большинство нынешнего ЦК не соглашается с той точкой зрения, которая прошла на конференции». Более оптимистично звучало ее письмо от 16 мая: «Мои опасения, что новая линия не будет как следует проводиться в связи с составом людей, которым это поручено, оказались, по-видимому, неверными. С момента, как кости были брошены, все, за исключением, конечно, Г. (Гжеха.— *Т. Д.*), как-то сразу крепко встали на эту почву. В целом эффект был большой...» [51].

III партийная конференция была поворотным моментом в идеологическом развитии КРПП. Но необходимы были еще большие усилия, чтобы в политике партии произошел перелом. В преодолении сектантских взглядов Гжеха большую роль сыграли полемические статьи А. Варского [52]. Опираясь на работу В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», Варский показал ошибочность взглядов Гжеха по всем основным вопросам партийной политики, их сходство с позицией сектантских групп в компартиях других стран, прежде всего Германии.

КРПП сделала первые шаги в создании единого фронта, обратившись 20 апреля 1922 г. к ЦИК ППС с предложением провести совместную первомайскую демонстрацию. Хотя руководители ППС заняли в этом вопросе негативную позицию, в некоторых местах (Жирардов, Калиш, Заверте, Петркув) состоялись совместные майские выступления. Наиболее радикальные элементы ППС (Ст. Ланцуцкий) и крестьянского (людового) движения (Т. Домбаль) еще раньше заявили о присоединении к коммунистической партии.

В ноябре 1922 г. были назначены выборы в сейм и сенат. КРПП через легальный «Союз пролетариата городов и деревень» (СПГиД) приняла в них активное участие. СПГиД получил, несмотря на массовые репрессии, 132 тыс. голосов, главным образом в Варшаве и в Домбровском бассейне.

Между тем в Польше все сильнее обострялись противоречия между традиционной партией польской буржуазии — эндеками и другим политическим крылом буржуазии — так называемым бельведерским лагерем, сплоченным вокруг Пилсудского и опиравшимся преимущественно на партии парламентской левой. В 1922 г. эндеки, окрыленные победой фашизма в Италии, перешли в наступление. Руководители КРПП (Варский, Костшева и Прухняк) отмечали, что партия не может быть безучастной в связи с обострившейся политической борьбой между эндеками и пилсудчиками. Они указывали на прямую угрозу для трудящихся со стороны эндеков, сплотивших тогда вокруг себя наиболее реакционные элементы. Подчеркивая антирабочее и антисоветское обличье Пилсудского и его окружения, руководители КРПП доказывали необходимость работы в низах бельведерского лагеря, прежде всего среди членов ППС и крестьянских партий, для того чтобы оторвать их от пилсудчиковских верхов и включить в широкий демократический фронт.

Э. Прухняк в отчете о деятельности КРПП за июль — август 1922 г.[53], говоря об опасности прихода к власти эндековской реакции, отмечал, что только рабочий класс как самостоятельная политическая сила может противостоять эндековскому натиску. Однако он сумеет успешно сделать это только в том случае, если привлечет на свою сторону малоземельных крестьян и все демократические элементы.

[51] Там же, ед. хр. 65.
[52] A. Warski. Wybór pism i przemówień. T. II, str. 91—131.
[53] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 55.

Тем не менее во многих партийных документах, начиная со II партийной конференции[54], Пилсудский характеризовался как выразитель интересов мелкой буржуазии — в отличие от эндеков, как якобы единственных доверенных крупного капитала. Эта точка зрения стала позднее одним из главных источников так называемой майской ошибки, то есть поддержки коммунистической партией в мае 1926 г. переворота, совершенного Пилсудским.

★

IV конгресс Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 г.), последний, в работе которого участвовал В. И. Ленин, в значительной степени помог КРПП преодолеть сектантские настроения части ее руководителей и актива. Перед лицом победы фашизма в Италии и активизации крайних реакционных сил конгресс сконцентрировал свое внимание на выработанной под руководством В. И. Ленина тактике единого фронта.

В состав польской делегации конгресса входили Варский, Костшева, Валецкий, Прухняк и др. Костшева сделала на конгрессе один из трех докладов — об аграрном вопросе и о союзе рабочих и крестьян. Ее выступление полностью отвечало ленинским положениям. Обращаясь к молодым коммунистическим партиям, участвовавшим в конгрессе, она указывала, что эти партии, хотя и выдвигают лозунг социальной революции, все же во многих отношениях остаются рабами традиций старого, II Интернационала, все еще склонны ограничивать свою деятельность чисто пролетарской средой, защищать интересы лишь рабочего класса[55].

Поскольку член польской делегации Слюсарский (Гжех) выдвинул по адресу руководства КРПП обвинение в том, что оно проводит якобы оппортунистическую и ликвидаторскую политику, конгресс создал комиссию для рассмотрения этого обвинения, в состав которой вошли О. Кусинен, Ю. Уншлихт и Е. Варга. Комиссия пришла к выводу, что линия, проводившаяся Центральным Комитетом КРПП в области единого фронта, аграрного и национального вопросов, в отношении к парламентским выборам, являлась правильной, позиция же, которую занимали Слюсарский и его сторонники,— ошибочной, сектантской.

Исполком Коминтерна обратился со специальным письмом к польским коммунистам, в котором говорилось: «Коммунистическая рабочая партия Польши, основанная еще до возникновения самого Коммунистического Интернационала, всегда считалась в нашей международной семье одним из самых лучших и наиболее надежных его отрядов, благодаря многолетней марксистской опытности ее руководителей, благодаря старым революционным традициям польских рабочих. Но и польская партия, как и все другие партии Коммунистического Интернационала, работающая при этом в чрезмерно тяжелых условиях, не могла избежать трудностей, связанных с выработкой и применением марксистской тактики в нынешний переходный период. Признаком этих трудностей является появление в рядах партии элементов, недовольных тактикой большинства партии и ее Центрального Комитета и выступающих с острой критикой этой тактики»[56]. В письме отвергались все обвинения, выдвигавшиеся оппозицией, и делался вывод о том, что «в целом вся оппозиция явно страдает уклоном в сторону так называемой детской левизны». Исполком Коминтерна призвал коммунистическую партию Польши и дальше следовать по пути, который указывали ей ее собственная революционная тактика и решения конгрессов Коммунистического Интернационала.

---

[54] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I, str. 117.

[55] «IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции». М. 1923, стр. 17.

[56] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. I, str. 179—188.

Руководители КРПП стремились в ряде статей и документов применить решения IV конгресса Коминтерна в условиях своей страны. Особенно важным был выработанный Варским и опубликованный теоретическим органом ЦК КРПП «Nowy Przegląd» в качестве проекта документ под названием «Тактические и программные задачи (программа действия) в период наступления капитала и реакции»[57]. В этом документе подчеркивалось, что провозглашенный Коммунистическим Интернационалом лозунг «В массы!» и тактика единого фронта особенно актуальны для Польши, где большинство рабочих, организованных в профсоюзы, не охвачено еще коммунистическим влиянием. В документе указывалось на необходимость расширения агитационной деятельности партии, усиления воздействия КРПП на сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян, а также на трудящиеся массы угнетенных национальностей.

Идеологические перемены, которые происходили в КРПП, так же как и значение задач, которые стояли перед партией, требовали обсуждения их на авторитетном партийном совещании. Зрела мысль о созыве очередного, то есть второго, партийного съезда. Его идейная и организационная подготовка была нелегким делом. Усложнялась она еще и тем, что руководящее ядро партии, которое наиболее последовательно стремилось к тому, чтобы поставить партию на ленинский путь, было в то время территориально разбросано[58]. Однако тесный контакт путем переписки делал все же возможным выработку общей точки зрения, которая нашла вскоре свое отражение в материалах II съезда КРПП.

Чтобы подготовить партию к съезду, на котором предстояло принять решения в духе ленинизма, необходимо было и дальше вести непреклонную идейную борьбу со всевозможными проявлениями догматизма. Главным выразителем этих концепций выступил один из бывших деятелей СДКПиЛ, Домский. В статье «Пора покончить с «чужим направлением»»[59] Э. Бранд опроверг все аргументы Домского, направленные против тактики единого фронта, против линии Коммунистического Интернационала и КРПП, целью которой было обеспечить партии поддержку самых широких масс трудящихся города и деревни. Опираясь на высказывания В. И. Ленина, Э. Бранд доказал, что позиция Домского и его сторонников являлась ошибочной, подобно позиции германских ультралевых, находилась в явном противоречии с линией Коммунистического Интернационала и партии большевиков.

Сектантскими настроениями была сильно заражена также известная часть польских коммунистов, живших в то время в Москве. В связи с 25-летием РКП(б) (1923 г.) собрание польских коммунистов в Москве предложило Центральному Комитету польской компартии устроить празднование 30-летия КРПП, датируя ее историю с момента возникновения СДКПиЛ. Руководители партии отвергли это предложение, заключавшее в себе тенденцию представить КРПП как механическое продолжение СДКПиЛ, что вело фактически к затушевыванию разницы между люксембургианством и ленинизмом.

А. Варский в статье «Опыт большевистского юбилея. Юбилей КРПП?» разъяснил, в чем состоит ошибка тех, кто считал, что польская ветвь коммунизма на пять лет, а как утверждали некоторые, даже на 10 лет старше русской[60]. СДКПиЛ существенным образом отличалась от партии большевиков, «ибо,— как писал А. Варский,— мы вовсе не интересовались вопросом о революционной власти, ибо мы вовсе не

[57] «Nowy Przegląd», 1923 (reedycja). Warszawa. 1958, str. 95

[58] Варский находился в Гданьске — Сопоте, Валецкий — в Берлине, Костшева, Бранд и Прухняк — в Москве.

[59] «Nowy Przegląd», 1923 (reedycja), str. 215—237.

[60] См. «Od Proletariatu do Komunistycznej partii Polski». «Kalendarz Komunistyczny na rok 1922». Moskwa. 1922.

занимались вопросом о роли партии в революции, ибо мы вовсе не готовились к диктатуре, ибо мы совсем не были коммунистической партией, как большевики, ибо мы оставались духовно, в теории и на практике, полностью в атмосфере II Интернационала, в атмосфере его левого крыла эпохи непрерывного капиталистического развития»[61].

Отмечая заслуги СДКПиЛ, первой партии революционного марксизма в Польше, А. Варский подчеркивал, что партия большевиков, находясь на левом крыле II Интернационала, была в то же время единственной в своем роде, ни с чем не сравнимой партией нового типа.

Споры, связанные с историческими оценками, имели актуальное значение. Часть актива КРПП, которая затушевывала различие между люксембургианством и ленинизмом, упорно сопротивлялась каким-либо изменениям в политике партии, особенно в отношении работы в деревне. Но руководство КРПП было теперь готово последовательно проводить новую линию. Именно поэтому в связи с пактом, заключенным весной 1923 г. кулацкой партией «Пяст» с эндеками, Центральный Комитет КРПП единодушно принял лозунг раздела помещичьей земли, порвав, таким образом, с несостоятельной точкой зрения, существовавшей до этого. Поскольку коммунистическая фракция в сейме тянула с ясной постановкой крестьянского вопроса в новом духе, А. Варский обратился к фракции с письмом, полным революционной страсти, призвав депутатов сейма от «Союза пролетариата городов и деревень» выступить в парламенте с предложением раздела помещичьих земель[62].

Новым моментом накануне созыва II съезда КРПП было также то, что дискуссия по жгучим вопросам партийной теории и практики вышла далеко за пределы руководства партии, была перенесена в низовые партийные организации.

Исторический II съезд КРПП (сентябрь — октябрь 1923 г.) проходил в чрезвычайно напряженной обстановке. Власть пястовско-эндековской коалиции, стремившейся взвалить на трудящихся все тяготы кризиса, вызывала отпор в первую очередь со стороны рабочего класса. По всей стране прокатилась волна стачек. Назревало знаменитое краковское восстание. Классовая борьба обострилась и в некоторых странах Европы (Германия, Болгария). Все это, безусловно, влияло на настроение делегатов съезда, основной задачей которого было утверждение с помощью Коминтерна идей ленинизма в польском рабочем движении.

Нет нужды излагать здесь постановления, принятые съездом. Их путеводной нитью являлось применение ленинского учения о гегемонии рабочего класса к конкретным условиям польской действительности. «В этот исторический момент,— говорилось в решениях съезда,— революционный пролетариат Польши должен выступить на арену исторических событий не только как фактор, представляющий интересы своего собственного класса, но и как вождь и поборник интересов всего народа»[63].

Большой заслугой съезда было то, что он разоблачил мнимый патриотизм польских имущих классов и со всей силой подчеркнул, что судьба Польши тесно связана с победой социализма. «Господство буржуазии в Польше,— указывалось в его материалах,— является смертельной опасностью для ее независимости. Прочную государственную независимость может принести польскому народу только победа революции»[64].

Огромное значение имело правильное решение аграрного вопроса. Съезд выдвинул лозунг «Земля — крестьянам!», требуя экспроприации

---

[61] A. Warski. Wybór pism i przemówień. T. II, str. 205.
[62] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 124, ед. хр. 104.
[63] «KPP — Uchwały i rezolucje». T. II, str. 198.
[64] Там же.

всех фольварков без выкупа, передачи их в распоряжение земельных комитетов, выбранных всеми рабочими и крестьянами, исключая сельских богатеев. «Союз рабочих и крестьян,— говорилось в воззвании, принятом съездом,— является условием освобождения всех эксплуатируемых от ярма эксплуататоров» [65]. II съезд КРПП занял последовательно интернационалистскую, ленинскую позицию и по национальному вопросу, провозгласив право на самоопределение вплоть до отделения для народов, угнетенных польским империализмом [66]. Следует отметить, что отдельные оговорки и сомнения, высказанные в ходе прений, потонули в общем энтузиазме делегатов съезда, которые осознали, что партия наконец стала на правильный путь, указанный В. И. Лениным.

II съезд КРПП подчеркнул, что в условиях победы революции в России и великих успехов, достигнутых Страной Советов, победа революции в Польше, несмотря на неслыханные трудности, несравненно облегчалась. В данный момент, говорилось в решениях съезда, интернационалистическим и патриотическим долгом польского пролетариата является помощь надвигающейся революции в Германии, которая в случае победы в огромной степени ускорит марш к социализму всех стран Европы. В то же время поражение германской революции и торжество реакции принесли бы неисчислимые бедствия не только рабочему классу Европы, но и всему польскому народу. «В море рабочей крови, которая залила бы Центральную и Восточную Европу, нашла бы смерть и независимая Польша» [67].

Лишь партия, овладевшая теорией марксизма-ленинизма, могла так пророчески предвидеть трагические последствия пагубной политики польской буржуазии, искавшей поддержки у крайне реакционных сил Германии, политики, направленной против СССР,— действительного союзника и друга польского народа.

Путь, которым шло польское коммунистическое движение к ленинизму, несмотря на все трудности и извилины, привел к тому, что коммунистический авангард в Польше оказался в состоянии выполнить историческую задачу восприятия теории социалистической революции. Трудно переоценить значение решений II съезда КРПП. Главные мысли, высказанные в них, были позднее углублены и обогащены польскими коммунистами. Но источником этих мыслей всегда являлось всепобеждающее ленинское учение.

С волнующими словами приветствия обратился съезд к В. И. Ленину. Это был период временного улучшения его здоровья. «Мы верим,— писали делегаты съезда,— что уже в ближайшее время ты будешь снова среди нас» [68].

Через несколько месяцев В. И. Ленина не стало. Воззвание ЦК КРПП, выпущенное в связи с его смертью, рисует гигантскую фигуру вождя международной пролетарской революции: «Что впервые в истории рабочие Германии, Польши, Франции, Америки и всего света борются вместе в одних рядах за свержение капитализма; что миллионные крестьянские массы всего света связывают надежды с триумфом пролетарской революции; что десятки подчиненных и угнетенных империалистическими правительствами народов видят в пролетариате и его борьбе своего освободителя; что все быстрее уходит почва из-под ног вождей социал-соглашательства, приковывающих пролетариат к колеснице капитализма; что усиливается волна народного гнева, что растет и концентрируется могучая воля всего трудящегося человечества к свержению капиталистического ярма — это его труд и заслуга, это дело Ленина» [69].

[65] Там же, стр. 211.
[66] Там же, стр. 228.
[67] Там же, стр. 248.
[68] Там же, стр. 267.
[69] «O Lenine». Warszawa. 1954, str. 30—31.

★

II съезд КРПП принял ленинские положения по основным проблемам партийной стратегии и тактики. Одновременно он положил начало применению ленинизма — теории, имеющей всеобщее значение,— к конкретным условиям Польши. Наступил новый этап, когда нужно было в быстро менявшейся ситуации находить правильные решения в соответствии с учением В. И. Ленина. Это было не легко. Коммунистическая партия Польши, так же как и другие секции Коммунистического Интернационала, не избежала ошибок (иногда серьезных) как сектантского, так и правооппортунистического характера. Но ничто не могло перечеркнуть значения II съезда КРПП, решения которого остаются историческим достижением польского коммунистического движения.

В тяжелые годы гитлеровской оккупации Польская рабочая партия, продолжательница и наследница лучших традиций КПП, творчески применяя ленинскую теорию, выдвинула программу борьбы за народную Польшу в союзе с СССР — программу широкого антифашистского национального фронта под руководством революционного пролетариата. Реализация этой программы привела к победе социалистической революции в стране. Был преодолен раскол рабочего класса.

Польская объединенная рабочая партия, возникшая путем объединения ППР и восстановленной в новых условиях ППС, сплотившей левые элементы этой партии, твердо стоит на позициях марксизма-ленинизма. Идейная общность и солидарность неразрывными узами связывают ПОРП с Коммунистической партией Советского Союза, со всеми коммунистическими и рабочими партиями, руководствующимися бессмертным учением В. И. Ленина.

К 550-летию ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ

Г. Н. Караев, В. Д. Королюк

Грюнвальдская битва явилась важнейшим звеном в цепи событий, способствовавших культурному, экономическому и политическому подъему народов Центральной и Восточной Европы, их национальному прогрессу, именно в силу того, что она была теснейшим образом связана с прогрессивными, освободительными движениями своего времени. Память о ней свято хранится в национальных традициях славянских и литовского народов. В их историю она вошла символом мужества и героизма в борьбе за родную землю, символом единения сил разных народов в борьбе против общего врага-агрессора.

Историческое значение Грюнвальдской битвы народов начала XV в. лучше всего можно понять, если вспомнить конкретные условия, в которых находились тогда народы Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Жестокая борьба с иноземной агрессией была одной из важнейших черт истории этих народов в XIV—XV веках. Для южных славян главная угроза исходила от турецких феодалов, для восточных славян — русских, украинцев и белорусов — самым опасным врагом были татаро-монгольские завоеватели. Для западных, а также для части восточных славян и литовского народа смертельную угрозу представляла германская феодальная агрессия (пресловутый Drang nach Osten). Борьба с этой агрессией стала важнейшим фактором в жизни народов Восточной Европы.

По-разному, в зависимости от степени успеха или неудачи освободительной борьбы, сложились исторические судьбы народов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. В самом тяжелом положении оказались народы Балкан: южные славяне, румыны, молдаване, греки, албанцы и венгры. Политическая разобщенность, конфликты в среде господствовавших классов, иллюзии о возможности военной помощи с Запада — все это помешало народам Балкан объединить силы и выступить единым фронтом против агрессии Турции. В конце XIV в. произошли одна за другой две решающие битвы на Балканах — в 1389 г. на Косовом поле и в 1396 г. под Никополем, в которых полную победу одержали турецкие феодалы. Спустя 100 лет турецкое феодальное владычество утвердилось в этой части Европы, надолго затормозив экономическое и культурное развитие населявших ее народов.

Иной была судьба восточных и западных славян. Экономический прогресс этих народов, особенно наглядно проявлявшийся в подъеме и росте городов, сопровождался политической консолидацией, изживанием порядков феодальной раздробленности и возникновением национальных государств, постепенно превращавшихся в государства многонациональные. Особенно разительный контраст по сравнению с событиями на Балканах являли собой события, происходившие в русских землях, где шел процесс политической консолидации вокруг Москвы. В 1380 г. на Куликовом поле могучая русская рать, насчитывавшая не менее 100 тыс. человек[1], нанесла смертельную рану Золотой Орде. Прошло

[1] О численности войск, сражавшихся на Куликовом поле, см. М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. «Вопросы истории», 1955, № 8, стр. 16.

100 лет, и русский народ окончательно сбросил с себя татаро-монгольское иго.

В XIV и особенно в XV в. крупных успехов в борьбе с агрессией германских феодалов достигли народы Литвы, Польши, Чехии, Белоруссии и Украины. В 1410 г. на Грюнвальдском поле союзные войска Польского королевства и Великого княжества Литовского, в составе которых имелись русские, чешские и другие полки, сокрушили военную мощь Тевтонского ордена. В ходе гуситского революционного движения, сочетавшего в себе элементы крестьянской, антифеодальной и национально-освободительной войны, чешскому народу не единожды пришлось померяться силами с объединенными войсками германских феодалов, и каждый раз интервенты терпели жестокое поражение. Гуситские войны были тяжелым ударом по образцово-феодальной «Священной империи германской нации» и по ее сопернику-союзнику — Римской курии.

Тесными, хотя и мало приметными на первый взгляд звеньями были связаны между собой три величайших события XIV—XV вв.: Куликовская битва, Грюнвальдское сражение, гуситское революционное движение. Этого положения отнюдь не меняет тот факт, что на Куликовом поле бились главным образом русские воины, ратные силы формировавшегося Русского государства, в то время как великий князь литовский оказался союзником Мамая [2]. Не меняет его и то обстоятельство, что в войне с Орденом ни Москва, ни Великий Новгород не являлись союзниками Польши и Литвы. Ведь только имея в тылу сильную Москву, Литва и Польша могли в 1410 г. бросить против Ордена все свои силы. Громадная роль русской поддержки становится особенно очевидной, если вспомнить, что в 1399 г. Литовское княжество потерпело от татар страшное поражение на р. Ворскле. Поднятый Москвой щит надежно охранял восточный тыл союзников. Золотая Орда переживала смертельный кризис. Да и на самом Грюнвальдском поле плечом к плечу с поляками и литовцами стояли хоругви (полки) белорусов и украинцев, героические русские смоленские полки.

Чешский король в 1410 г. не был союзником Литвы и Польши, но в союзном войске были чешские отряды. Разгром Ордена гулким эхом отозвался в чешских землях, нашел отклик в патриотических слоях чешского общества. Те, кто стоял во главе национально-освободительного движения в Чехии, восприняли Грюнвальд как свой триумф, как победу общего дела, как разгром общего врага. Ян Гус немедленно откликнулся на известия о Грюнвальдской победе. В письме к королю Владиславу Ягайло он писал: «Где ныне два меча ваших противников? Воистину они сотрены своими же мечами, при помощи которых покушались поработить смиренных» [3].

В период гуситских войн между соседними славянскими государствами — Польшей и Чехией — имели место аналогичные сложные отношения. Прочного и длительного союза между Чехией, Польшей и Литвой не было. Этому помешала корыстная и недальновидная политика господствующих классов этих государств, и прежде всего польского. Но тем не менее и в Польше и в Литве была сильная гуситская партия; на чешской земле в рядах гуситов сражались поляки и литовцы, белорусы и украинцы, а гуситы помогали своим восточным соседям в их продолжавшейся борьбе с Орденом [4].

---

[2] М. Н. Тихомиров. Указ. соч.

[3] «Послания магистра Иоанна Гуса». М. 1903, стр. 53—54.

[4] Подробнее об этом см. З. Р. Неедлы. Гуситы и русские. «Исторический журнал», 1941, № 10—11; J. Macek. Husite na Baltu a ve Velkopolsku. Praha. 1952; E. Maleczyńska. Społeczeństwo polskie pierwszej połowy XV wieku wobec zagadnień zachodnich Wrocław 1947; ее же.Udział Śląska w zmaganiach polsko-niemieckich pierwszej połowy XV w. Sobótka. 1946; «Ruch husycki w Polsce». Сборник материалов. Wrocław. 1953.

★

Долгим и сложным путем шли противники к решающей встрече на большом зеленом поле под Грюнвальдом.

Обманным образом закрепившись на польских землях, Тевтонский орден, особенно после объединения в 1237 г. с Орденом меченосцев в Прибалтике, быстро превратился в большую военную и политическую силу. Объектом его агрессии стали прусские, польские и литовские земли, земли ливов и эстов, северо-западные русские земли — Псков и Новгород.

Ледовое побоище 1242 г. было первым крупным поражением немецких рыцарей, надолго приостановившим их экспансию на Русь. Но оно не сокрушило Ордена. Пользуясь феодальной раздробленностью и политической разобщенностью своих соседей, опираясь на громадную военную и политическую поддержку империи и папства, Орден в конце XIII в. и в XIV в. вновь стал быстро усиливаться. Прикрываясь лозунгами защиты и насаждения христианства, выдавая себя за «орудие господне», а своих противников — за «врагов креста господнего», за «язычников» и «сарацин» (даже тогда, когда речь шла о христианских соседях), Орден постоянно пополнял свои ряды за счет западноевропейского рыцарства. Помощь к нему шла даже из таких (хорошо знавших агрессивность немецких крестоносцев) стран, как Чехия и Венгрия.

Огнем и мечом покорив пруссов, захватив часть польских и литовских земель, отрезав в начале XIV в. Польшу от моря, Орден превратился в конце того же века в самого страшного и самого опасного врага Польши и Великого княжества Литовского. Железом и кровью было создано могущественное рыцарское государство, располагавшее большой, хорошо организованной и оснащенной по тому времени армией, подчиненной единому командованию. По самой своей природе Орден не мог быть даже относительно спокойным и миролюбивым. Созданная крестоносными разбойниками держава могла существовать только при условии продолжения кровавой агрессии против соседей, при условии постоянного их ограбления. Орден не мог остановиться в своей экспансии, так как иначе для западных покровителей Ордена терялся всякий смысл его существования.

Осуществлению захватнической политики Ордена в немалой степени способствовали конфликты и противоречия в лагере его противников. В то время как Орден упрочивал свои позиции, набираясь сил для будущих столкновений, жертвы его агрессии не могли выработать единой линии поведения; они вступали в сложные и длительные конфликты друг с другом и с соседними странами. Малопольских феодалов манили украинские просторы; враждовали между собой литовские и польские магнаты; литовский великий князь Ягайло оказался врагом Дмитрия Донского, литовские феодалы вынашивали захватнические планы в отношении Пскова и Новгорода. А между тем объективная обстановка на польских и литовских границах диктовала необходимость немедленного объединения сил обоих государств. Такое объединение сил было достигнуто в 1385 г., но оно оказалось крайне непрочным. Польские феодалы, призвав великого князя литовского на польский престол, постарались заключить первую польско-литовскую унию на таких условиях, которые означали прямую инкорпорацию Литвы в состав Польши. Экспансионистские планы польских магнатов, естественно, встретили сильную оппозицию со стороны литовских господствующих классов, во главе которой встал Витовт, двоюродный брат Ягайло. Потребовалось 15 лет то скрытой, осложненной коварными интригами орденской дипломатии, то явной борьбы между Польшей и Литвой, чтобы восстановить в 1401 г. польско-литовскую унию, но на этот раз уже в форме равноправного ди-

настического союза двух самостоятельных государств[5]. Уния 1401 г. значительно укрепила политические позиции Литвы и Польши.

Фактическое равноправие Польши и Литвы в этом союзе было, без сомнения, тем решающим условием, которое обеспечило военный успех союзного войска в Грюнвальдском сражении. Но противоречия между польскими и литовскими феодалами не были до конца преодолены, и это не могло не сыграть своей отрицательной роли в дальнейшем ходе войны с Орденом.

В 1401—1403 гг. между Литвой и Орденом вспыхнул жестокий конфликт из-за восставшей против рыцарского гнета Жемайтии. Но ни союзные Литва и Польша, ни Орден еще не были подготовлены к большой войне. Условия для нее созрели только к 1409 году. В этом году героические жемайты вновь подняли восстание. Началась Великая война с Орденом.

★

Однако боевые действия 1409 г. носили нерешительный характер. В то время как союзники собирались с силами (польское командование стремилось избежать распыления своих войск), Орден вел тщательную разведку северных районов Польши[6]. Частные успехи войск Ордена (битва под Веленем, захват Быдгощи) не могли оказать существенного влияния на общий ход кампании. Орденское командование все больше склонялось к оборонительной тактике ведения войны. В октябре 1409 г. между воюющими сторонами было подписано перемирие, которое должно было продолжаться до 24 июня 1410 года.

Но дипломатам Ордена на этот раз недолго пришлось тешить себя мыслью, что им удастся оторвать Литву от Польши. Вскоре стало очевидно, что надвигается момент решительной схватки, когда немецким рыцарям придется грудь с грудью столкнуться со сплоченными рядами поляков, литовцев, белорусов, русских и украинцев.

Развязка наступила летом 1410 года. Инициатива в это время уже полностью находилась в руках союзников. Их военное командование хорошо сумело использовать зиму и весну, чтобы детально разработать план предстоящих операций, стянуть резервы, снабдить армию всем необходимым. Польско-литовская сторона твердо придерживалась наступательной тактики. В качестве главной задачи ставился разгром полевой армии противника и захват его территории. Предполагалось, что война должна закончиться штурмом и захватом Мальборка (Мариенбурга) — столицы Тевтонского ордена[7].

Подготовка сражения происходила в строжайшей тайне. Польско-литовское командование сумело не только полностью скрыть от противника планируемое направление основного удара, но и предприняло ряд удачных шагов, дезориентирующих врага[8]. Местом концентрации союзных войск был избран Червинск на Висле. К нему были сплавлены заблаговременно изготовленные части большого понтонного моста, предназначенного для переправы войск через реку. Центром снабжения армии являлся Плоцк.

Ко 2 июля 1410 г. под Червинском была сосредоточена вся союзная армия — войска Польского королевства, литовско-русские войска и отряды мазовецких князей. Переправившись по понтонному мосту через

[5] Подробнее о польско-литовских отношениях конца XIV — начала XV в. и о государственно-правовом положении Литвы в это время см. Lietuvos TSR Istorija. T. I. Vilnius. 1957, стр. 126—152.

[6] M. Biskup. Z badań nad «Wielką wojną» z Zakonem krzyżackim. «Kwartalnik historyczny». 1959, N 3, str. 671—681.

[7] S. M. Kuczyński. Wielka wojna z Zakonem krzyżackim w latach 1409—1411. Warszawa. 1955, str. 202—222.

[8] M. Biskup. Указ. соч., стр. 681—685.

Вислу, польская армия соединилась с литовской и двинулась к границам Ордена. 9 июля польско-литовские войска вступили во владения Ордена.

Гроссмейстер Тевтонского ордена Ульрих фон-Юнгинген приготовился встретить противников на укрепленной позиции за речкой Дрвенце. Он рассчитывал нанести им удар в то время, когда они, переправившись через водную преграду, начнут выходить на берег. Рыцари устроили у берега частоколы из заостренных бревен, при преодолении которых неизбежно должны были расстроиться ряды польско-литовского войска. Однако планы гроссмейстера были вовремя разгаданы союзным командованием, которое, учитывая эти невыгодные для себя условия, уклонилось от сражения. Обойдя крестоносцев с севера, союзники овладели 13 июля крепостью Домбровна и двинулись дальше в глубь тевтонских земель.

Это заставило войско Ордена покинуть занятую им выгодную позицию и поспешить выйти наперерез польско-литовским войскам с тем, чтобы воспрепятствовать их дальнейшему маршу. К вечеру 14 июля рыцарское войско приблизилось к деревне Грюнвальд и расположилось лагерем севернее этой деревни, на опушке леса. Объединенное польско-литовское войско подошло к озеру Любень и разбило около него лагерь. Польское войско устроило свой лагерь у южной оконечности озера, против небольшой деревни Ульнов, а литовско-русское войско — на его северо-восточном берегу. Утро следующего дня — 15 июля — застало обе стороны за деятельными приготовлениями к предстоящему сражению.

К сожалению, состояние источников таково, что историк не имеет возможности дать вполне законченную и точную картину великого сражения. При недостатке документальных данных исследователям приходится оперировать сведениями, почерпнутыми из хроник — «Истории» Яна Длугоша[9] и анонимной «Хроники войны»[10]. Вполне очевидно, что при использовании этих источников необходимо учитывать тенденциозность хронистов, неполноту и нечеткость их материалов. Естественным следствием этого является известная гипотетичность построений исследователей.

По свидетельству источников, первыми стали выдвигаться на поле боя хоругви фон-Юнгингена. Они подходили одна за другой со стороны деревни Грюнвальд и направлялись на указанные им места. В центре, над самым сильным отрядом рыцарей, развевалось большое знамя Ордена. Немецкие рыцари были преисполнены уверенности в победе[11]. Тевтонское рыцарское войско выстроилось в боевой порядок, имея впереди, на огневых позициях, около ста бомбард. В промежутках между бомбардами разместились отряды лучников, а перед ними были устроены заграждения из волчьих ям. Правым крылом войска в составе двадцати хоругвей командовал ближайший помощник гроссмейстера Ордена Куно фон-Лихтенштейн; левое крыло составили 15 хоругвей обер-маршала Ордена Фридриха фон-Валленроде. За хоругвями первой линии находились 16 хоругвей, оставшихся в непосредственном подчинении главнокомандующего — гроссмейстера Ордена Ульриха фон-Юнгингена.

Когда хоругви Тевтонского ордена, заняв предназначавшиеся им

---

[9] Ioannis Dlugosii seu Longini canonici cracoviensis Opera omnia. Ed. A. Przezdziecki. Cracoviae. 1863—1867. T. XIII. Польский перевод части хроники Длугоша, посвященной Грюнвальду, см. J. Dlugosz. Bitwa Grunwaldzka. Kraków. 1925. Перевод отредактирован известным польским медиевистом Я. Домбровским.

[10] Cronica conflictus regis Poloniae cum cruciferis. Anno Christi 1410. Poznań. 1911.

[11] К лету 1410 г. фон-Юнгингену удалось собрать сравнительно большое для того времени войско. Общая численность этого войска, по очень скромным подсчетам, достигала 38 тыс. человек. Главной ударной силой войска была тяжелая рыцарская кавалерия.

места, уже были готовы к бою, союзное польско-литовское войско все еще не показывалось из находившегося к западу от озера Любень леса. Фон-Юнгинген приписал эту задержку нерешительности короля Ягайло и решил нанести Ягайло и Витовту публичное оскорбление и этим побудить их скорее принять бой.

Тевтонский гроссмейстер ошибся в своих предположениях. Король Ягайло медлил не вследствие своей нерешительности, а потому, что ожидал ответа фон-Юнгингена на посланное ему несколькими днями раньше предложение вступить в переговоры о мире. Когда, по словам Длугоша, к королю Ягайло подвели двух посланцев Юнгингена, старший из них, дерзко глядя на Ягайло, в ответ на мирное предложение громко, чтобы слышали все окружающие, сказал: «Великий король! Великий магистр прусский шлет тебе и твоему брату... эти два меча... в помощь для надвигающейся битвы, чтобы с ними и с оружием твоего народа ты с большей отвагой выступил на битву на открытое поле вместо того, чтобы трусливо оттягивать ее и скрываться по лесам и зарослям»[12].

Эти наглые слова вызвали всеобщее возмущение. Тотчас же прозвучали слова команды и трубные сигналы. Войско союзников, насчитывавшее в своих рядах свыше 40 тыс. человек[13], пройдя через лес, стало развертываться в боевой порядок, чтобы вступить в бой с противником. Громко запели воины польского войска свой старинный гимн. Его подхватывали все новые и новые хоругви.

Польское войско развернулось в боевой порядок против рыцарских хоругвей фон-Лихтенштейна в три линии. Высоко над рядами польских воинов реяло королевское знамя с белым орлом на красном поле. Под ним находились лучшие воины-ветераны. В одном ряду с польскими хоругвями находились русские полки и украинские хоругви. Чешские волонтеры образовали две хоругви, занявшие место в первой линии. Правее польских хоругвей плечом к плечу с ними стали воины Великого княжества Литовского. Ими командовал Витовт. В большинстве это были белорусы, русские и украинцы, жители тех русских земель, которые были присоединены к Великому княжеству Литовскому. Наиболее многочисленными и лучше вооруженными были Виленская, Гродненская, Ковенская, три Смоленские, Лидская, Полоцкая, Витебская, Волковыская, Стародубская хоругви. Три смоленских полка были расположены на крайнем левом фланге союзного войска и примыкали, таким образом, непосредственно к правому флангу польского войска. На правом фланге войска Великого княжества Литовского, рядом с литовской легкой конницей, построился отряд татар. В тылу, западнее озера Любень и деревни Ульнов, а также в роще у деревни Логдово, были предусмотрительно поставлены сильные резервы. Перед фронтом союзного войска разместились бомбарды. Кроме конницы, в битве принимала участие и пехота, набранная из польских крестьян.

Битва началась выстрелами бомбард — поле боя затянуло пороховым дымом. Когда дым несколько рассеялся, неожиданно для Юнгингена вперед устремились литовская и татарская конницы. Они осыпали тучами стрел лучников и артиллеристов тевтонского войска и быстро вывели их из строя.

Ульрих фон-Юнгинген решил нанести удар по более слабому, как он считал, звену противника — по войску Великого княжества Литовского — с тем, чтобы, разбив его, обрушиться всеми силами на своего главного противника — польские рыцарские хоругви. По его приказу Фридрих фон-Валленроде двинул вперед свои закованные в латы хоругви. Они без труда опрокинули легкую конницу союзников и перешли во

[12] Ioannis Dlugosii Opera omnia. T. XIII, стр. 50.

[13] Подробнее о численности войск, принимавших участие в Грюнвальдской битве, см. S. M. Kuczyński. Указ. соч., стр. 177—202.

фронтальное наступление на войско Великого княжества Литовского. Тогда Витовт отдал приказ литовскому войску перейти во встречное наступление на врага. Сомкнутый строй тевтонских рыцарей столкнулся с литовскими, украинскими и белорусскими полками. Закипела ожесточенная сеча. Уже около часа продолжался бой. Литовское войско вновь и вновь атаковало хоругви фон-Валленроде, но разгромить их оказалось ему не под силу. Немецкие рыцари все глубже проникали в боевой порядок литовского войска. Один за другим стали подаваться назад литовские полки. С победными криками тевтонские рыцари бросились их преследовать.

Казалось, что планы Ульриха фон-Юнгингена близки к осуществлению. Однако не все хоругви войска Великого княжества Литовского отступили. Из пятнадцати хоругвей фон-Валленроде шесть были остановлены героическим сопротивлением трех русских смоленских полков, которые занимали центральное место в общем боевом порядке союзной армии. Они были построены в три линии — по одному полку в каждой. Натиск тяжелой рыцарской конницы не смог опрокинуть русских воинов. Под ударами тевтонских рыцарей был иссечен почти поголовно полк первой линии, но остальные два полка мужественно отбивали вражеские атаки.

В то время, когда тевтонские хоругви фон-Валленроде напали на войско Витовта, правое крыло рыцарского войска, которым командовал фон-Лихтенштейн, столкнулось с польским войском. На всем фронте развернулось ожесточенное сражение. Польский хронист Ян Длугош так писал об этом со слов современников: «Поднялся столь ужасный грохот и треск от ударов копий, бряцания оружия и лязга мечей, что он слышен был за несколько миль в окружности. Воин напирал на воина, с треском ломалось оружие, ранили в лицо острия стрел»[14].

Новая лавина рыцарских рядов, обрушившаяся на польских воинов, нанесла последним тяжелый урон. Польские и украинские хоругви, оказавшиеся на этом участке, отступили назад. Все смешалось. Группа тевтонских рыцарей с криком устремилась к польскому знамени с белым орлом. Еще минута, и оно достанется врагу...

Положение спасли резервные хоругви, двинутые по приказанию короля к месту прорыва. Они ударили в правый фланг врага, что явилось неожиданностью для крестоносцев. Многие из крестоносцев были повержены на землю. Подоспевшие к месту боя татары, осыпая противника стрелами, зашли в его тыл. Вся линия рыцарского войска заколебалась.

Большое значение для всего хода сражения имело то обстоятельство, что примыкавшие к польскому войску справа русские смоленские полки прочно занимали отведенное им место и, несмотря на тяжелые потери, обеспечили защиту польских полков от флангового удара рыцарей. «В этом сражении,— писал Ян Длугош,— только русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами и не приняли участия в бегстве. Тем заслужили они великую славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одержали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков»[15].

Битва продолжалась. Натиск рыцарей стал явно ослабевать. Этому способствовало своевременное введение в бой союзным командованием хоругвей второй линии. Уже не было слышно со стороны рыцарей победных криков, а кое-где они стали даже подаваться назад.

---

[14] Ioannis Dlugosii Opera omnia. T. XIII, стр. 53—54.

[15] Там же, стр. 54—55. Говоря о бегстве, Длугош имеет в виду войско Великого княжества Литовского.

В этот момент к рыцарям фон-Лихтенштейна подоспела помощь со стороны хоругвей Валленроде, которые еще в начале битвы начали преследовать отступавшие войска Витовта. Часть этих хоругвей позже была окружена и уничтожена находившимися в резерве литовцами, но большая часть возвратилась на поле битвы. Рыцари фон-Валленроде, поспешившие на помощь хоругвям фон-Лихтенштейна, нацелили свой удар по правому флангу польского войска. Силу этого удара вновь должны были испытать на себе смоленские полки. Мужественные русские воины во взаимодействии с польскими хоругвями отразили атаку врага, а затем, перейдя в наступление, стали его теснить.

Начался перелом в ходе битвы. Рыцарские хоругви Валленроде и Лихтенштейна, теснимые со всех сторон, стали медленно отходить в направлении своего укрепленного лагеря (вагенбурга) за деревней Грюнвальд. Поражение рыцарского войска, о возможности которого Ульрих фон-Юнгинген отказывался прежде даже думать, становилось все более очевидным. Это заставило его, несмотря на тяжелые для рыцарского войска условия, сделать последний, рискованный шаг: он дал команду шестнадцати рыцарским хоругвям, находившимся в его распоряжении и еще не принимавшим участия в битве, вступить в бой и сам повел их на выручку отступавшим рыцарским полкам.

Время близилось к шести часам вечера, когда предводимые Юнгингеном тевтонские хоругви развернулись в боевой порядок между деревней Танненберг и Грюнвальдским лесом. Их появление явилось полной неожиданностью для союзников. Ни король Ягайло, ни его помощники не знали, что у Юнгингена сохранились свежие силы. Удар тевтонских рыцарей пришелся по краковским хоругвям. Закипела ожесточенная схватка.

Но в тот момент, когда 16 рыцарских хоругвей фон-Юнгингена ринулись в бой, среди союзников раздались радостные крики: «Литва возвращается! Литва возвращается!» И действительно, на поле битвы появились хоругви литовского войска во главе с Витовтом. Позднее выяснилось, что в то время, как польские хоругви вместе с русскими и украинскими полками, отражая натиск рыцарей фон-Лихтенштейна, нанесли им решительное поражение, Витовт подоспел на помощь литовским отрядам, которые добивали окруженную ими часть вырвавшихся вперед хоругвей фон-Валленроде. Витовт возглавил эти отряды, присоединил к ним оказавшиеся поблизости боеспособные части своего войска и повел их в бой. Помощь подоспела как нельзя вовремя. Увидев это, король Ягайло сразу оценил обстановку и двинул в бой свой последний резерв, предусмотрительно подтянутый к деревне Лодвигово.

Наступил заключительный этап битвы. Поляки и русские, литовцы и чехи, украинцы и белорусы вступили в ожесточенную кровопролитную схватку с окруженными рыцарями. В самом ее начале был убит Ульрих фон-Юнгинген. Один за другим были убиты фон-Лихтенштейн и фон-Валленроде, пали почти все наиболее видные чины Тевтонского ордена. Груды закованных в латы рыцарских трупов устилали поле битвы. На земле валялись рыцарские щиты, шлемы с фамильными гербами, ломаные копья и мечи. Потери рыцарского войска были громадны — 18 тыс. убитых остались лежать на поле битвы. 14 тыс. рыцарей, большей частью раненые, попали в плен. Союзники захватили 52 знамени. Все бомбарды орденского войска достались победителям [16].

В рыцарском обозе среди всевозможного имущества победители обнаружили и большое количество цепей, в которые должны были быть закованы пленные.

В знак одержанной победы польский король Ягайло перенес свою

[16] S. M. Kuczyński. Указ. соч., стр. 307.

ставку на тот самый холм (западнее деревни Танненберг), где во время битвы находилась ставка гроссмейстера фон-Юнгингена. Теперь здесь победно развевалось знамя короля.

★

Итак, разгром Ордена был полным. В его распоряжении больше не было полевой армии, способной оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление победоносным союзникам. Растерявшиеся военачальники рыцарского Ордена, командующие гарнизонами многочисленных городов и замков, сдавались без боя, открывая ворота победителям. Однако под Мальборком, где укрылись остатки еще недавно наводившей ужас на соседей орденской армии, союзники встретили сопротивление.

От полной гибели Орден спасли прежде всего медлительность и ошибки союзного командования. Кроме того, к Генриху фон-Плауэну, возглавившему Орден после гибели фон-Юнгингена, начали прибывать подкрепления из Германии. В руках Ордена оставались еще огромные финансовые средства, награбленные у соседей. Ему активно помогали империя и папство; Сигизмунд Люксембургский концентрировал свои войска на польских границах. Большое значение сыграли и противоречия в лагере польско-литовских феодалов. В их рядах не было уже прежнего единства.

Мальборк выдержал осаду. Великая война окончилась Торунским миром 1411 г., по которому Орден отказывался от претензий на Добжинскую землю и Жемайтию, обязуясь уплатить 6 млн. пражских грошей контрибуции. «Позорным и вредным» назвал этот мирный договор Длугош. Он в самом деле не отвечал значению и масштабам одержанной 15 июля 1410 г. великой победы. Орден был обескровлен, унижен, но не уничтожен.

Грюнвальдская битва сыграла огромную историческую роль в судьбах народов Восточной Европы, на долгие годы остановив агрессию германских феодалов против польских, литовских и русских земель. И сегодня она является прекрасным историческим примером, замечательным образцом братского союза народов, борющихся за свою независимость. Когда народы сплочены, чтобы дать отпор зарвавшемуся агрессору, когда перед ними стоят великие цели борьбы за свободу и независимость, они непобедимы. Оценивая значение Грюнвальдской победы, Н. С. Хрущев сказал 17 июля 1959 г. на митинге в Щецине, что «Грюнвальд навсегда останется в памяти народов как пример не только мужественного сопротивления иноземным захватчикам, но и того, что путь к победе над захватчиком — в единстве народов, которым он угрожает»[17].

[17] Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войны. Т. I. М. 1960, стр. 444.

ИСТОРИОГРАФИЯ

АРМЯНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЗА СОРОК ЛЕТ

Ш. Р. Арутюнян

С победой Великой Октябрьской социалистической революции в Армении открылись широкие перспективы для развития исторической науки.

В феврале 1921 г., согласно декрету Ревкома Советской Армении, на базе Матенадарана был основан Институт истории и культуры — первое советское научно-исследовательское учреждение в Армении. В июле 1923 г. создается отдел истории партии (Истпарт) при ЦК КП(б) Армении. В 1925 г. в Ереване открылся Институт науки и искусства Армянской ССР, реорганизованный в 1930 г. в Институт наук. В 1932 г. были основаны институты истории материальной культуры и марксизма-ленинизма Армянской ССР; первый в 1935 г. был преобразован в Институт истории и литературы. В том же году в Ереване открылся Армянский филиал АН СССР, а в 1943 г. на его базе создана Академия наук Армянской ССР. Вместе с другими научно-исследовательскими учреждениями в ее составе развернул работу Институт истории, играющий важную роль в развитии исторической науки в Советской Армении. В 1947 г. в Ереване был создан Армянский филиал Института марксизма-ленинизма, немало сделавший за последние годы для изучения важнейших вопросов истории революционного движения и Коммунистической партии Армении.

Перед историками республики встали сложные задачи критической оценки наследия дореволюционной науки, создания исследований в первую очередь по истории классовой борьбы трудящихся масс. Уже в первые годы Советской власти армянские историки, преодолевая воздействие концепций клерикально-феодальной и буржуазной историографии и ведя борьбу с проявлениями буржуазной идеологии, прокладывают пути для успешного развития марксистской исторической науки. Громадное значение сыграл перевод на армянский язык основных произведений классиков марксизма-ленинизма и усвоение учеными материалистического понимания истории. Ряд узловых вопросов общественного развития Армении был освещен в статьях и выступлениях деятелей коммунистической партии и Советского государства И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна [1], Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, С. С. Спандаряна, Б. М. Кнунянца, А. Ф. Мясникяна [2], А. И. Микояна и других.

В рамках журнальной статьи невозможно охватить все исторические работы, изданные в Армении за годы Советской власти, и детально их

[1] В 1924—1953 гг. на армянском и русском языках были изданы отдельные сборники произведений С. Г. Шаумяна (см. Ст. Шаумян. Библиография. Ереван. 1957). В 1955—1958 гг. опубликованы его сочинения в трех томах (на армянском языке), а в 1957—1958 гг.— избранные произведения в двух томах (на русском языке).

[2] С. С. Спандарян. Письма и документы. Ереван. 1939. М. 1958 (на русском языке); его же. Сочинения. Тт. 1—2. Ереван. 1959; Б. М. Кнунянц. Избранные произведения. Ереван. 1958; А. Ф. Мясникян. Избранные произведения. Ереван. 1957.

проанализировать. В связи с этим здесь дается лишь краткий библиографический обзор имеющейся литературы по отдельным проблемам истории армянского народа.

★

В исследование древней и средневековой истории Армении большой вклад сделан акад. Я. А. Манандяном. В своем труде «Заметки о положении шинаканов древней Армении в период марзпанства» (1925 г.) он показал социальное и правовое положение армянского крестьянства и нарисовал картину социально-экономической истории армян в средние века. В 1926 г. вышла в свет другая его работа, «Государственные налоги Армении в период марзпанства», в которой рассматривается налоговая система Армении V—VII веков. В 1927—1928 гг. печатаются его «Материалы по истории экономической жизни древней Армении», в которых дан научный анализ социальных и экономических терминов, существовавших в армянской историографии. В 1930 г. был издан на русском языке труд Я. А. Манандяна «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей». Автор обстоятельно разбирает вопросы международной торговли начиная со времен Селевкидов до XIII—XIV вв., показывает ее значение в развитии армянской торговли и городов. История последних в X—XI вв. специально исследована им в отдельной книге [3]. Анализу социально-экономических отношений средневековой Армении посвящена монография Я. А. Манандяна «Феодализм в древней Армении» [4]. Автор исследовал основные вопросы генезиса феодализма в Армении, определил продолжительность этого процесса, раскрыл его своеобразие. В монографии пересмотрены в историко-критическом аспекте сведения об Армении, содержащиеся в сочинениях античных и средневековых авторов, и по-новому освещены многочисленные факты древней и средневековой истории страны. Трехтомная монография Я. А. Манандяна [5] является обобщением его многолетней научной деятельности и представляет собой одно из крупных явлений в советской армянской историографии. К сожалению, работы Я. А. Манандяна не показывают борьбы армянского крестьянства против феодалов.

Изучением истории Армении — древней, средневековой, а также нового времени — занимался один из виднейших представителей старой армянской либерально-буржуазной историографии, Лео (А. Г. Бабаханян) [6]. После М. Чамчяна он был первым ученым, систематически изложившим историю армянского народа с древнейших времен до конца XVIII в. (за исключением XII—XIV вв.). Автор использовал армянскую, русскую и иностранную историческую литературу, многочисленные источники (архивные документы, периодическую печать, фольклор и другие материалы). Работа Лео получила широкое распространение, чему способствовала доступность изложения, образность языка. Но Лео не был последователен в своих взглядах. Эклектизм — характерная черта его мировоззрения. В последний период своей научной деятельности он пытался преодолеть идеалистическую концепцию и подойти к историческому материализму [7], однако сделать это ему не удалось. Лео преклонялся перед вульгарно-материалистической концепцией М. Н. Покров-

[3] Я. А. Манандян. Города Армении в 10—11 столетиях. Ереван. 1940. Названия работ, изданных на армянском языке, даются в переводе на русский, а книги, вышедшие на русском языке, в статье особо оговариваются.

[4] Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении. Ереван. 1934.

[5] Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа. Т. I. Ереван. 1944; т. II (ч. 1-я). Ереван. 1957; т. III, Ереван. 1954.

[6] Лео. История Армении. Т. I. Тифлис. 1917; т. II. Ереван. 1947; т. III. Ереван. 1946.

[7] В этом отношении характерна статья Лео «Из вопросов истории Армении», опубликованная в «Известиях» Ереванского государственного университета. № 2—3. 1927.

ского. В своей книге о торговом капитале[8] он объяснял все явления армянской общественно-политической жизни влиянием торгового капитала. Преувеличивая роль последнего, Лео считал его движущей силой истории армянского народа в новое время. Отдавая дань антиисторической концепции М. Н. Покровского, Лео вопреки своему прежнему мнению отрицал прогрессивность присоединения Восточной Армении к России и недооценивал значение армянского освободительного движения XVIII — начала XIX века[9]. Но, несмотря на свои ошибки, Лео сыграл большую роль в развитии армянской исторической мысли. Советские историки критически используют богатое наследие этого ученого.

Социально-экономическим отношениям в средневековой Армении посвящен ряд работ Х. С. Самвеляна, опубликованных в 30-х годах. Заслуживают внимания его труд «Рабство в древней Армении» и в особенности монография «История древнеармянского права»[10], которая очень важна для изучения феодализма в Армении. Научный интерес представляют также исследования А. Н. Зоряна[11], который много внимания уделил выявлению социальных отношений в феодальной Армении. В некоторых работах рассматриваются социально-экономическая и административная политика арабов (VII—IX вв.) и монголов (XIII—XIV вв.) в Армении[12]. Развитием ремесла в средневековой Армении занимался В. А. Абрамян[13]. Недавно вышла в свет монография Б. Н. Аракеляна[14]. Истории городов посвятили свои труды Е. А. Шахазиз, С. В. Тер-Аветисян, А. М. Шахназарян, Г. Х. Саркисян, Т. Х. Акопян и другие[15]. Следует отметить также работы А. М. Утмазяна, В. Р. Григоряна[16]. Вопросы церковно-монастырского землевладения в Армении XVII—XVIII вв. были обстоятельно изучены С. П. Погосяном и Б. М. Арутюняном[17]. Аграрным отношениям в Армении и Закавказье в XVII — начале XIX в. посвящены

---

[8] Лео. Торговый капитал и его политическая и общественная роль для армян. Т. I. Ереван. 1934.

[9] Лео. История Армении. Новейший период (на правах рукописи). Чч. 1—2. Ереван. 1926—1927; его же. Идеология турецко-армянской революции. Тт. 1—2. Париж. 1934, 1939.

[10] «Известия» Института истории и литературы Арм. ССР. Кн. II. 1937; Х. С. Самвелян. История древнеармянского права. Т. I. Ереван. 1939.

[11] А. Н. Зорян. Проблема Арташата, Вагаршапата и Двина. Ереван. 1935; его же. Противоположность города и деревни в феодальной Армении в эпоху арабов. «Известия» Института науки и искусства Арм. ССР. № 2—3. 1927—1928; его же. Внутриклассовая борьба в последнем периоде царствования армянских Аршакидов. «Известия» Института истории и литературы Арм. ССР. Кн. I. 1936.

[12] А. Н. Зорян. Налоговая политика арабов в феодальной Армении. «Известия» Ереванского государственного университета. № 2—3. 1927; А. Налбандян. Налоговая политика арабов в Армении. Ереван. 1954 (кандидатская диссертация); С. А. Шлепчян. Административная политика арабского халифата в Армении в VII—IX вв. Ереван. 1955 (кандидатская диссертация); Л. О. Бабаян. Административно-экономическая система и налоговая политика монголов в Армении. Ереван. 1953; М. О. Дарбинян. Социально-экономические отношения и политическое положение Армении при первых Хулагидах. Ереван. 1955 (кандидатская диссертация).

[13] В. А. Абрамян. Ремесла и цеховые организации в Армении в IX—XIII вв. Ереван. 1946; ее же. Ремесла в Армении в IV—XVIII вв. Ереван. 1956.

[14] Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении в IX—XIII вв. Ереван. 1958.

[15] Е. А. Шахазиз. Старый Ереван. Ереван. 1931; С. В. Тер-Аветисян. Город Джуга. Тифлис. 1937; А. М. Шахназарян. Двин. Ереван. 1940 (на русском языке); Т. Х. Акопян. История Еревана. Ереван. 1959; Г. Х. Саркисян. Города древней Армении (III в. до н. э.— IV в. н. э.). Л. 1954 (кандидатская диссертация).

[16] А. М. Утмазян. Сюник в IX—XI вв. Ереван. 1958; В. Р. Григорян. Ереванское ханство в конце XVIII столетия. Ереван. 1958.

[17] С. П. Погосян. Церковное землевладение в Ереванском ханстве XVII—XVIII вв. и Эчмиадзинский монастырь как крупный землевладелец. «Научные труды» Ереванского государственного университета. Т. 13. 1940; Б. М. Арутюнян. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв. Ереван. 1940 (на русском языке).

работы С. С. Маркосяна [18]. Отдельные моменты социально-экономической истории Армении исследованы Т. А. Авдалбекяном [19]. Систематическое изложение истории армянского крестьянства в эпоху раннего средневековья дано С. Е. Акопяном [20]. Заслуживает также внимания книга И. П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века» [21].

В советской армянской историографии проделана большая работа по изучению истории социальных движений в средневековой Армении. Известно, что клерикально-феодальные и буржуазные историки рассматривали эти движения, в частности крестьянские, только как движения религиозно-сектантского характера и относились к ним отрицательно. Историки Советской Армении [22] убедительно показали, что народные движения, проходившие в эпоху феодализма часто под религиозной оболочкой, были, по существу, одной из форм классовой борьбы. Основной движущей силой этих выступлений являлось крестьянство. Советские ученые должны довести до конца начатую в этом направлении работу, выяснить, в частности, идеологию павликианского и тондракитского движений, что, в свою очередь, поможет более глубокому пониманию ряда важнейших вопросов византиноведения и славяноведения.

В центре внимания советской армянской историографии находится история освободительной борьбы армянского народа против иноземного ига. Борьбе армян против римских агрессоров посвящена монография Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим» [23], в которой автор, исследовав данные источников, нанес сокрушительный удар по теориям апологетов римской великодержавной политики на Востоке — Моммзену, Рейнаку и Ферреро,— пытавшимся доказать, что Рим якобы выполнял миссию распространения культуры на «варварском» Востоке. Разоблачая тенденциозность западноевропейской буржуазной историографии, Я. А. Манандян обосновал освободительный характер армяно-понтийского союза, направленного против рабовладельческого Рима.

История освободительной борьбы в V в. была одной из главных тем дореволюционной армянской историографии. Ее изучение было поставлено на подлинно научную основу только в годы Советской власти. Клерикально-феодальные историки, выполняя заказ армяно-григорианской

---

[18] С. С. Маркосян. Земельные отношения в закавказских ханствах накануне русского владычества. «Известия» Института истории и литературы Арм. ССР. Кн. I. 1936; его же. Аграрные отношения в Араратском крае в XVII—XVIII вв. и первой четверти XIX века. Ереван. 1959.

[19] Т. А. Авдалбекян. Оброк и мюлк в XVII—XVIII вв. «Норк». 1922. № 2; его же. Гас, Сак и Баж. «Известия» Института науки и искусства. № 1. 1926; его же. Заработная плата крестьянина и крестьянки в Армении в V веке. «Известия» Института науки и искусства. № 3. 1928; его же. Одна загадка в армянских надписях и ее значение для истории экономического развития Армении. Ереван. 1927.

[20] С. Е. Акопян. История армянского крестьянства. Период раннего феодализма. Т. I. Ереван. 1957.

[21] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л. 1949.

[22] А. Н. Зорян. Крестьянские движения феодальной Армении в X в. Ереван. 1929; А. А. Арутюнян. Крестьянское движение в Армении в первой четверти XVII в. Ереван. 1939; В. Е. Амазаспян. Идеология движения тондракитов. «Известия» АН Арм. ССР. № 3. 1949; Л. С. Хачикян. Из истории социальных движений в Малой Армении (IV век). Ереван. 1951; С. Т. Мелик-Бахшян. Павликианское движение в Армении. Ереван. 1953; Ереван. 1955 (на русском языке); А. Г. Иоаннисян. Движение тондракитов в Армении. «Вопросы истории». 1954; № 10; его же. Смбат Зарехаванци, его время и современники. «Вестник» Матенадарана. № 3. 1956; С. П. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянское движение в Армении в IX—XIII вв. Ереван. 1956.

Крестьянским движениям в Армении посвящен также специальный труд грузинского историка И. А. Джавахишвили. Материалы для истории социальных движений Армении. X и XIII вв. Ереван. 1937 (перевод с грузинского).

[23] Я. А. Манандян. Тигран II и Рим. Ереван. 1940 (на армянском языке); Ереван. 1943 (на русском языке).

церкви и господствующих классов, рассматривали освободительные войны армян против персидского деспотизма в V в. только как религиозные. Буржуазные историки игнорировали активное участие народных масс в этих событиях, оценивали их как нахарарские (феодальные) войны. Данной теме посвящена работа А. А. Арутюняна «Война Варданидов» (Ереван. 1947). Из этой проблематики заслуживает внимания также статья С. Т. Еремяна [24]. Советской армянской историографии предстоит еще серьезная работа по определению характера, движущих сил, идеологии освободительного движения V в., исправлению ошибок и созданию полноценных трудов по указанной проблеме.

История борьбы армянского народа против арабского ига (VII—IX вв.) рассматривается в книге Я. А. Манандяна «Народные восстания в Армении против арабского владычества» (Ереван. 1939, на армянском и русском языках). Тяжелое положение армянского народа и его борьба против арабов показаны и в исследованиях А. А. Арутюняна, С. П. Погосяна, Б. Н. Аракеляна [25]. Об агрессивной политике Византии по отношению к Армении и о героической борьбе ее народа против византийских захватчиков в X—XI вв. рассказал в своей диссертации В. К. Исканян [26]. Страница истории совместной борьбы армян и грузин с сельджукскими завоевателями изображается в брошюре С. Т. Еремяна «Амирспасалар Захария Долгорукий» (Ереван. 1944).

Проблема армяно-русских отношений, как и история освободительной борьбы армянского народа, прибегавшего к помощи России, постоянно находилась в центре внимания советской армянской историографии. Начальному периоду в истории русско-армянских связей посвящен ряд работ [27]. Вопрос о возникновении русской ориентации армян был рассмотрен А. Г. Иоаннисяном в его работах об Исраеле Ори [28] и «Проблема возникновения армяно-русской ориентации», опубликованной в 1921 г. в Эчмиадзине. Об армяно-русских экономических связях XVII в. говорится в статьях В. К. Восканяна и В. А. Парсамяна [29]. Освободительное движение первой четверти XVIII столетия рассматривается в книге П. Т. Арутюняна [30]. Однако в ней неверно оценена деятельность Исраела Ори, не полностью выявлена роль России в освободительной борьбе армян и не точно трактуется ряд документов об армяно-русских политических отношениях. Важному эпизоду освободительного движения в указанное время посвящена статья А. Б. Мирзояна «Армянские освободительные

[24] С. Т. Еремян. Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. «Вестник древней истории». 1951, № 1.

[25] А. А. Арутюнян. Армения в период владычества арабского халифата. Ереван. 1946; его же. Эпоха «Давида Сасунского». Сборник «Давид Сасунский». Изд. Армянского филиала АН СССР. 1939; С. П. Погосян. Исторический обзор об эпохе «Давида Сасунского». Сборник «Давид Сасунский». Изд. Ереванского государственного университета. 1939; Б. Н. Аракелян. Армения в первый период арабского владычества и борьба армян за независимость. Научный сборник, посвященный 20-летию установления Советской власти в Армении. Ереван. 1941.

[26] В. К. Исканян. Армяно-византийские политические отношения. Ереван. 1950 (кандидатская диссертация).

[27] Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и Армения. «Сборник трудов Института языка АН Арм. ССР». Т. 1. 1946; его же. Из истории русско-армянских отношений. «Известия» АН Арм. ССР. № 4. 1954; С. Т. Еремян. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам. «Научные труды» Ереванского государственного университета. Т. 23. 1946; А. Г. Абрамян. Русский народ и Москва в армянской средневековой историографии. «Научные труды» Ереванского государственного университета. Т. 27. 1948.

[28] A. Johannisjan. Israel Ory und die armenische Befreiungsidee. München. 1914.

[29] В. К. Восканян. Новый торговый устав и договор с армянской торговой компанией в 1667 г. «Известия» АН Арм. ССР. № 6. 1947; его же. Армяно-русские отношения в XVII в. «Известия» АН Арм. ССР. № 1. 1948; В. А. Парсамян. Из истории армяно-русских отношений. «Известия» АН Арм. ССР. № 7. 1952.

[30] П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М. 1954.

движения в Сюнике (1722—1730 гг.) [31], в которой показана борьба армян во главе с Давид-Беком против персидско-турецких захватчиков. Интересная страница из истории русско-армянской дружбы освещается М. Г. Нерсисяном в труде «А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790 гг.» (Ереван. 1944).

Освободительное движение армян во второй половине XVIII в. рассматривается в работах А. Р. Иоаннисяна. В монографии «Иосиф Эмин» [32] автор, используя документы Матенадарана, Центрального исторического архива древних актов и Центрального военно-исторического архива, а также другие источники (в том числе биографию Эмина, изданную в 1792 г. в Лондоне на английском языке), исследует деятельность этого выдающегося деятеля армянского освободительного движения. А. Р. Иоаннисян в другой работе [33] прослеживает исторические связи армянского и русского народов в последней четверти XVIII в., показывает роль России в борьбе против турецко-персидского ига. Одному из замечательных эпизодов дружбы и совместной борьбы за свободу и независимость народов Закавказья и армяно-русских связей посвятил свое исследование А. Г. Абрамян [34]. Автор на основе многочисленных фактов показывает, что армяне, грузины и азербайджанцы возлагали свои надежды на освобождение от гнета Турции и Персии на Россию.

Идеология армянского освободительного движения на протяжении многих лет являлась одним из объектов научных исследований А. Г. Иоаннисяна, первый том обобщающего труда которого по этому вопросу вышел в свет в 1957 году [35]. Историей армянской освободительной мысли занимался также Т. А. Авдалбекян [36].

Историки Советской Армении изучали также и армяно-украинские связи [37]. Значительный интерес представляют работы об армяно-абиссинских и армяно-индийских отношениях [38]. Армянская дипломатия в период владычества монголов была рассмотрена А. Г. Галстяном [39].

Ряд работ написан по другим вопросам средневековой истории Армении. Среди них выделяется монография Г. Г. Микаеляна о Киликийской Армении [40]. Автор осветил социально-экономические отношения, сложившиеся в Киликийской Армении, ее внутреннюю жизнь, внешнюю обстановку, а также предпосылки образования Киликийского армянского государства и социально-политические причины его упадка. Несмотря на отдельные недостатки, труд Г. Г. Микаеляна является первым и пока что единственным марксистским исследованием о Киликийской Армении.

---

[31] «Научные труды» Армянского исторического музея. Т. 2. 1950.

[32] А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Ереван. 1945 (на русском языке).

[33] А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1947 (на русском языке).

[34] А. Г. Абрамян. Страница из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений. Ереван. 1953.

[35] А. Г. Иоаннисян. Очерки истории армянской освободительной мысли. Кн. I. Ереван. 1957; кн. II. Ереван. 1959.

[36] Т. А. Авдалбекян. Два течения в армянском освободительном движении конца XVIII в. «Норк». 1922. № 1; его же. Ш. Шаамирян и общинное самоуправление армян Индии в XVIII в. «Известия» Института науки и искусства. № 4. 1929.

[37] Ш. Р. Арутюнян. Дружба армянского и украинского народов. Ереван. 1954; Л. С. Хачикян. Армянские колонии на Украине XVI—XVII вв. «Известия» АН Арм. ССР. № 4. 1954.

[38] С. В. Тер-Аветисян. Материалы для истории армянской колонии Индии. «Научные труды» Ереванского государственного университета. Т. 13. 1940; А. Г. Туршян. К вопросу об армяно-абиссинских взаимоотношениях. Ереван. 1947 (кандидатская диссертация).

[39] А. Г. Галстян. Из истории армянской дипломатии в период владычества монголов. Ленинакан. 1945.

[40] Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ереван. 1952 (на русском языке).

Из проблем, по которым возникали споры среди историков, следует отметить вопросы генезиса армян, периодизации истории армянского народа, армянского возрождения и т. д. Я. А. Манандян в своем «Критическом обзоре истории армянского народа» высказывает мысль о том, что историю армян следует начинать со времени переселения индоевропейских племен армян на свою новую родину — на территорию нынешней Армении, игнорируя тем самым историю коренных жителей этого района и неправильно решая вопрос о происхождении армянского народа. В освещение данной проблемы, имеющей важное научное значение, сделан вклад Г. А. Капанцяном [41]. Этим же вопросом специально занимались Б. Б. Пиотровский, С. Т. Еремян, Б. Н. Аракелян и др.[42]. Детально изучив имеющиеся исторические и лингвистические данные, они отвергли миграционную теорию буржуазной историографии и доказали, что армянские племена хайев и аримов издревле жили на территории Армянского нагорья, образовав армянские родоплеменные объединения, послужившие ядром для формирования армянского народа. Культура древнейших обитателей Армении является той основой, из которой в дальнейшем развивается древняя культура армян.

В годы Советской власти были написаны работы по истории Урарту [43].

Дискуссионной проблемой в армянской историографии был вопрос о существовании рабовладельческой формации в древней Армении [44]. Часть историков (Б. А. Борьян, С. Т. Еремян, Б. Н. Аракелян, А. Г. Абрамян, Г. Х. Саркисян и др.) отстаивает мнение о том, что в древней Армении существовала рабовладельческая формация. Другие (Я. А. Манандян, Х. С. Самвелян, С. Е. Акопян, А. А. Арутюнян и др.), не отрицая наличия рабства, не признают существования здесь рабовладельческого способа производства. В настоящее время господствующей является точка зрения первой группы историков.

Значительным достижением историков Советской Армении было создание школьного пособия по истории армянского народа [45]. Коллектив Института истории АН Армянской ССР в 1951 г. подготовил новое пособие [46]. Первая часть этого пособия, охватывающая историю

---

[41] Г. А. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. Ереван. 1947 (на русском языке).

[42] Б. Б. Пиотровский. О происхождении армянского народа. Ереван. 1946; Б. Н. Аракелян. Миграционная теория и вопрос о происхождении армянского народа. Ереван. 1948; С. Т. Еремян. К вопросу об этногенезе армян. «Вопросы истории». 1952. № 7.

[43] А. Хачатрян. Народ Митанни-Харри, области его расселения и историческая древность. Ереван. 1926; его же. Арийцы в доурартской Армении. «Известия» Института науки и искусства Арм. ССР. № 4. 1929; его же. Пересмотр древнейшего периода Наири — Урартской истории. По поводу книги И. И. Мещанинова «Халдоведение». Ереван. 1932 (на русском языке); его же. Критическая история Армении в клинообразный период. Ереван. 1933; А. Капанцян. История Урарту. Ереван. 1940; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван. 1944; Г. А. Меликишвили. Наири — Урарту. Тбилиси. 1954 (на русском языке).

[44] Я. А. Манандян. Актуальные вопросы историографии древней Армении. «Историк-марксист». 1940. № 6; его же. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. «Исторические записки». № 15. 1945; А. Г. Абрамян. К вопросу периодизации истории армянского народа. «Известия» АН Арм. ССР. № 2. 1947; С. Е. Акопян. К вопросу периодизации истории армянского народа. «Известия» АН Арм. ССР. № 7. 1947; его же. Рабство и рабовладельческая общественная формация древней Армении. «Известия» АН Арм. ССР. № 8. 1948; С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. «Известия» АН Арм. ССР. № 11. 1948; его же. О рабстве и рабовладении в древней Армении. «Вестник древней истории». 1950. № 1; его же. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма. «Вопросы истории». 1951. № 7.

[45] «История армянского народа». Пособие для средних школ. Ч. I. С древнейших времен до конца XVIII в. Ереван. 1943 (на армянском и русском языках).

[46] «История армянского народа». Ч. I. Ереван. 1951 (на армянском и русском языках). 2-е изд. 1956; 3-е изд. 1958.

армян с древнейших времен до конца XVIII в., в основном соответствует современным требованиям науки. Вскоре после этого вышел в свет первый выпуск атласа исторических карт Армении, составленный С. Т. Еремяном. Последний принимает участие также в написании многотомных очерков по истории СССР [47]. Кафедра истории армянского народа Ереванского университета приступила к созданию учебного пособия по истории Армении для высшей школы, ряд выпусков которого под редакцией В. А. Парсамяна уже издан [48].

Помимо монографий, в годы Советской власти были опубликованы также источники по древней и средневековой истории Армении, труды армянских историографов с обширными предисловиями, примечаниями и текстологическими уточнениями [49]. Издавались, кроме того, памятные записи, хроники и другие документы [50]. В подготовке научных публикаций важную роль играет Матенадаран, который является крупнейшим в мире хранилищем рукописей [51].

Благодаря трудам Л. М. Меликсет-Бека советским историкам стали доступны грузинские источники об Армении [52].

Институт истории АН Армянской ССР издал сборник документов об армяно-русских отношениях XVII в.[53], в который вошли документы из архивов Москвы и Ленинграда, проливающие яркий свет на вопросы истории армяно-русских связей за указанный период. Публиковались также иностранные источники, содержащие важные сведения по древней и средневековой истории Армении [54]. Большое значение в этом смысле имели труды и публикации М. Х. Абегяна, С. С. Малхасяна, Г. А. Ачаряна и др. [55]. Ряд работ источниковедческого и историографического характера написан А. Г. Абрамяном [56]. Достойны также упоминания

[47] Тексты по истории Армении в томах, вышедших под общим названием «Очерки истории СССР» (М. 1953—1958).

[48] «История армянского народа в 12 выпусках»: С. Т. Мелик-Бахшян. Армения в VII—IX вв. Вып. III. Ереван. 1958; С. П. Погосян. Армения в IX—XIII вв. Вып. IV. Ереван. 1958; его же. Армения в XIII—XVII вв. Вып. V. Ереван. 1960; А. Г. Абрамян. Армения в период раннего феодализма. Вып. II. Ереван. 1959; В. А. Парсамян. Армения в первой половине XIX века. Вып. VII. Ереван. 1960.

[49] «Дневник Закария Агулеци». Ереван. 1938; Абраам Ереванци. История войн. Ереван. 1938; «История епископа Себеоса». Ереван. 1939; Мовсес Хоренаци. История Армении. Ереван. 1940; Корюн. Жизнь Маштоца. Ереван. 1941; Ованес Мамиконян. История Тарона... Ереван. 1941; Егише. О Вардане и армянской войне. Ереван. 1946 (2-е изд. 1957); Павстос Бузанд. История Армении. Ереван. 1947 (на русском языке — 1953); Симеон Ереванци. Джамбр. Ереван. 1958 (на русском языке), Смбат Спарапет. Судебник. Ереван. 1958 (на русском языке).

[50] «Хронология С. Т. Орбеляна». Ереван. 1942; «Документы об армяно-персидских отношениях». Ереван. 1947; «Памятные записи армянских рукописей XIV в.». Ереван. 1950; «Памятные записи армянских рукописей XV в.». Ч. I. Ереван. 1955; «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.». Тт. 1—2. Ереван. 1951—1956; «Персидские документы Матенадарана». Т. I. Ереван. 1956; т. II. Ереван. 1959.

[51] См. А. Г. Абрамян. Рукописные сокровища Матенадарана. Ереван. 1959 (на армянском и русском языках).

[52] Л. М. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах. Тт. 1—3. Ереван. 1934—1955.

[53] «Армяно-русские отношения в XVII веке». Сборник документов. Ереван. 1953 (на русском языке).

[54] Страбон. Перевод и комментарии Г. А. Ачаряна. Ереван. 1940; Ибн-и-Батута. Перевод и комментарии Г. А. Ачаряна. Ереван. 1940; Тацит. Перевод и комментарии П. Сотникяна. Ереван. 1941; О. Акопян. Путешествия. Т. I. Ереван. 1932; т. 6. Ереван. 1934.

[55] С. С. Малхасян. К вопросу загадки М. Хоренаци. Ереван. 1940; М. Х. Абегян. История древнеармянской литературы. Кн. I—II. Ереван. 1944—1946; Г. А. Ачарян. Словарь армянских собственных имен. Тт. 1—4. Ереван. 1942—1948.

[56] А. Г. Абрамян. К вопросу об авторстве «Географии», приписываемой М. Хоренаци. Ереван. 1940; его же. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци. Исследование. Ереван. 1944; его же. Труды Оганеса Имастасера. Ереван. 1956; его же. Краткий очерк армянской палеографии. Ереван. 1940; его же. Армянская палеография. Ереван. 1948; его же. История армянского письма и письменности. Ереван. 1959.

монографии историков, исследовавших древнеармянскую культуру и науку [57].

★

Советская армянская историография имеет значительные достижения и в области изучения новой истории армянского народа.

Исследованием аграрных отношений и крестьянских движений того времени занимались В. А. Рштуни, В. А. Парсамян, Ц. П. Агаян, А. С. Амбарян, М. А. Хондкарян и др. В монографии В. А. Рштуни «Крестьянская реформа в Армении в 1870 г.» (Ереван. 1947) показаны аграрная политика царизма на окраинах России, сущность крестьянской реформы, дальнейшее ухудшение положения трудового крестьянства. Автор прослеживает процесс зарождения капиталистических отношений в пореформенный период, выясняет их роль в экономическом и политическом развитии Восточной Армении. О зарождении капиталистических отношений в армянской деревне говорится в монографии А. С. Амбаряна [58]. История народного хозяйства Армении рассматривается в историко-экономических трудах [59].

Вопрос о присоединении Восточной Армении к России исследован В. А. Парсамяном. В книге «Колониальная политика царизма в Армении» (Ереван. 1940) он обстоятельно останавливается на данном вопросе, подчеркивает прогрессивное значение этого исторического акта для армянского народа. Вместе с тем автор не затушевывает национально-колониальную политику царизма в Армении. В. А. Парсамян подверг критике ошибочные концепции по вопросу присоединения Восточной Армении к России. Интересна монография того же автора «А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения» (Ереван. 1947), в которой обстоятельно излагается история армяно-русских политических и культурных связей. На этом историческом фоне показана роль А. С. Грибоедова в освобождении армян от персидского ига.

Присоединению Восточной Армении к России посвящены некоторые работы З. Т. Григоряна [60]. М. Г. Нерсисян в труде «Из истории русско-армянских отношений» (кн. 1. Ереван. 1956) освещает ряд интересных моментов, например: А. В. Суворов и русско-армянские отношения; участие армян в Отечественной войне 1812 г.; декабрист Е. Лачинов и его записки об Армении; присоединение Восточной Армении к России в оценке современников. Деятельность декабристов в Армении, их активное участие в борьбе за освобождение армянского народа из-под персидско-турецкого ига подробно описывается в трудах М. Г. Нерсисяна и

---

[57] Я. А. Манандян. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван. 1941 (на армянском и русском языках); Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры. Тт. 1—2. Ереван. 1942—1948; Л. А. Оганесян. История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней. Чч. 1—5. Ереван. 1946—1947; Г. Г. Габриелян. История армянской философской мысли. Тт. 1—3. Ереван. 1957—1959; Георг Гоян. 2 000 лет армянского театра. Тт. 1—2. М. 1952 (на русском языке).

[58] А. С. Амбарян. Развитие капитализма в армянской деревне (1870—1920 гг.). Ереван. 1959.

[59] О. Е. Туманян. Экономическое развитие Армении. Чч. 1—2. Ереван. 1954—1957 (на русском языке); М. А. Адонц. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. Ереван. 1957 (на русском языке).

[60] З. Т. Григорян. Историческая дружба армянского и русского народов. Ереван. 1942; его же. Военное содружество русского и армянского народов в начале XIX в. Ереван. 1957; его же. Присоединение Восточной Армении к России. М. 1959; его же. Военные действия русской армии за присоединение Восточной Армении к России. «Известия» АН Арм. ССР. № 2. 1951; его же. Участие армян в деле освобождения Восточной Армении. «Известия» АН Арм. ССР. № 11. 1951; его же. Участие армян в русско-персидских войнах начала XIX века. «Вопросы истории». 1951. № 4.

В. А. Парсамяна. Они проследили также идейное воздействие декабристов на передовых представителей народов Закавказья[61].

Враждебная позиция Англии и Франции в вопросе освобождения Армении от турецко-персидского владычества раскрыта в работах С. С. Маркосяна, А. Р. Иоаннисяна, З. Т. Григоряна и др.[62]. В конце 1958 г. на русском языке вышла в свет монография А. Р. Иоаннисяна «Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия», в которой излагается история присоединения Закавказья к России. Автор проанализировал международные отношения того времени, рассказал о враждебной деятельности западных держав, выступивших против освободительной борьбы народов Закавказья с Турцией и Ираном.

О взглядах Ф. Энгельса на армянский вопрос опубликовал брошюру А. Г. Иоаннисян[63]. Армянский вопрос (до 80-х годов XIX столетия) интересовал многих историков — В. А. Парсамяна, Х. А. Бадаляна, В. А. Калашяна и др.[64]. Изучением армянского освободительного движения против турецкого деспотизма в XIX в. занимались также А. Н. Нерсисян, В. Г. Меликсетян, А. М. Погосян, Х. А. Бадалян[65] и особенно М. Г. Нерсисян. Монография последнего[66] является исследованием истории национально-освободительного движения армян против турецкого господства в 1850—1870 годах. Автору в основном удалось показать главные общественно-политические течения в этом движении, разоблачить враждебную позицию западных держав в вопросе освобождения армян.

Ряд работ был написан об армянских общественно-политических течениях второй половины XIX столетия. Жизни и деятельности М. Налбандяна — соратника великих русских революционеров-демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского — посвящены многие труды, среди которых выделяется двухтомная монография А. Г. Иоаннисяна «Налбандян и его время»[67]. В ней на фоне социально-экономических условий того времени анализируется общественная деятельность этого великого армянского мыслителя, освещается борьба общественных течений 1850—1860 годов. В работе В. А. Рштуни[68] подробно охарактеризованы течения общественной мысли во второй половине XIX в., выявлены социально-экономические и политические воззрения буржуазных деяте-

---

[61] М. Г. Нерсисян. Декабристы в Армении. Ереван. 1958; В. А. Парсамян. Декабристы в Армении. Ереван. 1959.

[62] С. С. Маркосян. Русско-французский и русско-английский антагонизм в Персии в связи с завоеванием Армении. Ереван. 1935; З. Т. Григорян. Борьба Англии и Франции против освобождения Армении из-под ирано-турецкого ига. «Вопросы истории». 1952. № 3; А. Р. Иоаннисян. Борьба Англии и Франции против присоединения Армении к России. «Известия» АН Арм. ССР. № 3. 1953; его же. Из истории франко-русских отношений на Востоке в 1807—1808 гг. «Известия» АН Арм. ССР. № 6. 1957.

[63] А. Г. Иоаннисян. Ф. Энгельс и армянский вопрос. М. 1931.

[64] В. А. Парсамян. Исторические пути развития армянского вопроса до Берлинского конгресса. «Известия» АН Арм. ССР. № 11—12. 1944; В. А. Калашян. Гр. Арцруни и армянский вопрос. Ереван. 1948 (кандидатская диссертация); Х. А. Бадалян. «Армянский вопрос» в Сан-Стефанском договоре и на Берлинском конгрессе 1878 г. Ереван. 1955.

[65] В. Г. Меликсетян. Восстание Зейтуна 1862 г. «Научные труды» Исторического музея Армении. Т. II. Ереван. 1950; А. Н. Нерсисян. Участие армян в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Ереван. 1958; А. М. Погосян. Кавказский фронт Крымской войны и участие армян. Ереван. 1958; Х. А. Бадалян. Армения в русско-турецкой войне. 1877—1878 гг. Ереван. 1959.

[66] М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850—1870 гг. Ереван. 1955.

[67] А. Г. Иоаннисян. Налбандян и его время. Кн. 1—2. Ереван. 1955—1957; его же. Вопрос национальности в публицистике М. Налбандяна. Ереван. 1955. См. также М. Налбандян. Неизданные произведения под ред. и с комментариями А. Г. Иоаннисяна. Ереван. М. 1935.

[68] В. А. Рштуни. Из истории армянских общественных течений. Вторая половина XIX века. Пореформенный период. Ереван. 1956.

лей пореформенного периода, а также взгляды противостоявших им представителей демократических кругов. Деятельность национально-демократических и народнических кружков, которые возникли в Закавказье и в Армении в 1860—1880-х годах, рассматривается в трудах Г. А. Гараджяна и М. Г. Нерсисяна [69]. В новой работе В. А. Парсамяна показана история двух кружков, организованных в Армении во второй половине XIX в., и одновременно освещен вопрос о главных силах армянского освободительного движения [70]. Об общественных течениях и общественных деятелях второй половины XIX в. также написан ряд работ [71].

Историки Советской Армении сделали немало для разоблачения антинародных воззрений армянских буржуазных националистов. Большую роль в этом сыграли выдающиеся армянские марксисты С. Г. Шаумян, С. С. Спандарян, А. Ф. Мясникян и др.

Начиная с 20-х годов в Армении вышло в свет немало работ, разоблачающих предательскую, контрреволюционную роль дашнакцутюна в истории армянского народа [72]. Не отрицая определенную ценность этих книг и статей, следует заметить, что они носят по преимуществу публицистическо-полемический характер. В некоторых из них классовая сущность партии армянского буржуазного национализма определена неправильно, недостаточно раскрыта авантюристическая деятельность дашнакцутюна. Серьезным недостатком надо считать и то, что за последние годы в советской армянской историографии редко появляются труды, в которых на фактическом материале разоблачалась бы политика и тактика этой буржуазной партии. История мелкобуржуазных националистических организаций рассмотрена в ряде работ. О спецификах (членах так называемой «Армянской социал-демократической рабочей организации») написана книга С. И. Касьяна. Борьба большевиков против спецификов послужила темой исследования для А. Г. Варданяна [73].

Одной из первоочередных задач армянских советских историков является разоблачение политики западных держав, выступающих против армянского и других народов Закавказья. Книга А. Н. Мнацаканяна «Провал агентуры немецко-турецких захватчиков на Кавказе накануне первой мировой войны» (Ереван. 1947) показывает завоевательную политику германо-турецкой военщины. Автор разоблачает также и дашнаков — агентов германских и турецких военных штабов.

---

[69] Г. А. Гараджян. Первый армянский революционный кружок в Закавказье. Тифлис. 1927; М. Г. Нерсисян. Народнические кружки в Закавказье. Ереван. 1940.

[70] В. А. Парсамян. Из истории армянского освободительного движения. Ереван. 1958.

[71] А. Б. Каринян. Люди и события. Ереван. 1928; его же. Буржуазия русских армян и мшакистский либерализм. «Нор уги». 1930. № 10; его же. Западноармянские просветители 60—70-х гг. «Известия» АН Арм. ССР. № 6—7. 1944; А. А. Казарян. Общественно-политические взгляды М. Мамуряна. «Известия» АН Арм. ССР. № 3. 1957; его же. Арутюн Свачян как идеолог национально-освободительной борьбы. «Известия» АН Арм. ССР. № 7. 1958; его же. Григор Чилингирян. Ереван. 1959.

[72] А. Ф. Мясникян. Армянские политические партии за рубежом. Тифлис. 1925 (на армянском и русском языках); А. Г. Иоаннисян. Дашнакцутюн и война. Ереван. 1924; его же. Социальное происхождение дашнакцутюна. Ереван. 1928; его же. По поводу дашнакцутюна. М. 1929; А. Б. Каринян. Империалистическая война и Армения. Ереван. 1924; его же. Дашнакцутюн против фактов. Тифлис. 1926; его же. Путь армянских националистов. М. 1929; его же. Дашнакцутюн и его оруженосцы. Ереван. 1932; А. Н. Азатян. Социальное происхождение дашнакцутюна. «Нор уги». 1929. № 1—12; В. А. Парсамян. Эчмиадзин и дашнакцутюн. Ереван. 1931; М. Г. Нерсисян. «Дашнакский рай» и страна голода и смерти. Ереван. 1932; Х. А. Бадалян. О некоторых фактах контрреволюционной деятельности дашнакцутюн (1918—1920). Ереван. 1955; А. Г. Варданян. Партия «Дашнакцутюн» как агент иностранного империализма и русских реакционных сил (1918—1920). Ереван. 1955.

[73] С. И. Касьян. Специфика и специфизм. Тифлис. 1928; А. Г. Варданян. Борьба большевиков Закавказья против Армянской социал-демократической рабочей организации (спецификов). 1903—1921 гг. Ереван. 1955 (докторская диссертация).

За последние годы историки Советской Армении активизировали свою деятельность по разоблачению политики американо-английских империалистов. В ряде исследований[74] показано истинное лицо этих злейших врагов свободы и независимости народов Закавказья.

Определенных успехов добилась советская армянская историография в области изучения истории революционного движения. В конце 1920 г. вышли в свет работы Е. Мелик-Елчяна и Г. А. Гараджяна[75], в которых содержится богатый фактический материал о социально-экономическом развитии страны и революционном движении в Армении и Закавказье в начале XX века. Однако в этих работах немало ошибок и недоказанных положений.

В связи с 50-летием первой русской революции были опубликованы труды, посвященные событиям 1905—1907 гг. в Армении и Закавказье[76]. Авторы их проанализировали влияние русской революции на освободительную борьбу рабочих и крестьян Армении. Излагая историю местного революционного движения в органической связи с общероссийским, они одновременно показали своеобразие событий этого периода в Закавказье и Армении. Однако почти во всех названных работах имеются существенные недостатки: отсутствует марксистский анализ и критика армянской буржуазно-националистической историографии, а также разбор ранее изданных трудов других советских историков и используемых источников. Некоторые авторы излагали историю революционного движения, не выявляя ее этапов, ограничиваясь описанием отдельных событий. Слабо освещено влияние революции 1905—1907 гг. на развитие армянской общественной мысли. Этот вопрос рассмотрен лишь в книге Ц. П. Агаяна[77]. Борьбу народов Закавказья против царизма в годы революции 1905—1907 гг. показывает в своей книге А. Б. Арутюнян[78].

---

[74] Х. А. Бадалян. Агрессивная политика англо-американского империализма в Армении (1919—1920 гг.). Ереван. 1951; А. П. Симонян. Крах англо-американской интервенции в Армении в 1918—1920 гг. Ереван. 1952 (кандидатская диссертация); А. А. Саркисян. Хищническая политика американо-английских интервентов в Армении в 1918—1920 гг. Ереван. 1952 (кандидатская диссертация); А. Н. Мнацаканян. Из истории борьбы армянского народа против американских агрессоров и их агентов. Ереван. 1953; С. Саркисов. Англо-американская интервенция в Закавказье в 1918—1920 гг. и борьба народов Закавказья за свое освобождение. «Известия» АН Арм. ССР. № 3. 1953; С. Карапетян. Провал организации нового похода англо-американских империалистов против Советской России в Закавказье 1920—1921 гг., там же; Б. А. Лалабекян. Провал агрессивных планов англо-американских империалистов в Закавказье 1918—1920 гг. Ереван. 1954; Л. А. Байрамян. Империалистическая политика Англии по отношению к Западной Армении в конце XIX в. Ереван. 1954 (кандидатская диссертация); Г. М. Арутюнян. Реакционная политика английской буржуазии в армянском вопросе в середине 90-х гг. XIX в. М. 1954 (кандидатская диссертация); Г. Галоян. Об участии США в контрреволюционной интервенции империалистов Запада в Закавказье 1917 г. «Известия» АН Арм. ССР. № 8. 1956; В. Л. Авакян. Страницы из истории иностранной интервенции в Закавказье (1918). Ереван. 1957.

[75] С. Т. Аркомед (Г. Гараджян). Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. М. 1923 (на русском языке); Е. Мелик-Елчян. Четыре года истории рабочего движения Армении (1903—1907 гг.). Ереван. 1930.

[76] В. А. Парсамян. Революционное движение в Армении в 1905—1907 гг. Ереван. 1955 (на армянском и русском языках); Ц. П. Агаян. Революционное движение в Армении в 1905—1907 гг. Ереван. 1955; сборник статей «Революционное движение в Армении в годы первой русской революции». Ереван. 1955; сборник статей «Революционное движение в Армении». Ереван. 1955; Б. А. Лалабекян. Октябрьская всероссийская политическая стачка и ее отклики в Армении. Ереван. 1956; Г. А. Арутюнян. Революционное движение в Армении в 1905—1907 гг. Ереван 1956; Д. А. Мурадян. Рабочее движение в Армении в 1905—1907 гг. Ереван. 1956 (кандидатская диссертация); Г. С. Меликян. Марксистские организации и революционные движения в Лори. Ереван. 1957; А. М. Арутюнян. Революционное движение в Армении в 1906—1907 гг. Ереван. 1957 (на русском языке).

[77] Ц. П. Агаян. Революционное движение в Армении в 1905—1907 гг. Ереван. 1955.

[78] А. Б. Арутюнян. Народы Закавказья в борьбе против царизма в годы первой русской революции. Ереван. 1957 (на русском языке).

Значительным достижением ученых Советской Армении является выход в свет второй части школьного пособия «История армянского народа»[79] (с начала XIX в. до победы Великой Октябрьской социалистической революции). Эта первая обобщающая работа по истории указанного периода получила высокую оценку научной общественности. В 1955 г. была опубликована хронология истории армянского народа за то же время[80].

В годы Советской власти были изданы многочисленные источники по новой истории армянского народа. Еще в 1922 г. в Ереване вышел в свет сборник «Из документов дашнакского правительства» (предисловие А. Ф. Мясникяна), а в 1926 г.— сборник «Автономия Армении и Антанта», предисловие к которому было написано А. Г. Иоаннисяном. В ряде сборников документов рассказывается о Майском восстании 1920 года[81]. В те же годы был издан сборник о «Спартаке» — коммунистической молодежной организации Армении[82]. Усилиями В. А. Рштуни были созданы сборники архивных документов о крестьянских движениях в Армении в XIX — начале XX века[83]. Армянский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в дни юбилея первой русской революции выпустил сборник документов и материалов о событиях 1905—1907 гг. в Армении[84]. Для исследования армянской общественной мысли XIX в. большое значение имело издание сочинений Х. Абовяна и М. Налбандяна[85].

В исследование истории армянской культуры, и в частности армянской периодической печати XIX—XX вв., внесли вклад Г. Д. Левонян, А. Б. Каринян, А. М. Аршаруни и др.[86]. Некоторые достижения имеются также в области библиографии армянской периодической печати[87].

★

Ученые Советской Армении проделали значительную работу по написанию истории борьбы рабочих и крестьян Армении за установление Советской власти, против господства дашнаков в Армении в 1918—1920 годах. Ряд исследований посвящен славной странице этой борьбы — Майскому вооруженному восстанию 1920 года[88]. Однако до сих пор в советской армянской историографии нет четкого объяснения причин поражения Майского восстания, недостаточно раскрыта роль Ревко-

---

[79] «История армянского народа». Ч. 2. Пособие для средних школ. Ереван. 1957.

[80] Ш. Р. Арутюнян. Краткая хронология истории армянского народа. 1801—1917 (с библиографией и выдержками). Ереван. 1955.

[81] «Майское восстание в Армении. 1920—1930». Сборник воспоминаний и документов. Ереван. 1930; «Первые массово-революционные движения в Армении (Майское восстание)». Сборник документов. Ереван. 1932.

[82] «История ЛКСМА». Сборник первый «Спартак». Воспоминания и документы. Ереван. 1935.

[83] «Крестьянское движение в Армении в XIX в.». Ереван. 1948 (на русском языке); «Аграрная политика царизма и крестьянское движение в Армении в начале XX в.». Ереван. 1951 (на русском языке); «Из истории аграрной политики царизма в Грузии, Азербайджане и Армении». Ереван. 1954 (на русском языке).

[84] «Революционное движение в Армении 1905—1907 гг.». Сборник документов и материалов. Ереван. 1955 (на русском языке).

[85] М. Налбандян. Полное собрание сочинений. Тт. 1—3. Ереван. 1945—1947; Х. Абовян. Полное собрание сочинений. Тт. I—VII. 1948—1956.

[86] Г. Д. Левонян. Армянская периодическая печать. Ереван. 1934; его же. Армянская книга и искусство книгопечатания. Исторический обзор. Ереван. 1946 (новое издание — 1958); А. М. Аршаруни. Московский университет и армянская передовая интеллигенция. Ереван. 1956; А. Б. Каринян. Очерки истории армянской периодической печати. Т. I. Ереван. 1956.

[87] «Библиография армянской периодической печати». Тт. I—III. Ереван 1954—1957.

[88] С. Касьян. Экономическая классовая структура Армении. «Нор ашхар» 1922. № 1; А. Г. Иоаннисян. Июль и октябрь революции в Армении. Майское восстание. Ереван. 1923; его же. Общенациональный кризис. Ереван. 1926;

ма Армении и Арменкома РКП(б), слабо показана связь между революционным движением закавказских народов, деятельность Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзов, кооперативных и других легальных организаций, их борьба за установление Советской власти в Армении.

В дни сороковой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции вышли в свет работы, повествующие об установлении Советской власти в Армении [89]. Появление этих работ — большой шаг вперед в изучении истории победы пролетарской революции в Армении, хотя и в них есть отдельные недостатки.

Интересна книга С. А. Товмасяна «Советская Армения — детище Великого Октября» (на русском и армянском языках), в которой убедительно показаны крупнейшие достижения армянского народа за годы Советской власти. В сборнике документов [90], изданном Армянским филиалом ИМЛ, Институтом истории АН Арм. ССР и Архивным отделом МВД Арм. ССР, помещены материалы, отражающие героическую борьбу армянских тружеников под руководством коммунистической партии за установление и упрочение Советской власти в Армении в период с февраля 1917 по февраль 1922 года. Однако это издание следовало бы оснастить более широким научным аппаратом и снабдить его обстоятельной вводной статьей.

За последние годы особое внимание уделяется разработке истории советского периода. В 1954 г. вышел в свет первый выпуск «Очерков истории Советской Армении» [91] (от победы Октябрьской революции до конца восстановления народного хозяйства Советской Армении) [92]. В 1958—1959 гг. были изданы второй и третий выпуски этих очерков. В 1957 г. опубликована третья часть пособия «История армянского на-

---

Ш. М. Амирханян. Майское восстание в Армении. М. 1926; Т. Мандалян. Майское восстание в Армении. Ереван. 1929; С. М. Ханоян. Майское восстание. Ереван. 1930; В. А. Парсамян. Ноябрьская революция в Армении. Ереван. 1932; М. С. Асратян. Майское восстание в Армении и контрреволюция. «Нор уги». 1932. № 2; К. Н. Казарян. Значение майских восстаний и их место в новейшей истории Армении. «Ленинян уги». 1932. №№ 3—4, 5; его же. Ноябрьская революция в Армении. «Известия» Института марксизма-ленинизма Арм. ССР. № 2. 1933; его же. Утверждение Советской власти в Армении. «Известия» Института марксизма-ленинизма Арм. ССР. № 1 (5). 1935; А. Г. Ханджян. От Майского восстания к Ноябрьской победе. Ереван. 1935; М. Г. Нерсисян. Ноябрьская революция в Армении. Ереван. 1935; О. С. Карапетян. Майское восстание в Армении. Ереван. 1948 (кандидатская диссертация); его же. Майское восстание в Казах-Шаммадине. «Известия» АН Арм. ССР. № 4. 1947; его же. Одна страница Майского восстания. «Известия» АН Арм. ССР. № 5. 1952; его же. Из истории борьбы трудящихся Нор-Баязета за Советскую власть. «Известия» АН Арм. ССР. № 8. 1958; его же. Майское восстание 1920 года. «Известия» АН Арм. ССР. № 6. 1954; А. М. Эльчибекян. Установление Советской власти в Армении. Ереван. 1954 (на русском языке); С. Х. Карапетян. Вооруженное восстание в Лори в 1921 году. Ереван. 1955; Г. Б. Гарибджанян. Майское восстание в Армении. Ереван. 1955; А. Тоноян. Славная страница из истории революционных движений Армении. Ереван. 1955; В. А. Микаелян. Положение крестьянства и революционные выступления крестьян в Армении в 1919—1920 гг. Ереван. 1955 (кандидатская диссертация).

[89] Ц. П. Агаян. Октябрьская революция и освобождение армянского народа. Ереван. 1957; А. М. Эльчибекян. Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ереван. 1957; Г. А. Галоян. Борьба за Советскую власть в Армении. М. 1957; Ш. Р. Арутюнян. Октябрьская революция и установление советского строя в Армении. Ереван. 1957; С. Варданян. Победа Советской власти в Армении. Ереван. 1959; «Под знаменем Великого Октября». Сборник статей. Ереван. 1957.

[90] «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении». Сборник документов. Ереван. 1957 (на русском языке).

[91] А. М. Эльчибекян и А. М. Акопян. Очерки истории Советской Армении. Вып. I. Ереван. 1954 (на армянском и русском языках).

[92] В. Г. Меликсетян, О. С. Карапетян. Очерки по истории Советской Армении (1926—1934). Вып. II. Ереван. 1958; Ц. П. Агаян, Е. М. Халеян. Очерки по истории Советской Армении (1935—1945). Вып. III. Ереван. 1959.

рода»[93], охватывающая историю Армянской ССР. На наш взгляд, это первая удачная попытка систематического изложения истории Советской Армении.

Ряд исследований был посвящен отдельным этапам истории Советской Армении. История гражданской войны в Армении рассматривается в трудах А. М. Багдасаряна, О. А. Варданяна, А. М Акопяна и С. Г. Согомоняна[94]. О развитии Советской Армении в первый год нэпа говорится в книге С. В. Хармандаряна[95]. В монографии А. М. Акопяна «Советская Армения в период восстановления народного хозяйства» (Ереван. 1955) показано, как трудящиеся Советской Армении под руководством Коммунистической партии при постоянной бескорыстной помощи братских народов Советского Союза и в первую очередь великого русского народа в 1921—1925 гг. боролись за восстановление народного хозяйства своей республики. В отдельной главе книги рассматривается вопрос о Закавказской федерации, создание которой свидетельствовало о победе ленинской национальной политики.

Многосторонняя братская помощь народов Советской России армянскому народу раскрыта в ряде статей и работ. В частности, о военной помощи пишет в своей книге А. Н. Мнацаканян. Деятельность Комиссариата по армянским делам исследовал С. Т. Алиханян[96]. Роль В. И. Ленина в создании Закавказской федерации показана В. А. Парсамяном[97]. Были опубликованы также работы о формировании армянской социалистической нации[98]. В 1950—1955 гг. было защищено несколько кандитатских диссертаций, посвященных истории развития социалистической промышленности и сельского хозяйства Советской Армении[99].

История Армении и армянского народа в годы Великой Отечественной войны изложена в труде А. Н. Мнацаканяна[100]. В другой работе этого автора[101] выясняется роль армянской фронтовой печати и осве-

---

[93] «История армянского народа». Ч. III. (История Армянской ССР). Ереван 1957; 2-е изд. 1958.

[94] А. М. Багдасарян. Гражданская война в Армении Ереван. 1931; О. А. Варданян. Гражданская война в Армении. Ереван. 1931; А. М. Акопян. Гражданская война в Армении в 1921 г. Ереван. 1948; С. Г. Согомонян. Гражданская война в Зангезуре в 1920—1921 гг. Ереван. 1958.

[95] С. В. Хармандарян. Армянская ССР в первый год новой экономической политики. 1921—1922. Ереван. 1955 (на русском языке).

[96] А. М. Акопян. Постоянная помощь великого русского народа Советской Армении в годы социалистического строительства. «Известия» АН Арм. ССР. № 3. 1953; Ш. Р. Арутюнян. Помощь Советской России армянскому народу в 1917—1922 гг. Сборник «Под знаменем Великого Октября». Ереван. 1957; А. В. Вардапетян. Помощь Советской России Армении в 1920—1925 гг. Ереван. 1959; А. Н. Мнацаканян. Посланцы Советской России в Армению. Ереван. 1959 (на русском языке); С. Т. Алиханян. Деятельность Комиссариата по армянским делам. Ереван. 1958.

[97] В. А. Парсамян. В. И. Ленин и Закавказская федерация. Ереван. 1935.

[98] А. М. Акопян. Социалистическая армянская нация. Ереван. 1954; М. А. Меликян. К вопросу о формировании армянской нации и ее социалистическом преобразовании. Ереван. 1955 (на русском языке); Ереван. 1957 (на армянском языке).

[99] П. И. Енгоян. Осуществление сталинской политики индустриализации в Армении в 1928—1940 гг. Ереван. 1952; В. Н. Казахецян. Армянская ССР в год великого перелома. Ереван. 1953; А. Х. Шагинян. Из истории развития промышленности в Советской Армении (1920—1950 гг.). Ереван. 1954; А. А. Хондкарян. Значение социалистической индустриализации в ликвидации экономической отсталости национальных республик СССР (на примере Армянской ССР). Ереван. 1955; Е. В. Оганесян. Ликвидация кулачества как класса в Армении на основе сплошной коллективизации. Ереван. 1950; Е. З. Мкртчян. Победа колхозного строя в Советской Армении. Ереван. 1954; И. К. Хачатрян. Передовые колхозы Советской Армении в годы четвертой пятилетки восстановления и развития народного хозяйства (1946—1950). Ереван. 1955.

[100] А. Н. Мнацаканян. Армянский народ в Великой Отечественной войне (1941—1945). Ереван. 1954.

[101] А. Н. Мнацаканян. Летописи подвигов воинов-армян. 1941—1945 гг. Ереван. 1947.

щены героические подвиги воинов-армян на фронтах Великой Отечественной войны. Отдельные моменты участия армян в Великой Отечественной войне освещаются в работах И. С. Исакова, С. С. Налбандяна, С. В. Хармандаряна, К. С. Козмояна, Е. М. Халеяна, А. Н. Арутюняна и др.[102]. О подвигах армян — героев Великой Отечественной войны рассказывается во многих книгах, среди которых следует отметить работу Е. М. Халеяна «Герой Советского Союза Унан Аветисян» (Ереван. 1950).

Коллектив Института истории АН Армянской ССР приступил в настоящее время к исследованию истории городов и передовых заводов Советской Армении[103]. Вышла в свет хронология истории Советской Армении. В отдельных работах рассматривается история культурного строительства в Советской Армении[104].

★

В последние годы армянские историки приложили немало усилий для изучения истории Коммунистической партии Армении. До 1953 г. в советской армянской исторической литературе не было ни одной монографии, в которой освещалась бы деятельность коммунистических организаций Армении, если не считать брошюру А. А. Мравяна[105].

История Коммунистической партии Армении была предметом исследования Г. Б. Гарибджаняна. В 1953 г. вышла в свет его монография «Большевистские организации Александрополя в 1917—1920 гг.», представляющая собой первую попытку изложения истории одной из крупных большевистских организаций Армении. В 1955 г. (на русском языке в 1957 г.) Г. Б. Гарибджанян издал книгу «Коммунистические организации Армении в борьбе за Советскую власть». Различным этапам истории КП Армении посвящены некоторые другие исследования армянских историков[106]. Были изданы также работы по истории большевист-

---

[102] И. С. Исаков. Армяне-моряки в Великой Отечественной войне. Ереван. 1946 (на русском и армянском языках); С. С. Налбандян. Армяне-таманцы. Ереван. 1947; К. С. Козмоян. Трудящиеся Ленинакана в годы Великой Отечественной войны. Ереван. 1953 (кандидатская диссертация); С. В. Хармандарян. Боевое содружество армянского народа с народами Советского Союза в Великой Отечественной войне. Ереван. 1955 (на русском языке); Е. М. Халеян. Участие армянского народа в Великой Отечественной войне (1941—1945). Сборник «Под знаменем Великого Октября». Ереван. 1957. А. Н. Арутюнян. Ереван в годы Великой Отечественной войны. Ереван. 1958.

[103] К. С. Козмоян. Ленинакан. Ереван. 1957; его же. 50 лет Ереванского станкостроительного завода имени Ф. Э. Дзержинского. Ереван. 1956; его же. 25 лет Кироваканского химического комбината имени Ал. Мясникяна. Ереван. 1958.

[104] Ш. Р. Арутюнян. Краткая хронология истории Советской Армении. Ереван. 1954; А. Х. Шагинян. Культура Советской Армении. Ереван. 1956 (на русском языке); его же. Культура возрожденного народа. Ереван. 1959. К. С. Худавердян. Культурное строительство в Советской Армении в годы первой пятилетки. Ереван. 1958; А. А. Абрамян. Достижения народного образования в Советской Армении. Ереван. 1959.

[105] А. А. Мравян. Когда и как была основана Коммунистическая партия (большевиков) Армении. Ереван. 1928.

[106] Р. Л. Мовсесян. Борьба большевиков Армении за установление Советской власти в Армении в 1917 г. Ереван. 1950 (кандидатская диссертация); В. С. Закарян. Большевики Армении в годы Великой Отечественной войны. Ереван. 1953 (кандидатская диссертация); Х. А. Барсегян. Ереванская большевистская организация. Сборник «Революционное движение в Армении». Ереван. 1955; В. Н. Неркарарян. Большевистская организация РСДРП и революционное движение в Лори в 1905—1907 гг. Ереван. 1955; его же. Коммунистическая партия Армении в период восстановления народного хозяйства (1921—1925). Ереван. 1956; его же. Первый съезд Компартии Армении. «Известия» АН Арм. ССР, № 2. 1955; его же. Второй съезд Компартии Армении. Ереван. 1957; его же. Третий съезд Компартии Армении. Ереван. 1958; Б. С. Оганджанян. Коммунистическая партия Армении в годы коллективизации сельского хозяйства (1930—1934). Ереван. 1955; Г. М. Мнеян. Большевистские организации Армении в годы первой русской революции. Ереван. 1956;

ских организаций Закавказья[107]. В 1958 г. была опубликована первая книга «Воспоминаний старых большевиков», изданная Армянским филиалом ИМЛ при ЦК КПСС.

Предпринята первая попытка в советской армянской историографии создать «Очерки истории Коммунистической партии Армении»[108]. В «Очерках» впервые систематически излагается история социал-демократических организаций Армении с конца XIX в., а затем большевистских организаций вплоть до 1920 г., подробно освещается путь Коммунистической партии Армении с ее основания (1920 г.) до наших дней. Однако эта книга имеет серьезные недостатки и ошибки. Публичные обсуждения показали, что она не отвечает высоким требованиям, предъявляемым к научным исследованиям по истории партии. ЦК КП Армении, рассмотрев этот вопрос, поставил перед учеными республики задачу создать в ближайшие годы полноценный научный труд по истории Коммунистической партии Армении.

История дореволюционной большевистской печати впервые была прослежена в работе Х. А. Барсегяна «История армянской большевистской периодической печати» (Ереван, 1955; Ереван, 1958 — на русском языке). Достойна упоминания и другая работа этого автора по библиографии армянской большевистской печати[109]. Данной тематике посвящены отдельные кандидатские диссертации и книги[110].

Историки Советской Армении успешно изучают жизнь и деятельность выдающихся армянских революционных деятелей, что имеет не только научно-историческое, но и воспитательное значение. XX съезд КПСС отметил, что в некоторых книгах по истории крупных большевистских организаций, таких, как Закавказская, было допущено искажение фактов. При этом, как заметил А. И. Микоян: «...одни люди произвольно возвеличивались, а другие вовсе не упоминались»[111]. За последние годы были написаны монографии о С. Г. Шаумяне, С. С. Спандаряне, А. Ф. Мясникяне, Б. М. Кнунянце, Камо (С. Тер-Петросяне) — представителях славной плеяды профессиональных революционеров старой ленинской гвардии[112]. Эти работы имеют большое значение для изуче-

---

М. А. Акопян. Борьба Компартии Армении за осуществление ленинского кооперативного плана (1921—1929). Ереван. 1956 (кандидатская диссертация); А. А. Есаян. Борьба Компартии Армении за построение социализма. Ереван. 1958; А. А. Григорянц. Подъем революционного движения в Армении и роль большевиков по руководству борьбой трудящихся масс (1910—1914). Ереван. 1958 (кандидатская диссертация); М. В. Арзуманян. Деятельность большевиков и революционное движение в Армении 1907—1917. Ереван. 1959; С. Х. Карапетян. Компартия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Ереван. 1959 (на русском языке).

[107] С. А. Багдасарян. Партия большевиков — организатор Закавказской федерации. Ереван. 1950 (кандидатская диссертация); Г. М. Далакян. Борьба большевиков Закавказья за интернациональное сплочение трудящихся в период первой русской революции. М. 1952 (кандидатская диссертация); С. М. Динарян. Создание и формирование ленинско-искровских большевистских организаций РСДРП в Закавказье и их деятельность в период 1901—1907 гг. Ереван. 1955 (кандидатская диссертация); Р. Л. Мовсесян. Первый съезд коммунистических организаций Кавказа и Ст. Шаумян. Ереван. 1955; Г. А. Арутюнов. Революционное движение и деятельность большевиков Закавказья (1910—1912). Ереван. 1959.

[108] «Очерки истории Коммунистической партии Армении». Ереван. 1958.

[109] Х. А. Барсегян. Библиография армянской большевистской периодической печати. 1900—1920 гг. Ереван. 1959.

[110] Г. М. Халеян. Орган Кавказского союза РСДРП «Борьба пролетариата». 1903—1905 гг. Ереван. 1950; А. Г. Фалакян. Большевистская армянская периодическая печать в борьбе за победу Советской власти (1917—1920). Ереван. 1958; Е. С. Тонерян. Армянская большевистская печать в 1905—1907 гг. Ереван. 1958; Л. Е. Геворкян. Роль армянской большевистской печати в 1905—1907 гг. в борьбе за осуществление тактической линии партии. Ереван. 1959.

[111] «Правда», 18 февраля 1956 года.

[112] В. А. Аветисян. Сурен Спандарян. Ереван. 1957; его же. Степан Шаумян. Ереван. 1957; Х. А. Барсегян. Ст. Шаумян. Очерк журналистской, публицистической деятельности. Ереван. 1955 (на русском языке); его же. Степан Шаумян. М.

ния истории КП Армении и КПСС. Ряд работ посвящен деятельности А. А. Мравяна, С. К. Алавердяна, Б. Б. Гарибджаняна, О. С. Саруханяна, С. Г. Мусаеляна, Е. М. Севяна, В. С. Теряна, Г. Гукасяна и других [113]. Однако в них не всегда дается точная характеристика роли этих деятелей в различные периоды их жизни.

Некоторые достижения имеются и в исследовании истории комсомольских организаций Армении [114].

★

Определенная работа проделана по изучению истории армянской исторической мысли. Краткое, но систематическое изложение армянской историографии с древнейших времен до конца XVIII в. дано Л. С. Хачикяном, а для первой половины XX в.— В. А. Парсамяном [115]. По тому же вопросу было опубликовано несколько статей в научных журналах [116]. Однако эта проблематика до сих пор еще мало исследована. Нет, например, ни одной монографии по вопросам советской армянской историографии, а за 40 лет по данной тематике защищено лишь две кандидатские диссертации [117].

В изучении прошлого Армении большую роль играют археологические изыскания, широко развернувшиеся в годы Советской власти. Археологи республики достигли определенных успехов в исследовании истории материальной культуры армянского народа. Большой вклад в советскую науку сделан видным представителем старшего поколения востоковедов-археологов академиком И. А. Орбели. Его перу принадлежат исследования по истории культуры и искусства, эпиграфике, литературе, филологии, фольклору Армении и стран Ближнего Востока [118].

1960; А. Н. Мнацаканян. Александр Мясникян. Ереван. 1955; Ереван. 1957 (на русском языке); А. Б. Арутюнян. Камо. Жизнь и революционная деятельность. Ереван. 1957 (на армянском и русском языках), 2-е изд.— 1958; О. Г. Инджикян. Богдан Кнуняц. Ереван. 1957; Ю. В. Мравян. Защита и обоснование С. Г. Шаумяном марксистско-ленинской постановки национального вопроса. Ереван. 1956 (кандидатская диссертация); С. Б. Хачатрян. Александр Мясникян в Белоруссии. Ереван. 1957; Г. М. Мнеян. Партийная и государственная деятельность Ст. Шаумяна. Ереван. 1958; Л. А. Хуршудян. Ст. Шаумян. Ереван. 1959.

[113] А. А. Мелконян. Баграт Гарибджанян. Ереван. 1954; Г. Б. Гарибджанян. Степан Алавердян. Ереван. 1954; М. В. Арзуманян. Асканаз Мравян. Ереван. 1955; его же. Саргис Мусаелян. Ереван. 1955; В. Н. Неркарарян. Ованес Саруханян. Ереван. 1955; Б. С. Оганджанян. Егор Севян. Ереван. 1955; С. Т. Алиханян. Государственная деятельность В. Теряна. Ереван. 1956; А. Н. Карапетян. Жизнь Гукаса Гукасяна. Ереван. 1958.

[114] А. Даниелян. Спартак в Армении. М. 1931; А. М. Погосян. Ленинский комсомол Армении в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. Ереван. 1953 (кандидатская диссертация); А. Н. Карапетян. Рождение комсомола Армении. Ереван. 1956; К. Ж. Мирзаханян. Комсомол Армении в годы Великой Отечественной войны. Ереван. 1956; Г. А. Аветисян. Комсомол Армении в борьбе за социалистическую индустриализацию (1926—1932). Ереван. 1959.

[115] «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. I. М. 1955.

[116] А. Н. Зорян. Концепция армянской буржуазной историографии и основные проблемы изучения истории Армении. «Нор уги». 1951. № 3; его же. Армянская историография последнего десятилетия. «Известия» Института марксизма-ленинизма Арм. ССР № 1. 1932; Ш. Р. Арутюнян. Ст. Шаумян о некоторых вопросах истории армянского народа. «Известия» АН Арм. ССР. № 2. 1952; его же. Арменоведческая деятельность профессоров М. Эмина и К. Патканова в России. Сборник «Научные труды» Ереванского заочного педагогического института. № 1. 1954; В. К. Восканян. Вопрос о русской ориентации армянского народа в досоветской историографии. «Известия» АН Арм. ССР. № 3. 1957; его же. Проблема возникновения русской ориентации армянского народа в советской историографии, № 4. 1958.

[117] Ш. Р. Арутюнян. Исторические воззрения Лео. Ереван. 1948; С. С. Амирян. Распространение марксистской историко-научной мысли в армянской действительности. Ереван. 1956.

[118] См. «Иосиф Абгарович Орбели». Вступительная статья Б. Н. Аракеляна. Ереван. 1957 (на русском языке).

Изучением исторических памятников Армении занимался А. А. Калантар [119]. С. В. Тер-Аветисян написал ряд статей об исторических памятниках Армении; основная часть этих работ была опубликована в 1925 г. в «Известиях» Кавказского историко-археологического института. Заслуживает упоминания трехтомный труд Х. С. Самвеляна, в котором систематически изложена история материальной культуры древней Армении [120]. Раскопкам могильников посвящена книга одного из представителей старшего поколения армянских этнографов и археологов, Е. Лалаяна, «Раскопки могильников в Советской Армении» (Ереван. 1931). Общая картина памятников материальной культуры Советской Армении дана археологом С. Г. Бархударяном [121]. Во время раскопок Е. А. Байбурдяна в Шенгавите впервые была открыта энеолитическая культура Армении [122].

В 30-х годах начал свои археологические изыскания в Советской Армении Б. Б. Пиотровский. Он является урартоведом, его перу принадлежат многочисленные труды по археологии Армении и Закавказья. Результаты раскопок в Кармир-блуре за 1939—1953 гг. обобщены им в трех книгах [123]. Книга К. Г. Кафадаряна «Город Двин и его раскопки» [124] также является вкладом в советскую армянскую археологию. Ценный материал дали раскопки древнеармянской крепости Гарни, проведенные под руководством Б. Н. Аракеляна. Результаты его работы за 1949—1955 гг. изложены им в двух книгах, посвященных малоизученному периоду истории материальной культуры Армении античного времени. Б. Н. Аракелян написал монографию о сюжетных рельефах Армении IV—VII веков [125]. На материалах раскопок крепости Гарни была защищена кандидатская диссертация Г. А. Тирацяна [126]. Положительную оценку получили труды С. С. Сардаряна и А. А. Мартиросяна [127]. В своей книге «Палеолит в Армении» С. С. Сардарян установил, что начиная со времени нижнего палеолита Армения была уже заселена. Этим открытием он нанес удар по теориям буржуазных ученых, отрицающих наличие культуры нижнего палеолита на территории Армении. Весьма интересными оказались результаты раскопок в бассейне озера Севан, проводимых А. О. Мнацаканяном [128]. Предметом исследований явились также эпиграфические памятники, находящиеся на территории Армении [129].

[119] А. А. Калантар. Каменный век в Армении. «Норк». 1925. № 5—6; его же. Две клинообразные надписи Русы Первого — сына Сардура. Ереван. 1927; его же. Новая халдская клинообразная надпись, найденная в селе Джанфида. Ереван. 1931; его же. Арагац в истории. Ереван. 1935; его же. Раскопки Вагаршапата. Ереван. 1935.

[120] Х. Самвелян. Культура древней Армении. Исторические очерки. Т. I—III. Ереван. 1931—1941.

[121] С. Г. Бархударян. Памятники материальной культуры Советской Армении. Ереван. 1935.

[122] Е. А. Байбурдян. Псевдонеолитические поселения Армении. Журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ» № 1—2. 1933; его же. Проблема мозаичной керамики Армении. «Известия» Института истории и литературы. Кн. 2. 1937; его же. Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения в 1936—1937 гг. «Вестник древней истории», № 4—5. 1938.

[123] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. Тт. I—III. Ереван. 1950—1955.

[124] К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Т. I. Ереван. 1952.

[125] Б. Н. Аракелян. Гарни. Тт. I—II. Ереван. 1951—1957 (на русском языке); его же. Сюжетные рельефы Армении IV—VIII веков. Ереван. 1949.

[126] Г. А. Тирацян. Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни. Л. 1956 (кандидатская диссертация).

[127] С. С. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван. 1954 (на русском языке); А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван. 1954 (на русском языке).

[128] Археологические раскопки на осушенной территории Севанского озера. «Известия» АН Арм. ССР. № 8, 1952.

[129] Я. А. Манандян. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван. 1946 (на армянском и русском языках); его же. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма. Ереван. 1946 (на армянском и русском языках); К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л. 1949; ее же. Очерки по истории культуры древней Армении. М.-Л. 1953; А. И. Бол-

В Советской Армении проделана значительная работа и в области этнографии. Представители старшего поколения этнографов Е. А. Лалаян, Х. С. Самвелян, С. Лисициан после установления Советской власти в Армении развернули плодотворную деятельность. Однако им не удалось до конца преодолеть влияние различных школ буржуазной этнографии, и это отразилось на их научных выводах. В настоящее время тематика этнографических исследований расширилась, первое место в ней занимают проблемы, относящиеся к советскому обществу. Издано несколько работ о жизни и быте армян и других народов [130].

★

Развитию исторической науки в Советской Армении способствовали научные сессии и дискуссии по отдельным проблемам, на которых выступали с докладами ученые Советской Армении и других братских республик и прежде всего историки Москвы и Ленинграда. ЦК КП Армении предпринял ряд действенных мер, направленных на обеспечение дальнейшего успешного развития исторической науки в республике, указав на серьезные недостатки, имевшие место в советской армянской историографии. Из них следует отметить такие: некоторая недооценка классовой борьбы, замазывание социальных противоречий и идеализация прошлого. ЦК КП Армении отметил, что до сих пор не находится на должном уровне исследование истории национально-освободительной борьбы армянского народа, в частности, борьбы общественно-политических течений конца XIX — начала XX века. В трудах некоторых ученых заметны следы догматизма, поспешности и поверхностного изучения фактического материала. Перед историками республики стоят серьезные задачи по коренному улучшению качества научно-исследовательской работы. Одной из первоочередных проблем является дальнейшая глубокая разработка истории советского общества, а также усиление борьбы против буржуазно-националистической идеологии и прежде всего контрреволюционной идеологии дашнаков. Необходимо также расширить и укрепить дружеские связи с прогрессивными кругами зарубежной армянской интеллигенции. Историкам Армении следует в короткий срок изжить ошибки и недостатки, имеющиеся в советской армянской историографии. Вдохновленные решениями XXI съезда КПСС и постановлением ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», ученые Советской Армении в настоящее время активно включились в разработку наиболее актуальных проблем исторической науки, отвечающих требованиям предъявляемым работникам общественных наук в условиях развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

тунова. Греческие надписи Армавира. «Известия» Арм. филиала АН СССР. № 1—2 (15—16). 1942; К. Г. Кафадарян. Двухязычная криптографическая надпись Авана. Ереван. 1945; его же. Ованаванк и его надписи. Ереван. 1948; его же. Санаинский монастырь и его надписи. Ереван. 1957; М. А. Исраэлян. Новые открытия надписей Кармир-блура. «Труды» Ереванского государственного университета. № 2. 1942; ее же. Храм susi Аринберда и его надписи. «Известия» АН Арм. ССР. № 9. 1957; В. Н. Арутюнян. Заметки по урартской эпиграфике. «Известия» АН Арм. ССР. № 12. 1957.

[130] В. С. Темурчян. Ковроделие в Армении. Ереван. 1955; Д. С. Вардумян. Новый быт лорийцев. Ереван. 1956; А. Авдал. Быт курдов Закавказья. Ереван. 1957; С. Лисициан. Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Т. I. Ереван. 1958 (на русском языке).

СООБЩЕНИЯ

РАЗЛОЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918—1919 ГОДАХ

Г. Г. Алахвердов

В советской исторической литературе имеется немало монографий и документальных публикаций, освещающих историю иностранной интервенции на севере нашей страны [1]. В этих работах приводятся сведения о революционном брожении среди солдат противника. Необходимо, однако, заметить, что эта тема раскрывается недостаточно полно. В частности, при рассмотрении тех или иных вопросов, связанных с разложением в войсках врага, мало используется иностранная литература. Между тем содержащиеся в ней фактические данные, а также ее общий критический анализ, несомненно, помогли бы полнее осветить данный вопрос.

Так, в 1953 г. в Англии вышла книга бывшего главнокомандующего союзными войсками на русском Севере генерала (позднее фельдмаршала и лорда Англии) Е. Айронсайда «Архангельск в 1918—1919 гг.». Маскируя подлинные цели интервенции, автор вместе с тем делает несколько ярких признаний, характеризующих всю глубину разложения союзных и белогвардейских войск. Определенный интерес представляет и ранее изданный английский сборник документов «Эвакуация севера России», включающий ряд выступлений и отчетов военного министра Великобритании У. Черчилля, начальника имперского генерального штаба Г. Вильсона, начальника военно-оперативного отдела генштаба П. Редклиффа и др. Немало данных имеется и в работе американского автора Л. Страковского «Интервенция в Архангельске в 1918—1920 гг.», в сборниках

---

[1] В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на севере России (1918—1920 гг.). М. 1958; А. И. Потылицын. Коммунисты Архангельской парторганизации в борьбе с интервентами и белогвардейщиной (1918—1920 гг.). Архангельск, 1955; А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Победа Советской власти на Севере (1917—1920). Архангельск. 1957; Г. Мымрин, М. Пирогов, Г. Кузнецов. Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере. Архангельск. 1940; Г. Е. Мымрин. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром (1918—1920 гг.). Архангельск. 1953; М. С. Кедров. За Советский Север. Ленинград. 1927; В. И. Суздальцева. Партийная работа на Северном фронте. 1918—1919 гг. Архангельск. 1936; В. Ферин. Большевики Севера в годы гражданской войны. Архангельск. 1950; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924 гг.). М. 1954; М. К. Ветошкин. Становление власти Советов на севере РСФСР. М. 1957; сборники: «Интервенция на Севере в документах». М. 1933; «В боях за Советский Север». Архангельск. 1957; «Октябрьская революция и гражданская война на Севере». Вып. 1—2. Архангельск. 1933; диссертации: Г. М. Исаева. Организация Коммунистической партией разгрома интервентов и белогвардейцев на Советском Севере и участие коммунистов и трудящихся Москвы в борьбе за освобождение Северного края (1918—1920 гг.). М. 1954; П. В. Минин. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор разгрома иностранных интервентов и белогвардейцев на Севере в годы гражданской войны (1918—1920). М. 1953, и др.

документов по внешней политике США за 1918—1919 гг. и ряде других источников [2].

Автор данной статьи не останавливается подробно на вопросах, которые уже получили более или менее полное освещение в трудах советских историков (например, работа политорганов Северного фронта и подпольных большевистских организаций в тылу противника, ход военных действий на Севере в 1918—1919 гг. и др.). В настоящем сообщении на основе анализа ряда иностранных источников сделана попытка показать глубокое разложение иностранных и белогвардейских войск и реакцию самих интервентов в связи с этим. Растерянность и страх перед ростом революционных настроений среди солдат сквозят во многих высказываниях активных участников интервенции. Это — свидетельство их бессилия в борьбе против всепобеждающих идей Октябрьской революции.

★

В марте 1918 г., использовав предательство некоторых руководителей местного Совета, при прямой помощи Троцкого [3] и его ставленников английские войска заняли Мурманск. 2 августа интервентами был захвачен второй крупный порт на севере России — Архангельск. Начиная вооруженную интервенцию против Советского государства, империалисты США, Англии и Франции преследовали далеко идущие военные планы. Об этом свидетельствует немало фактов. 1 июня 1918 г., еще до занятия Архангельска союзными войсками, консул США на Севере Коул информировал американского посла в России Фрэнсиса о решении Верховного военного совета Антанты. «Интервенция,— писал он,— начнется в небольших масштабах, но с каждым шагом будет расширяться... Она означает не просто оккупацию Архангельска, а экспедицию во внутренние части России...» [4].

В октябре 1918 г., развивая планы борьбы с большевизмом, Фрэнсис в телеграмме государственному секретарю США Лансингу указывал на необходимость «немедленного занятия союзниками Петрограда и Москвы путем посылки, без всяких задержек, достаточного количества войск в Мурманск и Архангельск» [5].

Подготавливая широкие военные операции на севере России, империалисты США, Англии, Франции рассчитывали на превосходство своих войск, оснащенных первоклассной техникой, на то, что Советская страна, которая вела в то время напряженную борьбу на других фронтах, не сумеет выделить для обороны Севера необходимые силы. Большие надежды империалисты возлагали и на белогвардейскую армию, которую они предполагали сформировать при контрреволюционном правительстве Н. Чайковского [6].

К концу 1918 г. интервенты высадили на Севере значительные силы. По далеко не полным данным, к 15 декабря в районе Мурманска находилось около 13 тыс. иностранных солдат, из них более 6 тыс. английских.

---

[2] E. Ironside. Archangel, 1918—1919. London. 1953; «Army. The Evacuation of North Russia. 1919. Presented to Parliament by Command of His Majesty» (в дальнейшем: «Army. The Evacuation of North Russia. 1919»). London. 1920; L. I. Strakhovsky. Intervention at Archangel. The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918—1920. Princeton. 1944; C. Maynard. The Murmansk Venture. London. 1928; G. Stewart. The White Armies of Russia. New York. 1933; R. Albertson. Fighting Without a War. New York. 1920 и др.

[3] В. В. Тарасов. Указ. соч., стр. 39.

[4] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia» (в дальнейшем «FRUS. 1918. Russia»). Vol. II. Washington. 1932, pp. 477—479.

[5] Там же, стр. 555—556.

[6] Марионеточное «Временное правительство Северной области» во главе с эсером Чайковским было сформировано Антантой после занятия Архангельска 2 августа 1918 года.

В районе Архангельска количество интервентов достигало 11 тыс., в том числе 4 400 английских и около 4 тыс. американских солдат [7].

В ноябре 1918 г. окончилась первая мировая война. Заключив перемирие, империалисты США, Англии и Франции собирались бросить против Советской России все свои высвободившиеся силы, чтобы уничтожить Советскую власть и подавить революционное движение во всем мире. «...Задача, которая перед нами стоит,— подчеркивал В. И. Ленин,— это отчаянная борьба с англо-американским империализмом. Он почувствовал, что большевизм стал мировой силой, и именно потому старается удушить нас с максимальной быстротой, желая сначала расправиться с русскими большевиками, а потом со своими собственными» [8].

С конца 1918 г. количество иностранных войск на севере России значительно возросло. Прямых данных, подтверждающих этот факт, нет, но имеются некоторые косвенные материалы, в частности отчет военного министерства Великобритании «Об эвакуации севера России». В нем отмечается, между прочим, что с июня по октябрь 1919 г. союзное командование эвакуировало с Советского Севера более 42 тыс. солдат и офицеров 16 национальностей [9]. Эти сведения позволяют сделать вывод о том, что численность войск интервентов с конца 1918 г. до середины 1919 г. увеличилась более чем в два раза.

Несмотря на наличие у Антанты значительных сил, огромное материально-техническое превосходство и крупные потенциальные ресурсы, ее планы на севере России потерпели полный провал. Такой исход был предопределен рядом причин. Решающую роль сыграли своевременные мероприятия коммунистической партии и Советского правительства по обороне Советского Севера. По решению Советского правительства из Москвы, Петрограда и других городов республики на Север были посланы новые отряды войск; большая работа была проведена по их снабжению необходимым оружием и боеприпасами, укреплению командным составом, централизации управления.

10 сентября 1918 г. части советских войск, действовавшие на Севере, были реорганизованы в 6-ю армию. На следующий день, 11 сентября, было принято решение о создании Северного фронта. Эти мероприятия позволили в ходе военных операций нанести ряд крупных поражений врагу: в январе 1919 г. под Шенкурском, в апреле — под Тулгасом и др. Боевые успехи советских войск явились, таким образом, главной причиной поражения интервенции на Севере. Крупное значение в провале интервенции имело и то, что народные массы Севера единодушно встали на защиту Советской власти.

Наряду с вышеуказанными обстоятельствами провалу интервенции на Севере во многом способствовало прогрессирующее разложение войск интервентов и белогвардейцев. Многочисленные волнения среди солдат Антанты и белой армии, нередко перераставшие в открытые выступления, привели к тому, что союзное и белогвардейское командование оказалось перед перспективой полной потери контроля над собственными вооруженными силами.

С самого начала интервенции империалисты Антанты всячески скрывали ее подлинные цели. Солдатам Антанты настойчиво внушали, что экспедиция на север России не преследует целей вмешательства во внутренние дела русского народа, что она вызвана лишь необходимостью защиты северного побережья и расположенных на нем военных складов от опасности захвата их немцами. «Во всех этих декларациях и заявлени-

---

[7] L. I. Strakhovsky. Указ. соч., стр. 280—284. (Данные взяты Л. Страковским из материалов архива военно-морского департамента США.)

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 195.

[9] «Army. The Evacuation of North Russia, 1919», pp. 44—45.

ях,— признает Л. Страковский,— не было сказано ни слова о борьбе с большевиками...» [10].

Сознавая, однако, что союзным войскам неминуемо придется столкнуться с Красной Армией, руководители Антанты старались любыми способами опорочить Советскую власть. Искусственно противопоставляя ее «русскому народу», они сочиняли гнусные инсинуации относительно «связей Советского правительства с германским командованием».

Лживость подобных заявлений была очевидной. Сразу же по прибытии в Россию многие солдаты интервенционистских войск поняли, что их обманом вовлекли в борьбу против первого в мире государства рабочих и крестьян. В результате в войсках Антанты изо дня в день стало усиливаться брожение.

Большую роль в разложении войск интервентов и белогвардейцев играла советская пропаганда. Политорганы Северного фронта вели среди солдат противника активную политическую работу, распространяли среди них пропагандистскую литературу на различных языках, посылали к ним своих агитаторов. Так, с 18 ноября по 9 декабря 1918 г. лишь на Плесецком направлении было распространено среди иностранных солдат 117 тыс. воззваний на различных языках. С 20 декабря по 1 февраля 1919 г. в Котлас было отправлено 27 450 иностранных газет, Коношу — 14 тыс., Плесецкую — 34 500, Няндому — 1 200 [11]. Только в апреле и мае 1919 г. в Москве было напечатано для Северного фронта 170 300 экз. газет, воззваний, брошюр на иностранных языках [12]. В этой литературе разоблачался антисоветский, грабительский характер интервенции.

Энергичная пропагандистская работа велась подпольными коммунистическими организациями и в тылу интервентов. Осенью 1918 г. большевики Архангельска установили контакт с политотделом 6-й армии. Под его руководством Архангельский подпольный комитет РКП(б), организованный в ноябре 1918 г. в составе К. Теснанова, С. Закемовского и др., развернул активную деятельность среди войск противника. Сотни коммунистов направлялись во вражеские части для ведения разъяснительной работы. Эта работа требовала самоотверженности, терпения и упорства. Вот что рассказывает один из активных подпольщиков, И. Гагарин, долгое время работавший по разложению 3-го и 4-го полков противника: «В своей работе мы капля за каплей долбили по 3-му и 4-му белогвардейским полкам, где порядочное число наших и сочувствующих нам товарищей вело интенсивную работу по подрыву белогвардейского тыла и разложению белой армии, что облегчило нашу победу» [13].

Важную роль в разложении войск противника сыграла созданная в феврале 1919 г. архангельская подпольная типография. В ней печаталось большое количество листовок и воззваний к русским и иностранным солдатам, призывавших прекратить борьбу против трудящихся России. О масштабах агитационной работы можно судить по признанию Айронсайда: «То, что Архангельск был полон большевистскими агентами и лицами, симпатизирующими им, мы знали хорошо... Каждое утро мы находили листовки, расклеенные по стенам зданий. В почтовые ящики учреждений и частных домов забрасывались воззвания и брошюры на разных языках» [14].

Наряду с большевиками Архангельской губернии значительную работу среди солдат противника проводили подпольные коммунистические организации Олонецкой, Северо-Двинской, Вологодской губерний.

---

[10] L. I. Strakhovsky. Указ. соч., стр. 95.

[11] «Краткий очерк культурно-политической работы в Красной Армии за 1918 г.». М. 1919, стр. 86—87.

[12] Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 9, оп. 4, д. 27, лл. 168—169.

[13] «Октябрьская революция и гражданская война на Севере». Вып. 1, стр. 78.

[14] E. Ironside. Указ. соч., стр. 58.

Ими широко распространялась литература на русском, английском, французском языках (статьи и речи В. И. Ленина, брошюры, газеты, листовки, письма, воззвания коммунистической партии, Советской власти и командования 6-й армии). В этой литературе разоблачалась политика империалистических правительств и белогвардейских генералов. Так, в одной из листовок к солдатам белогвардейской армии говорилось: «Кто вас ведет? Вас ведут те генералы и офицеры, которые сотни лет гноили нас в курных избах, в дымных заводах и сырых шахтах, которые с каждого заработанного нами рубля давали на руки только пятак, чтобы только не умереть с голоду... Они ведут вас вернуть себе имения, которые мы сделали достоянием всех граждан нашей Советской России, они ведут вас выколачивать с рабочих и крестьян проценты на капитал, который они нажили во время войны на спекуляциях...». Листовка призывала солдат расправляться со своими офицерами и переходить на сторону Красной Армии [15].

В другой листовке, отпечатанной подпольной группой большевиков в Кеми и обращенной к английским солдатам, говорилось: «Британские рабочие протестуют против вашего пребывания тут, против вашей борьбы с нами. Вас требуют домой. Почему же не отправиться домой? Никто не имеет права удержать вас... Британские солдаты! Прекратите борьбу с нами, не помогайте продолжать эту позорную блокаду, которая изнуряет наших женщин и детей. Требуйте немедленной отправки домой» [16].

Правдивое слово советской пропаганды, проникая в глубокий тыл противника, разоблачало ложь о Советской власти и Красной Армии, распространявшуюся империалистами и белогвардейцами. Солдаты иностранной и белой армий убеждались в том, что Красная Армия и Советская власть защищают интересы трудового народа, ведут непримиримую борьбу против его угнетателей.

Контрразведка интервентов и белогвардейцев прилагала максимум усилий, чтобы изолировать свои войска от воздействия большевистской пропаганды. Малейшая оплошность грозила пропагандисту смертной казнью. Интервенты покрыли весь Север густой сетью тюрем и концлагерей, в которые во время оккупации было заключено около 52 тыс. чел., то есть 17% населения края [17]. Никогда не забудет наш народ тысяч стойких советских патриотов, погибших на острове Мудьюг, полуострове Иоканьге, Торрос-острове, Кондо-острове и во многих других ссыльно-каторжных лагерях и тюрьмах. Но свирепые репрессии не могли сломить мужественных сынов Советского Севера.

Одним из ярких проявлений всенародного движения против иностранных захватчиков явился полный провал планов союзного командования создать крупную белогвардейскую армию на добровольческих началах. Трудящиеся Севера пошли не за белогвардейцами, а за коммунистами. Горькой иронией звучит признание Айронсайда, что «правительству» Чайковского удалось сформировать к 30 сентября 1918 г. «армию» в 70 чел., к 31 октября численность ее не превышала 2 тыс. чел., а к 30 ноября достигла лишь 2 181 человека [18]. Активный участник интервенции генерал Финлейсон во время одной из бесед с Айронсайдом заявил, что он не встретил со стороны крестьян желания бороться с большевиками.

Потерпев провал с набором добровольцев, интервенты и белогвардейцы объявили принудительную мобилизацию. Но и эта мера оказалась тщетной. Насильно мобилизованные солдаты были настроены враждебно по отношению к интервентам и белогвардейцам и при первой возможности переходили на сторону Красной Армии.

[15] ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, д. 27, л. 228.
[16] Цит. по: В. В. Тарасов. Указ. соч., стр. 251.
[17] Там же, стр. 123.
[18] E. Ironside. Указ. соч., стр. 94.

Уже в сентябре 1918 г. отказался выступить на фронт славяно-британский легион, на каждые 10 солдат которого приходился английский офицер. После подавления восстания многие солдаты были арестованы. Из тех же, кто был отправлен на фронт, вскоре на сторону Красной Армии перешло около 100 человек [19].

В конце октября 1918 г. произошло новое крупное выступление среди русских солдат. Вот как описывает его Айронсайд: «29-го октября мы столкнулись с бунтом среди русских. Стараниями генерал-губернатора [20] была сформирована рота, которой он приказал пройти передо мной парадным строем в целях инспекции. Рота сразу же отказалась...». Когда на место происшествия прибыл Самарин [21], солдаты выбросили лозунг: «Не желаем подчиняться приказам иностранцев!». Положение приняло столь серьезный оборот, вспоминает Айронсайд, что Самарин для успокоения солдат вынужден был обратиться к ним со словом... «товарищи». Несмотря на это, «попытка восстановить порядок окончилась полным провалом» [22]. Дуров и Самарин вынуждены были уйти в отставку.

11 декабря 1918 г. произошло восстание в 1-м Архангельском полку. Солдаты закрылись в казармах и вывесили красные флаги. Для подавления восстания были брошены английская морская пехота, пулеметная команда и бомбометная школа. Восстание удалось ликвидировать лишь после боя, в котором интервенты имели численное превосходство. Организаторов выступления военный суд приговорил к смертной казни.

В этот же день произошло восстание в другом русском батальоне. В секретном донесении командующий американскими военно-морскими силами на севере России адмирал Мак-Келли писал, что солдаты этого батальона еще 1 ноября отказались от выполнения «своего долга». «Батальон,— отмечал Мак-Келли,— удалось, однако, убедить продолжить посадку на поезд (отправляющийся на фронт) без применения суровых мер. 11 декабря этот батальон поднял открытый мятеж и обстрелял союзные войска. Мятеж был подавлен при помощи артиллерии и пулеметов» [23]. «Несколько случаев беспорядков,— указывал далее Мак-Келли,— имели место и в Мурманске. В результате столкновений между британскими и русскими солдатами было убито 2 британских и 5 русских солдат» [24].

Серьезную тревогу у интервентов вызывало и моральное состояние их войск, среди которых все сильнее распространялось нежелание продолжать крайне непопулярную войну на Севере. 18 октября 1918 г. в телеграмме Лансингу Фрэнсис писал: «Американский военно-морской атташе, вернувшийся с железнодорожного участка фронта, сообщает о крупном недовольстве среди солдат двух американских и трех французских рот...» [25]. Через несколько дней, 26 октября, американский посол вновь с тревогой сообщал в государственный департамент о брожении среди американских солдат, дислоцированных на железнодорожном направлении [26]. В секретном донесении американского офицера П. Буковского главе американской военной миссии в России полковнику Д. Раггслу 24 октября 1918 г. сообщалось о беспорядках среди союзных войск. Буковский подчеркивал, что «французские солдаты открыто заявляют, что они не будут воевать против большевиков...» [27].

---

[19] Г. Мымрин, М. Пирогов, Г. Кузнецов. Указ. соч., стр. 82.

[20] Имеется в виду полковник Дуров, который до прибытия на Север генерала Марушевского командовал белогвардейскими войсками в «правительстве» Чайковского.

[21] Начальник штаба Дурова.

[22] E. Ironside. Указ. соч., стр. 45—48.

[23] См. L. I. Strakhovsky. Указ. соч., стр. 287.

[24] Там же.

[25] «FRUS. 1918. Russia». Vol. II, pp. 559—560.

[26] Там же, стр. 562.

[27] L. I. Strakhovsky. Указ. соч., стр. 274.

После подписания перемирия с Германией официальная версия интервентов о необходимости северной экспедиции как «антигерманской меры» уже не могла быть использована. «Подписание перемирия,— с тревогой писал Лансингу 13 ноября 1918 г. американский представитель на Севере Д. Пуль,— внесло некоторое беспокойство в ряды американских и французских войск. Они считают, что причины, оправдывающие их пребывание на севере России, исчезли... Офицеры и солдаты хотят знать, для чего им нужно продолжать военные действия против большевиков» [28]. «После заключения перемирия,— признает Айронсайд,— солдаты надеялись, что всякие военные действия прекратятся» [29]. Скрывая подлинные мотивы интервенции, чтобы обманом заставить своих солдат продолжать военные действия на Севере, руководители Антанты выдвинули новый «довод», согласно которому эвакуация союзных войск была якобы невозможной ввиду климатических условий, поскольку зимой Архангельский порт замерзал. Командование Антанты внушало своим солдатам, что их пребывание на севере России носит «временный и вынужденный» характер и они будут эвакуированы сразу же, как только возобновится связь с Архангельском по морю. Это была ложь, рассчитанная на обман общественного мнения. В действительности империалисты Антанты и не помышляли об эвакуации. Весьма показателен в этом отношении меморандум Лансинга британскому поверенному в делах в Вашингтоне Берклею от 27 ноября 1918 г., который, разумеется, не был доведен до сведения широких народных масс. «Правительство Соединенных Штатов,— говорилось в меморандуме,— намеревается сообщить американскому поверенному в делах в Архангельске, что подписание перемирия (с Германией.— *Г. А.*) не внесет никаких изменений в общее положение, касающееся пребывания американских войск в Северной России» [30]. Еще более откровенно высказывался по этому поводу Айронсайд. «Меня,— писал он,— ни разу не просили обсудить вопрос об эвакуации после перемирия. Покинуть Архангельск значило бы нанести смертельный удар по белым армиям, сражающимся в других местах, а я знал, что это противоречит общей стратегии союзников в русской гражданской войне» [31].

Напротив, готовясь к активизации военных действий на Севере, империалисты Антанты думали не об эвакуации, а об укреплении своих сил. Непрерывным потоком продолжали поступать людские подкрепления и военные грузы. Так, по далеко не полным данным архива военно-морского департамента США от 20 декабря 1918 г., с начала открытия навигации в Архангельск было доставлено 15 тыс. т грузов общего характера, 73 600 т военных грузов, 6 300 т грузов для флота и более 52 тыс. т угля. За это же время в Мурманск прибыло 10 800 т военных грузов, 3 700 т грузов для флота и 15 тыс. т угля [32].

В этих условиях даже наиболее отсталые солдаты Антанты, которые раньше верили, что их пребывание на Севере продиктовано якобы необходимостью борьбы с немецкими войсками, после перемирия начинали понимать, что они попросту являются орудием в руках империалистов в их попытках задушить Советскую власть в России. Продолжение борьбы против Советской власти вызвало среди них огромное возмущение. Касаясь вопроса о настроении союзных войск на русском Севере, Лансинг писал полковнику Хаузу 2 декабря 1918 г.: «Архангельск: положение без изменений. Моральное состояние американских и французских войск не только не улучшилось, но ухудшилось...» [33].

В это время политорганы Северного фронта и подпольные коммуни-

[28] «FRUS. 1918. Russia.» Vol. II, p. 567.
[29] E. Ironside. Указ. соч., стр. 157.
[30] «FRUS. 1918. Russia». Vol. II, p. 572.
[31] E. Ironside. Указ. соч., стр. 56.
[32] L. I. Strakhovsky. Указ. соч., стр. 300.
[33] «FRUS. 1919. The Paris Peace Conference». Vol. II. Washington. 1942, p. 465.

стические организации на оккупированной территории разъясняли солдатам интервенционистских войск, что после заключения перемирия с Германией их пребывание на территории России используется империалистами исключительно в целях борьбы против русских трудящихся, в интересах кучки иностранных и местных капиталистов. Весьма показателен в этом отношении случай с офицером 339-го американского полка Филлипсом. Вскоре после окончания мировой войны Филлипс направил четыре письма: три к большевикам-красноармейцам и одно — к крестьянам, в которых лживо утверждал, что союзники вовсе не желают сражаться с русским народом и хотят лишь помочь ему. В продолжении войны Филлипс обвинял большевиков, якобы не желавших мира.

Не прошло и недели, как солдатам 339-го американского полка был направлен ответ парторганизации Онежской боевой колонны Красной Армии на демагогическое обращение Филлипса. В ответе, разоблачавшем от начала до конца лицемерный характер заявления американского офицера, в частности, указывалось: «Вы говорите, что не хотите воевать с Россией, но кто вас заставляет? Уходите из России, и мы не будем воевать с вами. Это будет лучше и для нас, и для вас» [34].

Рядовые солдаты войск Антанты прислушивались не к демагогическим заявлениям филлипсов и им подобных, а к правдивым словам большевиков. Так, рядовые французской армии Моллар и Пер, попав в плен в феврале 1919 г., заявили: «Французские солдаты не хотят воевать... Все понимают идеи Советской власти» [35]. По словам другого пленного, американского летчика Ноэля Д. Ньютона, попытки союзников подавить большевизм были обречены на неудачу. «Нужно знать состояние наших войск после мира с Германией,— заявил Ньютон,— чтобы понять всю рискованность такого предприятия» [36].

В ноябре 1918 г., распропагандированный большевиками, подняв красные флаги, ушел с фронта французский отряд. Интервенты жестоко расправились с восставшими солдатами. Около ста из них были арестованы и заключены в тюрьму [37]. В декабре на позициях у деревни Кадыш (Плесецко-Селецкое направление) произошло братание солдат двух рот 339-го американского полка с солдатами 159-го советского полка [38]. Это был тот самый полк, к «сознанию» которого так тщетно взывал Филлипс. Один из американских офицеров, принимавший участие в братании, заявил: «Американцы русское революционное правительство (признают), и никакой войны против большевиков вести они не будут... С белогвардейской сволочью (подлинные его слова) они ничего общего не имеют и иметь не желают» [39].

Сообщая о разложении союзных войск, американский поверенный в делах в России Пуль писал 13 февраля 1919 г. в государственный департамент, что низкий моральный уровень солдат «может неожиданно перерасти во что-нибудь серьезное» [40]. Опасения подобного рода были вполне обоснованны. Излагая события начала 1919 г., Айронсайд отмечал: «Февраль закончился плохо. 26-го числа я получил телеграмму от Леви [41], в которой он сообщал, что недавно прибывший батальон [42] отказался подчиниться приказу выступить в Селецкое. Ни разу в жизни мне не приходилось сталкиваться с бунтом среди британских солдат. Страшно было

[34] Журнал «Пролетарская революция», 1922, № 4, стр. 300—302.
[35] А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Указ. соч., стр. 104.
[36] Там же.
[37] Г. Мымрин, М. Пирогов, Г. Кузнецов. Указ. соч., стр. 82.
[38] ЦГАСА, ф. 188, оп. 2, д. 5, л. 167.
[39] «Правда», 24 декабря 1918 года.
[40] «FRUS. 1919. Russia». Washington. 1937, p. 615.
[41] Английский полковник Леви был направлен в середине февраля 1919 г. в Селецкое командиром союзных войск в этом районе.
[42] Речь идет о батальоне Йоркширского полка, который прибыл в район Селецкого из Мурманска.

подумать, что первые признаки недисциплинированности среди союзных войск проявились именно среди британских солдат... Вскоре отсутствие дисциплины проявилось и среди французских солдат... Я получил сообщение от французского атташе о том, что французский батальон отказался выступить из Архангельска... На призыв французского атташе подумать о чести их страны, которую они позорят своим отказом повиноваться... один из капралов ответил: «Долой войну против большевиков!» [43]. Батальон пришлось разоружить. Более 200 солдат было арестовано. «Когда я сообщал об этих двух случаях неповиновения в военное министерство,— продолжал Айронсайд,— мне было очень трудно обрисовать действительную атмосферу, которая царила в Архангельске. Слово «бунт» — отвратительное слово, особенно в отношении войск, несущих боевую службу, и я был достаточно осторожен, чтобы заверить власти в Британии, что я не опасаюсь дальнейших случаев неповиновения среди союзных войск» [44].

Волнения, однако, не только не утихли, но усилились. Весной 1919 г. демонстративно отказались подчиняться английскому командованию итальянские войска. В конце марта начались волнения среди солдат 339-го американского полка, одна из рот которого категорически отказалась вернуться на фронт [45]. В апреле произошло восстание в финских отрядах [46]. Продолжало углубляться разложение английских и французских войск.

27 марта 1919 г. начальник военно-оперативного отдела генерального штаба английской армии П. Редклифф представил парламенту специальный доклад о положении на севере России, в котором говорилось: «Я хочу обратить внимание на военное положение на севере России, которое, по моему мнению, должно вызывать в настоящее время значительное беспокойство. Главная причина для этого беспокойства заключается не столько в теперешней наступательной военной силе противостоящих нам большевистских войск, сколько в неустойчивости войск, находящихся под командованием генералов Айронсайда и Мейнарда [47], и политической ненадежности их тыла... Эти войска сейчас устали, разочарованы, стремятся домой и даже склонны к мятежу. Их моральный уровень настолько низок, что они могут стать жертвой очень активной и хитрой большевистской пропаганды, которую противник ведет с возрастающим знанием и энергией» [48]. Опасения по поводу возможности всеобщего восстания на севере России были высказаны также генералом Марчем [49].

В начале 1919 г. продолжались крупные волнения среди белогвардейских войск. В феврале отказались выступить на позиции две вновь сформированные роты. Чтобы подавить это волнение, интервенты были вынуждены прибегнуть к массовым арестам среди солдат [50].

25 апреля произошло восстание во 2-м батальоне 3-го стрелкового полка, занимавшего участок фронта у Тулгаса. Убив 7 офицеров, около 300 солдат перешло на сторону Красной Армии. Айронсайд писал об этом периоде: «Я долго и с волнением думал о нашем положении, если моральное состояние русских расшатается или совсем упадет. Я пришел к заключению, что, если произойдет общее восстание, солдаты сразу же разбегутся по домам» [51].

---

[43] E. Ironside. Указ. соч., стр. 112—114.
[44] Там же, стр. 114.
[45] F. L. Schuman. American Policy toward Russia since 1917. New York. 1928, p. 136.
[46] G. Stewart. Указ. соч., стр. 206—207.
[47] Английский генерал Мейнард командовал союзными войсками в районе Мурманска.
[48] «Army. The Evacuation of North Russia. 1919», p. 25.
[49] F. L. Schuman. Указ. соч., стр. 137 (генерал Марч был начальником штаба американской армии).
[50] А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Указ. соч., стр. 104.
[51] E. Ironside. Указ. соч., стр. 126—127.

Рост волнений в белогвардейских и иностранных войсках путал карты интервентов, готовивших летом 1919 г. активные наступательные операции на Северном фронте. Стремясь как-то успокоить солдат и общественное мнение в своих странах, империалисты Антанты решили прибегнуть к новой хитрости. Буржуазная пресса запестрела сообщениями о том, что союзное командование окончательно решило эвакуировать свои войска с севера России. Одновременно указывалось, что для успешного проведения эвакуации необходимо перебросить значительные контингенты свежих войск, задача которых якобы должна была заключаться лишь в том, чтобы прикрыть отход союзных армий к Архангельску и обезопасить их погрузку на суда. Это была новая гнусная ложь империалистов.

Под предлогом подготовки эвакуации интервенты накапливали силы для нанесения удара в восточном направлении с целью выхода к Котласу и соединения с колчаковскими армиями. Вот что писал из Лондона 1 мая 1919 г. в секретном донесении колчаковскому правительству о своей неофициальной беседе с У. Черчиллем белогвардейский генерал Головин: «Вопрос об оказании военной помощи является для него (Черчилля.— *Г. А.*) чрезвычайно трудным. Причиной тому служит оппозиция британского рабочего класса по отношению к вооруженной интервенции. Черчилль заявил в палате общин, что для эвакуации Севера необходимы свежие войска. С этой целью он собирается послать 10 тыс. добровольцев, которые должны будут заменить потрепанные и деморализованные части, особенно американские и французские. В действительности он постарается отсрочить эвакуацию на неопределенное время, но, конечно, не будет об этом официально заявлять» [52].

5 мая Айронсайд получил из военного министерства секретный приказ, в котором указывалось: «Вы уполномочиваетесь, используя находящиеся в вашем распоряжении ресурсы, провести все необходимые подготовительные мероприятия для нанесения мощного удара по большевикам в направлении на Котлас, целью которого является соединение, в случае успеха, с Гайдой [53] в этом пункте» [54].

26 мая в Архангельск под командованием генерала Грогана прибыла первая бригада английских войск, насчитывавшая 4 тыс. чел., оснащенная артиллерией. 5 июня там же высадилась вторая бригада английских войск. В ее составе были два пехотных батальона и батарея современных гаубиц. Командовал бригадой генерал Седлер-Джексон. После прибытия подкреплений Айронсайд самоуверенно заявил: «Отличное состояние получаемых резервов дает мне уверенность быстро, в течение лета, закончить кампанию на севере, утвердиться в Котласе, занять Вологду и Петроград» [55].

Таковы были подлинные планы союзников, проводившиеся под видом «подготовки эвакуации». Обман был настолько очевиден, что вызвал огромное возмущение не только среди солдат, но и среди офицеров интервенционистских войск. Об этом свидетельствует открытое письмо участника военной экспедиции на севере России английского подполковника Шервуда Келли, опубликованное в сентябре 1919 г. в английской газете «Daily Express». Шервуд Келли, в частности, отмечал: «Я записался добровольцем в войска, которые в качестве подкреплений посылались на север России, будучи искренне убежден, что их помощь необходима для обеспечения эвакуации... Однако сразу же по прибытии в конце мая в Архангельск у меня создалось впечатление, что действия нашего командования не соответствуют тому, чему они должны были бы соот-

---

[52] W. P. Coates and Z. K. Coates. Armed Intervention in Russia, 1918—1922. London. 1935, p. 166.

[53] Р. Гайда — чешский офицер, перешедший на службу к Колчаку. Командовал северной группировкой белогвардейских войск Восточного фронта.

[54] «Army. The Evacuation of North Russia. 1919», p. 35.

[55] «FRUS. 1919. Russia», pp. 632—633.

ветствовать. Со временем это впечатление еще более укрепилось, а в течение июня и июля я хоть и неохотно, но окончательно пришел к следующему заключению: что вспомогательные войска, которые, как нам говорили, были посланы в чисто оборонительных целях, использовались в широких масштабах для наступления глубоко во внутренние районы страны. Делалось это в развитие претенциозного военного плана, содержание которого не было доведено до нашего сведения... Поэтому я пришел к убеждению, что мой долг перед страной состоит в том, чтобы прекратить оказывать помощь этой ошибочной политике и раскрыть содержание последней британскому народу»[56].

Честные голоса, подобные голосу Шервуда Келли, были не единичны. Разоблачая антисоветскую политику Антанты, они в определенной степени способствовали росту политического самосознания трудящихся и прогрессивно настроенной интеллигенции.

В середине 1919 г., несмотря на все демагогические заявления, разложение войск интервентов и белогвардейцев на севере России продолжало углубляться. Летом этого года произошло восстание в 8-м белогвардейском полку в Пинеге. Солдаты перебили офицеров, но вскоре восстание было жестоко подавлено с помощью местного кулацкого отряда.

В начале июля поднял восстание Дайеровский[57] батальон белых из славяно-британского легиона, располагавшийся на Северо-Двинском направлении у села Троицкого. Восставшие солдаты окружили штаб батальона, перебили британских и русских офицеров и почти в полном составе перешли на сторону Красной Армии. К ним примкнула пулеметная рота 4-го Северного стрелкового полка, которая находилась в это время в резерве на правом берегу Двины.

Восстание Дайеровского батальона явилось для интервентов полной неожиданностью, спутавшей все их карты. Оно свидетельствовало о провале попыток союзного командования активизировать участие белогвардейских войск в боевых операциях на фронте.

Вскоре была раскрыта подготовка к восстанию в 6-м Северном полку белых, занимавшем позиции на железнодорожном участке фронта. Одновременно белогвардейскому командованию удалось раскрыть заговор в 7-м стрелковом полку, находившемся в районе Селецкого[58].

Не успело союзное командование прийти в себя, как разразился новый, еще более крупный мятеж в 5-м Северном полку белых на Онежском фронте. Полк этот состоял главным образом из мобилизованных крестьян Онежского уезда. В течение длительного времени в полку работала подпольная коммунистическая группа, руководившая подготовкой к восстанию. Еще в апреле 1919 г. одному из активных членов группы, П. Григорьеву, удалось установить связь с советским командованием. Вскоре, однако, об этом стало известно белым. 27 апреля Григорьев был арестован и расстрелян у села Чекуева. Но белогвардейцам не удалось полностью разгромить подпольную организацию.

Центром подготовки восстания стал подпольный комитет 2-й роты полка, возглавлявшийся коммунистом В. Щетининым. В комитет входили К. Лунин, А. Катышев, А. Пантелеев и другие. «Мы в беседе не раз говорили,— вспоминал В. Щетинин,— что если офицеры нашу роту считают одной из боевых рот, мы должны добиться, чтобы она была одной из первых красных рот, выступивших против белых». 20 июля во время следования на фронт началось восстание солдат 2-й роты, которая находилась в это время в деревне Усолье. Восставшие арестовали своих офицеров и под командой В. Щетинина двинулись к селу Чекуеву. Здесь солдаты арестовали штаб полка во главе с полковником Михеевым и штаб

[56] «Daily Express», 6 сентября 1919 года.

[57] Так был назван батальон в память о канадском капитане Дайере, погибшем на севере России.

[58] «В боях за Советский Север», стр. 71.

английского подполковника Лаури[59]. К восставшим ротам присоединились остальные части полка, расположенные на Онежском участке. Пятый Северный полк белых в полном составе перешел на сторону Красной Армии[60]. В результате этого Онежское направление интервентов и белогвардейцев перестало существовать. Город Онега был занят Красной Армией и восставшими солдатами.

Весть о восстании на Онежском фронте проникла даже в зарубежную прессу. В секретном сообщении от 25 июля 1919 г. представитель колчаковского «правительства» в Лондоне Набоков сообщал: «Две распространенные и влиятельные газеты в Лондоне, имеющие специальных корреспондентов в Архангельске, напечатали сегодня пространные статьи о переходе русских войск на одном из секторов Северного фронта к большевикам, причем мятежники убили 9 русских и 5 английских (офицеров)»[61].

Тревожные телеграммы шли и в Вашингтон. Описывая события на Онеге, американский консул в Архангельске Коул писал: «Британские аэропланы летали над всеми участками этого фронта... Повсюду были видны красные флаги»[62]. Говоря о судьбе Временного правительства Севера в случае ухода союзников, Коул подчеркивал: «Никакое правительство не сможет просуществовать и часа после отбытия союзных войск»[63].

Восстание на Онеге не являлось изолированным инцидентом. Оно получило отклики и на других участках Северного фронта. Так, на железнодорожном направлении две белогвардейские роты пытались самовольно покинуть фронт, но были 20 июля разоружены польским отрядом. «По-видимому, между русскими частями на Онеге и теми, кто находился на железнодорожном участке,— писал Айронсайд,— в течение некоторого времени существовал тесный контакт»[64]. Такого же рода волнения произошли и в Селецком, в другой русской роте, но интервентам удалось разоружить ее.

Все эти события вынудили Айронсайда признать полный провал планов создания сильной белогвардейской армии. В июле 1919 г. он заявил представителям белогвардейского «правительства» и командования: «Скоро год, как союзники здесь, а русской армии как боевой единицы еще не существует. Те несколько полков, что сформированы при нашей помощи, решительно никуда не годятся... Создается безнадежное положение. Офицеры держат себя недостаточно корректно, а солдаты-большевики устраивают бунты. Недавно были восстания и заговоры в 3-м, 1-м, 6-м и 5-м полках. Как видите, чуть ли не во всех имеющихся налицо полках... Что же делать? Мое мнение,— продолжал Айронсайд,— надо ликвидировать Северный фронт... До недавнего времени я был горячим сторонником того, чтобы сохранить Северную область... И всеми силами я защищал эту позицию... Но теперь я больше не могу этого делать... Бунты в полках, а особенно настроение населения Архангельска и деревень, убедили меня, что большинство сочувствует большевикам... Для меня ясно, что русские не хотят воевать с большевиками»[65]

Мотивируя свою точку зрения, Айронсайд писал в своей книге: «Я чувствовал, что назревает всеобщий мятеж»[66]. Предчувствия Айронсайда разделяли и многие другие руководители союзной интервенции.

[59] Г. Е. Мымрин. Указ. соч., стр. 185.

[60] Более подробно о восстании 5-го Северного полка см. «Октябрьская революция и гражданская война на Севере». Вып. 2, стр. 75—90.

[61] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 200, оп. 4, д. 77, л. 247.

[62] «FRUS. 1919. Russia», p. 641.

[63] Там же, стр. 642.

[64] E. Ironside. Указ соч., стр. 161—162.

[65] «Гражданская войн. в Сибири и Северной области». М. 1927, стр. 290—295.

[66] E. Ironside. Указ. соч., стр. 163.

Например, Г. Вильсон, выступая в июле 1919 г. в парламенте с очередным докладом о положении на севере России, заявил: «Нельзя не прийти к выводу, что положение в районе Архангельска коренным образом изменилось. Несмотря на присутствие двух первоклассных бригад, которые недавно прибыли, положение все же остается весьма критическим. Прибытие бригад явилось лишь временным успокаивающим фактором. Сейчас становится очевидным, что мы потерпели полную неудачу в деле создания надежной русской армии...»[67].

Решительно выступали против антисоветской интервенции трудящиеся массы капиталистических стран. 6 декабря 1918 г. в обращении к английским рабочим орган Британской социалистической партии газета «The Call» писала: «Рабочие и крестьяне России... освободились от ожиревших, купающихся в золоте паразитов, которые с незапамятных времен грабили и угнетали их. То же самое должны сделать и рабочие Британии... Нам следует дерзать, дерзать и еще раз дерзать. Дерзать для того, чтобы взвился Красный флаг — флаг освобождения человечества»[68].

В течение 1919 г. в Англии состоялись многочисленные демонстрации и забастовки в поддержку Советской России. В мае делегация английских профессиональных союзов потребовала в ультимативной форме от министра труда Бонар-Лоу не вмешиваться в дела России и прекратить поддержку контрреволюционных сил[69]. 27 июня на ежегодной конференции лейбористской партии в Саутпорте было подано 1 843 тыс. голосов против 935 тыс. за немедленную стачку солидарности с советским народом[70]. В общей сложности в забастовках и демонстрациях в поддержку Советской страны в 1919 г. приняло участие более двух с половиной миллионов английских рабочих.

Крупные демонстрации против антисоветской интервенции состоялись в 1919 г. во Франции. 1 мая на улицы Парижа вышло 500 тыс. чел., потребовавших немедленного прекращения интервенции[71]. В июле в Париже было организовано Общество друзей народов России, которое в качестве одного из главных пунктов своей программы выдвинуло требование о прекращении интервенции и блокады против Советской страны.

Энергично боролся против антисоветской политики своего правительства рабочий класс Америки. Крупные демонстрации в поддержку героического русского народа состоялись в 1919 г. в Нью-Йорке, Чикаго, Кливленде, Детройте, Бостоне, Сиэттле и других городах США. В авангарде борьбы американских рабочих против антисоветской интервенции шли коммунисты. В одном из их обращений говорилось: «Рабочие Америки! Ваш лозунг: «Ни одного солдата для войны против Советской России, ни одного цента, ни одной винтовки для ведения этой войны»[72].

Особенно энергично выступали против интервенции в России портовые рабочие Сиэттла — главной базы, откуда американское правительство отправляло вооружение для колчаковских армий. Вот что, например, писал в начале февраля 1919 г. белогвардейский консул Богоявленский: «Забастовки рабочих в Сиэттле и других городах северо-запада Американских Соединенных Штатов носят ясно выраженный большевистский характер, а по заявлению самих американцев,— есть не что иное, как революция или по меньшей мере начало революции»[73]. В октябре 1919 г. портовые рабочие Сиэттла отказались грузить оружие для русских контрреволюционеров. В результате этого отправка парохода

---

[67] W. P. Coates and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. 167.
[68] «The Call», 6 декабря 1918 года.
[69] «Правда», 4 июня 1919 года.
[70] «Дело трудящихся всего мира». Сборник. М. 1957, стр. 122.
[71] Там же, стр. 131.
[72] Журнал «The Class Struggle», 1919, № 4 (November), p. 354.
[73] ЦГАОР и СС, ф. 200, оп. 7, д. 147, л. 55.

«Дилайт», на котором находилось 185 тыс. винтовок и много другого снаряжения для колчаковских сил, была задержана более чем на месяц.

О том, насколько накаленной была атмосфера в лагере интервентов, свидетельствует секретный меморандум Ллойд Джорджа, в котором он писал Клемансо: «Вся Европа охвачена духом революции. Среди рабочих распространены не только глубокая неудовлетворенность, но также озлобление и революционные настроения... Существующий порядок в его политических, социальных и экономических аспектах поставлен под вопрос населением всей Европы»[74].

Революционная ситуация в капиталистических странах и глубокое разложение интервенционистских войск лишали империалистов Антанты возможности перебросить значительные подкрепления в Россию. Когда президент США Вильсон предложил на Парижской конференции отправить в Россию крупные силы для борьбы с большевизмом, Ллойд Джордж вынужден был заявить: «Если он отдаст британским солдатам приказ отправиться в Россию, они не только будут противиться, но просто откажутся повиноваться»[75]. Такой же ответ Вильсону вынужден был дать и Клемансо, который сказал президенту: «Если он прикажет французским солдатам поехать в Россию, среди них начнется мятеж»[76].

В создавшихся условиях империалисты Антанты должны были поспешить с эвакуацией своей разлагавшейся армии с севера России. «Попытка англичан и французов своими войсками задушить Советскую Россию,— указывал В. И. Ленин на VII Всероссийском съезде Советов,— попытка, которая обещала им наверняка самый легкий успех в кратчайшее время,— эта попытка кончилась крахом...»[77]. И далее В. И. Ленин говорил: «Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств»[78].

Революционные выступления в войсках интервентов и растущее движение солидарности с Советской Россией, охватившее трудящиеся массы всего капиталистического мира, явились яркими проявлениями всепобеждающей силы идей Великой Октябрьской социалистической революции. Коммунистическая партия в ходе войны с вооруженными до зубов интервентами полностью разоблачила антинародный, грабительский характер политики международного империализма по отношению к Советской стране, показала, что борьба за завоевания Октября отвечает кровным интересам трудящихся всего мира.

---

[74] E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, 1917—1923. Vol. III. London, 1953, p. 128.

[75] D. R. Francis. Russia from the American Embassy. April, 1916—November, 1918. New York. 1921, p. 310.

[76] Там же.

[77] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 188.

[78] Там же. стр. 189.

Рецензии

История СССР

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЯ СССР» *

С 1957 г. советская периодика обогатилась рядом новых исторических журналов, вызванных к жизни развитием советской исторической науки. Среди этих изданий важное место занимает «История СССР» — специальный журнал, посвященный отечественной истории. Его задачи, изложенные редколлегией в редакционной статье первого номера,— изучение истории всех народов нашего многонационального государства, выяснение их экономических, политических и культурных связей, исследование их внутренних и внешних отношений, определение места и роли отдельных явлений и процессов истории СССР во всеобщей истории. Наряду с освещением всех периодов истории нашей страны центральное место в журнале, как указывалось в редакционной статье, должна занимать история советского общества. Журнал, отмечалось в статье далее, будет уделять внимание вопросам источниковедения, проблемам, разрабатываемым вспомогательными историческими дисциплинами, историографии, а также развитию творческих дискуссий. Редколлегия ставила своей задачей широко знакомить читателей с состоянием изучения истории СССР за рубежом, давать отпор нашим идейным противникам, разоблачать фальсификаторов истории, вести борьбу за чистоту марксистско-ленинской исторической науки. Таков круг проблем, которые журнал должен был освещать.

Как же реализуются на страницах «Истории СССР» все эти задачи?

В журнале ведутся отделы: «Статьи», «Дискуссии и обсуждения», «Сообщения, заметки», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Критика и библиография», «История СССР за рубежом», «Научная жизнь», «Публикации». Главное место в журнале отведено исследовательским статьям и сообщениям, поднимающим нередко новые вопросы, пересматривающим устаревшие положения.

Преодолевая трудности, неизбежные в каждом новом деле, редакция систематически улучшает качество журнала. В журнале вырос удельный вес материалов, посвященных советскому периоду, больше внимания стало уделяться истории народов нашей страны. Социально-экономическая история всегда занимала должное место на его страницах. Редакция откликнулась рядом статей на важнейшие события современности: решения XXI съезда КПСС (1959, № 2), перестройку исторического образования в СССР (1959, №№ 2 и 3) и т. д.

Почти половина всех материалов журнала — свыше 200 статей, сообщений, обзоров, рецензий — посвящена истории советского общества. Центральное место среди них занимают статьи и материалы по истории Великой Октябрьской социалистической революции. В журнале опубликовано около 60 материалов, в том числе 15 статей и 12 сообщений, посвященных исследованию конкретных проблем истории Великого Октября.

Большое внимание журнал уделил освещению предпосылок Октябрьской революции — проблеме, которая не получила еще достаточного освещения в советской историографии. В статье А. Л. Сидорова «Экономические предпосылки социалистической революции в России» (1957, № 4) рассматриваются особенности империализма в

---

* *«История СССР»*. 1957—1959. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. Москва.

России, связанные главным образом с областью промышленного развития страны, обстоятельно характеризуются его специфические черты. Этой же теме посвящена статья В. И. Бовыкина, И. Ф. Гиндина и К. Н. Тарновского «Государственно-монополистический капитализм в России (К вопросу о предпосылках социалистической революции)» (1959, № 3), которая освещает складывание системы государственно-монополистического капитализма в России, подчеркивает его высокий уровень, показывает его роль в подготовке материальных предпосылок для победы пролетарской революции. Статье предшествовал доклад на эту же тему (отчет о нем помещен в том же номере), сделанный ее авторами на Научном совете по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» при Институте истории АН СССР. Участники обсуждения этого доклада высказали ряд замечаний авторам и показали, в каких новых аспектах можно рассматривать в дальнейшем проблему. К сожалению, редакционная коллегия журнала не высказала своего мнения об итогах обсуждения доклада, ограничившись кратким замечанием о том, «что отдельные поднятые авторами вопросы требуют дальнейшего изучения и обсуждения», и оставив, таким образом, читателя в неведении, какие вопросы имелись в виду и в каком направлении следует организовать их обсуждение.

Большой интерес представляют статьи по истории петроградского пролетариата в период подготовки и проведения Октябрьской революции. В статье Г. Н. Голикова «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (1957, № 4) освещен вопрос о борьбе петроградских рабочих под руководством большевистской партии за осуществление ленинского плана вооруженного восстания. В статье И. А. Булыгина «Разгром контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова» (1957, № 5) на конкретном, в большей своей части архивном материале показана роль питерских рабочих в борьбе за упрочение Советской власти. История борьбы московского пролетариата в октябрьские дни отражена в сообщении Г. С. Игнатьева «Октябрьское восстание в Москве» (1957, № 4).

Борьбе за победу революции в общероссийском масштабе посвящена статья Л. С. Гапоненко «Рабочий класс России в борьбе за победу социалистической революции (1957, № 5). В ней содержатся интересные факты о количественных и качественных изменениях в составе пролетариата за годы первой мировой войны, описывается деятельность фабзавкомов, показан процесс большевизации Советов, сделаны обобщения о руководящей роли пролетариата в борьбе за победу революции.

Коренная проблема социалистической революции — союз рабочего класса и беднейшего крестьянства — освещена в ряде статей: В. И. Кострикина «Крестьянское движение в Рязанской губернии осенью 1917 г.» (1957, № 3), Х. А. Ерицяна «Слияние Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов в период триумфального шествия Советской власти» (1957, № 3), К. В. Гусева «Из истории соглашения большевиков с левыми эсерами» (1959, № 2). В последней работе показано, как большевистская партия использовала временное соглашение с левыми эсерами для укрепления союза рабочего класса с трудовым крестьянством. К сожалению, в данных статьях зачастую отсутствуют необходимые обобщения. Надо назвать и другие недостатки этих работ. Например, Х. А. Ерицян, приводя богатый цифровой материал о составе Советов крестьянских депутатов, не показывает, как партия вела работу по большевизации этих Советов еще до победы Октябрьской революции, как она боролась против колебаний и соглашательских действий левых эсеров в первые дни после победы Октября, а также в период слияния местных Советов, не освещает борьбу большевиков с левыми эсерами на III Всероссийском съезде Советов, когда обсуждался проект закона о национализации земли.

В целом проблема союза рабочего класса с беднейшим крестьянством нуждается в дальнейшем, еще более глубоком освещении на страницах наших исторических журналов.

Победе социалистической революции на местах посвящена статья акад. И. И. Минца (1957, № 4). Автор предлагает для изучения истории Октябрьской революции на местах разделить территорию нашей страны на 11 районов. Был бы полезен обмен мнениями между историками по этому вопросу. И. И. Минц рассматривает в статье только четыре района: промышленные губернии Центра и Урала с примыкающими к ним местами, прифронтовые губернии и Юго-Восток.

Ряд материалов освещает Октябрьскую революцию и первые социалистические пре-

образования в национальных районах страны (Туркестан, Литва, Грузия, Дагестан, Коми).

Вопросы теории пролетарской революции и социалистического строительства ставятся в статье М. П. Кима «В. И. Ленин об общеисторическом и национально-особенном в советском опыте социалистического преобразования общества» (1957, № 1). Эта проблемная статья представляет большой научный интерес. Она затрагивает широкий круг вопросов. Объем статьи не позволил автору рассмотреть достаточно подробно все вопросы (например, о пролетарском интернационализме, культурной революции, революции в области идеологии).

Многие статьи и сообщения, опубликованные в журнале, раскрывают историю социалистического строительства в СССР. Главное внимание в них уделяется вопросам истории советского рабочего класса, создания и развития советской промышленности, в первую очередь тяжелой. Таких статей и сообщений 16. Они касаются самых разнообразных тем: рабочего контроля над производством и создания органов рабочего управления на предприятиях в 1917—1918 гг. (1957, № 3), изменений социального состава фабрично-заводских рабочих Ленинграда в 1917—1928 годах (1959, № 5), истории рабочего класса Москвы в восстановительный период (1959, № 1) и т. д. Среди них можно назвать статью Э. Б. Генкиной «Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925)» (1958, № 3), в которой рассматриваются производственные совещания как форма проявления творческой активности советского рабочего класса. Автор связывает этот вопрос с общей проблемой социалистических принципов управления промышленностью и роли рабочего класса в организации социалистического производства. Автор освещает историю возникновения производственных совещаний, их состав и задачи.

Конкретные вопросы социалистического строительства исследуются в статьях И. М. Некрасовой — «Из истории осуществления ленинского плана электрификации в восстановительный период (1921—1926 гг.)» (1957, № 3), И. И. Коломийченко — «Создание тракторной промышленности в СССР» (1957, № 1), И. В. Антиповой, М. И. Школьника — «Из истории создания Магнитогорского металлургического комбината (1929—1931 гг.)» (1958, № 5) и других. Однако журнал почти не публиковал статей, затрагивающих актуальные вопросы современности (периода после XX и XXI съездов КПСС).

Освещение истории рабочего класса, создания и развития советской промышленности — безусловно, заслуга журнала. Однако большинство статей и сообщений по этим проблемам посвящено все же частным вопросам. Пока на страницах «Истории СССР» не появилось ни одной обобщающей работы о ведущей роли рабочего класса в строительстве социализма, изменении его социального облика в результате победы социализма в СССР, росте национальных отрядов рабочего класса и по другим важным вопросам.

Из истории советского крестьянства журнал опубликовал статьи о развитии социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г. (1957, № 5), организации и деятельности коллективных хозяйств в первые годы Советской власти (1959, № 5), о земельных отношениях в советской доколхозной деревне (1958, № 3), борьбе за ликвидацию кулачества (1958, № 6). Однако среди них мало статей обобщающего характера, почти все они фактологичны.

В журнале пока не получили освещения вопросы истории советской интеллигенции, если не считать отдельных статей и сообщений, в которых эта тематика нашла частичное отражение: «Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховцев» И. Я. Трифонова (1959, № 3); «Массовый культурный поход за ликвидацию неграмотности в советской деревне (в 1928—1932 гг.)» В. А. Куманева (1958, № 5). Истории советского государственного аппарата посвящено единственное сообщение — «Об укреплении районных и сельских Советов в 1930 году» А. И. Соколовой (1958, № 6).

По истории гражданской войны и иностранной военной интервенции опубликованы две статьи: В. Я. Сиполса «К вопросу об иностранной интервенции в Латвии в 1918—1919 годах» (1958, № 6) и Н. Ф. Кузьмина «К истории разгрома третьего похода Антанты» (1958, № 2), носящие исследовательский характер.

Несколько шире освещена история Великой Отечественной войны Советского Союза (6 статей и сообщений). Наиболее интересны из них статьи А. В. Карасева «Ленинград в период блокады (1941—1943 гг.)» (1957, № 2), Г. А. Куманева «Советские железнодорожники в первый период Великой Отечественной войны (1941—

1942 гг.)» (1959, № 1), А. М. Самсонова «О партизанском движении в 1942 г.» (1959, № 3), Н. Ф. Кюнга, У. Р. Тальманта «Из истории движения сопротивления советских людей в лагерях гитлеровской Германии (1941—1945 гг.)» (1959, № 5).

Большим пробелом журнала является слабое освещение истории советского общества периода после Великой Отечественной войны.

★

Половину объема журнала за 1957—1959 гг. занимают проблемы истории капиталистической и феодальной формаций. Тематика по истории капиталистического периода в России (1861—1917 гг.) охватывает в основном вопросы истории революционного и рабочего движения, вопросы истории крестьянства (в значительно меньшей степени), экономического развития страны.

Исследуя историю революционных народников, М. В. Нечкина в статье «Земля и Воля» 1860-х годов» (1957, № 1) показывает источниковедческое значение следственных дел царской охранки, которые в должной мере еще не были использованы историками. Изучение «дела И. Андрущенко», относящегося к 1863 г., позволило автору ввести в научный оборот новые данные о «Земле и Воле»: ее структуре, программе и практической деятельности, связях ее Центрального комитета с местными отделениями, функционировании последних в ряде городов России (прежде сведения о них были крайне скудны), роли и значении московского отделения «Земли и Воли». Эти материалы вносят некоторые дополнения к имеющимся у нас сведениям о программных вопросах землевольческой организации 1860-х годов и в особенности об ее практической деятельности. Правда, некоторые выводы делаются автором ограничительно, с оговорками «по-видимому», «можно предположить» и т. п. (например, заключение о наличии печатной программы «Земли и Воли», о существовании «двоек», заменивших прежние «пятерки», выводы по некоторым вопросам программы).

В. А. Твардовская в статье «Кризис «Земли и Воли» в конце 70-х годов» (1959, № 4) прослеживает процесс развития «политического» направления в народническом движении с конца 1878 г. до Липецкого съезда. Автор указывает, что народничество 70-х годов нельзя трактовать «как единое, цельное течение», «не знавшее внутренних противоречий». Исследованный автором конкретный материал показывает формирование «политического» направления в народничестве, идейно и организационно определившегося на Липецком съезде. В переходе народников к политической борьбе с самодержавием В. И. Ленин видел их великую историческую заслугу. В пределах небольшой статьи автору, к сожалению, не удалось показать, в какой мере развитие рабочего движения в России и соприкосновение народников с рабочим классом содействовали появлению «политического» направления в народничестве.

Журнал уделял внимание исследованию проблем истории рабочего класса и его революционной борьбы. Статья Л. М. Иванова «К вопросу о формировании промышленного пролетариата в России» (1958, № 4) носит обзорный характер. В ней рассматривается литература о формировании российского пролетариата, анализируются и отчасти обобщаются сделанные советскими историками выводы о начальном этапе формирования пролетариата, о превращении его в «класс в себе», соединении социализма с рабочим движением. С. С. Скробот в статье «Стачечная борьба петербургских рабочих в 1891—1895 гг.» (1958, № 6) указывает на то, что изучение стачечного движения в Петербурге за 1891—1895 гг., то есть период, непосредственно предшествовавший приезду В. И. Ленина в столицу, «имеет большое значение для правильной оценки уровня, размаха и характера классовой борьбы пролетариата». Извлеченный автором из архивов и документальных публикаций материал, главным образом статистический, освещает некоторые характерные черты рабочего движения исследуемого периода (возросшую сознательность пролетариата, его бо́льшую организованность, упорство в борьбе и др.). С. С. Скробот удачно связал рабочее движение рассматриваемого пятилетия с последующей деятельностью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого В. И. Лениным. Правда, не все в статье достаточно аргументированно, например, утверждение, что применение репрессий к рабочим Петербурга со стороны правительства было якобы «более осторожным», чем в других местах России, или что петербургские фабриканты боялись увольнять рабочих.

В статье И. П. Лейберова «Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской буржуазно-демократической

революции в России» (1957, № 1) охарактеризована роль питерских рабочих в Февральской революции 1917 года. Автор приводит ряд новых данных, показывающих пролетарские методы борьбы с царизмом. Установив тесный контакт с солдатами, рабочие под руководством большевиков возглавили движение, что и предопределило его успех.

Следует отметить интересные по фактическому материалу сообщения И. М. Пушкаревой о заработной плате железнодорожников накануне революции 1905—1907 гг. (1957, № 3) и Г. А. Арутюнова о всеобщей политической стачке в Баку в 1914 г. (1959, № 3).

Ряд материалов, опубликованных в журнале, посвящен истории крестьянства периода капитализма.

А. Н. Анфимов в статье «Крестьянское хозяйство России в годы первой мировой войны» (1957, № 3) освещает одну из важных проблем истории крестьянского хозяйства России, относящуюся к годам, которые непосредственно предшествовали падению царизма. Изучив обширный материал всеобщих переписей 1916 и 1917 гг., автор показал ошибочность утверждений буржуазных экономистов (и некоторых советских исследователей), будто материальное положение русского крестьянства в годы первой мировой войны улучшилось, так как доходы с крестьянского хозяйства якобы повысились. Путем военных мобилизаций из деревни была изъята главная масса трудоспособного мужского населения. По подсчетам автора, к 1917 г. в составе трудоспособного сельского населения мужчины составляли меньше трети (28,1%). Крестьянское хозяйство лишилось более 2½ млн. лошадей — основной тягловой силы. Сокращение посевных площадей и поголовья скота означало прогрессирующий хозяйственный упадок деревни. Война чрезвычайно усилила социальное расслоение и резко обострила классовую борьбу среди крестьян.

Сообщение Д. П. Пойды «Волнения чиншевиков и чиншевая реформа 1836 г. на Правобережной Украине» (1957, № 2) освещает страничку из истории движения на Украине среди чиншевиков (крестьян, получавших от феодала землю на правах наследственного владения за плату — чинш). Чиншевики находились в наихудшем с экономической точки зрения положении по сравнению с остальными массами крестьянства пореформенной деревни правобережной части Украины. Реформа 1861 г. не распространялась на них, так как они считались лично свободными. В 70—80-х годах XIX в. среди чиншевиков возникали частые волнения, свидетельствовавшие об обострении классовой борьбы крестьянства против помещиков. В 1886 г. царское правительство вынуждено было издать специальный закон о поземельном устройстве чиншевиков, который носил более отчетливый буржуазный характер, чем реформа 1861 года.

Истории украинского крестьянства в конце XIX в. посвящено сообщение И. С. Лободы «Аграрное перенаселение на Левобережной Украине в конце XIX столетия» (1958, № 5). Положение крестьянства и революционное движение в деревне исследуются также в работах Н. Н. Улащика «О крестьянских волнениях в Литве в первой половине XIX в.» (1959, № 1) и Б. Г. Литвака «Итоги изучения уставных грамот Московской губернии (данные о крестьянском наделе)» (1958, № 6). Н. Н. Улащик приводит сведения о массовых выступлениях крестьян Литвы, принудивших литовских помещиков согласиться на отмену крепостного права. Б. Г. Литвак знакомит читателя с опытом примененного им анализа уставных грамот как исторического источника.

С вопросом о развитии монополистического капитала в России связана статья Я. И. Лившина ««Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX в.» (1959, № 2). Автор характеризует роль «представительных» организаций (биржевых обществ, биржевых комитетов, торгово-промышленных съездов и др.), которые были призваны направлять политику государства в интересах монополий и финансовой олигархии.

В статье «О некоторых отстающих участках нашей исторической науки» (1959, № 3) В. К. Яцунский отмечает, что советские исследователи уделяют еще мало внимания изучению развития производительных сил на различных этапах истории нашей страны (производительность труда в промышленности, сельском хозяйстве, история населения как главной производительной силы и др.), проблемам частноэкономическим (динамика заработной платы, стоимости продукции, роста налогового бремени и др.), вопросам исторической географии, технике научного исследования. Статья В. К. Яцунского обращает внимание историков, в особенности молодых ученых,

на разработку ряда важных проблем истории нашей Родины.

И. Д. Ковальченко в статье «Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в.» (1959, № 1) исследует конкретный материал, показывающий, как в течение первой половины XIX в. изменялся размер чистого сбора хлебов на душу населения в России. Вопрос рассматривается в плане выяснения отдельных сторон процесса разложения и кризиса крепостнической системы хозяйства. И. Д. Ковальченко приводит большой статистический материал в подкрепление своего вывода о существовании двух этапов в развитии земледелия на протяжении первой половины XIX в., а также вывода о развитии (хотя и неравномерном) капиталистических отношений на всей территории страны.

Истории экономического развития России посвящены также работы В. И. Бовыкина «Монополистические соглашения в русской военной промышленности (по материалам сенаторских ревизий)» и В. Я. Лаверычева «К вопросу об экспорте льна из России в 1916—1917 гг.» (1958, № 1). Оба сообщения рассматривают частные моменты в сложных явлениях российской экономики периода империализма. В первом из них на основе материалов сенаторских ревизий 1908—1911 гг. освещаются зарождение и роль капиталистических монополий в военной промышленности России. Автор делает вывод, что они складывались как постоянные монополистические объединения («нечто среднее между картелем и синдикатом»). В. Я. Лаверычев отмечает борьбу между отечественными монополиями, занимавшимися сбытом льна за границу, и англо-французскими экспортерами, закончившуюся победой иностранного капитала, который добился при Временном правительстве наиболее благоприятных условий для наживы за счет народных богатств России.

Тематика внешнеполитических отношений России в капиталистический период нашла отражение лишь в статье Э. М. Розенталя «Французская дипломатия и англо-русское сближение в 1906—1907 гг. (К вопросу о включении России в Антанту)» (1958, № 5). Автор считает, что дипломатическая деятельность правящих кругов Франции, «кровно заинтересованной в создании мощной антигерманской коалиции как орудия реванша за поражение 1870 г.», была «одним из важнейших факторов, приведших к образованию Тройственного согласия» путем примирения царизма с Англией. Автор рассматривает эту деятельность на фоне международной обстановки 1904—1907 годов. Нельзя, конечно, отрицать большой роли французской дипломатии в данном вопросе, но все же автор, на наш взгляд, несколько преувеличивает степень зависимости России от Франции в решении столь важной проблемы, как переориентировка царизма на англо-французский блок. Нельзя забывать противоречий, которые имели место в то время во взаимоотношениях России с Германией и Австро-Венгрией.

Из сказанного видно, что тематика материалов, отражающих капиталистический период истории России, весьма ограниченна и носит в значительной мере случайный характер. Затронутые журналом проблемы не углублены, не развиты в других статьях.

Материалы, посвященные феодальному периоду в истории, в основном относятся к XVII—XVIII векам. Лишь три работы рассматривают процессы развития России периода до XIII века. Преобладают в основном статьи на социально-экономические темы (генезис капитализма, размещение населения, развитие промышленности, внутренняя и внешняя торговля, финансы, закрепощение крестьян, работные люди). Классовой борьбе посвящено всего четыре работы — статьи о борьбе в Пскове во второй половине XV в. и народном движении во время Смоленской войны 1632—1634 гг., небольшое сообщение из истории крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина и заметка о восстании Хлопка. Внешнеполитических сюжетов касаются статья о «греческом проекте» XVIII в. и сообщения о завершающем периоде Северной войны, а также о действиях военно-морского флота Новгорода в середине XV века. В разделе «Вспомогательные исторические дисциплины» по феодальному периоду также преобладают работы, освещающие историю XVI—XVIII веков.

В то же время следует отметить, что отдельные статьи по истории России представляют большой интерес. В. И. Корецкий в статье «Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.» (1957, № 1) рассматривает вопрос о «заповедных годах» и отмене Юрьева дня. Он делает попытку воссоздать законодательство о крестьянах 80—90-х годов XVI столетия на основе как печатных, так и новых архивных источников. Наблюдения автора показывают, что с определенного

времени в источниках исчезают ссылки на заповедные годы и на статью 88-ю Судебника 1550 года. Это приводит его к выводу, что запрещение крестьянских выходов стало в конце концов общим явлением. В материалах Центрального государственного архива древних актов В. И. Корецкий обнаружил ссылки на закон царя Федора Ивановича о запрещении выхода крестьянам и бобылям. Автор делает предположение, что указанный закон был издан около 1592—1593 гг.; юридическим основанием крестьянской крепости стали, по его мнению, писцовые книги 80—90-х годов XVI века. Выводы В. И. Корецкого в значительной части построены на предположении о возможном содержании указа царя Федора, но в целом надо признать, что концепция автора убедительна и его работа в значительной мере способствует решению данной проблемы.

Основные этапы генезиса капитализма в России освещаются в статье В. К. Яцунского (1958, № 5). Автор рассматривает зарождение и складывание капиталистического уклада в период с XVII в. до 1861 г., «когда уклад превратился в формацию» (стр. 59). Используя материал опубликованных работ и некоторых диссертаций, В. К. Яцунский исследует распространение наемного труда в России в XVI—XVII вв., рост хозяйственной дифференциации среди крестьян в XIV—XV и XVIII вв., развитие мануфактур и товарного производства в XVII—XVIII вв., основанного как на принудительном, так и на наемном труде, товарность сельского хозяйства и др. В статье затронуто много вопросов, и это, конечно, помешало автору подробно остановиться на каждом из них. В. К. Яцунский, на наш взгляд, не совсем последователен в своих выводах. Например, в одном случае он утверждает, что в России «в последнее тридцатилетие XVIII в. ...образовался капиталистический уклад» (стр. 77), в другом — что «с конца XVIII в. в России... начинает складываться капиталистический уклад», наконец, в третьем случае заявляет о «сложившемся к концу 50-х годов (XIX в.— *Рец.*) капиталистическом укладе» (стр. 91).

Перу того же автора принадлежит статья «Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг.» (1957, № 1). В ней прослежен вопрос об изменении численности населения, показано, как с расширением территории происходило его размещение. Интересны наблюдения В. К. Яцунского над темпами роста населения в районах колонизации, в местах развитого крепостного права, в промышленных губерниях и т. д.

Акад. С. Г. Струмилин в статье «О внутреннем рынке России XVI—XVIII вв.» (1959, № 4) рассматривает вопросы истории национальных экономических связей, а также проблему развития феодальной формации в России в целом. Он присоединяется к выдвинутой несколько лет назад акад. М. В. Нечкиной концепции о восходящей и нисходящей стадиях развития русского феодализма.

Проблемы генезиса капитализма в России касается ряд статей: П. А. Колесникова «Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в.» (1958, № 2), Л. В. Даниловой «Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в.» (1957, № 3), А. Ц. Мерзона «Развитие межобластных рыночных связей во второй четверти XVII в.» (1959, № 2) и др. В указанных работах использован новый архивный материал, богатый конкретными данными и цифрами и потому имеющий большое значение для решения вопроса о генезисе капитализма в России в целом и в связи с такими проблемами, как первоначальное накопление и образование всероссийского рынка. М. Я. Волков в статье «Отмена внутренних таможен в России» (1957, № 2) также исследует процесс складывания всероссийского рынка. Интересны наблюдения автора над изменениями в позициях дворянства по вопросу о внутренних таможнях. Однако в статье не уделено внимания крестьянской торговле, мало сказано о торговой деятельности дворян, бегло говорится о ликвидации таможенной границы между Украиной и Россией. Вопрос о таможнях автор не связывает с финансовой политикой царского правительства.

Две интересные работы посвящены проблемам развития промышленности в XVIII в.: А. П. Дорошенко «Рабочая сила в указной легкой промышленности Москвы в 1730—1760 гг.» (1958, № 5) и Е. И. Рубинштейн «Рабочая сила на посессионной мануфактуре Гончаровых во второй половине XVIII в.» (1958, № 1). Е. И. Рубинштейн справедливо считает, что посессионная мануфактура, основанная на труде крепостных крестьян, относилась к предприятиям феодального типа. А. П. Дорошенко на обильном свежем архивном материале, обобщенном в ряде ценных таб-

лиц, проследила капиталистические тенденции в указной легкой промышленности Москвы второй четверти XVIII в., показав при этом, что их развитию не могла помешать и крепостническая сущность указа 1736 года.

Исследование Л. В. Черепнина «Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х — начале 80-х годов XV в.» (1958, № 3) связано с изучением проблемы образования Русского централизованного государства. В работе глубоко и всесторонне показаны два крупных восстания в Пскове, происходившие в 1476 и 1486 гг.— в переломный период развития московско-псковских отношений. Перу Б. Ф. Поршнева принадлежит работа «Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны» (1957, № 5). Исследование имеет целью, с одной стороны, выяснить причины неудачи России в Смоленской войне, с другой — показать нарастание классовой борьбы в стране и ее столице в начале 30-х годов XVII века. Автор впервые в нашей литературе широко и убедительно осветил сложную социально-политическую обстановку в России в начале 30-х годов XVII века.

Внешнеполитической проблематике посвящена статья О. И. Марковой «О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.)» (1958, № 4). Автор приходит к выводу, что Россия в то время не выдвигала реальных проектов завоевания Константинополя и раздела Турции и что так называемый греческий проект был только средством политических спекуляций западных держав против русского государства. Л. А. Никифоров в своем сообщении (1958, № 6) убедительно показывает провал французского посредничества в конце Северной войны. Он правильно подчеркивает, что истинные цели этого посредничества отвечали интересам Англии. В. Т. Пашуто (1958, № 6) ярко и весьма обстоятельно освещает борьбу прусского народа в XIII в. за независимость, характеризуя ее как реакцию на крестовые походы немецких рыцарей не только в Прибалтику, но и в Средиземноморье. Однако едва ли можно согласиться с утверждением автора, будто агрессия немецких рыцарей нашла сначала поддержку со стороны Польши и Руси (стр. 63), что даже вообще можно «установить тождественность основных политических целей и приемов русских, польских и немецких крестовых походов на Пруссию» (стр. 61). Борьба Руси и Польши с пруссами носила характер местных, частных столкновений. Грабительские же походы немецких рыцарей в Прибалтику, как и крестовые походы в арабские земли, которые организовывала папская курия, никак нельзя отождествлять с выступлениями Руси и Польши против пруссов. Поэтому нельзя согласиться с мнением В. Т. Пашуто, будто одной из причин завоевания пруссов немецкими захватчиками являлось то, что «пруссам приходилось обороняться и от нападений Польши и Руси» (стр. 81). Достаточно вспомнить, в каком положении находилось Русское государство во времена нашествия Батыя, а затем господства Золотой Орды: страна вообще не могла в тот период вести наступательной политики на Западе.

Ряд страниц журнал отвел ценным материалам по вопросам источниковедения. А. А. Новосельский и В. А. Кондратьев в статье «О публикации исторических источников в СССР за 40 лет» (1958, № 3) проследили основные этапы развития советской археографии. Эту статью с интересом прочтет каждый историк СССР. К сожалению, авторы, ограниченные местом, вынуждены были в отдельных случаях очень бегло касаться рассматриваемых ими вопросов (стр. 210 и др.). Акад. М. Н. Тихомиров в статье ««Пискаревский летописец», как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в.» (1957, № 3) устанавливает время составления этого ценнейшего памятника. Он датирует его началом XVII в. и указывает, что автор памятника принадлежал к среде неродовитых людей из окружения Шуйского (возможно, им был печатник Никита Фофанов). П. Е. Матвиевский в статье «Дневник Д. Кэстля как источник по истории и этнографии казахов» (1958, № 4) осветил обстоятельства появления этого дневника и показал его значение для науки.

Л. В. Милову принадлежит статья «О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII века» (1957, № 2). Эта работа привлекает внимание советских ученых к такому источнику по социально-экономической истории России, как «Экономические примечания» к Генеральному межеванию.

★

В разделе «Критика и библиография» напечатано значительное количество материалов, рассматривающих работы по исто-

рии Великой Октябрьской социалистической революции. Помещен ряд критических обзоров, в том числе журнала «Исторический архив» (1959, № 3), работ по истории Карелии (Л. В. Даниловой и К. А. Сивкова) (1959, № 3). Общий недостаток рецензий, публикуемых в журнале,— краткий, аннотационный характер. Такой упрек можно сделать, например, М. Г. Рабиновичу, рассматривающему труд академика М. Н. Тихомирова о средневековой Москве XIV—XV веков (1959, № 1). Автор рецензии подробно останавливается лишь на первой главе исследования и ограничивается фактически аннотацией, когда речь заходит о последующих частях книги.

Не менее серьезный недостаток почти всех рецензий — отсутствие постановки важных научных проблем при критическом анализе тех или иных изданий. Журнал не откликнулся рецензиями на «Очерки истории СССР», соответствующие разделы многотомной «Всемирной истории» и другие издания, выход которых в свет является важной вехой в развитии советской исторической науки.

Среди материалов журнала, опубликованных под рубрикой «История СССР за рубежом», приятно видеть обзоры, принадлежащие перу не только советских, но и зарубежных ученых (например, обзор Г. Мюльпфордта о работе историков ГДР над проблемами истории СССР, 1957, № 2).

На страницах «Истории СССР» систематически печатается хроника научной жизни. Но хотелось бы, чтобы подобная информация была более полной и регулярной. Особенно это относится к освещению исследовательской деятельности работников кафедр высших учебных заведений. Здесь редколлегия, к сожалению, занимает позицию стороннего наблюдателя. Рассказывая о работе историков на местах, журнал не пытается выявить ее недостатки, чтобы помочь в их устранении (см., например, обзор научной работы историков Казахстана, Белоруссии, Молдавии — 1959, № 1).

С каждым годом в нашей стране расширяется издание «Ученых записок». Нельзя проходить мимо этих сборников научных работ, выполненных местными исследователями и нуждающихся в компетентной критической оценке. С первым недостатком тесно связан и второй — оторванность журнала от освещения преподавания отечественной истории в высших учебных заведениях. Журнал редко интересуется учебными пособиями, мало способствуя, таким образом, их созданию и улучшению. А ведь за последнее время вышли в свет учебные пособия по истории СССР для исторических факультетов, которым журнал не дал никакой оценки. Советская научная общественность не раз высказывала свое мнение о работе журнала «История СССР», отмечая как ее положительные, так и отрицательные стороны. Много правильных замечаний в адрес журнала было сделано участниками читательских конференций (в октябре — декабре 1958 г.). Содержание его рассматривалось и на страницах партийной печати. Авторы рецензии, помещенной в журнале «Коммунист» (1959, № 15), справедливо подчеркнули ряд положительных качеств журнала «История СССР», указав, что он внес полезный вклад в советскую историческую науку. Но вместе с тем они отметили и его существенные недостатки. Сейчас к оценке и обобщению опыта работы журнала «История СССР» необходимо подойти с точки зрения выполнения им постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». В постановлении ставится вопрос о повышении роли печати в коммунистическом воспитании трудящихся. Газеты и журналы обязаны освещать самые животрепещущие вопросы современности. Постановление подчеркивает, что «партийная пропаганда может быть по-настоящему глубокой и действенной только тогда, когда она непрерывно обогащается за счет пытливой исследовательской мысли, когда в ней принимают непосредственное и активное участие лучшие научные силы».

Одна из главных задач журнала — неустанно разоблачать современных ревизионистов, в превратном свете трактующих историю советского общества. Нельзя упрекнуть журнал в том, что он не уделяет внимания этим вопросам. Но часто на его страницах лишь в самой общей форме говорится о борьбе против современных ревизионистов, отсутствует конкретная критика их концепций. Можно назвать лишь отдельные материалы, разоблачающие современных ревизионистов, прежде всего правосоциалистических идеологов буржуазии. Это политически острая статья А. П. Бутенко «Вокруг работы Розы Люксембург «Русская революция»» (1958, № 2), статья Г. Б. Ардаева «Борьба вокруг программы социалистической партии Австрии и вопросы истории советского общества» (1958, № 6), статья В. З. Дробижева «Эко-

номические «исследования» С. Н. Прокоповича и современная реакционная буржуазная историография» (1959, № 2), в которой разоблачаются и современные ревизионисты. Но, повторяем, этими материалами исчерпывается освещение в журнале вопросов борьбы против ревизионизма наших дней. Журнал не откликнулся на Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в ноябре 1957 г. и принявшее принципиально важные документы — Декларацию и Манифест мира. Первая статья о ревизионизме была опубликована только в № 2 «Истории СССР» за 1958 год. Некоторый сдвиг в этом отношении наметился только после XXI съезда КПСС. Редакция должна руководствоваться в своей деятельности указанием ЦК КПСС о том, что почетным долгом советских ученых является подготовка и издание в ближайшие годы научных работ, разоблачающих «теории» буржуазных правосоциалистических и ревизионистских защитников капитализма.

Несколько лучше обстоит дело с публикацией в журнале материалов, разоблачающих буржуазных фальсификаторов истории советского общества. Можно отметить острые, хорошо аргументированные рецензии Н. Н. Яковлева на книгу американского буржуазного историка Герберта Фейса «Черчилль, Рузвельт, Сталин» (1958, № 2), Г. З Иоффе — на американскую работу «Иллюстрированная история России» (1958, № 5), Е. А. Амбарцумова — на книгу Анатолия Г. Мазура «Финляндия между Востоком и Западом» (1958, № 6). Журнал опубликовал интересную рецензию М. С. Восленского «О реваншистской «диалектике» О. Лемберга» (1958, № 6), работу акад. И. И. Минца «Новая вылазка фальсификаторов истории американской интервенции в России» (1959, № 2), разоблачающую американского историка Джона М. Томпсона. Однако в журнале следует отводить разоблачению буржуазных фальсификаторов истории гораздо больше места; надо помнить, что отдельные рецензии на иностранные издания не могут (вследствие своей краткости) заменить фундаментальных статей и критических обзоров, посвященных зарубежной буржуазной литературе и дающих решительный отпор фальсификаторам. В области идеологии идет упорная борьба между социализмом и капитализмом. Долг историков-марксистов — стоять в передовых рядах борцов за чистоту марксистско-ленинской теории, за утверждение коммунистической идеологии в области общественных наук.

В журнале нет пока еще многих материалов, обещанных редакцией. Например, слабо освещается история народов СССР, в частности периода до конца XVIII века. Журнал не откликнулся на такие важнейшие события в жизни нашего многонационального государства, как празднование знаменательных дат присоединения отдельных народов к России. По истории национальных районов в XIX — начале XX в. можно назвать только материалы о Северном Кавказе и Украине. Между тем историки на местах ждут помощи от журнала в разработке ряда узловых вопросов, таких, как особенности экономического, политического и культурного развития, взаимные связи, история национально-освободительных движений.

Редакционная коллегия не выполнила еще своего обещания — показать роль и место отдельных явлений истории СССР в процессе общественного развития всего человечества. Вопросы истории внешней политики России получили весьма слабое освещение на страницах журнала. Что же касается материалов о внешней политике Советского государства, то о них не приходится и говорить: работ на эту тему почти нет. Между тем, как указывается в постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 г., важно показать, как рос международный авторитет Советского государства, какое воздействие оказывало его развитие, его движение вперед, к коммунизму на ход мировой истории, на судьбы всего человечества.

Советские историки в своих выступлениях на читательских конференциях и в печати критиковали журнал за недостаточное внимание к вопросам проблемного характера. Однако и до сих пор в деятельности редакции наблюдается стихийность. Поэтому многие статьи журнала не отличаются актуальностью и научной важностью проблематики, лишены глубоких выводов и обобщений.

Повысить роль истории как общественной науки можно только за счет пытливой исследовательской мысли и научных споров. Но свое обещание организовать дискуссии журнал, к сожалению, не выполняет. Нам кажется, что предметом обмена мнениями на страницах журнала «История СССР» могли бы послужить некоторые опубликованные в нем материалы.

Журнал мог бы действеннее влиять на

научную жизнь местных научных учреждений, если бы он шире, чем делает до сих пор, привлекал к своей работе периферийных авторов. Критически рассматривая на своих страницах планы научно-исследовательских институтов, а также издательств, журнал мог бы оказать большую помощь в координации деятельности этих учреждений, в развертывании их работы по наиболее важным темам.

Известно, что портфель «Истории СССР», так же как и других исторических журналов, перегружен материалами. Многие интересные статьи не публикуются в течение нескольких лет. Пришло время сделать журнал «История СССР» ежемесячным.

В заключение в связи с изучением опыта работы журнала «История СССР» хотелось бы высказать несколько пожеланий, относящихся к деятельности наших исторических журналов вообще.

Для объединения сил и углубления научной работы советских ученых было бы целесообразно уточнить профиль каждого из ныне существующих исторических журналов («Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история» и др.), чтобы устранить дублирование в их тематике. Это позволит каждой редакции подходить с определенным критерием к отбору материалов и будет стимулировать научную работу по определенным темам. Надо усилить внимание и к изучению методов и приемов научной работы (над источниками, по их изысканию, по археографии и т. д.). Это поможет повысить методологический и технический уровень исследовательской деятельности историков.

П. И. Кабанов,
А. И. Козаченко,
И. Г. Рябцев

«*Этих дней не смолкнет слава*». Воспоминания участников гражданской войны. Составители: М. Ф. Комарова, З. И. Кострикина, Р. С. Лихачева, Ф. Б. Мешман, А. И. Толстихина (ответственный составитель). Редактор И. Верховцев. Госполитиздат. М. 1958. 490 стр. Тираж 10 тыс. Цена 12 руб.

Тридцать воспоминаний бойцов, командиров и политработников Красной Армии, а также тружеников тыла напечатаны в сборнике «Этих дней не смолкнет слава». В сборнике нет отдельных глав или разделов, однако опубликованные в нем материалы составляют несколько групп.

К первой группе относятся воспоминания о военной деятельности В. И. Ленина, о мероприятиях Центрального Комитета партии по обороне страны. Эта тема проходит через всю книгу, но с наибольшей полнотой и яркостью она раскрыта в воспоминаниях С. И. Аралова «Под руководством ленинского Центрального Комитета». В период гражданской войны автор был начальником оперативного отдела Народного комиссариата военных и морских дел, членом Реввоенсовета республики. Он часто встречался с Владимиром Ильичем, выполнял его задания. Воспоминания людей, близко знавших В. И. Ленина, помогают восполнить некоторые пробелы в освещении отдельных сторон многогранной военной деятельности создателя и руководителя первого в мире социалистического государства. Так, С. И. Аралов приводит интересные сведения о совещании, состоявшемся у Владимира Ильича в марте 1918 г., на котором обсуждались принципиальные вопросы строительства Красной Армии. На этом совещании в связи с переходом к обязательной военной службе трудящихся В. И. Ленин высказал идею создания в армии института политических комиссаров. Владимир Ильич «подробно говорил о том, какая должна быть дисциплина в новой, рабоче-крестьянской армии, как должна вестись политическая работа, чтобы воспитать у красноармейцев храбрость, преданность Советской власти» (стр. 23). На этом же совещании В. И. Ленин развил мысль о необходимости создания высшего военного органа, который бы руководил деятельностью всех оборонных ведомств. Эти положения В. И. Ленин изложил 1 апреля 1918 г. в телеграмме Н. И.

Подвойскому «О Высшем Военном Совете» [1].

Известно, какую исключительную роль в жизни нашего государства сыграл VIII съезд коммунистической партии. До последнего времени в исторической литературе слабо освещалось обсуждение военных вопросов на этом съезде. Поэтому свидетельство очевидца о деятельности Владимира Ильича в тот период представляет большой интерес. С. И. Аралову было поручено сделать на съезде доклад о положении на фронтах. Владимир Ильич в личной беседе дал С. И. Аралову указания, как построить доклад. Он советовал рассказать о роли военных специалистов, комиссаров и политработников, о вреде «партизанщины», рекомендовал привести примеры анархического поведения некоторых командиров (стр. 30).

Военная деятельность В. И. Ленина была исключительно разносторонней. «Ни одно существенное мероприятие, связанное с ведением войны,— отмечает С. И. Аралов,— не решалось без Ленина» (стр. 34).

Вторая группа воспоминаний посвящена мужеству воинов Красной Армии, защищавших Страну Советов от нашествия полчищ белогвардейцев и иностранных интервентов. Сюда входят воспоминания выдающегося полководца М. В. Фрунзе, пулеметчицы 25-й Чапаевской дивизии М. А. Поповой и многих других бойцов, командиров и политработников.

Помещенные в сборнике воспоминания характерны тем, что в них рассказывается не только и даже не столько о подвигах отдельных героев, сколько о массовом героизме простых советских людей. Огромная по своему объему и напряжению политико-воспитательная работа в массах, проделанная коммунистической партией, дала замечательные результаты. Трудящиеся хорошо понимали цели и задачи справедливой войны и поэтому всегда были готовы, не щадя своей жизни, отстаивать завоевания Великого Октября.

Третью группу составляют воспоминания участников большевистского подполья и партизанского движения на захваченной врагом территории. С. И. Трайтелович и А. Д. Кравченко особенно наглядно показали, что всюду, где хотя бы на непродолжительный срок устанавливалась власть белогвардейцев и интервентов, ярко вспыхивало неугасимое пламя народной войны.

Особую группу составляют воспоминания бывших бойцов и командиров интернациональных частей Красной Армии. Их формированию В. И. Ленин придавал огромное значение.

Бойцы и командиры интернациональных частей покрыли себя неувядаемой славой. В сборнике опубликованы воспоминания бывшего командира интернациональной роты 1-й коммунистической Луганской дивизии генерал-лейтенанта Чехословацкой армии Ченека Грушки, бывшего комиссара интернационального полка «Самарский коммунар» подполковника Венгерской армии Шандора Сиклаи, бывшего немецкого военнопленного, затем бойца 1-й интернациональной бригады V Красной Армии Курта Шена и др.

Интересны воспоминания известного советского писателя, активного участника гражданской войны П. П. Бажова, рассказавшего о подвиге двух китайских бойцов-пулеметчиков. Жертвуя жизнью в борьбе с превосходящими силами противника, они прикрывали отход своего подразделения. Боевой дружбе русских и китайских бойцов посвящены также воспоминания бывшего командира партизанского отряда, персонального пенсионера Г. Ф. Коваля.

Из этих воспоминаний видно, что защита Страны Советов стала подлинно интернациональным делом трудящихся многих стран.

Последняя группа воспоминаний посвящена героическому труду советского народа. Вся жизнь страны в годы гражданской войны была подчинена интересам фронта. В этом один из важнейших источников побед молодой Красной Армии в борьбе с многочисленным и сильным врагом.

Большой интерес представляют воспоминания старейшего оружейника, изобретателя Ф. В. Токарева. Автор рассказывает о героизме рабочих, в исключительно сложных условиях снабжавших оружием Красную Армию.

Бывший комиссар паровозных бригад депо Москва-Сортировочная, персональный пенсионер Я. М. Кондратьев принимал активное участие в первом субботнике, о котором рассказано в его воспоминаниях «Зачинатели великого почина».

Все воспоминания, опубликованные в сборнике, восполняя друг друга, рисуют яркую картину массового героизма трудящихся в тылу и на фронте.

Книга хорошо оформлена, богато иллюстрирована. В ней имеются краткие биогра-

[1] «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 21.

фические справки об авторах воспоминаний и подробный именной указатель.

Из недостатков сборника прежде всего следует отметить неравномерное распределение материалов, характеризующих отдельные периоды гражданской войны.

Подбор материала несовершенен и в другом отношении. Большинство воспоминаний, помещенных в сборнике, печатается впервые. Поэтому вряд ли было целесообразно печатать в сборнике материалы, которые недавно были опубликованы в отдельных массовых изданиях.

Научная ценность сборника, несомненно, повысилась бы, если бы он был снабжен более подробными комментариями. В предисловии, в подстрочных примечаниях или в приложении необходимо было указать, какие воспоминания публиковались ранее и где именно. Также важно было бы указать год и место издания тех воспоминаний, которые неоднократно перерабатывались авторами и поэтому имеют несколько редакций (например, «Трипольская трагедия» М. Е. Дубасова). Соблюдение всех этих условий позволило бы избежать ряда недостатков, которые, к сожалению, имеются в рецензируемой книге. Так, воспоминания А. Д. Кравченко уже дважды публиковались [2] под названием «Камарчагский фронт». Текст был разбит на пять разделов, каждый из которых имел самостоятельный заголовок. В подстрочном примечании указывалось, что воспоминания А. Д. Кравченко печатаются в сокращенном виде с рукописи, хранящейся в Новосибирском партархиве. При опубликовании этих воспоминаний в рецензируемом сборнике изменено первоначальное название, разделы и подзаголовки сняты. Кроме того, текст подвергся некоторой редакционной правке. Указанные изменения не искажают смысла воспоминаний, однако редакторы и составители должны были сказать об этом. Иначе у читателей может создаться неправильное представление, что это новый, ранее не публиковавшийся вариант.

Специфическая особенность воспоминаний состоит в том, что они пишутся некоторое время спустя после тех событий, о которых идет речь. Поэтому авторы порой невольно могут допустить отдельные неточности и даже ошибки. Это делает необходимым при подготовке воспоминаний к публикации наиболее важные факты тщательным образом проверять, чего, видимо, не сделали составители данного сборника. В результате в отдельные воспоминания вкрался ряд досадных ошибок.

Н. Д. Анощенко, например, утверждает, что «20 декабря 1917 г. по личному указанию Владимира Ильича Ленина Наркомвоенмор издал приказ о демобилизации частей старой армии и о формировании советских, или, как они тогда назывались, социалистических авиа- и воздухчастей» (стр. 141). Здесь автор допускает несколько ошибок. Первый правительственный документ о постепенной демобилизации старой армии (Декрет о сокращении численности армии) был опубликован за подписью В. И. Ленина 10 ноября 1917 года [3], а 20 декабря 1917 г. был подписан приказ № 4 по армии и флоту, в котором речь шла не о «демобилизации частей старой армии» и не о формировании «социалистических авиа- и воздухчастей», а об объединении и реорганизации Управления военного воздушного флота и Управления морской авиации [4].

В начале своих воспоминаний Н. Д. Анощенко без всяких оговорок приводит высказывание, якобы принадлежащее заслуженному пилоту СССР Б. И. Россинскому, о том, что летчики и солдаты Московской авиационной школы крали оружие, собираясь перелететь на сторону белых. Такое утверждение противоречит действительности. Известно, что значительная часть мотористов и другой обслуживающий персонал, а также некоторые летчики авиашколы без колебаний встали на сторону Советской власти и преданно служили революции. Кстати, представители Московской авиашколы вошли в состав Военно-революционного комитета по авиации Московского военного округа, членом которого являлся и Н. Д. Анощенко.

Не лишены недостатков и воспоминания Я. М. Кондратьева «Зачинатели великого почина». В последнее время в исторической литературе стали появляться противоречивые сведения о времени проведения первого коммунистического субботника в паровозном депо Москва-Сортировочная Казанской железной дороги. Публиковавшиеся

[2] «За власть Советов». Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Документы. Новосибирск. 1947; «Этих дней не смолкнет слава». Воспоминания участников партизанского движения в Красноярском крае. Красноярск. 1957.

[3] «Декреты Советской власти». Т. 1. М. 1957, стр. 66.

[4] «Армия и флот рабочей и крестьянской России», 21 декабря 1917 года.

ранее документы убедительно говорят о том, что первый субботник был проведен московскими железнодорожниками в ночь с 12 на 13 апреля 1919 года [5]. Этот факт нашел свое отражение в подавляющем большинстве исторических исследований. Тем не менее сейчас некоторые авторы в своих работах, посвященных великому почину, придерживаются ошибочной точки зрения, считая датой первого субботника 5—6 апреля 1919 года [6].

Познакомившись с воспоминаниями Я. М. Кондратьева, читатель остается в полном недоумении. На стр. 265 сборника утверждается, что первый субботник рабочих-железнодорожников, в котором принимали участие 13 коммунистов и 2 сочувствующих, состоялся в начале апреля 1919 года. На следующей странице говорится о том, что участники первого коммунистического субботника ремонтировали паровозы «в долгую мартовскую ночь». А в массовом переиздании рецензируемого сборника на стр. 203 указывается, что первый субботник состоялся в конце апреля 1919 года. Таким образом, дата первого субботника не только не выясняется, но вопрос о ней еще больше запутывается.

Несмотря на указанные недостатки, книга в целом достойна положительной оценки. Широкие круги читателей получили хорошую книгу о бессмертном подвиге советского народа в годы гражданской войны.

Ю. С. Кукушкин

[5] «Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919—1920 гг.». М. 1950, стр. 49, 50, 181—183.

[6] Ю. А. Кулышев. На заре коммунистического труда. М. 1958; Н. П. Стор. Первые коммунистические субботники. М. 1949; Т. Яковлев, С. Гегузин. Огни горы Соколиной. М. 1959.

Всеобщая история

Б. Я. МИХАЙЛОВ. *Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955 (Из истории американского рабочего движения)*. Изд-во АН СССР. М. 1959. 627 стр. Тираж 1 700. Цена 25 руб. 80 коп.

Рабочий вопрос в США — одна из тех проблем, по которым на международной арене идет ожесточенная идеологическая борьба. Реакционные буржуазные историки, ревизионисты и реакционные лидеры реформистских профсоюзов проповедуют «исключительность» американского капитализма, объявляют марксизм «устаревшим», а ленинизм, который отделяют от марксизма,— «не применимым» к высокоразвитым капиталистическим странам. Они сознательно преувеличивают специфические черты развития американского капитализма и отрицают общие законы развития капиталистического общества.

Марксистское освещение истории рабочего и коммунистического движения и разоблачение лженаучных теорий буржуазии и ревизионистов по этой проблеме являются важнейшими задачами историков-марксистов. За последние годы в СССР опубликован ряд работ по истории США, в которых освещаются положение и борьба американских рабочих против наступления монополистического капитала. Отдельные проблемы рабочего движения в США исследованы в специальных статьях. Однако монографий по данному вопросу опубликовано слишком мало. Поэтому следует приветствовать выход в свет книги Б. Я. Михайлова.

Эта монография является результатом многолетней работы автора над изучением документов, прессы, литературы по истории рабочего движения в США более чем за четверть века [1].

Книга посвящена одной из важнейших проблем американского рабочего движения — деятельности Конгресса производственных профсоюзов — крупнейшего профсо-

[1] См. Б. Михайлов. Агентура Уолл-стрита в Конгрессе производственных профсоюзов США. М. 1951; Б. Михайлов, Т. Ремизов. Желтые профлидеры без маски. М. 1952; Б. Михайлов. Некоторые вопросы экономического положения рабочего класса США и пропаганда монополий. «Вопросы экономики», 1956, № 7;

южного объединения США — с момента его возникновения в ноябре 1935 г. до слияния с Американской федерацией труда в декабре 1955 года. В книге на основе большого фактического и цифрового материала освещены вопросы, далеко выходящие за пределы указанной темы. Читатель знакомится с экономическим и политическим положением рабочего класса США в 1935—1955 гг., с содержанием и формами борьбы рабочих за улучшение своего экономического положения, за политические права, за единство действий в национальном масштабе. В книге разоблачена сущность реакционного антирабочего законодательства федерального конгресса и так называемой профсоюзной демократии, освещена позиция Коммунистической партии США по основным вопросам американского рабочего движения.

Автор проанализировал причины слабости американского рабочего движения и сравнительно медленного формирования социалистической идеологии у американского рабочего класса, указав на факторы, определяющие характер и темпы развития рабочего движения в США. Наличие в США свободных земель давало возможность рабочим покидать промышленные предприятия и становиться фермерами. Недостаток рабочей силы на плантациях и на промышленных предприятиях вынуждал плантаторов и предпринимателей платить рабочим несколько выше, чем в других капиталистических странах мира. Большой приток в США иммигрантов из различных стран Европы и Азии затруднял организацию рабочих из-за различия национальности, языка и религии. На развитии рабочего движения в США не могли не сказаться и некоторые другие факторы. В частности, большое влияние оказало то обстоятельство, что реформистские профсоюзы были созданы значительно раньше партии рабочего класса. Лидеры этих профсоюзов, являясь агентами буржуазии среди рабочих, проводили и проводят политику подчинения рабочих буржуазной идеологии. Следует учитывать также такие факторы, как отсутствие массовой партии пролетариата, господство цеховых профсоюзов и наличие компанейских союзов, доктринерство и сектантство «левых».

Американская буржуазия является одной из самых опытных в идеологическом разложении рабочих и подавлении рабочего движения. Всесилие господства монополий, контролирующих государственный аппарат и фактически управляющих экономикой всей страны, позволяет буржуазии применять самые разнообразные методы и формы борьбы с рабочим движением, включая подкуп чиновников государственного аппарата и верхушки рабочего класса, систему обмана, штрейкбрехерства и шпионажа за деятельностью рабочих, вооруженное подавление классовых выступлений и т. д. Американский писатель-коммунист Теодор Драйзер так охарактеризовал это всесилие американских монополий: «Банки и корпорации — наше фактическое правительство».

Монополисты препятствовали возникновению рабочих организаций, вовлекали рабочих в так называемые компанейские союзы, создававшиеся на средства монополий, преследовали рабочих за принадлежность к революционным профсоюзам и к компартии. Из 28 269 тыс. рабочих, занятых в промышленности США (стр. 43), в 1929 г. только 3,6 млн. были членами профсоюзов (стр. 45).

В начале 30-х годов в США не было крупных профсоюзных объединений. Коммунистическая партия являлась малочисленной и подвергалась беспрерывным репрессиям и гонениям со стороны правительства и монополий. В то же время буржуазия имела такие крупные организации, как Национальная ассоциация промышленников, Торговая палата и политические партии (республиканская и демократическая), которые располагали большим опытом по обману народных масс.

Организационная разобщенность американского рабочего класса облегчала буржуазии его беспощадную, изощренную эксплуатацию. Это помогло ей, в частности, переложить на рабочих всю тяжесть экономического кризиса 30-х годов. В стране в эти годы насчитывалось около 16 миллионов безработных и миллионы полубезработных. Исключительно тяжелое положение рабочего класса США и дальнейшее наступление монополий на его жизненный уровень и права вызвали, в свою очередь, в эти годы подъем стачечного движения, массовые выступления прежде всего низкооплачиваемых, не имеющих квалификации рабочих. Эти выступления переросли в последующие годы в мощное движение за создание про-

---

его же. О некоторых особенностях экономической и стачечной борьбы рабочего класса США после второй мировой войны (1945—1955). «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. IV. М. 1958; его же. Антирабочая политика конгресса США в 1937—1938 гг. «Новая и новейшая история». 1959, № 1.

изводственных профсоюзов, защищающих правовые, экономические и профессиональные интересы американских рабочих.

Б. Я. Михайлов разоблачает утверждения буржуазных писателей и лидеров реформистских профсоюзов о том, что создателями производственных профсоюзов США являются якобы Д. Льюис, Ф. Мэррей, У. Рейтер и другие реформисты. Автор показал, что производственные профсоюзы возникли в результате массовой борьбы рабочих на заводах и фабриках, в шахтах и рудниках, портах и транспортных узлах.

Большинство лидеров Американской федерации труда всеми способами тормозило создание производственных профсоюзов. И только под давлением рабочих масс ряд лидеров АФТ выступил в поддержку производственных профсоюзов. В 1935 г. был создан Комитет производственных профсоюзов, который с 1938 г. стал называться Конгрессом производственных профсоюзов. В силу слабости левого крыла в профсоюзах и сильного влияния реформизма среди американских рабочих во главе КПП оказались реформисты Д. Льюис, Ф. Мэррей, У. Рейтер и другие. Автор на убедительных примерах показал пресмыкательство перед буржуазией реакционных лидеров КПП, которые пропагандировали принцип «равных жертв» и «умеренных прибылей», проводили политику «классового сотрудничества», поддерживали внутренний и внешний курс политики буржуазных правительств, независимо от того, какая из двух буржуазных партий стояла у власти.

В создании производственных профсоюзов, отмечает автор, большую роль сыграли коммунисты и представители демократического крыла рабочего движения. В книге освещается деятельность коммунистов и левых профсоюзных деятелей, проводивших борьбу за единство рабочего класса, против раскольнической политики реакционных лидеров АФТ, за улучшение экономического положения рабочих и безработных, против опасности установления фашизма и возникновения войны. Благодаря деятельности коммунистов и представителей левого крыла профсоюзов Конгресс производственных профсоюзов объединил миллионы неорганизованных, низкооплачиваемых, неквалифицированных рабочих. Однако автор правильно указывает, что, несмотря на массовость, рабочее движение в США в тот период имело ограниченный характер. Эта ограниченность проявлялась, в частности, в том, что рабочие, ведя борьбу против частных предпринимателей и за создание производственных профсоюзов, доверяли защиту своих интересов реформистским лидерам профсоюзов и буржуазному правительству, не распознав до конца их классовой, антирабочей сущности.

В 1935 г. КПП объединял 1 250 тыс. членов профсоюзов, а в 1937 г.— уже 4 млн. членов (стр. 99). Однако вследствие того, что лидеры КПП проводили политику подчинения профсоюзов буржуазным партиям, а монополии и государство препятствовали возникновению и росту профсоюзов, число членов производственных профсоюзов не превысило 6 млн. человек. Лидеры КПП выдвигали неосуществимые в условиях капитализма требования о предоставлении рабочим справедливой доли в общественном продукте. Они демагогически провозглашали лозунг «право на труд» каждого рабочего, но отвергали предложение левых деятелей профсоюзов об организации массового движения протеста безработных. И только Коммунистическая партия США проводила политику в интересах трудящихся. На президентских выборах она выступала с самостоятельной политической платформой.

Буржуазные партии США вели между собой борьбу за влияние в Конгрессе производственных профсоюзов. Республиканская и демократическая партии были обеспокоены ростом стачечного движения рабочих, усилением организованности рабочего класса.

Автор широко освещает разногласия в конгрессе США между различными группами буржуазии по рабочему вопросу, в частности при обсуждении методов борьбы с рабочим движением. Группа Ф. Рузвельта проводила более гибкую тактику по сравнению с представителями правого крыла буржуазии. Сторонники Рузвельта поддерживали рабочие законы Вагнера о социальном обеспечении, о найме рабочей силы, а представители крайне реакционного крыла выступали против этих законов, вносили на рассмотрение конгресса законопроекты, направленные против профсоюзов и рабочего движения.

Б. Я. Михайлов убедительно показал антирабочую политику американской буржуазии.

В книге освещена важная проблема рабочего движения в США накануне второй мировой войны — отношение КПП к надвигавшейся опасности фашизма и войны. Профсоюзные лидеры стояли на позиции буржуазного нейтралитета. Коммунистиче-

ская партия США решительно выступала против фашизма и войны, за создание широкого антифашистского народного фронта. Однако большинство профсоюзов США не поддержало эту идею, и народный фронт не был создан. Это свидетельствовало о слабости рабочего движения США в тот период.

Автор рассматривает позицию и тактику прогрессивных и реакционных сил КПП в годы войны. С самого начала войны среди лидеров КПП образовались две группы. Одна, возглавлявшаяся С. Хиллмэном, полностью поддерживала политику правительства США, вторая, во главе с Джоном Льюисом, выступала за невмешательство США в европейские дела. После нападения фашистской Германии на СССР КПП прекратил поддерживать политику «нейтралитета» и выступил за оказание помощи Англии и СССР. Многие профсоюзы, входившие в КПП, выступали за открытие второго фронта в Европе.

В период войны профсоюзы сыграли большую роль в повышении производительности труда. Как только США вступили в войну, американские профсоюзы заключили соглашение с промышленниками и правительством о том, чтобы решать все конфликты в промышленности мирным путем, без объявления стачек и локаутов, и создать рабочий комитет для устранения причин срыва соглашений о сотрудничестве. Однако отказ рабочих от стачек во имя победы над общим врагом монополисты использовали для того, чтобы усилить эксплуатацию трудящихся и подготовить ряд антирабочих законопроектов, запрещающих стачки. Это вынуждало рабочих иногда вопреки соглашению профсоюзов с промышленниками объявлять стачки и добиваться улучшения своего положения.

В книге всесторонне рассмотрен такой чрезвычайно важный вопрос, как влияние буржуазной идеологии на американских рабочих. Из среды главным образом квалифицированных рабочих буржуазия готовит лидеров реформистских профсоюзов, защищающих ее классовые интересы, засылает своих агентов и в ряды коммунистической партии. На примере внутрипартийной борьбы в Коммунистической партии США автор показывает, как буржуазия, используя методы идеологической и политической дезориентации рабочего класса, вызывает раскол в рабочем движении и пытается подчинить его буржуазной идеологии.

В конце 30-х годов в Коммунистической партии США зародилось реакционное течение — браудеризм,— переросшее к 1944 г. в открытую, враждебную пролетариату фракцию ревизионизма. Браудер и его сторонники пропагандировали теории «исключительности» и «прогрессивности» американского капитализма, а также «классовое сотрудничество» рабочих с буржуазией.

Браудеризм нанес серьезный удар рабочему движению в США. Он пытался ликвидировать марксистскую партию американского пролетариата и содействовал ослаблению позиций левого крыла в Конгрессе производственных профсоюзов. В большинстве профсоюзов КПП руководство захватили реформисты. Левые сохраняли влияние только в союзах, которые объединяли не более 1 млн. рабочих из 5 млн. членов, состоявших в профсоюзах КПП. Реформистские лидеры использовали такое положение, чтобы впоследствии подчинить себе полностью все союзы.

В рецензируемой книге показана роль церкви в идеологическом развращении рабочих. Лидеры КПП были тесно связаны с католической церковью, что дало возможность духовенству создать в профсоюзах КПП свою организацию под названием «Ассоциация католиков — членов профсоюзов», которая отрицательно влияла на борьбу рабочих против наступления монополий.

Б. Я. Михайлов охарактеризовал деятельность КПП и на международной арене. Он отметил, что КПП сыграл положительную роль в установлении связей с рабочими других стран во время второй мировой войны, в создании Всемирной федерации профсоюзов, в борьбе за открытие второго фронта и в разгроме фашизма. Эта положительная работа КПП по улучшению экономического положения американских рабочих и укреплению связей между профсоюзами различных стран проводилась под давлением широких народных масс и в особенности благодаря деятельности коммунистов и левого крыла профсоюзов. Как только буржуазии и реформистским лидерам при содействии браудеризма удалось ослабить силы коммунистов и левого крыла профсоюзов, КПП круто повернул вправо и стал проводить реакционную политику внутри страны и раскольническую деятельность в международном рабочем движении.

В 1949 г. КПП вышел из Всемирной федерации профсоюзов и вступил в рефор-

мистскую организацию — Международную конфедерацию свободных профсоюзов,— в основе деятельности которой лежит антикоммунистический и антисоветский курс. В послевоенное время реакционные лидеры КПП поддерживали внешнеполитический курс правительства, направленный на обострение международных отношений. Они выступали в поддержку «доктрины Трумэна», «плана Маршалла», Североатлантического союза, американской интервенции в Корее, гонки вооружений.

Значительное место в монографии отведено показу борьбы за единство американского и международного рабочего движения. Объединение Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов автор правильно рассматривает как успех американских рабочих, боровшихся за единство своих рядов на протяжении всей своей истории. Однако во главе этого объединения встали те же реакционные лидеры АФТ и КПП — Мини и Рейтер, которые считают главной своей задачей борьбу с прогрессивными, левыми профсоюзами и коммунизмом, с одной стороны, и проведение политики сотрудничества с буржуазией — с другой.

За пределами этой федерации остались 2 млн. человек, состоявших членами независимых профсоюзов железнодорожников, горняков и других. Более 18 млн. рабочих остаются по-прежнему неорганизованными. Таким образом, американскому рабочему классу предстоит преодолеть еще огромные трудности на пути достижения полного единства.

Нарисовав достаточно полную картину развития классовой борьбы в США с 1929 по 1955 г., Б. Я. Михайлов показал, что в рабочем движении США действуют две тенденции: прогрессивная и реакционная. На отдельных этапах классовой борьбы преобладает то одна, то другая тенденция. Однако прогрессивные силы неизменно увеличиваются и рабочее движение неуклонно развивается по восходящей линии. Более чем за четверть века в США произошло 86 530 стачек, охвативших 47 034 тыс. рабочих, в результате чего было потеряно 670,2 млн. человеко-дней. Причем свыше половины всех стачек, участников и потерь в человеко-днях приходится на послевоенное десятилетие. С 1946 по 1955 год было 43 159 стачек с охватом 26 580 тыс. человек и потерей 434,3 млн. человеко-дней (приложение 3). Однако в области политической рабочий класс США продолжал идти за буржуазией. Автор правильно оценил характер рабочего движения в США в 1935—1955 гг. как главным образом экономический, тред-юнионистский (стр. 588).

В связи с анализом экономического положения рабочих США автор поставил и попытался разрешить вопрос о действии в США в рассматриваемые годы сформулированного К. Марксом закона абсолютного и относительного обнищания рабочего класса в эпоху капитализма. Нельзя не согласиться с автором в том, что степень обнищания различных категорий рабочего класса в разные периоды истории американского капитализма была различной. Действие закона абсолютного и относительного обнищания пролетариата находится в то же время в зависимости от размаха, упорства и остроты классовой борьбы (стр. 586).

Факты, приводимые в книге, и выводы автора о действии в США закона об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса наносят удар по американским ревизионистам, пытающимся отрицать действие в США этого закона.

Большое место в монографии занимают вопросы внутрипрофсоюзной демократии и уставных положений КПП, антирабочего законодательства и роли профсоюзов КПП в избирательных кампаниях после второй мировой войны. Все эти проблемы представляют большой интерес и освещены в книге достаточно полно и правильно.

Б. Я. Михайлов изучил протоколы съездов Конгресса производственных профсоюзов и Американской федерации труда, конгресса США, материалы национальных съездов Коммунистической партии США, монографии прогрессивных историков и деятелей американского коммунистического и рабочего движения. Как известно, многие проблемы рабочего движения США освещены в работах У. Фостера и других руководителей КП США. Опираясь на выводы этих работ и используя документы, автор написал ценный труд по истории американского рабочего движения. Хотелось бы, однако, чтобы автор более полно осветил в монографии борьбу внутри КПП по вопросам внешней политики США в послевоенные годы, негритянский вопрос и отношение к нему КПП, связь КПП с профсоюзами Канады и Латинской Америки. В то же время нам представляется, что каждая из этих проблем может явиться предметом специального исследования.

Ждут своего изучения и многие другие вопросы рабочего движения США. Нужны фундаментальные работы по истории Коммунистической партии США, по истории АФТ и профсоюзов железнодорожного братства, по истории рабочего законодательства в США и истории отдельных крупных стачек. Необходимо всесторонне исследовать также политику монополий по отношению к рабочим после Великой Октябрьской социалистической революции, вопрос о действии в США закона об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, о единстве рабочего движения и другие.

История рабочего движения в США 1935—1955 гг., исследованная Б. Я. Михайловым, приводит к убеждению, что, как бы ни фальсифицировали эту историю буржуазные политики и историки, ревизионисты и предатели, рабочий класс США рано или поздно неизбежно пойдет по пути социализма, ибо никто не в силах остановить прогрессивное развитие истории.

Г. И. Каверин

Заметки о книгах

Н. ВЛАДИМИРСКИЙ. *Костромская область.* Историко-экономический очерк. Костромское книжное издательство. 1959. 354 стр. Тираж 5 000. Цена 10 руб. 75 коп.

За последние годы усилиями советских ученых предпринят выпуск ряда многотомных изданий по истории республик и городов нашей страны. Эти издания дают возможность более глубоко и всесторонне познать прошлое и настоящее нашей великой Родины. Важное значение имеет также изучение истории областей и краев Советского Союза, которые по своей территории и численности населения зачастую превосходят многие страны мира. Однако до сих пор история многих из них не разрабатывается должным образом. Поэтому заслуживает всяческого одобрения выпуск Костромским книжным издательством научно-популярного очерка по истории Костромской области. В книге, написанной на основе обобщения архивных и статистических материалов, дается картина хозяйственно-экономического, общественно-политического и культурного развития Костромского края с древних времен до наших дней.

В очерке две части. Первая часть, «Костромской край до Великой Октябрьской социалистической революции», охватывает период с начала заселения его территории славянами в IX в. до Февральской буржуазно-демократической революции. Костромская область — это исконно русская земля, являвшаяся составной частью Ростово-Суздальской Руси. Первоначально она входила в состав Киевского государства, а позднее, после ряда междоусобных войн, вошла в состав Московского княжества.

Природные условия и положение в системе рыночных связей наложили свой отпечаток на историческое развитие области. Занимая выгодное положение на волжском пути, Кострома к XIV—XV вв. стала значительным центром ремесла и торговли Московского княжества. С образованием централизованного Русского государства и развитием товарно-денежных отношений крепли экономические связи Костромского края с другими областями России, характер его хозяйственного развития все более определялся интересами всей страны.

В первой части книги обстоятельно прослежена история развития различных стадий промышленного производства в области, начиная с кустарно-ремесленных промыслов и кончая фабричным производством. Значительное внимание уделено эволюции феодального землевладения, завершившейся в конечном итоге падением крепостного права. Автор показывает, что экономическое развитие Костромского края происходило в условиях жестокого порабощения рабочих, ремесленников и крестьян со стороны эксплуататорских классов.

Специальный раздел работы посвящен революционному движению. Здесь рассказывается о борьбе трудящихся масс за свое освобождение, о создании первых марксистских организаций, о революционной работе в области, которую проводили Я. М. Свердлов, А. М. Стопани и ряд других видных большевистских деятелей.

Довольно подробно говорится о состоянии культуры и просвещения в досоветское время, о жизни замечательных людей Костромской губернии.

Вторая часть книги, «Костромской край в советскую эпоху», освещает социалистическое строительство в области в важнейшие периоды истории нашего государства. Автор знакомит читателей с костромичами, которые в суровые дни гражданской войны вместе со всем советским народом ковали победу в боях против мятежников чехословацкого корпуса, белогвардейцев и интервентов; рассказывает о героическом труде рабочих тыла, ярким выражением чего явились первые коммунистические субботники, о трудностях восстановления народного хозяйства области, разрушенного во время двух войн — империалистической и гражданской.

Много места во второй части уделено истории промышленного строительства и развития кооперативного движения. Здесь говорится о предвоенных пятилетках, в выполнение которых костромичи внесли большой вклад; о трудовых и боевых подвигах костромичей в годы Великой Отечественной войны; о социалистическом строительстве в период послевоенных пятилеток.

Книгу заключает раздел «Костромской экономический административный район», в котором дана краткая историческая справка о развитии различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, их состоянии на сегодняшний день и перспективах. Специальные главы раздела посвящены характеристике городского хозяйства, материальных и культурно-бытовых условий жизни трудящихся, просвещению и культуре.

В книге имеются многочисленные и удачно подобранные иллюстрации.

К числу недостатков, которые следует отметить, надо отнести неудачную структуру книги. Наименование отдельных разделов не всегда соответствует характеру помещенного в них материала. Например, в раздел «Промышленность и сельское хозяйство края во второй половине XIX — начале XX веков» включены никак не относящиеся к нему по содержанию подразделы: «Революционное движение», «Культура и просвещение», «Империалистическая война 1914 — 1917 годов».

Вторая часть книги, посвященная истории края в советское время, видимо, должна начинаться с освещения Великой Октябрьской социалистической революции, а не Февральской буржуазно-демократической революции, как это делает автор.

Непонятно, почему, выделяя в самостоятельные подразделы четвертую и пятую пятилетки, автор не счел нужным подвергнуть особому рассмотрению шестую пятилетку и новый семилетний план.

Думается, что содержание последнего раздела книги — «Костромской экономический административный район» — следовало всецело посвятить вопросам экономического, политического и культурного строительства в области в текущей семилетке и соответственно этому изменить его название. Это позволило бы сделать изложение более последовательным и ярким и устранить повторения.

Автор уделил недостаточное внимание вопросам общественно-политического характера. Например, в первой части книги революционному движению посвящен один подраздел, охватывающий примерно 1873 — 1907 годы. Что касается политической жизни края до и после этого периода, то об этом почти ничего не говорится. О крупнейших народных движениях под предводительством Степана Разина и Кондратия Булавина, в которых принимало участие и костромское население, написано всего лишь несколько строк.

Более подробно, особенно во второй части очерков, следовало остановиться на роли экономических, политических и культурных связей области с другими районами страны.

К сожалению, книга чрезвычайно слабо освещает роль областной партийной организации в обеспечении успехов, достигнутых трудящимися края в советское время.

В книге имеются и фактические неточности. Так, Н. Владимирский пишет, что выдающийся новатор И. Д. Зворыкин за особые заслуги «в 1928 году... был награжден орденом Трудового Красного Знамени с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда» (стр. 201). Автор при этом допускает две ошибки. Во-первых, звание Героя Социалистического Труда было установлено указом Президиума Верховного Совета СССР только в 1938 г.; во-вторых, согласно положению об этом звании, лицам, удостоенным его, вручается не орден Трудового Красного Знамени, а орден Ленина. И. Д. Зворыкин был, видимо, удостоен звания Героя Труда, установленного ЦИК и СНК СССР в 1927 г. и отмененного позднее в связи с введением звания Героя Социалистического Труда.

Таковы, на наш взгляд, недостатки в целом интересной работы Н. Владимирского. Нам представляется, что инициатива областных и краевых книжных издательств, а также местных историков и экономистов в создании подобных очерков заслуживает всяческого одобрения. Нет сомнения, что широкая общественность с одобрением будет воспринимать выход их в свет.

Л. П. Борисов

«Экономическая платформа Русской секции I Интернационала». Сборник материалов. Соцэкгиз. М. 1959. 260 стр. Тираж 3 000. Цена 4 руб. 05 коп.

За последнее десятилетие заметно усилилась исследовательская работа советских историков в области изучения истории I Интернационала и, в частности, его Русской секции. До этого мы располагали, по существу, лишь отрывочными сведениями о данной организации. Недоступны были ее документы и издания. Зачинателем глубокого изучения истории Русской секции являлся В. А. Горохов. Однако в его работе[1] неполно анализировались идейные взгляды членов секции, не было показано ее место в истории русского революционного движения. В послевоенные годы защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных исследованию истории деятельности секции[2]. Эта тема рассмотрена в монографии Б. П. Козьмина[3] и в ряде статей; опубликована также переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с членами Русской секции[4].

Сборник «Экономическая платформа Русской секции I Интернационала» знакомит читателя с важнейшими материалами секции. В книгу вошло 19 статей и документов, которые печатались в 1870 г. на страницах органа Русской секции — «Народное дело» (ныне этот журнал стал библиографической редкостью). Только четыре из включенных в сборник материалов были знакомы нам по советским изданиям, остальные 15 публикуются впервые. Материалы сборника затрагивают слабо освещенную в нашей литературе тему — взгляды членов Русской секции по экономическим вопросам. Публикация их, несомненно, принесет пользу не только историкам, но также философам и экономистам, посвятившим себя изучению передовой русской общественной мысли 60—70-х годов XIX столетия.

Сборник открывается вступительной статьей Н. К. Каратаева (стр. 3—83) и снабжен обстоятельными примечаниями (стр. 247—258). Некоторые статьи, вошедшие в книгу, непосредственно не касаются экономической платформы Русской секции, однако они необходимы для понимания основного направления данной организации. Как известно, по этому вопросу среди историков, экономистов и философов нет еще твердо установившегося мнения. Например, позиция автора вступительной статьи сборника Н. К. Каратаева отличается от взглядов покойного Б. П. Козьмина.

Н. К. Каратаев, раскрывая экономическую платформу Русской секции, анализирует взгляды ее членов на реформу 1861 г., их отношение к вопросу об общинном землевладении, освещает отношение секции к российскому пролетариату и российскому капитализму. Во вступительной статье он показывает заслугу Русской секции, отмечая, что ею «впервые в русской литературе была провозглашена задача объединения городских рабочих и пропаганда среди них идей интернациональной солидарности, идей Международного товарищества рабочих» (стр. 43). Кроме того, Н. К. Каратаев дает более полную, чем Б. П. Козьмин, историографию Русской секции.

Одним из важных вопросов является выяснение места Русской секции в освободительном движении в России. К сожалению, Н. К. Каратаев почти не уделяет внимания ее предшественникам, например, ни слова не говорит об А. А. Серно-Соловьевиче, который являлся активным членом I Интернационала и принимал живейшее участие в создании секции. Рассматри-

---

[1] В. А. Горохов. Первый Интернационал и русский социализм. «Народное дело» — русская секция Интернационала, 1864—1878 гг. М. 1925.

[2] И. С. Книжник (Ветров). Елизавета Дмитриева — деятельница Парижской коммуны по поручению Карла Маркса. Л. 1944; Р. Ш. Тагиров. Русская секция Международного товарищества рабочих (1869—1872). Казань — Москва. 1948; Д. А. Введенский. Русская секция Первого Интернационала. М. 1954; Л. С. Бочарова. Русская секция I Интернационала и ее социально-экономическая платформа. М. 1955.

[3] Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М. 1957.

[4] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Госполитиздат. 1948 (1-е изд.), 1951 (2-е изд.).

вая вопрос о преемниках Русской секции, Н. К. Каратаев приходит к выводу, что первыми организациями в России, приблизившимися к тому идеалу, о котором мечтали ее члены, были Южно-Российский и Северный союзы рабочих (стр. 74—76).

Однако вряд ли можно согласиться с мнением Н. К. Каратаева по вопросу об отношении Русской секции к федерализму. Автор подошел к его решению однобоко, взяв лишь соответствующую статью из программы секции. Ошибки Русской секции в данном вопросе отнюдь не умаляют ее значения как антибакунистской организации. Напротив, разбор их усилил бы аргументацию Н. К. Каратаева против взглядов тех исследователей, которые относят Русскую секцию к числу марксистских организаций. Укажем, что для полного выяснения этой проблемы надо учитывать не только программу Русской секции, но и критику К. Марксом неверной концепции Н. И. Утина в вопросе о федерализме. Вызывает недоумение то, что Н. К. Каратаев, касаясь позиции А. И. Герцена по ряду вопросов, видит его в одном лагере с М. А. Бакуниным, забывая замечание В. И. Ленина об отходе А. И. Герцена в последние годы жизни от Бакунина и сближении с I Интернационалом [5].

Публикация материалов Русской секции I Интернационала, снабженная научными комментариями,— большой вклад в изучение деятельности не только этой организации, но и Международного товарищества рабочих в целом. Книга будет способствовать созданию монументального труда по истории I Интернационала.

Р. Ш. Тагиров

И. Г. СЕНКЕВИЧ. *Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг.* Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1959. 262 стр. Тираж 1 600. Цена 10 руб. 55 коп.

Проблемы национально-освободительного движения привлекают к себе внимание не только специалистов-историков, но и широкие круги мировой прогрессивной общественности. Это объясняется тем, что сама жизнь, закономерный процесс исторического развития пробуждают к борьбе миллионные массы угнетенных народов, прокладывающих новые пути в будущее.

Освободительная борьба усиливается и крепнет с каждым годом. Народам, ведущим борьбу с современным колониализмом, важно знать, кто мешал или стремился помешать освобождению угнетенных масс от колониального рабства, какие силы порождали империалистические агрессии в прошлом.

Весьма поучительна с этой точки зрения история национально-освободительного движения албанского народа против турецкого ига, которая показывает, что его борьба неизменно осложнялась, наталкиваясь на сопротивление главных колониальных держав. Ведя упорную героическую борьбу за свое освобождение от турецкого ига, албанский народ на протяжении многих веков одновременно выступал и против экспансионистских притязаний европейских государств, против экономического и политического закабаления Албании. Во время пребывания в Народной Республике Албании партийно-правительственной делегации Советского Союза в мае — июне 1959 г. Н. С. Хрущев говорил, что албанский народ «всегда проявлял непреклонное стремление вперед к свободной жизни, героизм в борьбе против иноземных захватчиков, за свою независимость» [1].

Наибольший размах национально-освободительное движение в Албании получило в начале XX века. Под влиянием русской революции 1905—1907 гг. национально-освободительная борьба в европейских вилайетах Турецкой империи значительно усилилась, что облегчило победу младотурецкой революции в июле 1908 года. Больше того, на первоначальном этапе младотурецкая революция имела быстрый успех благодаря активному участию в ней албанских и македонских чет. На первом этапе революции младотурки смело объединили свои силы с четническим движением в Македонии и Албании.

Большим вкладом в разработку марксистской истории Албании являются труды историков Народной Республики Албании Алекса Буды [2], Стефана Поло [3] и Кристо Фрашери [4] по истории национально-освободи-

[1] «Правда», 26 мая 1959 года.

[2] Al. Buda. Rruga e popullit shqiptar drejt 28 nëndorit 1912. «Rruga e Partisë», 1957, № 11.

[3] St. Pollo. Revolucioni i parë rus i 1905—1907 dhe lufta e popullit shqiptar për pavarësi. Tiranë. 1955.

[4] Kr. Frashëri. Shpallja e pavarësisë se Shqipërisë (28 nëndor 1912). Tiranë. 1957.

[5] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 11.

тельного движения албанского народа. Известно, что буржуазная историография пытается доказать, что только благодаря вмешательству западноевропейских государств Албания в 1912 г. была отделена от Турции и получила независимость. Албанские историки, привлекая богатый документальный материал, показывают решающую роль народных масс в завоевании независимости своей страны.

Плодотворно работает над вопросами национально-освободительного движения Албании советский историк И. Г. Сенкевич. Ее статьи [5] и рецензируемая книга посвящены борьбе албанского народа за свое национальное освобождение после русской революции 1905 года. Монография И. Г. Сенкевич основана на неопубликованных материалах Архива внешней политики России в Москве, государственных архивов Народной Республики Албании [6], Австро-Венгрии [7] и местных албанских музеев в городах Корче и Эльбасане. В работе использовано также частное собрание Атанаса Ташко, известного албанского патриота начала XX в., жившего в Египте. Кроме того, автором привлечены русские дипломатические документы из публикаций: «Красный архив», 1931, № 6(43); 1933, № 7(44), «Международные отношения в эпоху империализма. 1878—1917». Серия II (1900—1913). Тт. XVIII—XX. (М.-Л. 1938—1940), а также австрийские [8] и английские [9] публикации документов.

По албанскому национально-освободительному движению имеется большая мемуарная литература и произведения современников движения [10], использованные автором в своей работе.

В монографии приведены воспоминания очевидцев восстаний 1910—1912 гг. [11], выдержки из албанской прессы начала XX в., большей частью выходившей в тот период за пределами страны — в колониях албанских эмигрантов.

По корреспонденциям из различных областей Албании, печатавшимся в газетах того периода, автору удалось осветить положение трудящихся масс города и деревни и проследить ход борьбы между различными течениями внутри албанского национального движения.

Краткий перечень использованных источников И. Г. Сенкевич позволяет сделать вывод, что эта сравнительно небольшая монография насыщена богатым фактическим материалом.

В настоящее время буржуазная историография накопила немало работ по отдельным вопросам внутренней жизни страны, политики турецкого правительства, соперничества в Албании отдельных европейских государств, в частности Италии и Австро-Венгрии. Но независимо от того, носят ли эти работы публицистический или мемуарный характер, они пропагандируют версию об отсутствии национальной и экономической общности у албанского народа. Говоря о борьбе албанского народа после 1905 г., одни буржуазные историки отрицают национальный характер албанского государства и заслуги его народа в завоевании независимости, другие доказывают, что албанское государство нежизненно. Наряду с литературой, освещающей историю албанского народа с крайне враждебных позиций, в 20-х и 30-х годах XX в. появились отдельные работы, в общем добросовестно излагающие ход событий в Албании в этот период. Одной из таких работ является книга англичанина Свайра [12]. Однако внутренняя история страны освещена в этой книге крайне скупо.

И. Г. Сенкевич дает марксистский анализ многих работ буржуазных авторов. Она освещает социально-экономическое положение Албании в начале XX в., характеризует политический и административный строй

---

[5] И. Г. Сенкевич. Национально-освободительное движение албанского народа в начале XX в. «Вопросы истории». 1956, № 6; е е ж е. Национально-освободительная борьба албанского народа в 1911—1912 гг. «Новая и новейшая история». 1957. № 5; е е ж е. Младотурецкая революция 1908 года и албанское национальное движение. «Советское востоковедение». 1958. № 1.

[6] Arkivi Shtetit i Republikës Popullore të Shqipërisë.

[7] Haus-Hof und Staats Archiv. Politisches Archiv. Albanien.

[8] Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äussern». Bd. II—III. Wien und Leipzig. 1930.

[9] «British Documents on the Origins of the War 1898—1914». Vol. IX. London. 1933.

[10] «Memoirs of Ismail Kemal-bey». London. 1922; «Niyazi-bey. Hatirat-i Niyazi». Istanbul. 1926.

[11] C. Libardi. I primi moti patriottici albanesi nel 1910—1911—1912, specie nei Dukagini. Trento. 1937; E. Jäckh. Im türkischen Kriegslager durch Albanien. Heilbronn. 1911.

[12] I. Swire. Albania, The rise of a Kingdom. London. 1929.

страны, раскрывает соперничество Австро-Венгрии и Италии в борьбе за экономическое и политическое закабаление Албании. Важное место в работе занимает анализ национально-освободительного движения в последней четверти XIX века.

Книга содержит свежий, интересный материал о влиянии первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. на Албанию. Автор знакомит читателя с борьбой направлений в албанском национальном движении и деятельностью тайных комитетов, четническим движением в 1905—1908 годах.

В монографии анализируется албанское национально-освободительное движение после младотурецкой революции вплоть до провозглашения независимости Албании в ноябре 1912 года. Главы книги о героической освободительной борьбе албанского народа в 1911 и 1912 гг. читаются с большим интересом. Несмотря на голод и недостаток вооружения, албанские повстанцы одержали ряд побед в боях с турецкой армией, проявив исключительную храбрость и стойкость. Однако стоявшие во главе восстания албанские феодалы предали интересы народа. Когда в июле 1912 г. восстание охватило всю территорию страны и располагало силами, достаточными для завоевания независимости, феодалы отказались от борьбы и согласились на ничтожные реформы, которые турецкое правительство обещало провести в Албании.

Осенью 1912 г. началась Балканская война, в которой турецкая армия потерпела поражение. Албания оказалась объектом торга между европейскими державами, что создало реальную угрозу ее раздела. И. Г. Сенкевич правильно пишет, что «весь ход событий требовал заменить лозунг автономии лозунгом полного освобождения страны и ее независимости» (стр. 241), ибо в Балканской войне Турция потеряла свои европейские владения. 28 ноября 1912 г. на собрании представителей от различных районов страны и заграничных албанских эмигрантских центров была провозглашена независимость Албании. Автор отмечает, что массовая героическая борьба народа против турецкого ига, вылившаяся в 1910—1912 гг. в вооруженные восстания, резко ослабила позиции Турции на Балканах и подготовила условия для провозглашения Албании независимым государством (стр. 242). Этот основной вывод И. Г. Сенкевич опровергает тезис буржуазной историографии, что в 1912 г. Албания получила независимость из рук «великих» европейских держав.

Монография И. Г. Сенкевич явится хорошим пособием для всех, кто интересуется историей героического, свободолюбивого албанского народа.

И. С. Галкин

J. NOVOTNÝ. *O bratské družbě Čechů a Slováků za národního obrození. Kapitoly z dějin vzajemných vztahů Čechů a Slováků v narodním hnutí do roku 1848.* Praha. 1959. 275 s.

Я. НОВОТНЫЙ. *О братской дружбе чехов и словаков в период национального возрождения.* Прага. 1959.

История совместной борьбы чехов и словаков против национального и социального угнетения — одна из важнейших проблем, стоящих перед марксистской исторической наукой в Чехословакии. Только изучение исторических связей чешского и словацкого народов, их взаимоотношений в различные периоды истории поможет понять национальную политику народно-демократической Чехословакии, объединившей два братских народа.

До последнего времени не было монографий о чешско-словацких отношениях в прошлом. Этой теме были посвящены лишь отдельные статьи и небольшие работы, а также сборник, выпущенный Словацкой академией наук [1]. Поэтому естествен интерес, который вызывает работа Яна Новотного.

Конец XVIII — первая половина XIX в.— период национального возрождения, важный этап в истории чешского и словацкого народов. Это — время быстрого разложения феодальных отношений, зарождения и укрепления в недрах феодальной системы новых, капиталистических отношений, время пробуждения и роста национального самосознания, начала формирования чешской и словацкой наций.

Пробуждение и рост национального самосознания славянских народов, а среди них чехов и словаков, в условиях национального угнетения, которому они подвергались в многонациональной Габсбургской империи, были очень сложным и затяжным процессом. Изучение чешско-словацких отношений в этот период позволяет лучше понять всю дальнейшую историю чешско-словацких связей.

Работа Я. Новотного основана на изучении большого круга источников. Автор ис-

[1] «O vzajomných vztahoch Čechov a Slovákov». Sbornik. Bratislava. 1956.

пользовал обширный, ранее не публиковавшийся архивный материал (фонды Литературного архива Национального музея в Праге, архива Словацкого национального музея в Мартине, литературного архива Матицы Словенской в Мартине и др.), внимательно изучил чешскую и словацкую прессу того времени, публикации современников, а также литературу по данному вопросу.

Тему своего исследования Я. Новотный определяет как «объяснение некоторых основных вопросов взаимоотношений и сотрудничества чехов и словаков в национальной жизни и в национально-политическом движении с конца XVIII в. до революционного 1848 года». При этом к числу этих основных вопросов он относит лишь культурные связи и общие для чехов и словаков в 30—40-х годах XIX в. национально-политические проблемы.

Давая очень краткий очерк истории чехов и словаков до конца XVIII в., автор определяет характерные черты социально-экономического положения Чехии и Словакии в Австрии конца XVIII — первой половины XIX в., показывает то общее, что сближало чехов и словаков, а также различия, которые отчетливо проявлялись в их историческом развитии. Убедительно звучит вывод Я. Новотного об относительной замедленности роста словацкого национального сознания, объяснявшейся не только экономической отсталостью Словакии по сравнению с Чехией, но и тем, что словаки терпели двойной национальный гнет — австрийского правительства и венгерских феодалов, стремившихся к денационализации Словакии.

Значительное место в книге занимает анализ взглядов чешских и словацких просветителей по вопросу общего для чехов и словаков литературного языка.

Описывая чешско-словацкие отношения того времени, Я. Новотный делает вывод, что они интенсивно развивались благодаря деятельности просветителей по линии культурных связей. В монографии много внимания уделено анализу деятельности Людовита Штура и его последователей по созданию ими словацкого литературного языка на основе центрально-словацкого говора.

Некоторые критические замечания по работе высказал сам автор во введении. По его мнению, недостаточно глубоки в монографии объяснения экономической и социальной сторон истории чешских земель и Словакии в указанный период, анализ классовых корней и общественного характера культурных и национально-политических отношений чехов и словаков. С этим нельзя не согласиться. Читатель, думается, испытывает разочарование, когда убеждается в том, что рамки избранной автором темы оказались весьма суженными. Ясно, какое важное значение имел для Словакии вопрос о литературном языке, как велика была роль последнего в развитии национального самосознания словацкого народа. Однако нельзя сводить почти исключительно к этому вопросу всю проблематику чешско-словацких культурных связей того времени. И хотя в книге немало говорится о связях отдельных чешских и словацких просветителей, широкая и цельная картина чешско-словацких культурных связей все же отсутствует.

Чешско-словацкие связи автор рассматривает, по сути, в отрыве от национального движения других славянских народов (в том числе и тех, кто, подобно чехам и словакам, испытывал гнет Австрии). Правда, Я. Новотный отмечает значение польского восстания 1830 г., упоминает о связях чехов и словаков с представителями польской эмиграции, но он ничего не сказал о таком явлении в истории национального движения славян Австрии, как иллиризм, влияние которого на чешскую и словацкую общественную мысль 30—40-х годов XIX в. не подлежит сомнению.

Автор говорит об отношении чехов и словаков в тот период к России и отмечает, как много значило для Коллара и других просветителей сознание национальной близости с великим славянским соседом. Однако в работе даже не упоминается о пребывании русских войск в Чехии и Словакии во время войн конца XVIII — начала XIX века[2]. Это непосредственное, живое общение чехов, словаков и русских было чрезвычайно важно: оно стало питательной почвой идеи славянской взаимности, сыгравшей такую большую роль в национальном возрождении чехов и словаков.

---

[2] Вопрос этот исследован в работах чехословацких историков. См.: Č. Amort. Ruská vojská u nas v letech 1798—1800. Příspěvek k dějinám česko-ruského a slovensko-ruského přátelství. Praha. 1954; его же. K historii Kutuzová tažení Moravou roku 1805. Praha s. a.; Č. Amort a J. Hrabák. Vojská ruských vojvodcov Suvorova a Kutuzova na Slovensku. Príspěvek k historii slovensko-ruského priátelstva. Prešov.

Наиболее удачным в книге следует признать анализ чешско-словацких отношений в канун революции 1848 года. Здесь дается характеристика Л. Штура и возглавленного им направления, исследуется не только их роль в создании словацкого литературного языка, но в какой-то степени и социально-экономические требования штуровцев, стремившихся расширить социальную базу словацкого национального движения путем привлечения на свою сторону мелкой городской буржуазии, интеллигенции и крестьян. Не во всем приемлема, однако, характеристика австрославистской программы чешской либеральной буржуазии и части чешского дворянства.

Нам представляется, что австрославистская программа чешской либеральной буржуазии и части чешского дворянства требует более подробного классового анализа. Ограниченный и антиреволюционный облик австрославизма отчетливо проявился в революционном 1848 году.

Если взаимосвязи чешских и словацких просветителей раскрыты Я. Новотным довольно обстоятельно, то связи представителей демократического движения показаны сравнительно слабо. Правда, автор указывает, что некоторые чешские радикальные демократы в противовес либералам приветствовали демократическую языковую программу Штура, а редактируемые И. К. Тылом «Кветы» занимали не враждебную Штуру позицию. Но приведенные в книге факты отнюдь не дают обстоятельной и полной картины.

Книга Яна Новотного — полезный труд. Заслуживает одобрения почин автора в осуществлении задачи, стоящей перед чехословацкой исторической наукой. Вместе с тем монография Я. Новотного — наглядное свидетельство того, как значительна проблематика, все еще ожидающая своего исследователя.

Н. Д. Ратнер

П. И. КАБАНОВ. *Амурский вопрос*. Благовещенск. 1959. 254 стр. Тираж 3 000. Цена 12 руб. 25 коп.

Русско-китайские отношения, в частности вопрос о границе в районе р. Амура, издавна привлекали внимание научной общественности как России, так и Китая. Однако разработка этих проблем отставала от требований жизни. Амурский вопрос лишь отчасти освещался в общих работах по истории дипломатии, а также в историко-этнографических очерках и учебниках [1]. Его специальному исследованию посвящена книга П. И. Кабанова. Автор использовал архивные документы, материалы документальных сборников, мемуары и воспоминания участников и современников событий, развертывавшихся на Амуре и в Приморье в XVII—XIX вв., периодические издания, произведения передовых людей XIX в., труды китайских и русских историков. Амурский вопрос в рецензируемой монографии освещается на фоне общего внутреннего положения России и Китая в XVII—XIX вв., а также исторических судеб народностей Приамурья и Приморья. Автор тщательно исследует деятельность русских послов — Ф. А. Головина, Саввы Владиславовича (Рагузинского), Н. П. Игнатьева, административную и дипломатическую деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, начальника Амурской экспедиции Г. И. Невельского.

В первых четырех главах книги рассмотрены история Приамурья XVII — первой половины XIX в., причины возникновения амурского вопроса. В 5—9-й главах этот вопрос освещен в связи с открытием и присоединением к России Сахалина и низовьев Амура. Здесь же рассказывается о первых русских экспедициях, плававших по Амуру в середине XIX века. В последних четырех главах исследуются обстоятельства заключения Айгунского и Тяньцзинского договоров (май и июнь 1858 г.), подписания Пекинского трактата (октябрь 1860 г.); изучена история дальнейшего заселения русскими Приамурья и Приморья, рассмотрено положение коренного населения края.

В первой половине XVII в. владения Китая простирались до правого берега среднего и верхнего течения Амура (левобережье реки, а также земли по ее нижнему течению и Приморье не входили в состав Китайской империи). В 40-х годах того же века русские землепроходцы во главе с В. Поярковым и Е. Хабаровым вышли из Якутии к берегам Амура. Почти одновременно русские заняли верховья этой реки. На Амуре постепенно вырастали русские поселения, центром которых стал Албазин. Таким образом, почти в одно и то же вре-

[1] М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М. 1923; Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII вв. Киев. 1929; «История дипломатии». Т. I. М. 1941.

мя к Амуру подошли границы двух государств — Китая и России,— и река стала естественным рубежом между ними.

Однако маньчжурские правители Китая не хотели признавать прав России на земли по левому берегу Амура. Они пытались помешать их заселению, чинили препятствия плаванию русских судов по реке. В связи с этим встал вопрос об урегулировании возникших в Приамурье пограничных споров. 27 августа 1689 г. был подписан Нерчинский трактат, устанавливавший новую границу между Китаем и Россией — по рекам Горбице и Аргуни. Россия уступила Китаю уже заселенную русскими территорию по левому берегу Амура. При этом она обязалась разрушить русские поселения на отошедшей к Китаю полосе, в том числе и Албазин. Китай, в свою очередь, обещал не восстанавливать и не укреплять город.

Русское правительство было принуждено к заключению Нерчинского трактата сложившейся в Приамурье обстановкой. П. И. Кабанов описывает, как в 1685 г. до 15 тыс. маньчжурских солдат осадили Албазин, гарнизон которого состоял из 450 человек. При второй осаде города, в 1686—1687 гг., против его защитников (736 человек) действовало почти 10-тысячное войско. Ближайшие районы Сибири—Забайкалье и Якутия — не в состоянии были оказать помощь Албазину, а подкрепления из Европейской России могли прибыть лишь спустя год-полтора. В этих условиях русское правительство, как показывает автор, чтобы предотвратить дальнейшие военные столкновения, согласилось на максимальные уступки. Нерчинский трактат не разрешил амурского вопроса. Во-первых, его главный пункт — о передаче русских владений Китаю — являлся несправедливым; во-вторых, граница не была точно определена, так как обе стороны имели весьма смутное представление о территориях, подлежавших разграничению. Несмотря на это, Нерчинский договор оставался в силе вплоть до 1858 года.

П. И. Кабанов рассматривает важные события, происшедшие за указанное время в России и Китае. В России в этот период развивались уже новые, буржуазные отношения; страна стояла перед отменой крепостного права. Китай же продолжал оставаться феодальной страной. В результате к концу 50-х годов XIX столетия произошло коренное изменение соотношения сил в Приамурье и Приморье. В течение всего времени после заключения Нерчинского трактата неуклонно росли экономические и культурные связи России с коренными жителями спорного района. К середине XIX в. русские открыли Татарский пролив и устье Амура, обследовали Сахалин и побережье по обе стороны Амура от места впадения реки в море. 1 августа 1850 г. в устье Амура был заложен город Николаевск. С 1854 г. русские суда стали совершать регулярные рейсы от верховьев до устья Амура, что способствовало заселению ряда новых районов Приамурья и Приморья. Наконец, в июне 1855 г. Россия объявила левый берег Амура, обе стороны устья реки, а также Приморье своими владениями. Отметим, что после заключения Нерчинского трактата 1689 г. влияние Китая в Приамурье оставалось крайне незначительным. Слабый и отсталый в то время Китай не мог заселить и освоить спорные земли.

С середины XIX в. китайское правительство испытывало постоянное давление со стороны крупных капиталистических держав и вынуждено было подписать неравноправные договоры с Англией, Францией и США. Встревоженная этими событиями Россия, опасавшаяся за свои владения в Приамурье и Приморье, постаралась закрепить их за собой путем заключения договора с Китаем. 16 мая 1858 г. обе страны подписали Айгунский трактат, по которому Россия получила левый берег Амура от Аргуни до моря, за Китаем оставался правый берег реки до Уссури. Земли по правому берегу Амура от Уссури до моря впредь, до окончательного определения границ, признавались общим владением обоих государств. Плавание по Амуру, Сунгари и Уссури разрешалось только русским и китайским судам.

В 1860 г. Англия и Франция начали открытую интервенцию против Китая. Пользуясь этим обстоятельством, Россия приняла меры к тому, чтобы окончательно разрешить амурский вопрос в свою пользу и таким образом предотвратить возможную англо-французскую угрозу своим владениям на Дальнем Востоке. 4 октября 1860 г. в Пекин прибыл дипломатический представитель России Н. П. Игнатьев. Китайское правительство обратилось к нему с просьбой стать посредником между Китаем и англо-французскими войсками, осадившими китайскую столицу. Получив принципиальное согласие правительства Китая на удовлетворение требований России при решении амурского вопроса, Игнатьев взял на себя функции посредника, и при его со-

действии 12 и 13 октября 1860 г. были подписаны мирные договоры Китая с Англией и Францией. Вслед за тем, 23 октября, в Пекине был заключен договор между Россией и Китаем, по которому устанавливалась существующая и поныне русско-китайская граница в Приморье.

Таковы узловые вопросы, рассмотренные П. И. Кабановым. Автор правильно отмечает, что Россия добилась разрешения амурского вопроса в основном путем переговоров с Китаем. Этот важный исторический факт П. И. Кабанов объясняет несколькими причинами: малой заинтересованностью Китая в приамурских землях; занятием Россией низовьев Амура и освоением этой реки, русской колонизацией ее левобережья; угрозой Китаю со стороны английских и французских капиталистов, ведших захватническую политику на Дальнем Востоке (стр. 194).

Однако автор упустил из виду, как нам кажется, главное обстоятельство, приведшее к разрешению амурского вопроса в пользу России: ее экономическое и культурное превосходство над Китаем. В статье Ф. Энгельса «Успехи России на Дальнем Востоке» глубоко раскрыта эта сторона вопроса. Ф. Энгельс указывал, что Китай представлял к середине XIX в. «расшатанную», «слабую» и «разложившуюся» империю, а Россия быстро становилась «первенствующей державой в Азии»[2]. Факты, приводимые П. И. Кабановым, полностью подтверждают эти слова.

К сожалению, в книге не дана характеристика литературы и источников, использованных автором, отсутствуют географический и именной указатели, нет библиографии имеющихся на данную тему работ. Отмеченные недостатки, впрочем, не колеблют общей высокой оценки монографии, являющейся значительным вкладом в изучение истории Сибири и Дальнего Востока.

Г. П. Башарин

Н. А. ХАЛФИН. *Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в.— начало XX в.).* М. 1959. 210 стр. Тираж 3 000. Цена 6 руб.

История освободительной борьбы свободолюбивого афганского народа с английскими колонизаторами неоднократно привлекала внимание советских востоковедов. В исследованиях проф. И. М. Рейснера, Л. Р. Гордон-Полонской, Р. Т. Ахрамовича, А. Х. Бабаходжаева, М. А. Бабаходжаева, А. Станишевского, Н. А. Халфина, Е. Л. Штейнберга и других получили марксистское, подлинно научное освещение основные этапы истории национально-освободительной борьбы народов Афганистана, были показаны характер, движущие силы и прогрессивная направленность этой борьбы, раскрыто огромное влияние, оказанное ею на процесс национальной консолидации афганцев и на формирование национального характера этого мужественного народа. Советские исследователи разоблачили фальсификацию истории освободительной борьбы народов Афганистана апологетами британского империализма (такими, как, например, Дж. Макманн, П. Сайкс, В. Фрезер-Тайтлер), пытавшимися оправдать британскую агрессию против Афганистана, показали приемы и методы экспансионистской политики колонизаторов. Советские востоковеды доказали, что освободительная борьба народов Афганистана является частью освободительной борьбы народов Востока, а их успехи в завоевании независимости обусловлены победой Октябрьской революции, победами народов Советской России над силами внешней и внутренней реакции в годы гражданской войны.

В рецензируемой книге Н. А. Халфина дан общий очерк истории национально-освободительной борьбы народов Афганистана на протяжении XIX — первой четверти XX века. Книга является первым обобщающим монографическим исследованием этой темы в нашей историографии.

Исследование построено на материалах Центрального государственного военно-исторического архива СССР, Центрального государственного архива Узбекской ССР, многочисленных английских документальных публикациях, мемуарах политических деятелей и записках европейских путешественников, побывавших в Афганистане в XIX—XX веках. Автором использованы и учтены все основные работы русских, советских и английских историков, занимавшихся новой и новейшей историей Афганистана, а также некоторые работы современных афганских историков.

Несомненным достоинством книги является то, что автор не ограничился изложением событий трех англо-афганских войн, которые он справедливо рассматривает лишь как «кульминационные пункты захватнической деятельности колонизаторов» (стр. 183). В книге последовательно изложена

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 638, 641.

история английской колониальной политики в отношении Афганистана и борьбы народов этой страны с колонизаторами с первого десятилетия XIX в., когда началось «прощупывание» Афганистана английскими колонизаторами (путем засылки военно-политических агентов и попыток вмешаться во внутренние дела страны), до 1921 г., когда английским империалистам пришлось признать провал своей колониальной политики, направленной на порабощение Афганистана. Н. А. Халфин показал, как менялись в зависимости от конкретной исторической обстановки формы и методы британской колониальной политики в отношении Афганистана. На основе большого фактического материала доказана агрессивная сущность «афганской политики» Англии на всех ее этапах и вскрыта несостоятельность попыток ряда английских буржуазных историков утвердить в науке фальшивую версию о «благих намерениях» Англии в Афганистане. Автор убедительно показывает также абсолютную несостоятельность попыток колонизаторов оправдать агрессивную политику Англии в отношении Афганистана ссылками на несуществующую «угрозу» Индии со стороны России и закономерный провал стремлений колонизаторов разжечь в Афганистане недоверие и неприязнь к России. Читатель получает ясное представление о том, что основы дружественных афгано-советских отношений были заложены именно в период тяжелых испытаний, когда афганский народ, напрягая все силы, боролся с британскими колонизаторами за свою свободу и независимость.

Достоинством книги является и то, что в ней наглядно раскрыт всенародный характер освободительной борьбы Афганистана против британской агрессии, показаны ненависть и презрение афганского народа к колонизаторам и их пособникам.

Однако книга Н. А. Халфина не свободна от недостатков. На наш взгляд, они объясняются прежде всего тем, что свое исследование автор строит главным образом на европейских источниках. В изложении событий внутренней истории Афганистана допущены некоторые фактические ошибки и неточности. Так, следовало бы подчеркнуть, что «почву для образования Афганского государства» подготовила не только борьба афганцев против «династии Великих Моголов» (стр. 9), но и борьба афганского народа с иранскими феодалами. В состав державы, созданной Ахмад-шахом Дуррани (1747—1773 гг.) — основателем афганского государства, на северо-западе Индии, кроме Синда, Кашмира и Пенджаба, перечисленных автором (стр. 10), вошли Белуджистан, Сирхинд и Бахавалпур. Создание сикхского государства, утверждает Н. А. Халфин, лишило «Дурранийскую монархию возможности эксплуатации» Кашмира (стр. 11). В действительности же Кашмир находился под властью шахов Дуррани вплоть до свержения этой династии в 1819 году. В книге (стр. 16) эмир Дост Мухаммед-хан и его братья названы детьми визиря шаха Махмуда — Фатх Али-хана. Однако Фатх Али-хан, Дост Мухаммед-хан и все его братья являлись детьми Паиндахана Баракзая.

Слабо аргументированным является утверждение автора, что шах Шуджа-уль-Мульк опирался в 1803—1809 гг. «на небольшую группу феодальных приверженцев» (стр. 14), так как в междоусобной борьбе, раздиравшей в то время Афганистан, на стороне Шуджи выступала феодальная верхушка восточно-афганских племен и часть высшего суннитского мусульманского духовенства, недовольная покровительством, которое соперник Шуджи, шах Махмуд, оказывал шиитам-кизылбашам.

Н. А. Халфин относит начало вмешательства Англии во внутренние дела Афганистана к моменту посылки в эту страну миссии М. Эльфинстона (1809 г.). Однако известно, что английские колонизаторы разжигали междоусобную борьбу в Афганистане уже в конце правления шаха Замана (1793—1801 гг.), страшась коалиции «Франция, Персия, Афганистан» [1], и были причастны к свержению и ослеплению шаха Замана, о чем Н. А. Халфин даже не упоминает.

Можно высказать сожаление, что автор, доведя изложение до 1921 г., ничего не сказал в заключительном разделе книги о попытках вмешательства английских колонизаторов во внутренние дела Афганистана в последующие годы (например, во время Хостинского восстания и в период гражданской войны 1928—1929 годов).

Незаслуженно мало места уделил автор участию пуштунов северо-западной пограничной провинции Индии и полосы независимых племен в войне Афганистана за независимость в 1919 г., хотя активные действия ополчений пуштунов, сковавших основ-

---

1 См. К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.). М. 1947, стр. 105.

ные боевые силы английских войск, способствовали в значительной степени успешному для Афганистана исходу военных действий.

Отмеченные недостатки не умаляют, впрочем, значимости проделанной Н. А. Халфиным работы. Его книгу с интересом и пользой прочтут все интересующиеся историческим прошлым нашего южного соседа — Афганистана.

Ю. В. Ганковский

Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ. *Доктрина Монро*. М. Изд-во ИМО. 1959, 334 стр. Тираж 3 250. Цена 14 руб. 90 коп.

Прошло почти сто сорок лет со дня провозглашения доктрины Монро — декларации принципов внешней политики США, сформулированных в послании президента Дж. Монро конгрессу от 2 декабря 1823 г., а оруженосцы американского империализма и по сей день вспоминают о ней. Ее бережно хранят в арсенале «холодной войны», ее толкуют в «антирусском духе», хотя формула «Америка для американцев» давно воспринимается всеми как девиз Соединенных Штатов: «Америка для североамериканцев», а точнее — «Америка для монополистов США».

Рецензируемая книга не является изложением истории эволюции доктрины. Автор ставил своей задачей установить причины, вызвавшие ее появление, и определить характер документа, опубликованного в декабре 1823 года. Н. Н. Болховитинов выбрал для исследования наиболее трудное направление. Простое перечисление актов агрессии и интервенции, которые осуществлялись Соединенными Штатами в Западном полушарии под прикрытием доктрины Монро [1] на протяжении XIX и XX вв., уже само по себе дает представление о том, какое применение находили ей на практике господствующие классы США и как варьировалось толкование ее американским правительством в ходе истории. Не случайно поэтому в американской буржуазной историографии мы иногда находим труды, в которых более или менее последовательно отмечается экспансионистская направленность доктрины, особенно со второй половины прошлого столетия. Даже американское правительство в 1929 г. перед лицом нараставшей оппозиции интервенционистской политике США в Латинской Америке было вынуждено косвенно признать (в известном «Меморандуме Кларка»), что доктрина Монро служила целям именно такой политики [2].

Когда же речь заходит о периоде появления доктрины, вся мировая буржуазная историческая литература, особенно американская, уже почти в течение полутора веков усиленно доказывает тезис о чисто «оборонительном» назначении доктрины Монро в момент ее провозглашения. Именно отсюда берут свое начало крылатые слова: «Америка для американцев».

Н. Н. Болховитинов, вскрывая в книге сущность доктрины Монро в момент ее появления, счищает коросту тех наслоений и издавна навязанных представлений, которые придали доктрине «идиллический» и «бескорыстный» облик, а Соединенным Штатам — роль «защитника» латиноамериканских стран.

Для выполнения поставленной задачи Н. Н. Болховитинов привлек обширный круг опубликованных и неопубликованных источников. Автор исследует «внутренние предпосылки доктрины Монро», то есть экономические и политические факторы, которые должны были определять основное направление развития США и находить свое выражение во внешней политике страны и, в частности, в доктрине Монро. В общем плане историки уже не раз упоминали о связи высказанных в доктрине идей с развитием в те годы в США капитализма и с наличием там рабства. Н. Н. Болховитинов изучал названные выше факторы для объяснения характера и происхождения доктрины.

В книге раскрывается картина внутреннего экономического и политического положения в США в 1815—1823 годах. Автор знакомит читателя с такими важными факторами, как промышленный переворот в США, американское плантационное рабство, возникновение и развитие американского национального внутреннего рынка, расширение территории США в начале XIX в., политическая борьба между плантаторами Юга и капиталистами Севера и т. д. Н. Н. Болховитинов показывает степень развития к началу 20-х годов XIX в. нацио-

[1] Перечень таких фактов приведен в статье Пабло Неруды «Господа министры», помещенной в «Правде» 1 апреля 1951 года.

[2] J. Gantenbein. The Evolution of our Latin-american Policy (Documents). New York. 1950.

налистических и экспансионистских теорий, отражавших экономические интересы господствующих классов США. «В целом доктрина Монро,— пишет автор,— явилась официальным программным оформлением уже сложившейся теории и практики внешней политики Соединенных Штатов и, в частности, закономерным отражением и развитием идеологии экспансионизма и буржуазного национализма» (стр. 89).

Интересным в монографии является сопоставление идей экспансионизма с существовавшими в США идеями изоляционизма. Хотелось бы, правда, чтобы Н. Н. Болховитинов более четко определил, что питало изоляционизм, помимо стремления правительства США к «свободе рук» во внешней политике (стр. 70).

Много внимания автор уделил анализу той конкретной исторической международной обстановки, которая обусловила как появление доктрины, так и форму ее выражения, ее общественное звучание. Основное место занимает исследование политики США в Испанской Америке и взаимоотношений США со странами Европы. Вполне оправданным нам кажется выделение вопросов об «угрозе» интервенции Священного союза в Латинскую Америку и о политике США на северо-западе Америки. Давняя историческая традиция, согласно которой доктрина Монро объявляется «оборонительной» и «альтруистической», базировалась на утверждении, что доктрина была вызвана якобы угрозой английской, а особенно русской экспансии на северо-западном побережье Америки и стремлением США защитить латиноамериканские республики от намерения Священного союза вновь подчинить их Испании, ликвидировать их республиканские институты.

Н. Н. Болховитинов опровергает эти традиционные утверждения, по-новому подходя к уже известным материалам, вводя в научный оборот новые данные, проливающие дополнительный свет на факты и суждения, которые до сих пор оставались или остаются еще не совсем ясными.

В вопросе о северо-западном побережье Америки мы присоединяемся к аргументации автора, а потому позволим себе привести дословно его вывод: «В целом изучение развития конфликта на северо-западе Америки свидетельствует отнюдь не об оборонительном характере политики Соединенных Штатов в этом районе. Факты показывают, что на северо-западе происходила борьба трех экспансионистских государств: царской России, Соединенных Штатов и Англии. Причем наиболее активную политику в этом районе с начала 20-х годов проводили Соединенные Штаты, что нашло свое выражение в выдвижении притязаний на исключительные территориальные права на северо-западе Америки и провозглашении принципа, запрещавшего дальнейшую колонизацию американских континентов любой европейской державой» (стр. 209). Добавим, что Россия занимала в данном вопросе исключительно примирительную позицию. Веским доказательством тому служит заключение Россией конвенций — с США в 1824 г. и с Англией в 1825 г., которые, к удовлетворению сторон, разрешили территориальные споры (при явных уступках со стороны русского правительства), возникавшие между Россией и США, Россией и Англией на северо-западе Америки (споры между Англией и США длились еще несколько десятилетий).

Рассматривая вопрос об «угрозе» интервенции Священного союза в Латинскую Америку, автор пишет: «Никакой реальной угрозы интервенции Священного союза в Латинскую Америку в 1823 году не существовало. Доктрина Монро, таким образом, была направлена против мнимой угрозы» (стр. 185). Английское и американское правительства, пишет автор, распространяли легенды об «угрозе», чтобы выступить в роли «защитников», якобы предотвращавших порабощение стран Латинской Америки Священным союзом. «Соединенные Штаты и Англия стремились нажить на этом политический капитал» (стр. 186).

Автор совершенно справедливо приходит к выводу, что, провозглашая доктрину Монро, правительство Соединенных Штатов исходило не из интересов борьбы испанских колоний за независимость, а из стремлений к укреплению и расширению самостоятельных позиций Соединенных Штатов, выдвигая притязания на самостоятельное руководство и ведущее положение Соединенных Штатов в Западном полушарии.

Н. Н. Болховитинов успешно справился с научным обоснованием основного тезиса своей работы, показав экспансионистский характер доктрины Монро.

Его книга будит мысль читателя, дает большой простор для размышлений по очень интересному в научном и очень актуальному в политическом отношении вопросу.

Л. Ю. Слезкин

В. М. ЛАВРОВСКИЙ. *Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв.* Изд-во АН СССР. М. 1958. 178 стр. Тираж 1 500. Цена 7 руб. 80 коп.

Вряд ли в социальной истории Англии можно указать научную проблему столь огромной важности и вместе с тем так мало изученную, несмотря на неисчерпаемые архивные возможности, как проблема, затронутая в специальном исследовании В. М. Лавровского. Эта работа ценна прежде всего тем, что она приковывает внимание советской историографии к проблематике, успешная разработка которой, несомненно, окажет плодотворное влияние на изучение аграрной истории Англии XV—XVIII вв. и особенно на воссоздание подлинно народной истории Англии XVII—XVIII веков. Многолетние исследования В. М. Лавровским чрезвычайно трудных, но необычайно богатых по своим познавательным возможностям манориальных документов и глубокое осмысление им теоретического наследия в данной области основоположников марксизма-ленинизма позволили ему создать труд, в котором разрешается ряд основных вопросов аграрной истории Англии XVII—XVIII веков.

Книга В. М. Лавровского представляет собой, как указано в предисловии, сборник статей, которые освещают различные стороны проблемы земельной собственности и закономерности ее эволюции в стране классического развития капитализма в земледелии. Именно это придает книге ту органическую цельность, которая свойственна научной монографии. Большое внимание уделено автором выяснению методологических вопросов. К ним относится анализ взглядов К. Маркса на происхождение земельной собственности английского йоменри и на так называемое первоначальное накопление.

Только решив вопрос о происхождении земельной собственности, можно теоретически осмыслить и конкретно-исторически осветить существо аграрного переворота в Англии XVI—XVIII веков.

Основной порок буржуазной историографии этого вопроса в том, что она абсолютно не в состоянии осознать качественно новый, в корне отличный от средневековых огораживаний характер процесса обезземеливания английского йоменри, который начался в Англии в конце XV века. Буржуазная историография не отразила факт зарождения земельной собственности у английского йоменри, ставший возможным вследствие разложения феодальных отношений и знаменующий собой расцвет крестьянского хозяйства и мелкотоварной агрикультуры в Англии XV в., и процесс экспроприации этой собственности в XVI—XVIII веках. Между тем, лишь уяснив до конца природу земельной собственности английского йоменри, можно вскрыть масштабы той катастрофы, которую принес XVI в. английской деревне, и, таким образом, на прочном фундаменте исторических фактов еще раз подтвердить справедливость марксистской теории буржуазной аграрной революции как процесса насильственного отделения, отрыва непосредственных производителей от средств производства, являвшихся их собственностью, независимо от того, под каким юридическим титулом эта собственность выступала в конкретных условиях в каждой данной стране.

Решение методологических вопросов подводит автора к успешному исследованию центральной проблемы монографии — земельных и рентных отношений в Англии XVII—XVIII веков.

В основу разработки этой проблемы положены архивные источники — манориальные описи, рентали и приговоры об огораживании, собранные А. Н. Савиным в Лондонском публичном архиве для трех маноров: Брамптон (Гентингдоншир), Барроу (Линконшир) и Бартон на Гамбере (Линконшир),— обработать которые он не успел. Разновременные и вместе с тем однотипные источники позволяют статистически проследить социальную динамику держательской массы в каждом из указанных маноров.

В чем же заключаются основные наблюдения и выводы автора?

В маноре Брамптон к концу XVIII в. в процессе социальной эволюции произошло почти полное исчезновение крестьянства, которому принадлежало всего 5,7% общей площади землевладения.

Манор Барроу представляет собой иной вариант развития. Здесь с 1580 по 1803 г. крестьянская земельная площадь возросла с 22,1% до 39,7%. Автору удалось также вскрыть закономерность сосредоточения в руках дворянства крестьянского копигольда. Если в 1649 г. в Барроу было лишь двое дворян-копигольдеров, имевших ничтожные по размеру держания (3 акра и огородный участок), то в 1803 г. шестеро дворян-копигольдеров владели уже 324 акрами копигольда. Факт поистине знаменательный, так

как в нем находит частичное отражение процесс экспроприации мелкокрестьянского землевладения и постепенная замена его земельной монополией лендлордов. К 1803 г. крестьяне-копигольдеры в Барроу потеряли 371 акр земли, которая перешла во владение шестерых дворян и купцов.

В. М. Лавровский приводит интересную таблицу, озаглавленную «Анализ фамилий крестьян-держателей по описям, ренталям и приговору об огораживании манора Барроу», из которой следует, что к 1803 г. из списка землевладельцев данного манора исчезло 40 копигольдерских фамилий из 52, числившихся в описях 1565, 1580, 1649 и 1690 годов. Таков основной итог эволюции крестьянского землевладения в этом маноре, который автор относит к типу наиболее благополучных в отношении удельного веса наделов крестьянского типа в общем балансе, отраженном в приговорах об огораживании.

И, наконец, манор Бартон. Крестьянское землевладение сократилось здесь с 40,7% в 1633 г. до 23,8% в конце XVIII века. Свыше трех четвертей — 76,2% всей территории манора, упомянутой в приговоре об огораживании, оказалось в руках короны, дворян и духовенства. Это тип манора со средним процентом сохранившегося в момент огораживаний крестьянского землевладения.

В. М. Лавровский убедительно показывает процесс гибели крестьянства как класса в Англии в столетие, следовавшее за революцией 40-х годов. Так как в упомянутом сборнике анализируется положение лишь в трех манорах, сделанные автором выводы нуждаются в дальнейшей проверке. Однако сопоставление их с результатами анализа более полусотни приговоров об огораживании, суммированных В. М. Лавровским в монографии, посвященной парламентским огораживаниям [1], позволяет считать эти выводы достаточно убедительными.

В монографии разбираются вопросы дифференциации держателей крестьянского типа, роли коммутации церковной десятины в процессе обезземеливания крестьянства, удельного веса различных форм рент и т. д.

Значительный интерес представляет установление автором зависимости между удельным весом обычной, «улучшенной» и капиталистической рентами и распределением земельной собственности между различными классами и имущественными группами держателей в изучаемых манорах. Анализ данных показал, в частности на примере манора Брамптона, что развитие арендных отношений и торжество «улучшенных» рент привело к гибели класс мелких крестьян-собственников. При этом вскрывается важная закономерность: по мере сокращения общей площади крестьянского землевладения дифференциация крестьянских хозяйств стирается в связи с низведением основной массы крестьян до положения наемных рабочих с наделом. Отдельные разбогатевшие крестьянские хозяйства превращаются в хозяйства фермерского типа, основанные на эксплуатации сельских батраков.

Принципиально важное значение этих выводов заключается в том, что они проливают свет на исторические особенности процесса «раскрестьянивания» в Англии, заключавшиеся в том, что этот процесс определялся не столько стихией товарного производства, сколько закрепленной революцией XVII в. правовой победой сквайрской группы дворянства над крестьянской деревней.

Можно высказать в адрес данной книги и ряд критических замечаний. Главное из них заключается в том, что изложение не всегда отличается достаточной ясностью. Текст подчас загроможден цифрами, местами одни и те же данные приводятся несколько раз.

Автору следовало подчеркнуть недостаточность манориальных источников и то обстоятельство, что в них нередко деревня рассматривается не как единое целое, а изолированными частями, поэтому эти источники позволяют говорить не столько о дифференциации крестьянских хозяйств, сколько о дифференциации держателей крестьянского типа в пределах манора, а это далеко не одно и то же.

Манориальные источники не позволяют также выяснить, как арендаторы использовали взятую ими в аренду землю, каков удельный вес субаренды и многие другие вопросы.

Однако специфика манориальных источников не должна скрыть от нас главного: что они являются наиболее достоверным зеркалом социальных процессов, протекавших в английской деревне указанного периода. Желательно, чтобы для воссоздания аграрной истории Англии XVII—XVIII вв.

[1] В. М. Лавровский. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX века. М.-Л. 1940.

автор привлек и такие источники, как арендные контракты, завещания, приходно-расходные книги (account books), протоколы манориальных курий, трактаты агрономов и протоколы судов общего права.

Ценной стороной рассматриваемой книги является то, что в ней намечается проблематика дальнейшего исследования в данной области. В полемике с авторами доклада на X Международном конгрессе историков в Риме 1955 г. (Мёвре, Слихер-ван Бат, Хоскинс) В. М. Лавровский ставит очень важный для нашей историографии вопрос: история сельского хозяйства или аграрная история? И отвечает на него вполне определенно: «Марксистская теория земельной ренты является для советских историков, изучающих аграрные отношения, ключом к пониманию закономерностей аграрно-исторического развития» (стр. 163). В центре внимания советских историков находится поэтому вопрос о формах земельной собственности и закономерностях ее эволюции на различных этапах исторического развития народов.

М. А. Барг

З. В. УДАЛЬЦОВА. *Италия и Византия в VI веке.* Изд-во АН СССР. М. 1959. 542 стр. Тираж 1 700. Цена 24 руб. 30 коп.

Проблема генезиса западноевропейского феодализма, исследование переходной эпохи от первобытнообщинной или рабовладельческой формации к феодальной представляют большой теоретический интерес. За последнее время советскими медиевистами был опубликован ряд работ, посвященных изучению этой проблемы.

Работа З. В. Удальцовой является первым советским исследованием по проблеме перехода от рабовладения к феодализму на примере Италии конца V—VI в.— страны, где силы рабовладельческого мира в это время еще не были полностью сокрушены. Как происходило это крушение рабовладельческого строя в Италии (бывшем центре Западной Римской империи), какое место занимают в данном процессе остготское и византийское завоевания, какую роль сыграла в этот переходный период социальная борьба народных масс — таков круг вопросов, поставленных в книге [1]. Эти вопросы имеют весьма актуальное значение, ибо без их выяснения в духе марксистско-ленинской методологии трудно себе представить успешную разработку истории эпохи феодализма.

В монографии использована обширная литература на русском и иностранных языках, включая и работы последних лет, причем само исследование тесно связано с обзором различных направлений в буржуазной историографии и критикой ошибочных взглядов тех или иных буржуазных ученых.

Рецензируемая монография состоит из двух частей. Первая часть посвящена изучению социально-экономических отношений в Италии в период владычества остготов (493—555 гг.).

Важное место занимает анализ отношений собственности в Италии в указанное время. Автор показывает, как осуществленный остготами раздел земель привел на некоторое время к укреплению мелкой свободной земельной собственности и как затем снова начался процесс концентрации земель в руках светской и духовной знати.

З. В. Удальцова всесторонне рассматривает вопрос о положении народных масс, не получивший в зарубежной историографии достаточного освещения. На основе изучения законодательных памятников автор убедительно доказывает несостоятельность столь распространенной у буржуазных ученых (Ф. Дан, Торбекке, Э. Штейн, В. Энслин и др.) теории, будто бы Теодорих заботился об улучшении положения народных масс и своими законодательными мерами эффективно защищал угнетенное население от произвола и притеснений со стороны зна-

[1] По этой теме З. В. Удальцовой были опубликованы в периодической печати следующие статьи: «Сельское зависимое население в Италии VI в.» («Вестник древней истории». 1955, № 3 (53); «Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.» («Византийский временник». Т. IX. 1956); «Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания (VI в.)» («Византийский временник». Т. X. 1956); «К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания» («Византийский временник». Т. XI. 1956); «Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в.» (Сборник «Средние века». Вып. VIII. 1956); «Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания» («Вестник Московского университета», историко-философская серия. 1958. № 3); «Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V — начале VI в.» («Византийский временник». Т. XV. 1959) и др. Часть указанных статей в переработанном виде вошла в рецензируемую монографию.

ти. В действительности же эдикт Теодориха и другие законодательные акты остготских королей всецело охраняли права господ на их рабов и колонов. Это отвечало интересам остготской знати, стремившейся обеспечить приобретенные ею владения необходимой рабочей силой, а равно и интересам римской аристократии и церкви. На этой основе и сложился при первых остготских королях временный союз остготской знати со старой римской рабовладельческой аристократией. Подчеркивая живучесть рабовладельческих отношений в Италии, автор вместе с тем отмечает и увеличение роли колоната, а также объективно положительное значение варварского завоевания, способствовавшего процессу разрушения рабовладельческого строя и укреплению слоя свободных мелких собственников. В монографии эта эпоха исследуется во всей своей сложности и противоречивости; она рассматривается под углом зрения борьбы двух тенденций экономического и социального развития — отживавшей рабовладельческой и развивавшейся феодальной,— и соответственно этому крупная земельная собственность остготской Италии характеризуется как собственность переходного типа.

Используя отрывочный материал документов и археологические находки последних десятилетий, З. В. Удальцова рисует картину все более глубокого запустения итальянских городов, связанного в первую очередь с упадком старой формы рабовладельческой собственности. Автор отмечает неудачу попыток остготского правительства нормализовать торговлю и восстановить римские курии, особую остроту социальных столкновений в городах в этот период, обусловленную значительной пестротой классового и этнического состава населения.

Сложный вопрос о политическом строе Италии в конце V — начале VI в. послужил предметом длительных споров между романистами (Сарториус, Лот, Альфан и др.), придававшими решающее значение сохранению римских учреждений, и германистами (Дан, Брион, Энсслин), подчеркивавшими влияние политических институтов древнегерманского происхождения. Автор занимает в этом вопросе принципиально новую позицию, исходя из рассмотрения социальных основ политических институтов. З. В. Удальцова показывает на конкретно-историческом материале, что решающее значение в формировании государственного аппарата Остготского королевства имел не только синтез римских и германских учреждений, но и борьба двух тенденций государственного развития. Придворная служилая остготская знать, заключив союз с частью римской сенаторской аристократии, стремилась к централизации управления. С другой стороны, враждебная придворной знати остготская военная знать, располагавшая значительными земельными владениями в провинциях Италии, добивалась децентрализации. Основное направление общественного развития вело к ослаблению первой группировки, так как постепенно росла экономическая мощь, а следовательно, и политическое влияние остготской военной знати.

Автор анализирует эдикты Теодориха и Аталариха, а также другие памятники остготского законодательства и выявляет его соотношение с римскими правовыми нормами. Указанные эдикты и памятники автор рассматривает как право Остготского королевства. Это законодательство отражало взаимодействие общественных институтов остготов и римлян, закрепляло происходившие в эту эпоху изменения в социальной и политической жизни Италии и в некоторой степени воздействовало на них. Такая постановка вопроса существенным образом отличает исследование З. В. Удальцовой от работ ученых романистического и германистического направления, расценивавших законодательство остготских королей с точки зрения преобладания в нем римских или древнегерманских «начал» и не сумевших показать его социальную природу и политическую направленность.

Во второй части монографии рассматривается история византийского завоевания Италии (535—555 гг.) и политика византийского правительства в захваченных областях. З. В. Удальцова устанавливает, что успехи византийцев в первый период войны в значительной степени объяснялись помощью византийским войскам со стороны римской и италийской аристократии и высшего католического духовенства. Эти успехи были облегчены также наличием острых противоречий между военной остготской знатью, стоявшей за независимость Остготского королевства, и остготской партией сторонников сближения с римской аристократией и Византийской империей. По-новому освещая этот этап войны, автор доказывает, что уже в то время народные массы нередко принимали участие в разгоревшейся борьбе и в зависимости от конкретной обстановки выступали на той или другой сто-

роне. Однако эта борьба еще не получила широкого размаха.

Особый научный интерес представляет характеристика периода правления Тотилы. Избегая упрощений, З. В. Удальцова говорит о колебаниях этого остготского полководца, о его стремлении сблизиться с сенатом. Но при этом подчеркивается, что в создавшейся обстановке, после поражения остготов, Тотила понял необходимость заключения ценой некоторых уступок временного союза с самыми широкими слоями италийского населения. Во имя сохранения господства остготской знати он использовал развернувшееся вскоре в Италии народное движение, вызванное реакционными юридическими и экономическими нововведениями, установленными византийцами в завоеванных ими областях Италии. Это и послужило, по мнению автора, причиной успехов Тотилы в его борьбе с Византией в 543—550 годах. Не помышляя об искоренении рабовладения, Тотила все же содействовал оформлению происходивших в эти годы социально-экономических изменений (массовое перемещение земельной собственности, освобождение части колонов и рабов), делая уступки преимущественно за счет римской аристократии. Вполне обоснованны приводимые автором причины конечного поражения готов (главная из них — неизбежное обострение противоречий в социально неоднородном лагере противников империи и обусловленное этим новое соотношение сил в стране к началу 50-х годов VI в.).

Заслуживают внимания вполне обоснованные, на наш взгляд, выводы автора о реакционном характере византийского господства в Италии, которое временно затормозило развитие новых отношений, хотя остановить его не могло. Именно по этой причине господство Византии в Италии было столь кратковременным.

Работа содержит и некоторые спорные выводы. Нам представляется, что З. В. Удальцова все же несколько преуменьшает роль рабовладельческого уклада в Италии этого времени и соответственно преувеличивает степень развития феодальных отношений, в частности в среде остготов.

О значительной роли рабского труда свидетельствует хотя бы тот факт, что из 155 статей эдикта Теодориха, порожденного этим переходным временем, в 44 статьях идет речь о рабах. Приводимый самим автором фактический материал, характеризующий положение рабов, борьбу из-за рабов между отдельными крупными землевладельцами, союз, заключенный остготской знатью с римской аристократией с целью использовать в своих интересах рабовладение, подтверждает наше мнение. Поэтому вряд ли следует говорить, что в это время существовали лишь «остатки рабовладения» (стр. 220), «пережитки прошлого» и «родимые пятна старого общества» (стр. 180), и тем более об «искоренении пережитков рабовладения в Остготском государстве» (стр. 219).

Но если рано говорить о пережитках рабовладения, то не следовало бы, как нам кажется, писать и об «известном упрочении рабовладения» при остготах (стр. 91, 180). Хотя рабство и занимало еще значительное место в хозяйственной жизни Италии, однако увеличение удельного веса колоната и рост числа свободных собственников означали несомненные, хотя и медленно происходившие сдвиги в социальной структуре общества Италии того времени. И все же остготский период, а равным образом византийский нельзя считать эпохой развития феодализма. Хотя мы и не в состоянии более или менее точно установить соотношение элементов рабовладельческой и феодальной формаций, мы вправе, по-видимому, расценивать период с 493 по 568 год как время, когда закладывалась основа для развития феодальных отношений, начало которому было положено завоеванием Италии лангобардами.

Недостаточно убедителен вывод автора о сравнительно далеко зашедшей социальной дифференциации в среде остготов после их переселения в Италию. Как нам представляется, период остготского владычества был слишком коротким для того, чтобы большинство остготских воинов успело сблизиться по своему экономическому положению с массой италийского земледельческого населения, и «лишь известная часть свободных остготских воинов смогла сохранить (да и то ненадолго) свою собственность и полноправие» (стр. 47). Следует иметь в виду, что рядовые остготы были, по крайней мере на первых порах, свободны от налогообложения, а главное, они составляли войско, то есть основную опору нового государства в завоеванной стране (будучи в то же время непосредственными производителями). Мы полагаем, что насилия остготских знатных лиц, поселившихся в покоренной стране, совершались в первую очередь в отношении римских и италийских мелких собственников и римской знати. Таким образом, постановления Теодориха и эдикт

Аталариха, защищавшие неприкосновенность личности свободных людей и имевшие своей задачей (хотя и весьма непоследовательно) охранить их от посягательств со стороны могущественных лиц, были направлены прежде всего против насилий, совершаемых остготской знатью над местным населением, и вызваны боязнью народных волнений. Точно так же использование государством суровых постановлений римского права относительно зависимого населения и дальнейшее развитие этих постановлений объясняется, на наш взгляд, не «глубокой эволюцией остготского общества» (стр. 68), а стремлением остготской знати получить в свое распоряжение зависимых лиц италийского происхождения, так как эти постановления имели в виду преимущественно не обедневших остготов, а местных рабов и колонов.

В немногих сохранившихся от этого времени грамотах, характеризующих отношения зависимости и обеднение мелких свободных собственников, идет речь почти исключительно об италийцах. Что же касается источников, которые рисуют строй остготского общества, то они настолько скудны и охватывают столь небольшой промежуток времени, что не могут показать динамики его развития. К тому же остготы не оставили записи своего обычного права (типа так называемой «Варварской правды»).

Следует отметить, что автор, характеризуя отдельные прослойки сельского населения, неправомерно выделяет рустиков как особую категорию зависимого населения, стоящую ближе к свободным мелким землевладельцам, чем колоны. Как признает сам автор, «в источниках остготского времени термин «rustici» довольно часто употребляется как собирательное, обобщающее понятие для обозначения всего сельского, преимущественно зависимого населения Италии (кроме, конечно, рабов)» (стр. 105). Во многих источниках того времени, в том числе в отдельных статьях эдикта Теодориха и в «Вариях» Кассиодора, под «rustici» подразумеваются деревенские жители самого различного положения: и мелкие свободные собственники, и мелкие арендаторы, и колоны. Подчас этот термин, весьма широкий и неясный, обозначал какой-либо определенный слой сельских жителей; так, например, в письмах Григория I, регулирующих хозяйственные распорядки в патримониях римской церкви, «rustici» — это, очевидно, колоны, прикрепленные к земле. Даже в следующую эпоху слово «rustici» не утратило в итальянских грамотах своего весьма широкого содержания, причем часто означало свободных крестьян.

Останавливаясь на расселении остготов, З. В. Удальцова говорит о наличии в Южной Италии редких поселений свободных остготских воинов и о проведенном здесь, хотя и в меньших масштабах, чем на севере, разделе земель с римлянами (стр. 29, 34—35, 319). Но Прокопий заявляет, что в Калабрии и Апулии «не было готов» («Война с готами», 1, 15.3), причем в монографии эта цитата приводится дважды. До тех пор, пока не будут найдены новые документы, освещающие этот вопрос, у нас, пожалуй, нет оснований ставить под сомнение слова хрониста.

Как мы уже отмечали, анализ расстановки сил во время войны между византийцами и остготами, политики королей и полководцев, а также влияния на ход событий активно выступивших народных масс весьма убедителен. Автор, как правило, трактует неясные и очень лапидарные источники с должной осторожностью. Но в отдельных случаях утверждения автора не обоснованы, на наш взгляд, в достаточной мере источниками, их следовало бы высказать в более гипотетической форме (стр. 342, 372, 380).

Спорность некоторых положений рецензируемой книги свидетельствует о том, насколько важной является дальнейшая разработка проблемы синтеза элементов феодализма, созревших к этому времени внутри рабовладельческой формации, и новых общественных отношений, складывавшихся у остготов, а позднее у лангобардов, в результате разложения первобытнообщинного строя, иными словами, проблемы генезиса феодализма в Италии. Рецензируемая монография, представляющая собой большой и серьезный труд, несомненно, внесла существенный вклад в исследовательскую работу в этом направлении и способствует тем самым успешному развитию советской медиевистики.

М. Л. Абрамсон

НАУЧНЫЕ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

19 апреля 1960 г. состоялось общее собрание Отделения исторических наук АН СССР с участием представителей институтов отделения и научной общественности столицы.

Открыл собрание заместитель академика-секретаря В. И. Шунков. Он отметил величайшее значение трудов В. И. Ленина для развития советской исторической науки. В работах В. И. Ленина нашли решение коренные вопросы отечественной и всеобщей истории от родового строя до возникновения, развития и упадка капитализма, истории Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет социалистического строительства.

Подчеркивая значение истории как науки, В. И. Ленин указывал, что марксизм требует обязательного применения принципов историзма при изучении общественных явлений.

Член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов в докладе «Ленин в борьбе за мир и разоружение» охарактеризовал основные этапы внешней политики, которую вело Советское государство под руководством В. И. Ленина: борьба за заключение всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, за выход России из империалистической войны; за превращение мирной передышки в прочный мир; за ликвидацию вооруженной интервенции; за обеспечение (когда интервенция была ликвидирована) прочного мира, урегулирование спорных вопросов с капиталистическими странами, за развитие экономического сотрудничества с ними.

В. М. Хвостов разоблачил попытки некоторых современных буржуазных публицистов извратить миролюбивую внешнюю политику Советского государства первых лет его существования; привел ряд высказываний В. И. Ленина, решений коммунистической партии и съездов Советов, в которых развивался основной принцип нашей внешней политики — принцип мирного сосуществования государств с различным общественным устройством.

В. И. Ленину, сказал докладчик, принадлежит также разработка других принципов, которыми руководствуется советская внешняя политика до настоящего времени: самоопределение наций, пролетарский интернационализм, борьба за разоружение.

В. И. Ленин обосновал идею экономического соревнования между странами социализма и капитализма, возможности и необходимости экономического сотрудничества между ними.

Ленинская миролюбивая внешняя политика, сказал в заключение В. М. Хвостов, вытекает из самой сущности социалистического общества.

С докладом «В. И. Ленин и Восток» выступил член-корреспондент АН СССР Б. Г. Гафуров. Он рассказал о неизмеримом значении вклада, который внес В. И. Ленин в дело освобождения народов Востока. Создав стройную, законченную теорию национально-колониального вопроса, Владимир Ильич указал угнетенным народам единственно правильный путь к национальному и социальному освобождению. Идеи Ленина — могучее оружие для народов Востока, борющихся за свою независимость и социальный прогресс.

Ленинская национальная программа, исходящая из признания способности всех народов мира, независимо от уровня их социально-экономического развития, создавать свои независимые государства, разоблачает измышления современных сторонников колониализма о «необходимости» длительного периода подготовки отсталых народов к самоуправлению.

Учение Ленина о самоопределении наций вооружает народы Востока и Запада в их борьбе против империализма, социального и национального гнета.

Докладчик показал, что Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало поворотному этапу в историческом развитии народов Азии и Африки, общему кризису капитализма, краху всей колониальной системы. Великий Октябрь

окончательно превратил трудящихся колониальных и полуколониальных стран в активный фактор всемирно-исторического революционного значения, в творцов новой жизни, участвующих в решении судеб мира. В. И. Ленин оказал громадную помощь коммунистическому движению на Востоке.

Миллионы трудящихся стран Востока стали союзниками и защитниками первого в мире социалистического государства.

В. И. Ленин учил колониальные народы, что решающее условие успеха их борьбы за независимость состоит в создании прочного революционного союза рабочих и крестьян. Великим достижением революционного марксизма является разработка Лениным учения о путях ликвидации экономической и культурной отсталости слаборазвитых стран. Краеугольным камнем этого учения стало гениальное положение Ленина о возможности перехода некоторых ранее отсталых народов к социализму, минуя стадию капитализма, целиком подтвержденное построением социализма в среднеазиатских республиках Советского Союза.

В заключение Б. Г. Гафуров остановился на современных взаимоотношениях Советского Союза с народами Азии и Африки. Он отметил, что эти отношения являются воплощением в жизнь идей Ленина, завещавшего оказывать бескорыстную поддержку народам Востока, всемерно облегчать им путь к демократии и социализму.

С. М. Пенчковская

* * *

22—23 апреля в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС была проведена научная сессия.

Во вступительном слове директор института профессор Г. Д. Обичкин отметил величайшую преобразующую силу ленинизма. Важную роль в пропаганде бессмертных ленинских идей играет Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Академик П. Н. Поспелов выступил с докладом «В. И. Ленин и строительство коммунизма в СССР». П. Н. Поспелов осветил всемирно-исторические заслуги В. И. Ленина перед трудящимся человечеством. «Мировая история,— отметил докладчик,— не знает другого политического деятеля, который оказал бы такое могучее и непосредственное воздействие на весь ход общественного развития, как Ленин». Великий продолжатель учения и дела Маркса и Энгельса, В. И. Ленин творчески развивал революционную теорию марксизма в условиях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения капитализма и торжества социализма. В. И. Ленин создал революционную, марксистскую партию нового типа, возглавил Советское правительство. Владимир Ильич — организатор и руководитель первого в мире социалистического государства. Им разработан план построения социализма в нашей стране. Ныне этот план успешно осуществлен, социализм в СССР победил полностью и окончательно, наша страна вступила в период развернутого строительства коммунизма. Ленинское учение о построении коммунизма в настоящее время приобретает еще большую актуальность. Как никогда, важны теперь указания В. И. Ленина о создании материально-технической базы коммунизма и воспитании нового человека. Выполнение семилетнего плана, а затем и более грандиозных перспективных планов — таков наш путь к коммунизму, к осуществлению заветов В. И. Ленина.

В заключение П. Н. Поспелов остановился на вопросах внешней политики стран социализма и их борьбе за мирное сосуществование государств с различным политическим строем. Однако мирное сосуществование социалистических и капиталистических стран не означает примирения коммунистов с буржуазной идеологией. Идеи Ленина живут и побеждают, овладевая все новыми миллионами трудящихся масс. «Торжество бессмертных ленинских идей во всем мире,— сказал П. Н. Поспелов,— так же неизбежно, как неизбежен восход солнца, смена темной ночи ясным днем».

О ленинском плане электрификации страны и его осуществлении сделал доклад министр строительства электростанций И. Т. Новиков. Он раскрыл выдающееся историческое значение гениальной ленинской формулы: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны»,— охарактеризовал план ГОЭЛРО, а также успехи электрификации страны в настоящее время.

Большой интерес проявили участники сес-

сии к приведенным в докладе данным о перспективах увеличения выработки электроэнергии в течение ближайших 20 лет, когда СССР значительно обгонит самую мощную страну капитализма — США как по суммарной выработке электроэнергии, так и по количеству электричества, вырабатываемого в расчете на душу населения. Решение гигантских задач дальнейшей электрификации страны обеспечит создание материально-технической базы коммунистического общества.

Заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Н. В. Матковский сделал доклад на тему «В. И. Ленин и международное коммунистическое движение». Он изложил взгляды В. И. Ленина по вопросу о программе и тактике коммунистических партий капиталистических стран в борьбе за революционное переустройство мира. Большое внимание Н. В. Матковский уделил современному состоянию мирового коммунистического и рабочего движения, показав значительное усиление влияния коммунистов среди широких масс трудящихся всего мира, успехи коммунистических партий в борьбе за творческое применение марксизма-ленинизма, против ревизионизма и догматизма.

О научном издании ленинского литературного наследия рассказал заведующий сектором ИМЛ В. Я. Зевин.

С воспоминаниями о В. И. Ленине выступили старейшие деятели коммунистической партии — Н. А. Алексеев, Г. А. Моргунов, В. А. Смольянинов.

Рапортом трудового фронта прозвучало выступление руководителя бригады коммунистического труда Г. М. Лукьяновой (Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева), рассказавшей о достижениях своей бригады и завода.

В. И. Кузьмин

* * *

Научную сессию, проходившую 15—16 апреля в Академии общественных наук при ЦК КПСС, открыл ректор академии член-корреспондент АН СССР Ю. П. Францев. Он кратко охарактеризовал основные черты ленинского этапа в развитии общественных наук. Особо Ю. П. Францев остановился на том громадном вкладе, которым Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет во главе с Н. С. Хрущевым обогатили марксистско-ленинское учение о коммунизме.

С докладом «По пути В. И. Ленина к полной победе коммунизма» выступил профессор Ф. Д. Кретов, раскрывший содержание и значение ленинского плана построения социализма в СССР. Важнейшими условиями осуществления этого плана, подчеркнул докладчик, В. И. Ленин считал укрепление диктатуры пролетариата, всемерное упрочение союза рабочего класса и крестьянства, укрепление дружбы всех народов нашей многонациональной страны, обеспечение нерушимого идейного и организационного единства партии, усиление ее руководящей роли в системе диктатуры пролетариата, последовательное и неуклонное проведение миролюбивой внешней политики. Значительная часть доклада была посвящена идеологической работе партии, задачам коммунистического воспитания трудящихся в современных условиях, освещению возросшей руководящей роли партии в хозяйственном и культурном строительстве, историческому значению решений XXI съезда КПСС.

Доктор философских наук Г. Е. Глезерман в докладе «В. И. Ленин о развитии ростков коммунизма» показал, как социалистическая революция подняла к сознательному творчеству широчайшие массы народа. Одним из проявлений этой творческой активности явились коммунистические субботники, в которых В. И. Ленин увидел черты нового, коммунистического отношения к труду.

При социализме, сказал докладчик, наряду с тем, что является преходящим, обнаруживается и непреходящее, то, что будет существовать и при коммунизме. Г. Е. Глезерман подчеркнул, что в нашем обществе уже сейчас есть много ощутимых, зримых черт коммунизма, которые, все более развиваясь, станут в конце концов преобладающими, а затем и вовсе заменят исторически преходящие черты социализма. В этой связи Г. Е. Глезерман много внимания в докладе уделил движению бригад и ударников коммунистического труда.

Профессор А. А. Тимофеевский в докладе «В. И. Ленин о руководящей роли

партии в строительстве социализма и коммунизма» охарактеризовал ленинские принципы организаторской работы партии в массах и применение этих принципов в партийной и государственной работе в современных условиях.

Кандидат экономических наук И. В. Дудинский в докладе «Мировая система социализма — воплощение ленинских идей» подверг критике взгляды ревизионистов по вопросам строительства социализма, показал, как укреплялось единство рядов коммунистических и рабочих партий в борьбе с современными ревизионистами, раскрыл историческое значение решений XXI съезда КПСС для развития марксистско-ленинской теории по вопросам создания мировой системы социализма.

Теме «Современный этап развития империализма в свете ленинской теории» посвятил доклад проф. С. Л. Выгодский. Он охарактеризовал роль монополий в хозяйственной и политической жизни империалистических стран, обрисовал процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, остановился на основных противоречиях мировой капиталистической системы, которые в конце концов подготавливают ее окончательный крах.

Член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Губер в докладе «Ленинизм и современные проблемы национально-освободительного движения» осветил вопрос о развитии В. И. Лениным в новых исторических условиях марксистского учения о связи освободительной борьбы колониальных народов с борьбой пролетариата капиталистических стран за социализм и неизбежном крушении колониальной системы. В докладе получили освещение и такие вопросы, как сочетание борьбы пролетариата за конечные цели с борьбой за решение основной задачи, стоящей перед каждой страной в данный момент; завоевание на сторону партии рабочего класса большинства народа и обеспечение ее руководящей роли; заинтересованность колониального населения — не только представителей трудящихся классов, но и национальной буржуазии — в освобождении от господства империализма; распад колониальной системы; борьба за экономическую самостоятельность народов стран Азии, Африки, Латинской Америки, создание единого национального народного фронта в этих странах, союз рабочего класса и крестьянства, создание предпосылок для перехода этих стран на путь социализма.

Профессор А. И. Шнеерсон сделал доклад на тему «Вопросы современного рабочего и демократического движения в капиталистических странах».

О ленинской тематике в научных планах академии рассказал заместитель ректора доцент И. А. Хлябич. Он остановился главным образом на тех проблемах, разрабатываемых преподавателями и аспирантами, которые имеют важное теоретическое и практическое значение для строительства коммунизма.

90-летию со дня рождения В. И. Ленина были посвящены также расширенные заседания ученых советов ряда кафедр академии. На заседаниях были заслушаны доклады: «Теоретическое наследие В. И. Ленина и современное естествознание» (доцент А. Д. Вислобоков); «В. И. Ленин о разработке проблем диалектической логики» (профессор М. М. Розенталь); «Ленинская методология борьбы с ревизионизмом» (доцент М. И. Сидоров); «В. И. Ленин — создатель Коминтерна» (профессор И. С. Галкин), «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного руководства искусством» (доцент И. С. Черноуцан) и др.

К знаменательной дате — 90-летию со дня рождения В. И. Ленина — силами профессорско-преподавательского состава и аспирантов академия подготовила и выпустила в свет три научных сборника: «Великое торжество идей ленинизма», «В. И. Ленин — основатель и вождь Коммунистической партии Советского Союза», «Борьба В. И. Ленина за воинствующий материализм и революционную диалектику».

В. К. Габуния

* * *

18 апреля с. г. было проведено расширенное заседание Ученого совета Института истории АН СССР.

В краткой вступительной речи директор института член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов отметил, что коллектив сотрудников института работает в области той науки, непревзойденным корифеем которой был Владимир Ильич Ленин. Нашим прямым долгом является дальнейшее

изучение истории деятельности В. И. Ленина, творческое усвоение и применение в практической работе его учения, широкая пропаганда его идей.

С докладом «В. И. Ленин как теоретик и вождь международного рабочего движения» выступил кандидат исторических наук Н. И. Саморуков. Ленинизм как великая жизненная сила, сказал он, явился теоретическим обобщением богатейшей революционной практики, обобщением опыта борьбы рабочего класса всех стран мира. Он выковался в непримиримой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными оппортунистическими, лженаучными теориями об обществе и классовой борьбе. В схватках со старым, отжившим ленинизм неизменно находил подтверждение своей правоты, одерживая все новые победы.

Ленин был великим вождем, мудрым стратегом, непревзойденным мастером по руководству революционной борьбой рабочего класса и трудящихся масс против гнета и эксплуатации, за светлое будущее человечества. Гений Ленина воплотился в создании партии нового типа, партии ленинцев-большевиков. Именно эта партия, прошедшая через самые суровые испытания истории, под руководством Ленина привела российский рабочий класс в октябре 1917 г. к всемирно-исторической победе.

Историческая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он в непримиримой борьбе с народничеством, оппортунизмом и ревизионизмом отстоял революционный марксизм, творчески обогатил его.

Еще в начале своего революционного пути в 1894 г. В. И. Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» научно предсказал победоносную социалистическую революцию в России, которая была блестяще осуществлена под его руководством в нашей стране через 23 года.

Величие ленинских идей — в их неразрывной связи с революционной практикой. Ни одна эпоха в истории человечества, отметил докладчик, не подвергала столь быстрой и суровой проверке идеи и общественные учения, как XX столетие. Ленинизм показал себя революционной животворной силой. Идеи ленинизма сплачивали миллионные массы, воодушевляли их и вели по единственно правильному пути — на штурм капитализма, на борьбу за социальное и национальное освобождение трудящихся.

Докладчик подчеркнул ту неоценимую помощь, которую оказывал В. И. Ленин германской, французской, английской, итальянской, австрийской, венгерской, американской и многим другим коммунистическим и рабочим партиям.

Огромную историческую роль в организации и росте коммунистического движения сыграл основанный под руководством В. И. Ленина Коммунистический Интернационал. Деятельность Коминтерна была направлена на соединение международного рабочего движения с марксизмом-ленинизмом, с научным социализмом, на мобилизацию сил рабочего класса и трудящихся масс для борьбы против нищеты, эксплуатации человека человеком и войн, против колониального рабства.

Заканчивая свой доклад, Н. И. Саморуков сказал, что ленинизм стал победоносным знаменем борьбы за мир, демократию и социализм сотен миллионов людей на земном шаре. Ленинизм — путеводная звезда человечества, освещающая путь к полному освобождению от империализма, к победе социализма во всем мире. Теперь даже наши заклятые враги вынуждены признать великие достижения социализма, превосходство социалистической системы над капиталистической. Марксизм-ленинизм научно доказал, что гибель капитализма неизбежна так же, как неизбежно торжество коммунизма. История подтвердила правоту предвидений гениальных мыслителей и вождей международного рабочего класса — Маркса, Энгельса, Ленина.

Доктор исторических наук В. К. Яцунский выступил с докладом «Методика научного исследования в исторических работах В. И. Ленина». Он сказал, что при изучении ленинской методики исторического исследования наиболее целесообразно начать с рассмотрения его работы над источниками. Известно, что круг источников в трудах В. И. Ленина по социально-экономической истории чрезвычайно широк. Однако при всем их разнообразии выделяются три основные группы: источники статистические, описательного характера и произведения буржуазной литературы. В. И. Ленин оперировал большим количеством цифр. При этом цифровой материал Владимир Ильич использовал только после тщательной проверки степени его достоверности.

В. И. Ленин критиковал царскую промышленную статистику, указывая, что

основным, первичным статистическим документом в обрабатывающей промышленности были ведомости, представляемые владельцами предприятий через посредство полиции в департамент мануфактур и внутренней торговли. Правительство не устанавливало точных критериев при определении фабрики или завода. Поэтому при подсчете крупных промышленных предприятий всегда приплюсовывалось некоторое количество мелких предприятий. К тому же ведомости составлялись небрежно, имелась тенденция к занижению сведений. Правительственная администрация на все это смотрела сквозь пальцы. При суммировании первичный материал не проверялся. В результате получались не только поверхностные, но и несопоставимые за ряд лет итоги.

В. И. Ленин писал: «Из обзора нашей ф.-з. статистики следует, что данными ее в громадном большинстве случаев нельзя пользоваться без особой обработки их и что главной целью этой обработки должно быть отделение сравнительно годного от абсолютно негодного» [1]. «Сравнительно годным» являлись содержащиеся в ведомостях сведения по отдельным предприятиям. На основании этих данных составлялись и публиковались списки предприятий и их производственные показатели. В. И. Ленин выбирал из этих списков сведения по крупным предприятиям, суммировал их и получал таким путем сопоставимые цифры по крупной промышленности. Так ему удалось доказать в противоположность утверждениям народников наличие процесса концентрации в промышленности и решить тем самым большой научный вопрос, имевший крупное политическое значение.

Не менее критически подходил Владимир Ильич к использованию описательных источников и произведений буржуазной литературы.

При изучении того или иного вопроса В. И. Ленин всегда стремился исходить из данных массового порядка. В статье «Статистика и социология» он писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры» [2].

Очень важно отметить, сказал докладчик, что В. И. Ленин любил составлять динамические ряды, то есть ряды статистических чисел, показывающих изменение явлений во времени. Таких динамических рядов довольно много в его капитальном труде «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин составил таблицы роста выплавки металла и добычи каменного угля в России во второй половине XIX в., таблицы, показывающие численность и мощность паровых двигателей в промышленности, степень концентрации производства, изменения размеров посевных площадей и т. п. При составлении такого рода динамических таблиц Владимир Ильич заботился о том, чтобы сравнительные цифры были сопоставимыми.

В. И. Ленин широко использовал средние величины. При этом он указывал, что средние величины необходимо выводить только из однородных совокупностей. Совершенно очевидно, что нельзя складывать средства миллионера и рабочего и из этого выводить среднюю цифру. Между прочим, именно так поступали народники, когда они складывали цифровой материал о кулацком и бедняцком хозяйствах и таким образом получали средние цифры.

Большое значение В. И. Ленин придавал использованию относительных величин и составлению итоговых статистических таблиц. Изучая, например, стачечное движение, В. И. Ленин не ограничивался общими цифрами, а вычислял, какая доля всех рабочих участвовала в данной стачке. Так он оценивал силу стачечного движения.

Важным моментом ленинской методики исследования, сказал В. К. Яцунский, было стремление Владимира Ильича установить и определить взаимозависимость между изучаемыми явлениями. Например, В. И. Ленин обстоятельно изучал взаимную связь между степенью разложения крестьянства и степенью распространения отработочной системы в помещичьем хозяйстве пореформенной России, между разложением крестьянства и товарностью и специализацией крестьянского сельского хозяйства. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин установил взаимозависимость между развитием промышленных монополий и сращиванием промышленного и банковского капитала, между ростом монополий и ростом экспорта капитала, между развитием монополистического капитала и загниванием капитализма.

А. М. Синицин

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 409.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266.

* * *

Торжественное заседание ученых советов институтов востоковедения, китаеведения и Африки АН СССР, состоявшееся 15 апреля 1960 г., открыл директор Института востоковедения член-корреспондент АН СССР Б. Г. Гафуров. Во вступительном слове он сказал, что 90-летие со дня рождения В. И. Ленина отмечает не только многонациональный советский народ, но и все прогрессивное человечество. Б. Г. Гафуров особенно подчеркнул всемирно-историческое значение разработки Лениным стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма, открытия закона неравномерности развития капитализма, создания учения об империализме и теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В. И. Ленин обосновал возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Он разработал теорию национально-колониального вопроса, которая указывает угнетенным народам Востока путь к освобождению от империалистического гнета.

Воздействие идей В. И. Ленина с особой силой раскрывается в наше время — в эпоху распада колониальной системы империализма, эпоху вступления советского народа в полосу развернутого строительства коммунизма. Ленинизм — интернациональное учение, оно поднимает миллионы людей на справедливую борьбу за свое освобождение, за лучшее будущее. Трудящиеся стран Востока свято чтят имя Ленина, великого гения человечества.

Доктор исторических наук А. М. Дьяков в начале своего доклада «Ленин о роли народов Востока в мировой истории» рассказал о том влиянии, которое оказала революционная борьба в России на развитие революционного движения в Азии. Период, последовавший за русской революцией 1905—1907 гг., В. И. Ленин назвал эпохой пробуждения Азии, а Великая Октябрьская социалистическая революция и Советская власть в России, неоднократно повторял Владимир Ильич, способствовали окончательному пробуждению Востока.

Докладчик проанализировал ряд ленинских работ, посвященных национальному вопросу в эпоху империализма. Предсказывая, что в колониальных странах неизбежно вспыхнут восстания и революции, В. И. Ленин особенно подчеркивал значение политики Советской власти в республиках Средней Азии для всего азиатского материка и колоний мира. Победа социалистической революции в Китае, Корее, Вьетнаме подтвердила предвидение В. И. Ленина о том, что Восток нанесет сокрушительные удары по империалистической системе.

Кандидат исторических наук И. Я. Златкин сделал доклад «В. И. Ленин о некапиталистическом пути развития стран Востока», обратив в нем внимание на теоретические положения, высказанные В. И. Лениным в докладе по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна. В этом историческом документе впервые в развернутом виде Владимир Ильич изложил идею о возможности некапиталистического развития отсталых стран к социализму, минуя капитализм. Теоретическое и практическое значение этой ленинской идеи исключительно велико.

Ленинская теория некапиталистического развития выдержала испытания временем и получила подтверждение в практике освободительной борьбы народов Востока. Ярким тому примером могут служить советские республики Средней Азии, а также КНР, МНР, КНДР, ДРВ, которые, следуя по пути строительства социализма, достигли невиданного прогресса во всех областях экономической, политической и культурной жизни.

Доктор исторических наук С. Л. Тихвинский остановился на некоторых проблемах, разработанных В. И. Лениным и имеющих непосредственное отношение к национально-освободительной борьбе китайского народа, а именно: роль народов Востока, в том числе и китайского народа, в мировой истории; разоблачение империализма как злейшего врага китайского народа и формулирование задач национально-освободительной борьбы; выявление перспектив демократической революции в Китае и необходимость ее перерастания в революцию социалистическую.

В своих многочисленных трудах, посвященных национально-освободительной борьбе китайского народа, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал свою глубокую веру в огромные революционные силы китайского народа.

П. А. Бровцинов

* * *

Открывая сессию Ученого совета Института славяноведения АН СССР, проходившую 14 апреля, директор института И. И. Удальцов кратко охарактеризовал огромное значение ленинизма для развития славянских стран по пути социализма. Глубокое и всестороннее изучение путей и форм воплощения в этих странах идей ленинизма, подчеркнул он,— почетная и ответственная задача славяноведческой науки, первоочередной долг советских историков-славистов.

Кандидат исторических наук Г. М. Славин прочитал доклад на тему «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в зарубежных славянских странах», подготовленный коллективом сотрудников института (кандидатами исторических наук М. А. Бирманом, А. Х. Клеванским, А. Я. Манусевичем и Г. М. Славиным). В докладе было показано, что борьба В. И. Ленина в России за партию нового, революционного типа оказывала непосредственное влияние на развитие всего международного рабочего движения, находила широкий отклик в славянских странах. Условия социально-экономического развития большинства славянских народов были близки к условиям, существовавшим в царской России. Исторические судьбы этих народов были тесно связаны. Социалистическое движение в славянских странах зарождалось под знаком совместных действий русских, польских, болгарских, сербских и других революционеров. Новая эпоха в истории рабочего класса, открывшаяся борьбой В. И. Ленина за создание марксистской партии в России, ознаменовалась дальнейшим укреплением связей русского революционного движения с революционным движением в других странах, в том числе славянских.

Докладчик подробно осветил огромную организаторскую деятельность В. И. Ленина по консолидации международного рабочего движения и созданию III Интернационала, его большую помощь прогрессивным и революционным силам славянских стран в образовании коммунистических партий.

Коммунистические партии славянских стран, следуя ленинскому учению и используя опыт КПСС, привели трудящихся к победе над буржуазией, к завоеванию власти. В заключение в докладе был дан краткий обзор успехов коммунистических партий Польши, Чехословакии и Болгарии в строительстве социализма.

С докладом на тему «Ленинское учение о партийности литературы и становление социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран» выступил доктор филологических наук Д. Ф. Марков. Обоснованный В. И. Лениным принцип коммунистической партийности составляет жизненную основу социалистических литератур. Докладчик подробно остановился на характеристике ленинского принципа коммунистической партийности. Д. Ф. Марков осветил вопросы возникновения национальных пролетарских литератур и формирования марксистской эстетической мысли в славянских странах (конец XIX — начало XX в.). Бурный рост революционного движения, образование коммунистических партий в славянских странах после победы Великого Октября внесли глубокие качественные изменения в литературный процесс. Пролетарские литературы в период 1918—1925 гг. стали, например, в Чехословакии и Болгарии, ведущими течениями. В общественной и литературной жизни создавались реальные предпосылки для формирования социалистического реализма. Докладчик отметил, что становление нового художественного метода проходило весьма своеобразно в конкретных национальных условиях каждой страны, но при этом сохранились общие закономерности развития социалистических литератур. Становление социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран свидетельствует о том, что движение к новому методу обусловливается общественной действительностью, является закономерной тенденцией внутреннего развития каждой литературы.

С сообщением «Философские идеи В. И. Ленина и проблемы современной лингвистики» выступил кандидат филологических наук С. К. Шаумян, осветивший некоторые вопросы структурно-типологического изучения языков.

И. М. Шептунов

* * *

12 апреля состоялось объединенное заседание ученых советов Института археологии и Института этнографии АН СССР. Открыл заседание директор Института этнографии член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов.

С воспоминаниями о встречах с В. И. Лениным выступил проф. Н. Н. Баранский. Он живо и образно рассказал о замечательном умении В. И. Ленина в личных беседах и выступлениях убеждать людей, воспитывать их, разбивать их заблуждения и ошибочные точки зрения. Интересный доклад на тему «В. И. Ленин о докапиталистических формациях» прочитал академик Б. А. Рыбаков. Докладчик подробно, на большом материале показал отличительную особенность произведений В. И. Ленина, их глубокий историзм, мастерское увязывание прошлого с настоящим. Глубокое знание истории позволяло В. И. Ленину подходить к любому историческому явлению диалектически, учитывая его место в общеисторическом процессе. Большое внимание Б. А. Рыбаков уделил разбору произведений В. И. Ленина, имеющих исключительное значение для понимания сущности феодализма и его эволюции в России. Докладчик подчеркнул, что В. И. Ленин явился первым историком-исследователем, обосновавшим сущность феодального способа производства в России, условия постепенного вызревания в недрах феодализма капиталистических отношений.

Кандидат исторических наук Т. А. Жданко в докладе «Ленинская национальная политика в действии на примерах народов Средней Азии» остановилась на работах В. И. Ленина, посвященных вопросам национальной политики коммунистической партии в Средней Азии, а также на непосредственном, личном участии В. И. Ленина в разрешении сложных вопросов социалистического и национального строительства в Туркестане. Докладчик отметила особую важность разрешения национального вопроса и вместе с тем огромную сложность этой научно-теоретической и практической проблемы. Т. А. Жданко указала на первостепенную роль В. И. Ленина в теоретической разработке национального вопроса, неотъемлемо связанного с вопросами классовой борьбы, пролетарской революции и диктатуры пролетариата. В докладе было показано, как внимательно В. И. Ленин следил за положением в Средней Азии в 1918—1920 гг., прилагая все меры к оказанию оперативной помощи (военной, продовольственной) трудящимся в борьбе с контрреволюцией, и одновременно занимался вопросами поднятия экономики края, подготовкой национального размежевания в Туркестане и воссоединения разобщенных среднеазиатских народов в рамках суверенных советских национальных республик, что являлось одной из важнейших предпосылок дальнейшего процесса формирования социалистических наций в Средней Азии и Казахстане. Национальное размежевание проводилось на глубоко научной основе, и ему предшествовала большая подготовительная работа, широко организованная Советским правительством (изучение этнического состава и этнографических особенностей народов Средней Азии, экономических и бытовых особенностей отдельных областей и районов). Еще в 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет об ассигновании 50 млн. руб. на организацию оросительных работ в Туркестане и развитие ирригации; несмотря на хозяйственные трудности, переживаемые страной, в 1920 г. в Туркестан было послано оборудование для шелкопрядильных и шелкомотальных фабрик. Тогда же по инициативе В. И. Ленина был создан Туркестанский государственный университет и началась борьба за раскрепощение, за экономическое и социальное равенство женщин.

Мероприятия коммунистической партии и Советского правительства в отношении народов Средней Азии — яркий пример воплощения в жизнь ленинской национальной программы, приобщения ранее отсталых народов к социалистическому строительству, сочетания интересов каждой отдельной нации с задачами построения коммунистического общества.

В заключительном слове С. П. Толстов подчеркнул, что советские ученые-этнографы и археологи должны внимательно изучать теоретическое наследство В. И. Ленина, развивать в своих исследованиях намеченные им центральные направления и тем способствовать развитию исторической науки, марксистско-ленинской теории, воспитанию людей на новой, коммунистической основе.

В. А. Александров

* * *

15 апреля с. г. на заседании Ученого совета Института истории искусств АН СССР были проведены ленинские чтения.

Во вступительном слове заместитель директора института доктор искусствоведения Б. М. Ярустовский рассказал о кипучей деятельности В. И. Ленина по руководству культурной революцией в Стране Советов. Эта деятельность В. И. Ленина определялась не только его положением руководителя первого в мире социалистического государства, но и личным отношением к искусству. Владимир Ильич обладал тонким восприятием художественных произведений. Он умел ценить искусство, глубоко эмоционально его воспринимать.

С сообщением на тему «Идеи Ленина в борьбе за прогресс мировой культуры» выступил доктор искусствоведения И. Ф. Бэлза. Докладчик подчеркнул огромное значение философских и теоретических трудов В. И. Ленина в борьбе с различными реакционными течениями и взглядами в буржуазной философии и эстетике. Некоторые из этих реакционных теорий возрождаются и ныне в практике и теории художественной культуры Запада. Перед историками искусства стоит задача разоблачать подобные реакционные теории.

В последнее время, отметил И. Ф. Бэлза, можно наблюдать, как глубочайший пессимизм все более и более охватывает буржуазную художественную культуру. Выход из этого тупика прогрессивные художники видят в бессмертных идеях Ленина, которые освещают путь к светлому будущему.

Ленинизм является самым могучим оружием, стоящим на вооружении ученых, художников, искусствоведов.

Вдохновляющая сила ленинского слова и дела, его беспримерное умение видеть правду и говорить о ней мужественно и прямо, без всяких прикрас, могучая любовь Владимира Ильича к жизни одухотворяют советское искусство. Этой теме было посвящено сообщение кандидата философских наук Л. Н. Пажитнова «Ленин и правда искусства». Великий вождь пролетарской революции, как никто другой, умел чувствовать красоту и пафос коммунистического строительства. Как никто другой, Владимир Ильич обладал замечательным умением видеть за внешними приметами любого исторического явления его внутренние тенденции, способностью в каждой ситуации, даже самой запутанной, найти стимул к действию, к борьбе. Этому драгоценному качеству, сказал докладчик, советские художники должны учиться у Ленина.

Н. Д. Виноградов поделился своими воспоминаниями о встречах с Ильичем. Он подчеркнул то большое значение, какое придавал В. И. Ленин сооружению первых советских памятников. В частности, обелиск Свободы, установленный в 1918 г. на Советской площади в Москве, был сооружен по проекту, выбранному Владимиром Ильичем.

Кандидат искусствоведения Т. И. Бачелис в сообщении «Ленин и некоторые вопросы советской художественной культуры», используя новые материалы, рассказала о том, как Ленин ставил вопрос о сочетании нового и старого в области искусства, и о том, как партия должна учитывать это в своей политике, о замечательных чертах Владимира Ильича, характеризующих его отношение к жизни, людям, явлениям искусства.

Сообщение «Ленинская программа культурной революции и первые поиски советских архитекторов» сделала В. Э. Хазанова. Сохранившиеся архивные документы позволили докладчику познакомить слушателей с первыми проектами заводских поселков, жилых зданий и городов, созданных советскими архитекторами. В. Э. Хазанова продемонстрировала ряд проектов Мавзолея Ленина, свидетельствующих о том, что выполненный по проекту А. В. Щусева ленинский Мавзолей родился на основе достижений советской архитектуры первых лет революции.

Ученый совет принял решение о необходимости дальнейшей теоретической разработки темы «Труды Ленина и вопросы искусствоведения».

Г. А. Хайченко

СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ОТМЕЧАЕТ 15-ЛЕТИЕ НАРОДНОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

28 апреля 1960 г. состоялась сессия Ученого совета Института славяноведения АН СССР, посвященная пятнадцатой годовщине освобождения Чехословацкой Республики от фашистских захватчиков.

В сессии приняли участие коллектив сотрудников Института славяноведения и представители других научных учреждений и общественных организаций Москвы. На сессии присутствовали чрезвычайный и полномочный посол Чехословацкой Республики в СССР Рихард Дворжак и сотрудники посольства. Среди гостей был также председатель Национального комитета чехословацких историков член-корреспондент Чехословацкой АН Вацлав Гуса.

Открыл сессию заместитель директора института, кандидат исторических наук И. А. Хренов. Был заслушан доклад директора института, кандидата исторических наук И. И. Удальцова «Чехословацкая Республика на пути завершения строительства социализма». В докладе были освещены основные этапы борьбы чехословацких трудящихся под руководством КПЧ за социализм. Важное место в докладе занял анализ проблемы перерастания народно-демократической революции в социалистическую. Главное внимание докладчик уделил периоду развернутого строительства социализма. И. И. Удальцов показал, что основной метод государственного руководства социалистическим строительством, который применялся и применяется в Чехословакии,— это максимальное содействие развертыванию творческой инициативы широких масс трудящихся. Метод предварительного всенародного обсуждения важнейших мероприятий в области политической, экономической и культурной жизни страны в огромной степени способствует усилению политической активности трудящихся, является важной формой идеологического воспитания масс в духе социализма. Состоявшийся в апреле 1960 г. пленум ЦК КПЧ подчеркнул, что главным звеном дальнейшего углубления социалистической демократии является сейчас расширение прав национальных комитетов, имеющее целью еще большее приближение руководства и управления страной к народу.

Докладчик подчеркнул, что высокий уровень промышленного развития Чехословакии является прежде всего и главным образом результатом правильной, марксистско-ленинской экономической политики КПЧ, трудовых усилий трудящихся Чехословакии и принадлежности ее к мировой социалистической системе народного хозяйства.

За истекшие 15 лет коренным образом преобразилось и сельское хозяйство Чехословакии, изменилось лицо чехословацкой деревни. В настоящее время в основном уже завершен процесс кооперирования в сельском хозяйстве.

Успехи экономического развития страны сопровождаются неуклонным ростом материального уровня жизни трудящихся. Чехословакия уже теперь принадлежит к числу стран с наиболее высоким жизненным уровнем народа.

Выдающимся успехом социалистической Чехословакии является быстрое экономическое и культурное развитие Словакии. В основе политики развития Словакии лежит намеченный КПЧ курс на крутой подъем ее экономики, в первую очередь промышленности.

Кандидат филологических наук С. В. Никольский зачитал доклад «Становление социалистической культуры в Чехословакии», подготовленный М. Н. Кузьминым, С. В. Никольским, С. А. Шерлаимовой.

Социалистическая революция в Чехословакии не была единовременным актом. Борьба за социалистическую культуру, как показал докладчик, также развивалась в два этапа. Борьба за наиболее последовательную демократизацию культуры, очищение ее от последствий фашистского господства, предоставление широчайшим слоям населения доступа к источникам образования и знаний — вот содержание первого этапа культурной революции в Чехословакии. В результате окончательной победы над реакцией в феврале 1948 г. наступил второй этап культурной революции, когда стало возможным широко развернуть социалистические преобразования в области культуры. Докладчик далее остановился на освещении основных достижений чехословацкого народа в строительстве социалистической культуры.

Выступивший на сессии В. Гуса рассказал о развитии чехословацкой исторической науки.

С большим интересом была заслушана краткая речь чрезвычайного и полномочного посла Чехословацкой Республики Рихарда Дворжака, подчеркнувшего большое значение помощи Советского Союза чехословацкому народу в социалистическом строительстве.

Е. Д. Воробьева

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА В СССР

В Институте истории Академии наук СССР прошла сессия, посвященная вопросам формирования пролетариата в России в период империализма. Сессия была организована Научным советом института по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». В ее работе приняли участие представители академических институтов и университетов Москвы, Ленинграда, Минска и других городов — всего свыше 100 человек. В прениях по докладам выступил 21 человек, из них 11 представителей с мест. Сессия показала актуальность темы, большой интерес к изучению истории пролетариата, рост научных кадров.

В кратком вступительном слове доктор исторических наук А. Л. Сидоров отметил большое значение разработки проблем истории рабочего класса России и подчеркнул необходимость создания фундаментальных трудов в этой области.

С докладом «Состояние и задачи изучения истории пролетариата России» выступил доктор исторических наук Л. М. Иванов (Институт истории АН СССР) [1].

О состоянии и задачах изучения истории рабочего класса Украины рассказал доктор исторических наук Ф. Е. Лось (Киев). Он подчеркнул, что украинская советская историография развивалась в острой борьбе с буржуазной и националистической историографией М. Грушевского, М. Яворского, А. Гермайзе и др. На основе марксистско-ленинской методологии советские историки по-новому подошли к изучению истории рабочего класса Украины. Однако в исторических исследованиях первых лет Советской власти не ставился вопрос о формировании украинского рабочего класса.

Постановление ЦК КП(б)У от 29 августа 1947 г. «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории АН УССР» поставило перед украинскими историками задачу тщательного изучения вопросов возникновения и развития рабочего класса Украины.

В послевоенные годы издано несколько монографических работ, посвященных проблемам формирования рабочего класса на Украине, написаны кандидатские диссертации, в которых исследуется процесс формирования пролетариата в отдельных отраслях промышленности. В своих работах украинские историки опровергли буржуазно-националистические утверждения о «безбуржуазном» характере прошлого пути развития Украины.

Ф. Е. Лось охарактеризовал также основные направления дальнейшего изучения истории рабочего класса России и Украины. По его мнению, необходимо уделять больше внимания изучению специфических особенностей процесса формирования рабочего класса на первой стадии развития капитализма, характеризующейся «появлением наемных рабочих и кустарей, работающих на скупщиков», и на его второй, мануфактурной стадии.

Историки должны лучше координировать свою работу с этнографами, фольклористами, литераторами, экономистами, философами, создавать исследования по истории отдельных отрядов украинского пролетариата периода империализма, а также глубоко изучать экономическое и политическое положение рабочего класса. Перед советскими историками стоит задача всестороннего исследования истории рабочего класса Украины в годы проведения столыпинской аграрной реформы, первой империалистической войны и Февральской революции, а также в период борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в

[1] Доклад Л. М. Иванова опубликован в журнале «Вопросы истории», 1960, № 3.

социалистическую. Очень важно раскрыть процесс формирования революционной идеологии рабочего класса Украины, показать его роль как творца пролетарской культуры, изучить историю создания и деятельности организаций РСДРП на Украине в период империализма.

С докладом «О проблеме вооруженного восстания в 1906—1907 гг.» выступил кандидат исторических наук Г. М. Деренковский (Институт истории АН СССР). Он отметил, что данной проблемой исследователи до сих пор занимаются мало. Между тем и после поражения декабрьского восстания 1905 г. лозунг вооруженного восстания продолжал оставаться одним из центральных лозунгов большевиков. Вокруг него в формально объединенной РСДРП шла острая идейная борьба между правыми и левыми, вытекавшая из двух тактик социал-демократии, наметившихся с самого начала революции.

Несмотря на поражение революции и наступление реакции, предпосылки для нового революционного подъема имелись и в начале 1906 года. В противовес меньшевикам, которые толкали пролетариат и его партию на путь парламентаризма и приспособления к либералам, большевики видели свою задачу в том, чтобы до конца исчерпать революционные возможности пролетариата и всей своей политикой способствовать новому подъему революции, ее углублению и расширению.

Докладчик отметил, что в постановке вопроса о вооруженном восстании в 1906 г. по сравнению с 1905 г. имелись свои особенности, продиктованные учетом опыта декабрьского восстания 1905 г., но принципиального различия не было.

В. И. Ленин в своих трудах наметил конкретную программу подготовки нового вооруженного восстания. Осуществление последней проходило под руководством большевистского центра во главе с Лениным. Докладчик подробно остановился на деятельности большевистских организаций по подготовке восстания (формирование боевых дружин, партизанское движение в стране и пр.).

Большевики считали, что было бы неправильным форсировать события. Они указывали на необходимость более тщательной военно-технической подготовки восстания с тем, чтобы к моменту, когда оно созреет, быть в полной боевой готовности. Громадное значение придавалось выбору момента для восстания.

Лозунг вооруженного восстания был снят большевиками только после третьеиюньского переворота 1907 г., означавшего победу реакции и поражение революции.

Кандидат исторических наук Ю. Н. Нетесин (Рига) в докладе «К вопросу о численности и составе пролетариата Латвии перед первой мировой войной» на основе разнообразного материала показал рост численности и изменение состава рабочего класса Латвии. Промышленное оживление, наметившееся в крае к 1913 г., сказал докладчик, вызвало увеличение производства и рост рядов фабрично-заводского пролетариата. Концентрация промышленности и интенсификация сельского хозяйства, повышение темпов капиталистического накопления на протяжении 1900—1913 гг. значительно увеличили армию наемного труда в Латвии, порождая во все более тяжелых формах относительное перенаселение и способствуя дальнейшему обострению классовых противоречий в стране.

Л. И. Лескова (МГУ) остановилась на изменениях в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910—1914 годах. Она отметила, что медленный рост числа уральских рабочих был связан с наличием в промышленности Урала (и прежде всего в горнозаводской) феодально-крепостнических пережитков. Кадры уральских рабочих в результате прикрепления к заводам складывались на протяжении многих поколений, что являлось одним из основных элементов «оригинального строя» уральской промышленности.

Источниками пополнения уральского пролетариата являлись прежде всего крестьяне, разорившиеся в результате столыпинской реформы, кустари, пришлые из других губерний России рабочие, а также женщины, подростки и дети.

Для уральской горнозаводской промышленности была характерна высокая степень концентрации, в ней было занято до 50% всех уральских рабочих.

В период промышленного подъема 1910—1914 гг. концентрация промышленности стала приобретать более капиталистический характер. Начала внедряться новая техника, применялись новые методы эксплуатации, изменялись условия жизни и труда рабочего класса. Рабочие постепенно теряли связь с землей.

К. Ф. Сидоров (Институт истории АН

СССР) выступил с докладом на тему «Начало первой мировой войны и манифест В. И. Ленина». Докладчик обосновал огромное методологическое значение для освещения истории рабочего движения таких гениальных ленинских произведений, как «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и «Война и российская социал-демократия».

По мнению К. Ф. Сидорова, историки, исследующие проблему рабочего движения периода первой мировой войны, должны решить ряд задач. Во-первых, более глубоко, с широким фактическим обоснованием осветить вопрос об отношении пролетариата к войне в первый ее период (июль 1914 г.— февраль 1915 г.). Во-вторых, упразднить существующий в литературе разнобой в периодизации рабочего движения периода империалистической войны. В-третьих, вскрыть влияние предательства руководства германской и других социалистических партий II Интернационала, проголосовавших 4 августа 1914 г. за предоставление кредитов для ведения империалистической войны, на усиление реакционного курса и репрессий царских властей против большевиков и рабочих России. В-четвертых, провести дальнейшее разоблачение контрреволюционной сущности социал-шовинистских и троцкистско-каутскианских экономических платформ, наглядно характеризующих роль социал-шовинистов и троцкистов как отрядов буржуазии в рабочем классе.

Докладчик обратил также внимание на необходимость более углубленно изучать лозунги ленинского манифеста, являвшиеся мощным идейным оружием большевиков в борьбе с шовинистами и центристами, за гегемонию пролетариата, за революционный выход из войны, за социализм и создание Коммунистического Интернационала. Манифест был и остается программным историческим документом не только большевистской партии, но и всего международного коммунистического движения в борьбе за братство между народами, за мир во всем мире.

К. Ф. Шацилло (Институт истории АН СССР) сделал сообщение «Забастовка рабочих николаевского судостроительного завода «Наваль» в январе — феврале 1916 г.». Автор пришел к выводам, что забастовка на заводе носила экономический характер; она показала, что как местные, так и центральные власти защищали интересы владельцев предприятия; наконец, выступление рабочих «Наваля» — свидетельство того, что в стране назревала революционная ситуация. В борьбу втягивались сравнительно отсталые слои рабочих.

Ю. И. Кирьянов (Институт истории АН СССР) в своем выступлении охарактеризовал изменения численного состава рабочих в каменноугольной, металлургической и железорудной промышленности южного района России в годы первой мировой войны. Он привел ряд новых цифр, позволивших ему сделать вывод о том, что численность рабочих в каменноугольной промышленности увеличилась в 1916 г. по сравнению с 1913 г. на 47%, в металлургической — примерно на 50%. В железорудной промышленности эти изменения были весьма незначительными. В годы войны шире стал использоваться труд женщин, подростков и малолетних. Значительный контингент рабочей силы составляли военнопленные.

Характеризуя удельный вес «постоянных» рабочих и рабочих, связанных с сельским хозяйством, Ю. И. Кирьянов пришел к выводу, что доля «непостоянных» рабочих, например, на металлургических заводах юга России накануне войны и в первое время после начала войны была весьма значительной и составляла приблизительно 50%. Для промышленных рабочих юга характерна довольно значительная связь с землей.

Мобилизации оказали весьма существенное влияние на изменение состава рабочих в годы войны. На ряде крупнейших металлургических предприятий доля призванных в армию в первую мобилизацию достигала 30%.

Ю. И. Кирьянов отметил наличие высокой степени концентрации рабочих в южном промышленном районе, способствовавшей более быстрому формированию пролетарской идеологии трудящихся масс этого района.

Г. А. Арутюнов (Институт истории АН СССР) в сообщении «О некоторых особенностях рабочего движения в России в период нового революционного подъема» охарактеризовал основные причины, вызвавшие новый революционный подъем.

Подъем революционного движения в 1910—1914 гг. проходил в более сложной исторической обстановке, чем подъем накануне 1905 года. Своеобразие заключалось в том, что к этому времени Россия сделала шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Произошли глубокие сдвиги не

только в экономической и политической, но и в общественной жизни России.

Развитию революционного движения способствовал ряд факторов: рост влияния партии большевиков, стоявшей во главе всероссийского пролетарского движения, концентрация производства, численный рост и повышение политической сознательности пролетариата, увеличение количества политических стачек, большая организованность рабочих, повышение процента кадровых рабочих и т. д. Рабочее движение данного периода отличается глубоким интернационализмом. Период нового революционного подъема явился важнейшим этапом в борьбе пролетариата за буржуазно-демократическую и социалистическую революции.

★

По докладам развернулось оживленное обсуждение, в ходе которого был поставлен ряд вопросов, требующих дальнейшей творческой разработки.

В. М. Фрейдлин (Москва) остановился на вопросе о характере изменений в составе пролетариата России в годы первой мировой войны. Он отметил, что на смену призванным в армию рабочим пришло новое пополнение, главным образом из деревни, преимущественно из бедняцких слоев. Рабочий класс значительно пополнился также за счет женщин и подростков.

Рост концентрации рабочих, особенно в промышленности Петрограда, создавал благоприятные условия для развития классового самосознания. Большинство рабочих, пришедших в промышленность в годы войны, быстро усваивало революционные уроки и примыкало к передовым, сознательным пролетариям.

А. И. Воронова (Минск) кратко изложила некоторые вопросы истории пролетариата Белоруссии начала XX в., подчеркнув, что для Белоруссии этого периода характерны низкая концентрация рабочего класса (за исключением железнодорожных рабочих), разбросанность его по мелким предприятиям и тесная связь с сельским хозяйством. Кадры промышленных рабочих Белоруссии формировались медленно. Среди пролетариата сильно было влияние мелкобуржуазной идеологии, что затрудняло работу большевистских организаций по воспитанию рабочих в революционном духе. А. И. Воронова отметила тесные революционные связи рабочего класса Белоруссии с рабочим классом России.

М. С. Волин (Институт истории АН СССР) основное внимание уделил проблеме формирования идеологии рабочего класса. Важнейшим условием осуществления социалистической революции является превращение рабочего класса в вождя широчайших народных масс. В этой связи исключительное значение приобретает идеологическая подготовка рабочего класса к революции, которая, по мнению докладчика, заключается прежде всего в воспитании рабочего класса в духе идеи гегемонии пролетариата.

С точки зрения М. С. Волина, является неисследованной проблема связи рабочего класса с деревней, вопрос о размещении промышленности и о влиянии рабочих промышленных предприятий на местное сельское население.

Требует разработки история борьбы рабочего класса под руководством большевиков во время избирательных кампаний в Государственные думы, а также деятельность социал-демократической фракции Государственной думы.

Некоторые вопросы формирования идеологии рабочего класса Эстонии охарактеризовала в своем выступлении Г. И. Мосберг (Тарту). Начиная с 70-х годов XIX в. по инициативе эстонской демократической интеллигенции были организованы различные общества, в которые входило значительное количество рабочих. Общества в основном занимались культурно-просветительной работой. Идеи марксизма в Эстонии начали распространяться с конца XIX века. Но этот процесс шел медленно, поскольку буржуазно-националистическая идеология оказывала на рабочие массы сильное влияние. В период первой русской революции эстонские рабочие впервые выступили против своей национальной буржуазии.

Перед историками Эстонии стоит задача — создать марксистскую историографию данного вопроса.

В. К. Яцунский (Институт истории АН СССР) подчеркнул, что изучение проблемы формирования пролетариата нужно вести не только по отраслям промышленности, но и по районам, что позволит проследить формирование национальных кадров рабочего класса. Большое значение для всестороннего освещения этой проблемы имеет изучение вопроса о притоке в крупную промышленность кустарей соответствующей специализации.

По мнению В. К. Яцунского, изучение процесса формирования рабочего класса неправильно начинать с реформы 1861 г., так как и в дореформенный период происходило формирование кадров наемного труда, прежде всего в центральных промышленных районах. В первой половине XIX в. производственные кадры промышленности пополнялись главным образом за счет оброчных крестьян.

Ю. С. Аксенов (Москва) посвятил свое выступление вопросам формирования, состава и положения кадров рабочих в золотопромышленности Ленских приисков. На формировании классовой идеологии пролетариата приисков и на формах его борьбы отрицательно отражалась текучесть рабочих кадров. Для этого района была характерна разобщенность рабочих.

До конца XIX в. кадры рабочих для приисков формировались в основном за счет крестьян сибирских губерний, а после постройки Сибирской железной дороги основными поставщиками рабочей силы стали центральные районы России. До 80-х годов значительный процент рабочих на приисках составляли ссыльные поселенцы.

Выступления ленского пролетариата по своему характеру отличались от выступлений рабочего класса центральных районов. Стачки, происходившие на приисках до 1907 г., носили преимущественно экономический характер, и только во время забастовки на прииске Весеннем в 1907 г. рабочие выдвинули требование свободы собраний.

Ю. З. Полевой (Институт истории АН СССР) сказал, что главное внимание историки должны уделять изучению истории формирования идеологии рабочего класса. Научно-теоретический уровень работ по этим вопросам заставляет желать лучшего. Рабочее движение излагается в них вне связи с общественным движением, не прослеживается влияние рабочего движения на демократические слои народа.

Для пропаганды революционных традиций рабочего класса России важно создать серию популярных брошюр, посвященных героической борьбе пролетариата, а также отдельным деятелям революционного движения.

Н. М. Добротвор (г. Горький) отметил, что историография рабочего движения до сих пор разработана слабо. Он подчеркнул положительную роль Истпарта в публикации многочисленных сборников документов по истории рабочего движения. Н. М. Добротвор коснулся проблемы формирования рабочего класса в период империализма, отметив, что ее следует изучать в сочетании с историей рабочего движения.

На некоторых вопросах историографии рабочего движения остановилась С. И. Антонова (МГУ). Она отметила, что история формирования рабочего класса получила различное освещение в нашей исторической литературе. Так, для литературы 20-х годов характерно недостаточное использование архивных источников и слабая разработка наследия В. И. Ленина.

Коснувшись вопроса об источниковедческой базе работ М. С. Балабанова и К. А. Пажитнова, она отметила, что эти работы базируются на статистических данных фабрично-заводской инспекции, требующих критического отношения.

С. И. Антонова считает, что данные фабрично-заводской статистики уже во многом устарели и вопросы положения рабочего класса нужно разрабатывать, используя архивные материалы, а также земскую статистику.

И. П. Лейберов (Ленинград) остановился на вопросе о влиянии военных мобилизаций в годы первой мировой войны на кадровый состав петербургского пролетариата, а также на вопросе о рабочей аристократии. На основе исследованных документальных материалов и статистических данных И. П. Лейберов сделал некоторые расчеты количества петроградских рабочих, призванных в армию.

К началу войны в Петрограде насчитывалось около 242 тыс. промышленных рабочих. Из них могло быть мобилизовано в армию примерно 116 тыс. чел., но в связи с работой на военных предприятиях получило отсрочку не менее 70 тыс. человек. Таким образом, в 1914—1916 гг. в армию могло быть призвано не свыше 40 тыс. чел., что составляло около 17% от общего числа промышленного пролетариата Петрограда накануне войны.

Предварительный анализ состава петроградского пролетариата и его изменений после первой мировой войны показывает, что за 1914—1917 гг. заметно окрепла прослойка рабочей аристократии. Для более точного выявления слоя рабочей аристократии, указал докладчик, следует заняться исследованием заработной платы по группам производственных рабочих. Рабочая

аристократия являлась той социальной базой, которая поставляла кадры не только меньшевикам, эсерам, но и черносотенным силам.

О. А. Иванова (Москва) посвятила свое сообщение совещанию московских большевиков с участием В. И. Ленина в марте 1906 года. Совещание заслушало сообщения участников подготовки Московского вооруженного восстания, обсудило вопрос о тактике во время восстания. В. И. Ленин поддержал тех, кто отстаивал наступательную тактику в ходе восстания.

И. Т. Щербина (Киев) высказал ряд критических замечаний в адрес К. Ф. Шацилло, ничего не сказавшего в своем сообщении о большевиках г. Николаева и о работе большевистской группы на судостроительном заводе «Наваль», а также не раскрывшего влияние стачки рабочих этого завода, происходившей в январе — феврале 1916 г., на революционное движение пролетариата Украины и всей страны. И. Т. Щербина считает, что стачка носила не только экономический, но и политический характер.

С точки зрения С. И. Потолова (Ленинград), необходимо при изучении проблемы формирования идеологии рабочего класса координировать работу историков, этнографов и музейных работников, привлечь внимание исследователей к изучению некоторых архивных фондов, материалов земской статистики и др.

М. Ю. Юлдашев (Ташкент) сообщил, что ученые Средней Азии в настоящее время начали работу по подготовке трехтомного труда по истории пролетариата Туркестана.

По мнению Г. Ф. Лукина (Таллин), особое внимание при изучении истории рабочего класса надо уделять вопросу о его гегемонии. Он подверг также критике сообщение Г. А. Арутюнова, в котором, по мнению выступавшего, недостаточно были показаны особенности периода 1910—1914 гг. и рабочего движения в разных районах страны, и отметил недооценку Г. А. Арутюновым статистических данных, опубликованных в большевистской прессе. Г. Ф. Лукин подчеркнул, что большевистская пресса всегда являлась важнейшим источником для изучения истории рабочего движения.

И. В. Стригунов (Баку) сделал сообщение о некоторых вопросах разработки истории рабочего класса Азербайджана. Он обратил внимание на недостатки в изучении этой проблемы: слабое исследование объективных условий рабочего движения, характера изменений в составе рабочего класса Азербайджана и его положения в начале XX в., а также истории отдельных отрядов рабочего класса в уездах Азербайджана; слабо разрабатываются историками Азербайджана теоретические вопросы названной проблемы и методика использования статистических материалов.

Остановившись на вопросе формирования рабочего класса Азербайджана, И. В. Стригунов сказал, что основным социальным источником пополнения пролетариата было разорявшееся крестьянство Северного Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, ряда губерний Европейской России, Иранского Азербайджана. Капитализм втягивал также в производство женщин и детей.

Основу бакинского пролетариата составляли рабочие, занятые в крупной индустрии и прежде всего в нефтяной промышленности. По темпу роста пролетарских кадров бакинская нефтедобывающая промышленность до 1898 г. занимала одно из первых мест в стране. Бакинский пролетариат складывался как пролетариат многонациональный. В его рядах было много русских рабочих. В 1904 г. в Баку трудились рабочие более чем 30 национальностей. Значительные рабочие кадры имелись и в других отраслях промышленности Азербайджана.

Ю. Н. Шебалдин (Институт истории АН СССР) значительную часть своего выступления посвятил оценке литературы, в той или иной мере посвященной изучению вопросов положения пролетариата России на различных этапах развития капитализма. По его мнению, необходимо решительно покончить с бытующим в статьях и особенно в диссертациях примитивизмом в освещении кардинальных вопросов этой темы, прежде всего в освещении вопроса об абсолютном и относительном обнищании пролетариата России. Он отметил, что нужно нацелить внимание исследователей не только на сбор новых, главным образом архивных, материалов о заработной плате, производственных и бытовых условиях рабочих и прочих факторах положения пролетариата, но и на теоретическое обобщение и осмысливание уже накопленного материала.

П. В. Волобуев (Институт истории АН СССР) высказал ряд критических замечаний по докладам К. Ф. Сидорова и Г. М. Деренковского. Он отметил, что докладчикам следовало бы подчеркнуть преемственную связь ленинского манифеста с лучшими традициями в международном пролетарском движении в период, предшествовавший войне. Вместе с тем нужно было показать, что этот документ является теоретическим обобщением антивоенных позиций местных партийных организаций России.

С точки зрения П. В. Волобуева, было бы желательно проследить связь между лозунгом вооруженного восстания и тактикой большевиков в отношении Государственной думы. Установки большевиков по этим вопросам, отметил П. В. Волобуев, вытекали из оценки объективной обстановки момента. Революционная обстановка в стране была налицо, и партия видела свою задачу в том, чтобы двигать революцию дальше. Отсюда вытекали лозунг подготовки вооруженного восстания и тактика бойкота Думы. Эта тактика сочеталась с борьбой против конституционных иллюзий. В период избирательной кампании во 2-ю Думу партия придерживалась новой тактики: хотя лозунг о вооруженном восстании не был снят с повестки дня, тем не менее ходом событий он был отодвинут на задний план. Партия приняла участие в выборах во 2-ю Государственную думу.

Л. К. Ерман (Москва) главное внимание уделил вопросу о борьбе пролетариата за завоевание на свою сторону демократической интеллигенции в период революции 1905—1907 годов. Важно проследить, сказал он, влияние пролетариата и рабочего движения на интеллигенцию. Демократическая интеллигенция училась у пролетариата методам борьбы и заимствовала их.

Выступивший с заключительным словом Л. М. Иванов подчеркнул, что изучение истории пролетариата, как показала настоящая сессия, за последнее время значительно расширилось. Одним из главных итогов настоящего совещания является вывод о необходимости борьбы с недостатками в освещении ряда кардинальных вопросов формирования пролетариата.

Ждут еще своего обсуждения вопросы о численности кадровых рабочих и «пришлых», об источниках пополнения рабочего класса и методике подсчета количества стачек. Необходима дальнейшая разработка проблемы состава пролетариата в период войны, вопроса о рабочей аристократии и т. д.

Сессия сыграла важную роль в изучении истории рабочего класса в России.

Н. А. Курашова, С. А. Лившиц

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ И ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН БССР

За годы Советской власти значительно выросли научные кадры Советской Белоруссии, в том числе историков. Сейчас в республике около 5,5 тыс. учителей преподает историю в средних школах, свыше 200 историков трудится в научных учреждениях и вузах, из них 179 человек имеют ученые степени кандидатов и докторов наук.

Рост кадров историков в БССР и создание необходимых условий для их плодотворной работы положительно сказались на выпуске научных трудов по истории Белоруссии. Еще до XX съезда КПСС Институтом истории АН БССР был издан ряд монографий, явившихся известным вкладом в изучение истории белорусского народа. Среди них первый том «Истории БССР» [1], монографии Т. С. Горбунова «Воссоединение белорусского народа в едином Белорусском советском государстве», Н. В. Каменской «Великая Октябрьская социалистическая революция и образование БССР», С. И. Сацункевича «Коммунистическая партия большевиков Белоруссии в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства республики (1930—1934 гг.)» [2] и некоторые другие.

[1] «История БССР». Т. I. Минск. 1954.

[2] Ц. Гарбуноу. Уз'яднанне Беларускага народа у адзінай савецкай сацыялістычнай дзяржаве. Мінск. 1950; Н. В. Каменская. Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і утварэнне

Были опубликованы три сборника документов и материалов по истории Белоруссии общим объемом около 200 печатных листов [3]. В этих трудах освещены важные вопросы истории белорусского народа: победа Октябрьской революции и образование БССР, социалистическое переустройство белорусской деревни в довоенный период, героическая борьба белорусского народа и Коммунистической партии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Впервые был создан систематический курс истории БССР с древнейших времен до 1917 года.

Однако книги этого периода имели серьезные недостатки, обусловленные в первую очередь последствиями культа личности. Историки еще не уделяли должного внимания деятельности народных масс, нередко прославляли лишь отдельных героев, прибегали к лакировке исторической действительности.

Важнейшее значение для развития исторической науки имели решения XX съезда КПСС, нанесшего решительный удар по всем уродливым явлениям, порожденным культом личности.

Руководствуясь решениями XX съезда КПСС, историки Белоруссии проделали значительную работу. В Институте истории АН БССР и в других научных и учебных учреждениях республики были пересмотрены и улучшены планы исследований. В Институте истории были проведены некоторые структурные изменения: в частности, в нем образованы два новых сектора: сектор партизанского движения и сектор публикации документов и материалов, а сектор этнографии передан во вновь организованный Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. Институт истории пополнился молодыми кадрами, повысилась их научная квалификация.

В 1957—1959 гг. Институт истории АН БССР опубликовал ряд крупных трудов. Среди них «История Минска» [4], «История БССР» (т. II) [5], сборники статей «Материалы по археологии БССР» (т. I), «Из истории борьбы белорусского народа за Советскую власть и победу социализма» [6], монографии Н. В. Каменской «Первые социалистические преобразования в Белоруссии» [7], Е. П. Лукьянова «Крестьянское движение в Белоруссии накануне Великой Октябрьской социалистической революции» [8], В. А. Милованова «Первые шаги колхозного движения в Белоруссии» [9], И. Е. Марченко «Аграрные преобразования в Белоруссии в 1917—1918 гг.» [10], И. И. Саладкова «Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — февраль 1918 г.)» [11]; И. С. Кравченко и А. И. Залесского «Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны» [12] и другие книги и монографические исследования.

Институт истории партии при ЦК КПБ и Институт истории сообща издали ряд документальных сборников: «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии» [13] (тома I—II), «Комитеты бедноты Белоруссии» [14] и другие.

В последние годы Институт истории АН БССР стремится более тесно увязывать свою работу с деятельностью других научных учреждений республики. Многие труды института создаются с участием Института истории партии при ЦК КПБ, исторических

БССР. Минск. 1954. С. І. Сацункевіч. Камуністычная партыя (бальшавікоу) Беларусі у перыяд барацьбы за калектывізацыю сельскай гаспадаркі рэспублікі (1930—1934 гг.). Мінск. 1952.

[3] «Документы и материалы по истории Белоруссии». Т. 3. Минск. 1953; т. 4. Минск. 1954; «Революционное движение в Белоруссии. 1905—1907 гг.». Документы и материалы. Минск. 1955.

[4] «История Минска». Минск. 1957.

[5] «Гісторыя БССР». Т. II. Мінск. 1958.

[6] «Материалы по археологии БССР». Т. 1. Минск. 1957; «Из истории борьбы белорусского народа за Советскую власть и победу социализма». Сборник статей. Минск. 1957.

[7] Н. В. Каменская. Первые социалистические преобразования в Белоруссии (25 октября 1917 г.— июль 1919 г.). Минск. 1957.

[8] Е. П. Лукьянов. Крестьянское движение в Белоруссии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Минск. 1958.

[9] В. А. Мілаванау. Першыя крокі калгаснага руху у Беларусі (кастр. 1917—1920 г.). Мінск. 1958.

[10] И. Е. Марченко. Аграрные преобразования в Белоруссии в 1917—1918 гг. Минск. 1959.

[11] И. И. Саладков. Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917—февраль 1918 г.). Минск. 1957.

[12] И. С. Кравченко, А. И. Залесский. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. Минск. 1959.

[13] «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии». Документы и материалы. Тт. I—II. Минск. 1957.

[14] «Комитеты бедноты Белоруссии». Сборник документов и материалов. Минск. 1958.

кафедр Белорусского государственного университета и Минского педагогического института, Архивного управления БССР и его органов на местах, Музея истории Великой Отечественной войны, Музея героической обороны Брестской крепости и других научных учреждений. К разработке ряда тем привлекаются исследователи из братских советских республик.

В изданных после XX съезда КПСС трудах сделан поворот в сторону более углубленного изучения истории белорусского народа в советский период, социалистической перестройки города и деревни, руководящей роли коммунистической партии и ее Центрального Комитета. В научный оборот введен новый обширный документальный материал, чему весьма способствовало упорядочение работы республиканских архивов.

Вдохновленные решениями XX съезда партии, научные работники стали смелее подходить к решению назревших вопросов в области общественных наук. Крупным событием на историческом фронте в Белоруссии явилось издание второго тома «Истории БССР». В этом большом коллективном труде впервые дана всесторонняя марксистская характеристика советского периода истории Белоруссии — от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Выход в свет книги вызвал положительные отклики среди широких кругов советской общественности.

По истории КПБ в 1959 г. опубликованы монографии: П. П. Липило «КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» и И. С. Кравченко «Работа Коммунистической партии Белоруссии в тылу врага в годы Великой Отечественной войны». В этих книгах рассматриваются важнейшие вопросы истории Коммунистической партии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

Во всех написанных в этот период работах показана неразрывная связь истории белорусского народа с историей великого русского народа и других братских народов нашей страны.

Важное место в деятельности Института истории занимало изучение проблем археологии Белоруссии. Главными направлениями археологических исследований были: изучение памятников первобытнообщинного строя, раскопки памятников раннего железного века — городищ, селищ и могильников; исследование памятников раннефеодальной эпохи (раскопки древнебелорусских городов Минска, Полоцка, Волковыска, Друцка, Пинска, Гродно и др.).

Большие и ответственные задачи для исторической науки вытекают из решений XXI съезда КПСС. Съезд потребовал от советских историков еще решительнее повернуться к изучению наиболее актуальных проблем, выдвигаемых жизнью.

Исходя из директив партии и правительства, коллектив научных работников Института истории АН БССР и исторических кафедр вузов республики наметил большую программу исследований на ближайшие годы. В перспективный семилетний план Института истории включено 8 проблем и 36 тем. По исторической тематике вузовских кафедр республики намечено к изучению 125 тем.

Важное место в научной деятельности Института истории в 1959—1965 гг. займет разработка проблемы «Великая Октябрьская социалистическая революция и социалистическое строительство в Белоруссии». При этом ставится задача — показать борьбу белорусского народа при братской помощи русского и других народов нашей страны за победу и упрочение Советской власти, укрепление союза рабочих и крестьян на различных этапах строительства социализма, трудовые усилия рабочих, крестьян и интеллигенции в борьбе за подъем экономики и культуры Советской Белоруссии, улучшение материального благосостояния белорусского народа.

По данной проблеме планируется написание следующих монографий: «Укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии» (март 1917 г.— февраль 1918 г.)», «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и культурное строительство в Белоруссии в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.)», «Профсоюзы Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в годы гражданской войны (март 1917 г.— 1920 г.)», «Рабочий класс Белоруссии в период восстановления народного хозяйства и построения фундамента социализма (1921—1932 гг.)», «Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства БССР (1929—1934 гг.)», «Укрепление союза рабочего класса и крестьянства БССР в период социалистической реконструкции сельского хозяйства (1927—

1933 гг.)», «Культурное строительство в Белоруссии в годы третьей пятилетки (1938—1941 гг.)», «Рабочий класс Белоруссии в период борьбы за восстановление и дальнейшее развитие промышленности республики в послевоенный период (1945—1960 гг.)» и другие.

В предстоящем семилетии больше внимания будет уделено изучению проблемы «Борьба белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)».

В соответствии с постановлением Бюро ЦК Компартии Белоруссии от 13 мая 1958 г. «О подготовке и издании трудов по истории партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» Институт истории АН БССР и Институт истории партии при ЦК КПБ совместно развернули работу по подготовке трех сборников документов о партизанском движении, а также «Хроники важнейших событий борьбы белорусского народа в годы Великой Отечественной войны». Готовятся к печати и частично уже опубликованы сборники воспоминаний участников партизанского движения в Белоруссии. Сдан в печать сборник воспоминаний участников героической обороны Брестской крепости.

В течение семи лет должны быть написаны монографии: «Восстановление народного хозяйства в освобожденных от немецко-фашистских оккупантов районах Белоруссии (август 1943 — май 1945 г.)», «Борьба партизан Белоруссии на коммуникациях немецко-фашистских захватчиков», «Рабочий класс Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», «Роль интеллигенции в партизанском движении Белоруссии», «Разгром немецко-фашистских гарнизонов белорусскими партизанами», «Помощь советского тыла партизанскому движению в Белоруссии», «Женщины в партизанской борьбе белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», «Комсомол Белоруссии в партизанской борьбе», «Помощь белорусских партизан Советской Армии в период летнего наступления в 1944 году», «Трудовой подвиг белорусского народа в годы Великой Отечественной войны в советском тылу», «Крестьянство Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» и на ряд других тем, которые до сих пор все еще не получили необходимого освещения.

В семилетнем плане института определенное место займет изучение проблемы «Первобытнообщинный строй на территории Белоруссии». Будет продолжено изучение материалов о древнейшем заселении территории Белоруссии до эпохи возникновения классового общества, расширены раскопки древних городов и селищ Белоруссии — Минска, Полоцка, селища в Чаплине и многих других памятников. Будут изданы монографии по истории древнего Минска, древнего Полоцка, а также других городов Белоруссии эпохи феодализма. Главное внимание при этом исследователи обратят на классовую структуру, существовавшую в городах, остановят свое внимание на вопросах ремесла, быта, культуры, городской торговли, управления и благоустройства.

По проблеме «Генезис и развитие капитализма в Белоруссии» будут разрабатываться темы: «Разложение феодально-крепостнической системы и зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии», «Крестьянское движение в Белоруссии в эпоху капитализма (1861—1900 гг.)», «Рабочее движение в Белоруссии во второй половине XIX века», «Формирование и развитие белорусской буржуазной нации», «Развитие культуры и просвещения в Белоруссии в XIX — начале XX века», «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в Белоруссии» и другие важные темы, посвященные досоветскому периоду развития белорусского народа.

Намечается расширение публикации документов и материалов по истории Белоруссии. Планируется издание документальных сборников о развитии торговли и ремесла в Белоруссии в XVI—XVIII вв., по истории Белоруссии второй половины XIX в., о восстании 1863 г., об упрочении колхозного строя в Белоруссии (1935—1937 гг.), обороне Брестской крепости и т. д.

Больше внимания предполагается уделить разработке проблемы «История исторической науки в БССР».

Исследование тем, предусмотренных семилетним планом Института истории АН БССР, должно восполнить многие пробелы в изучении далекого и недавнего прошлого белорусского народа, помочь в подготовке многотомной истории Белоруссии. Это центральная, наиболее ответственная задача белорусских историков. Издание I и II томов «Истории БССР» и монографий, посвященных отдельным проблемам генезиса и развития феодализма и капитализма, истории Советской Белоруссии, имеющийся документальный исторический материал, а также наличие в республике подготовленных науч-

ных кадров дают возможность осуществить написание истории Белоруссии в более широком плане. Предполагается, что «История БССР» будет иметь 8 томов, из них 4 — по досоветскому периоду и 4 — по советскому периоду истории Белоруссии.

В томах «Истории БССР» досоветского периода на основании новых археологических и документальных данных будут рассмотрены наиболее отдаленные эпохи в истории Белоруссии: средний и верхний палеолит, неолит, эпохи бронзы, железа. Подробное освещение получат вопросы развития феодальной и капиталистической формаций, экономическое развитие и борьба классов на территории Белоруссии, образование белорусской народности и нации, развитие белорусской культуры и т. д.

В томах «Истории БССР», посвященных советскому периоду, на обширном фактическом материале будет раскрыта героическая борьба рабочих, крестьян и революционных солдат Западного фронта под руководством коммунистической партии за установление и упрочение Советской власти. В ряде монографий будет глубоко и всесторонне раскрыта история Октябрьской революции в Белоруссии. Дополнительно собранные материалы о гражданской войне и иностранной интервенции дадут возможность значительно полнее обрисовать героическую борьбу трудящихся Белоруссии против внешней и внутренней контрреволюции.

Широкое освещение получат вопросы социалистического строительства, индустриализации БССР, коллективизации сельского хозяйства, культурного строительства в республике. В специальном томе будет изложена история Белоруссии периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). В томе, посвященном истории Белоруссии в послевоенный период, будет показана борьба трудящихся Белоруссии за восстановление разрушенного немецко-фашистскими захватчиками народного хозяйства республики, огромная помощь, которую оказал своим белорусским братьям великий русский народ.

Решения сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС, XX и XXI съездов КПСС определили крутой поворот в развитии социалистической экономики и культуры Белоруссии. В томе найдет яркое отражение трудовой энтузиазм белорусского народа, вступившего в полосу развернутого строительства коммунизма, вместе со всеми народами СССР борющегося за выполнение исторических задач, выдвинутых Коммунистической партией.

В целях обеспечения выполнения своего семилетнего плана Институт истории перестроил свою структуру. Образованы два новых сектора, которые будут заниматься изучением проблем генезиса и развития феодализма и капитализма. Но главным в научной деятельности коллектива Института истории АН БССР было и остается изучение истории белорусского народа в советский период, истории рабочего класса на всех этапах его развития, показ руководящей и организующей роли коммунистической партии — испытанного авангарда трудящихся в борьбе за коммунизм, глубокое раскрытие дружбы белорусского народа с русским и другими народами нашей страны.

И. С. Кравченко

СОСТОЯНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКСКОЙ ССР

После XX съезда КПСС, который указал на отставание общественных наук, советская историческая наука сделала ощутимый шаг в своем развитии. Некоторых успехов добилась и молодая советская историческая наука Таджикистана. История таджикского народа — это часть истории великого Советского Союза. Ученые Таджикистана за последние годы дали ряд оригинальных исследований по истории своего народа, в которых события излагаются в неразрывной связи с историей народов нашей обширной Родины.

Центром исторической науки в республике является Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Работа по изучению истории Коммунистической партии Таджикистана проводит-

ся Институтом истории партии при ЦК КП Таджикистана. В Таджикском университете имени В. И. Ленина историки объединяются вокруг двух кафедр истории и кафедры марксизма-ленинизма. Коллективы историков имеются также в Сталинабадском, Ленинабадском и Кулябском педагогических институтах.

В настоящее время большой отряд историков как в Академии наук, так и в вузах республики проводит исследования всех важнейших периодов истории Советского Таджикистана. В этой области имеются определенные достижения. Выявлено и введено в научный оборот значительное количество архивных документов.

Большая исследовательская работа и дискуссия на страницах республиканской газеты «Коммунист Таджикистана» позволили разработать научную периодизацию истории республики советского периода.

По истории Советского Таджикистана написано большое количество монографий и статей, причем основная их часть опубликована в последние годы. Остановимся на основных работах. В 1957 г. в Сталинабаде вышли из печати две монографии, посвященные истории установления Советской власти в Таджикистане: Т. Р. Каримова — «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане» и А. В. Макашова — «Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане». Обе монографии в значительной мере восполняют пробел в разработке очень важного периода в истории таджикского народа. В капитальном труде С. А. Раджабова «Таджикская ССР — суверенное советское государство» (Сталинабад. 1957) детально рассмотрен вопрос о зарождении и развитии таджикской национальной государственности в советское время.

Значительный научный интерес представляет монография М. Шукурова «Культурная революция в Советском Таджикистане» (Сталинабад. 1954), в которой впервые широко освещается история культурного строительства в республике за годы Советской власти. Следует упомянуть также опубликованные в 1957 г. в Сталинабаде «Очерки истории Советского Таджикистана» М. Иркаева, Ю. Николаева, Я. Шарапова и «Очерки по истории Таджикистана» (т. I), созданные коллективом историков Сталинабадского педагогического института. Заслуживают внимания книги: А. Хасанова и А. Вишневского — «Сталинабад — столица Таджикской ССР» (Сталинабад. 1958), М. Саидова — «Трудящиеся Таджикистана в борьбе за освоение Вахшской долины и создание в ней базы тонковолокнистого хлопка», А. Турсунова, К. Лагунова, Ю. Исламова—«Материалы к истории комсомола Таджикистана» (Сталинабад. 1957). Ленинабадским педагогическим институтом изданы два сборника статей, посвященных истории республики советского периода [1]. Ряд интересных работ опубликовал Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Среди них должны быть отмечены исследования В. А. Козачковского «К истории проведения Советской конституции 1936 г. в Таджикистане» [2] и Я. Ш. Шарипова «Борьба трудящихся масс Таджикистана за укрепление Советской власти в период деятельности Революционного Комитета Таджикской АССР» (1924—1926 гг.) [3]. Ряд работ таджикских ученых посвящен истории коллективизации сельского хозяйства Таджикской ССР [4] и истории Таджикиста-

[1] «Ученые записки» Ленинабадского государственного педагогического института имени С. М. Кирова. 1957, № 5; 1958, № 7.

[2] «Труды» АН Таджикской ССР. Т. LXXIV. Сталинабад. 1957.

[3] Там же. Т. XXIX. Сталинабад. 1955.

[4] Б. А. Антоненко. Социально-экономическое развитие таджикского кишлака в первые годы восстановительного периода (1926—1927 гг.). «Ученые записки» Сталинабадского государственного педагогического института имени Т. Г. Шевченко. Серия общественных наук. Вып. 2. 1957; его же. Октябрьская революция и борьба за разрешение аграрного вопроса в Таджикистане в 1917—1929 годах. «Труды» АН Таджикской ССР. Т. XXX. Сталинабад. 1957; К. А. Богомолова. Двадцатипятитысячники в Таджикистане. «Доклады» АН Таджикской ССР. Вып. 9. Сталинабад. 1953; ее же. Из истории борьбы нашей партии за организацию и укрепление колхозов. Сталинабад. 1954; Х. К. Ходжаев. Из истории борьбы таджикского народа за сплошную коллективизацию хлопковых районов республики (1929—1933 гг.). «Ученые записки» Ленинабадского педагогического института имени С. М. Кирова. Вып. VIII. Ленинабад. 1958; К. Марсаков. Развитие народного хозяйства в Таджикистане в годы второй пятилетки. «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сталинабад. 1954; М. М. Яхьяев. Коллективизация сельского хозяйства в Таджикской ССР (1930—1935 гг.). «Ученые записки» Сталинабадского государственного педагогического института. Т. 15, вып. 2. Сталинабад. 1956; его же. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Таджикистана (1933—1935 гг.). «Очерки по истории Таджикистана». Т. 1. Сталинабад. 1957.

на периода Великой Отечественной войны [5].

Кроме вышеназванных исследований, в «Трудах» АН Таджикской ССР, «Известиях» Отделения общественных наук и в «Ученых записках» вузов было опубликовано большое количество научных работ по разным вопросам истории республики.

Все это дало возможность приступить к созданию обобщающего труда о прошлом Советского Таджикистана — написанию III и IV томов «Истории таджикского народа». Сектор истории советского общества в настоящее время закончил работу над III томом (около 30 печ. лл.), освещающим историю таджикского народа с 1917 по 1937 год. В ближайшее время будет готов макет этого тома. Завершено составление и начата редакторская работа по IV тому, охватывающему период с 1938 по 1939 год. Параллельно с созданием четырехтомной «Истории таджикского народа» ученые республики участвуют в написании вузовского учебника по истории Таджикистана. Коллектив сотрудников Института истории подготовил школьный учебник «История таджикского народа» [6]. Институт истории партии при ЦК КП Таджикистана совместно с ведущими историками республики работает над «Очерками по истории Компартии Таджикистана». Кроме того, эту проблему исследуют многие историки республики (Ю. А. Николаев, Н. К. Бабаева, М. Садыков, П. Х. Хамракулов, А. Я. Кабилов, А. Т. Турсунов, Г. Х. Хайдаров, Х. Мухамедов, М. Мирмуллаев и др.).

В разработке истории республики наряду с определенными успехами имеются и недостатки.

Среди трудов по истории мало монографий, преобладают статьи и брошюры. В некоторых вузах, в частности в Кулябском, Ленинабадском и Сталинабадском педагогических институтах, научная работа в области истории не стоит на должном уровне. Историки этих институтов за последние 10 лет, по существу, не дали ни одной крупной монографии. Научный уровень многих статей, опубликованных ими, низкий: они носят описательно-иллюстративный характер, в них отсутствуют глубокий анализ и серьезные обобщения. Этим недостатком особенно страдают «Ученые записки» Кулябского и Ленинабадского пединститутов и некоторые работы, опубликованные в «Ученых записках» Сталинабадского педагогического института и «Известиях» Отделения общественных наук АН Таджикской ССР.

Неудовлетворительно обстоит дело с рецензированием научной продукции. Как правило, газетные рецензии на выходящие из печати работы носят характер аннотаций. Они не содержат серьезного анализа исследований, не вскрывают имеющихся в работах недостатков. Плохо поставлен раздел «Критика и библиография» в «Известиях» Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Во многих выпусках он вообще отсутствует.

В связи с этим следует подчеркнуть необходимость повышения научного уровня работ по истории Советского Таджикистана и перенесения центра тяжести на создание монографий, посвященных важнейшим проблемам.

В литературе по истории республики авторы подавляющего большинства работ вместо глубокого конкретного анализа специфических особенностей и трудностей развития Таджикистана в переходный период к социализму, как правило, ограничиваются общими, абстрактными рассуждениями. Во многих исследованиях, особенно посвященных начальному периоду истории Таджикской ССР (революция, гражданская война в республике), наблюдается стремление авторов поставить знак равенства между событиями, происходившими в центральных районах страны и на национальных окраинах, показать борьбу за победу социализма гладкой и легкой. В ряде работ не вскрываются ошибки, допущенные на местах, особенно в первый период социалистического строительства в республике, преувеличивается степень революционного настроения местного дехканства, степень его классово-политической сознательности и т. д.

---

[5] Ю. Усманов. Работники науки и культуры Таджикистана в период Великой Отечественной войны. «Коммунисти Точикистон», 1955, № 11 (на таджикском языке); Л. П. Сечкина. Патриотический подъем трудящихся Таджикистана в первые месяцы войны. «Известия» Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. № 8. Сталинабад. 1957; ее же. Промышленность и сельское хозяйство Таджикистана в годы войны. «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сталинабад. 1954.

[6] Б. А. Литвинский, А. Мухтаров, В. А. Козачковский, И. Обидов. История таджикского народа. Учебник для 8—10-х классов (приложение к учебнику «История СССР» для 8—10-х классов). Под общей редакцией Б. А. Антоненко. Сталинабад. 1959.

Эти недостатки в значительной мере объясняются тем, что исследователи, беря за основу директивные указания центральных партийных и советских органов, не всегда показывают, как эти указания воплощались в жизнь низовыми звеньями советского и партийного аппарата, насколько точно осуществляли они их в своей практической работе. Такой подход к анализу документов и фактов привел, в частности, некоторых исследователей истории земельных отношений в республике к ошибочному выводу, что в Туркестане и Бухаре в короткий срок был претворен в жизнь «Декрет о земле»[7]. Однако факты говорят, что земельный вопрос был разрешен в Таджикистане в основном только в период коллективизации сельского хозяйства.

В то время как по некоторым темам истории Советского Таджикистана имеется значительное число работ, дублирующих друг друга (например, по истории коллективизации сельского хозяйства), ряд таких проблем, как история формирования и развития рабочего класса, развитие союза рабочего класса и дехканства, проведение в Таджикистане политики военного коммунизма, и некоторые другие остаются все еще малоисследованными. Очевидно, сторонясь трудностей, с которыми связано изучение этих проблем, историки предпочитают идти по проторенному пути. Следует отметить, что в перспективных семилетних планах вузов указанные вопросы также не нашли должного отражения.

Вряд ли это можно считать нормальным. Ведь в настоящее время у историков Таджикистана есть все возможности для разработки малоисследованных вопросов.

Для изучения советского периода истории таджикского народа большое значение имеет публикация исторических документов и материалов. Однако в этом отношении сделано еще мало, что было справедливо отмечено на страницах журнала «История СССР». До настоящего времени в республике изданы лишь два сборника документов: «К истории советского строительства в Таджикистане (1920—1929 гг.)» (ч. I. Сталинабад. 1940) и «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917—1920 гг.)» (Ленинабад. 1957). Начатая Институтом истории Академии наук Таджикской ССР совместно с Центральным государственным архивом Таджикской ССР работа по подготовке сборника документов, посвященного истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане, не была завершена. С таким положением нельзя мириться. Публикация документов должна стать одним из важных участков деятельности историков и архивистов Таджикистана, должна всемерно способствовать научно-исследовательской работе.

Таково положение с изучением истории таджикского народа советского периода.

Каковы наши ближайшие задачи в данной области исторической науки?

Институт истории АН Таджикской ССР должен издать III и IV тома «Истории таджикского народа», выпустить сборник документов «Социалистическое строительство в Таджикистане», ряд крупных монографических исследований, в частности по истории создания фундамента социалистического общества в республике, по истории Великой Отечественной войны и др.

Проделанная работа по изучению истории советского общества позволяет перейти от исследования отдельных узких вопросов истории Советского Таджикистана к широким исследованиям ее узловых проблем, в частности истории рабочего класса и дехканства, развития союза рабочего класса и дехканства, общих закономерностей и особенностей пути развития таджикского народа к социализму и другие. Эта задача может быть успешно решена только при организации комплексных исследований с привлечением большого числа специалистов по каждой проблеме. Примером успешного содружества историков является работа над III томом «Истории таджикского народа» и над «Очерками истории Коммунистической партии Таджикистана». Этот опыт следует всемерно расширять.

Исключительное значение для историков Таджикистана, как и для всех советских историков, имеет постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Сейчас, в период развернутого строительства коммунистического общества, когда огромное значение приобретает коммунистическое воспитание трудящихся, историки республики должны своими трудами способствовать борьбе против феодально-байских пережитков, искоренению тенденций пренебрежительного отношения к женщине и религиозных предрассудков. Историкам следует уделить большое внимание написанию попу-

[7] Я. Шарапов. К истории развития Бухарской народной советской республики. «Материалы к истории таджикского народа в советский период». Сталинабад. 1954.

лярных, научно обоснованных работ по истории ислама, по истории борьбы за раскрепощение женщин и т. д. Желательно издать в ближайшем будущем труды М. Хонсуваровой, М. Гафаровой и Г. Якубова, посвященные истории раскрепощения таджичек Советской властью.

Ученые Таджикистана достигли некоторых успехов в изучении древнего и средневекового периодов истории таджикского народа.

Изучением памятников первобытнообщинного строя, памятников оседлого и кочевого населения Таджикистана периода рабовладельческого общества занимается главным образом сектор археологии и нумизматики при Институте истории Академии наук Таджикской ССР. За время существования этого сектора его сотрудники произвели сплошное археологическое изучение республики, которое должно завершиться многотомным изданием «Археологической карты Таджикистана». Первые выпуски ее уже готовятся.

Значение работ таджикских археологов для изучения прошлого таджикского народа и его предков имеет важное значение. Дело в том, что вплоть до последнего времени изложение истории Таджикистана начиналось примерно с VIII—IX вв. н. э. О более древних периодах в письменных источниках сохранились скудные сведения. Поэтому еще 10—15 лет тому назад древнейшая история таджикского народа была совершенно неисследованной. Но благодаря работе ежегодных археологических экспедиций на территории республики были обнаружены древнейшие памятники человеческой культуры.

Важнейшие результаты этих экспедиций публикуются отдельными томами (в «Трудах» АН Таджикской ССР). В 1959 г. изданы IV и V тома, подготовлен к печати VI том.

Сотрудники сектора археологии и нумизматики опубликовали несколько монографий и ряд сборников, а также несколько десятков исследовательских статей, посвященных разным вопросам древней истории и культуры Таджикистана.

По средневековой истории таджикского народа был издан ряд монографий, среди которых прежде всего следует отметить труды востоковеда, профессора А. А. Семенова: «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени» [8], «К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана» [9], «Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов» [10] и др. В этих работах собран богатейший материал по истории позднесредневековой Средней Азии, извлеченный автором из разнообразных восточных первоисточников, крупнейшим знатоком которых он являлся.

Заслуживают внимания работы: Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского «Археологический очерк Исфаринского района» [11], Н. Негматова «Усрушана в древности и раннем средневековье» [12] и Б. И. Искандерова «О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX веков» [13]. Издана работа А. Р. Маджлисова «Каратегин накануне установления Советской власти» (Сталинабад. 1958).

Однако, несмотря на некоторые успехи, достигнутые в изучении древнего, средневекового и дореволюционного периодов истории таджикского народа, в работе наших историков еще много пробелов и недостатков. Так, при изучении истории досоветского периода чрезмерно мало уделяется внимания исследованию социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, хотя без их анализа невозможно показать закономерность победы этой революции в Средней Азии. Мало исследуются проблемы социально-экономического развития таджиков и в эпоху средневековья. Неоправданно мало уделяется внимания изучению культуры таджикского народа.

Исключение составляют исследования Е. А. Давидович [14]. На основе анализа письменных источников, особенно деловых документов, а также нумизматического материала, она поставила и в ряде случаев решила ряд вопросов, принципиально важных для истории Таджикистана и других республик

[8] «Труды» АН Таджикской ССР. Т. XXV. Сталинабад. 1954.

[9] Там же. Т. XII. Сталинабад. 1954.

[10] Там же.

[11] Там же. Т. XXXV. Сталинабад. 1955.

[12] Там же. Т. LV. Сталинабад. 1957.

[13] Там же. Т. LXXXIII. Сталинабад. 1958.

[14] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. «Труды» АН Таджикской ССР. Т. XXVII. Сталинабад. 1954; ее же. Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.). «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (1956 г.)». М.-Л. 1959; ее же. Денежная реформа Шейбани-хана (из истории среднеазиатской экономики в XVI в.). «Труды» АН Таджикской ССР. Т. XII. Сталинабад. 1954, и др.

Средней Азии (в частности о характере феодализма при Саманидах, уровне и специфике среднеазиатского феодализма в XVI—XVII вв. и др.).

Важное место в работе историков должны занять издание подлинных текстов источников по истории таджикского народа и их переводы.

Следует обратить внимание на подготовку научных кадров — специалистов по древней и средневековой истории таджикского народа. В республике мало специалистов по древней истории таджикского народа. Это является основным препятствием к созданию в настоящее время сектора древней истории таджикского народа.

В предстоящем семилетии должно быть закончено сплошное археологическое обследование Таджикистана. Изучение археологических, лингвистических, этнографических материалов позволит показать древний характер истории таджикского народа, его связи с соседними народами Востока и великим русским народом. На конкретных фактах следует раскрыть характер социально-экономических отношений, существовавших в Таджикистане накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Одной из серьезных задач, стоящих перед таджикскими историками, является написание монографических исследований, раскрывающих картину зарождения рабочего класса в Таджикистане в досоветский период и его революционную, руководящую роль в истории таджикского народа. Совместными усилиями историков республики необходимо разработать проблему исторических связей и дружбы народов Средней Азии, в том числе таджикского народа с великим русским народом.

Немалый вклад в изучение прошлого Таджикистана внесли этнографы. Наряду со сплошным этнографическим обследованием республики производилась углубленная разработка отдельных тем, результатом чего явилось опубликование ряда монографий: «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» (подготовлена совместно с Институтом этнографии АН СССР) [15], «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана» Б. Х. Кармышевой [16], «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период» М. Р. Рахимова [17], «Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана» В. В. Ошанина [18] и др. Помимо монографий, коллектив сотрудников сектора этнографии Института истории опубликовал за истекшие годы в центральных изданиях и в изданиях Академии наук Таджикской ССР около 50 научных статей.

Институт истории проводит сбор материалов по культуре и быту таджиков, в том числе по прикладному искусству. Этнографические фонды институтского музея насчитывают около 4 тыс. экспонатов. В области этнографии семилетним планом предусматривается завершение обследования Зеравшанской долины и Каратага и обследование северных районов республики, а также выпуск монографий о таджиках Каратегина и Дарваза, о таджиках Зеравшана, о сельскохозяйственных занятиях таджиков Ленинабадского района в дореволюционный период, о ремеслах Каратага и др.

В Таджикской республике есть ученые, которые занимаются разработкой истории народов других стран, например, А. А. Бенедиктов — историей Индии, К. В. Соловьева — историей Китая, Х. Назаров и К. Асадулаев — историей Ирана и т. д. Это очень отрадное явление. Желательно было бы, чтобы сектор востоковедения и письменного наследия АН Таджикской ССР по возможности расширил и углубил исследования по истории стран зарубежного Востока.

Нельзя создать подлинной истории народа без изучения истории его культуры, в частности философии и литературы. В этом отношении весьма положительной является инициатива Отдела философии Академии наук республики по написанию истории общественно-политической и философской мысли таджикского народа. Это — большое и хорошее начинание.

Имеется отставание в разработке истории таджикской литературы с древнейших времен до наших дней. В республике есть Институт языка и литературы, Отдел востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР и ряд филологических кафедр в вузах. Однако до сих пор не начата работа по созданию капитального труда по истории таджикской литературы.

---

[15] «Труды» Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XXIV. М.-Л. 1954. Это— первое в нашей стране монографическое исследование, освещающее быт колхозного крестьянства.

[16] «Труды» АН Таджикской ССР. Т. XXVIII, вып. 1. Сталинабад. 1954.

[17] Там же. Т. XLIII. Сталинабад. 1957.

[18] Там же. Т. LXII.

Эта работа даже не предусмотрена в тематическом плане республиканской Академии наук, что вряд ли правомерно.

В заключение следует сказать, что историки республики, как и все советские ученые, должны прежде всего обратить пристальное внимание на изучение и создание глубоких научных исследований по истории советского общества, отражающих руководящую роль Коммунистической партии, активное участие народных масс в строительстве социализма и коммунизма.

Необходимо шире разрабатывать тематику по истории Коммунистической партии Таджикистана, организовать сбор расспросных данных о ее деятельности, основательно изучить архивные материалы в этой области.

Институт истории, археологии и этнографии Академии наук СССР чрезмерно запоздал с написанием четырехтомной истории таджикского народа. Поэтому в 1960 г. необходимо завершить эту работу, а затем приступить к написанию десятитомной истории нашего народа. Такая большая задача может быть успешно решена только при условии творческого содружества историков, экономистов, философов, филологов и юристов республики.

Необходимо избавиться от многотемности исследований, которая наблюдается в семилетних планах вузов республики, и сосредоточить внимание на изучении коренных проблем. Желательно, чтобы Академия наук республики улучшила координацию разработки научных проблем между вузами и научно-исследовательскими учреждениями Таджикистана.

Долг ученых-историков состоит в том, чтобы, оказывая всемерную помощь школе, шире развернуть работу по созданию хрестоматий, учебников и учебных пособий для преподавателей школ республики.

Через все наши работы красной нитью должна проходить идея дружбы народов Советской страны. Наш долг — раскрыть великую освободительную миссию русского народа по отношению к другим народам Родины.

Нет сомнения, что историки Советского Таджикистана, вдохновленные грандиозными задачами строительства коммунизма, отдадут все силы выполнению стоящих перед ними задач.

З. Ш. Раджабов

МЕЖВУЗОВСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

16—18 февраля исторический факультет Воронежского государственного университета провел межвузовскую научную конференцию по вопросам историографии. В ней приняли участие работники вузов и научных учреждений одиннадцати городов: Москвы, Ленинграда, Саратова, Воронежа, Мурома, Липецка, Уфы, Одессы, Риги, Тарту и Фрунзе.

Открывая конференцию, ректор ВГУ проф. Б. И. Михантьев охарактеризовал задачи советской исторической науки на современном этапе и остановился на значении изучения истории исторической науки.

На пленарном заседании конференции многочисленная аудитория, состоявшая из научных работников, преподавателей, студентов, учителей и представителей общественности города, заслушала 6 докладов. Проф. А. Л. Шапиро (Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова) выступил на тему «Философские вопросы в курсе русской историографии периода империализма». Докладчик выдвинул важный вопрос — о принципе построения курса историографии — и подверг критике существующие схемы. Дореволюционная историография, отметил А. Л. Шапиро, как правило, излагается в виде серии биографических очерков историков с краткой характеристикой эпохи, а историография советского периода дается по проблемам, без биографии исследователей. А. Л. Шапиро предложил комбинированный принцип группировки материала, при котором биографии наиболее крупных деятелей в области исторической науки будут даны вместе с изложением важнейших проблем, например: «Проблема русского феодализма и Павлов-Сильванский», «Пресняков и проблема древнерусской национальности»,

«Шахматов и проблема русского источниковедения» и т. д. Философские проблемы докладчик предложил выделить в особые лекции вводного характера.

Доклад А. Л. Шапиро вызвал оживленные прения. Доцент Е. Г. Шуляковский (Воронежский университет) не согласился с принципом построения курса русской историографии периода империализма, предложенным А. Л. Шапиро. Е. Г. Шуляковский считает, что материал курса следует группировать по основным политическим течениям, отражавшим классовую борьбу в период развития русской революции. Курс, по мнению Е. Г. Шуляковского, должен начинаться подробным освещением ленинского учения об обществе и марксистского направления в историографии. Затем должны быть охарактеризованы различные направления буржуазной исторической мысли, политические и философские взгляды буржуазных ученых, а также выдвигаемые ими проблемы. Е. Г. Шуляковский высказал мнение, единодушно поддержанное другими выступавшими, что курс историографии в университете должен читаться после курса исторического материализма и истории философии, а не наоборот, как предусмотрено ныне действующим учебным планом, и что программа курса должна быть вынесена на широкое обсуждение.

Доцент С. М. Стам (Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского) поддержал мысль проф. А. Л. Шапиро о необходимости более широко ввести в курс историографии философский материал. В курсах историографии следует показать, что представляет собой то или иное философское направление как метод в области изучения истории.

Проф. Г. В. Ефимов (Ленинградский университет) выступил с докладом об изучении новой истории Китая в Китайской Народной Республике. Он охарактеризовал процесс зарождения и развития марксистской исторической науки в Китае, нарисовал картину борьбы китайских историков-марксистов против буржуазных течений и остановился на достижениях китайских ученых в области изучения народных движений, разоблачения сущности империалистической агрессии в Китае, создания курсов по истории Китая, публикации документов.

Проф. С. А. Никитин (Институт славяноведения АН СССР) посвятил свой доклад («Караджич и Ранке») совместной работе В. С. Караджича и Л. Ранке над созданием книги о первом сербском восстании. На основе тщательного анализа материала С. А. Никитин выяснил важный и ранее малоизвестный факт участия Караджича в создании книги Ранке «Сербская революция»[1]. Всем фактическим содержанием своей книги Ранке целиком обязан Караджичу, и поэтому имя великого сербского ученого вполне обоснованно могло стоять на книге вместе с именем Ранке. Интересен также вывод докладчика о том, что Ранке не удалось полностью пронизать своими реакционными идеями фактический материал Караджича.

Доцент В. П. Лысцов (Воронежский университет) в докладе «М. В. Ломоносов о закономерностях исторического развития» остановился на исторических взглядах великого русского ученого и показал, что Ломоносов подходил к пониманию преемственности исторических явлений и их обусловленности демографическими, экономическими и военно-политическими факторами. М. В. Ломоносов может считаться одним из основоположников русской исторической науки домарксистского периода. Его славянская теория, идеи о народности и прогрессе, проникнутые горячим чувством патриотизма, явились исходным пунктом в развитии передовых взглядов на историю во второй половине XVIII — первой половине XIX века.

Старший научный сотрудник М. А. Алпатов (Институт истории АН СССР) посвятил свой доклад кризису русской буржуазной медиевистики в начале XX века. Докладчик отметил, что русская буржуазно-дворянская наука об истории средних веков, пережив период своего расцвета в 70—80-х годах XIX в., вступила затем в полосу кризиса, связанного с поворотом русского либерализма в сторону прямой политической реакции, которая особенно усилилась в результате революции 1905—1907 годов. В этот период представители русской буржуазной медиевистики отказываются от признания закономерностей исторического процесса, от прежней проблематики и методологии и переходят на позиции крайнего субъективизма и откровенной поповщины. Докладчик рассмотрел политическую эволюцию крупнейших московских и петербургских медиевистов (М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова, Д. М. Петрушевского и др.), отметил пересмотр ими своих прежних прогрессивных взглядов и проявление у них фальсификаторских тенденций при обработке

[1] L. Ranke. Die serbische Revolution. Hamburg. 1829.

источников. М. А. Алпатов отметил также, что внутри буржуазной историографии обострилась борьба различных течений, начала выделяться группа исследователей, приближавшихся к марксизму (например, В. И. Пискорский).

Доцент А. И. Немировский (Воронежский университет) в докладе на тему «Проблема римской родовой общины в современной зарубежной историографии» подверг критике новейшие буржуазные концепции вопроса.

Секция истории СССР заслушала 7 докладов и сообщений. Развитию марксистско-ленинской историографии в братских республиках посвятили свои сообщения доцент С. А. Левитан (Латвийский государственный университет имени П. Стучки) — «Исторические взгляды Фрициса Розиня-Азиса (к вопросу о начале марксистской историографии в Латвии)» — и доцент Б. М. Зима (Киргизский государственный университет), рассказавший о развитии исторической науки в Киргизии после XX съезда КПСС. В докладе доцента Е. Г. Шуляковского «Критика реакционной историографии на страницах сатирического журнала «Искра» была отмечена необходимость более широкого использования материалов демократической печати при изучении русской историографии XIX века.

Доктор исторических наук И. С. Шепелев (Воронежский педагогический институт) прочитал доклад о дореволюционной и советской историографии первого земского ополчения, показав, что понимание роли народных масс в событиях начала XVII в. явилось важнейшим достижением советских историков. Сообщение доцента Е. В. Чистяковой (Московский историко-архивный институт) было посвящено «Скифской истории» А. И. Лызлова, малоизвестному и незаслуженно забытому памятнику отечественной историографии XVII века. Оживленные прения возникли в связи с сообщением С. Л. Пештича (Ленинградский университет) «Источниковедческое и историографическое значение «Истории Российской» Н. В. Татищева». Кропотливое исследование различных редакций «Истории Российской» привело С. Л. Пештича к выводу, что труд Татищева является историческим произведением, в котором субъективно толкуются источники в духе общественно-политических взглядов автора, и он не может быть использован как исторический источник. Выступавшие в прениях (И. С. Шепелев и др.) отметили, что до нас дошли не все использованные Татищевым источники, среди которых были и материалы нелетописного характера. Поэтому выводы докладчика требуют дополнительной проверки. Истории краеведения было посвящено сообщение доцента А. Н. Москаленко (Воронежский университет) «С. Н. Замятин и археологическое изучение Воронежского края».

На секции новой и новейшей истории было заслушано 9 докладов и сообщений на разнообразные темы. Новейшей историографии Болгарии были посвящены доклады доцента В. Н. Белановского (Ленинградский университет) «Вопросы новой и новейшей истории Болгарии в трудах Г. Димитрова и В. Коларова» и старшего научного сотрудника М. А. Бирмана (Институт славяноведения АН СССР) «Историки народно-демократической Болгарии о Великой Октябрьской социалистической революции». «Сочинения И. Лелевеля в оценке царской цензуры» явились темой сообщения аспиранта Б. С. Попкова (Воронежский университет). После польского восстания 1830—1831 гг. само имя Лелевеля, выдающегося польского историка-демократа, было запрещено упоминать в печати. Однако царской цензуре не удалось закрыть путь работам польского историка в Россию, и они оказали революционизирующее влияние на передовую молодежь западных губерний. В сообщении кандидата исторических наук В. В. Гусева (Воронежский педагогический институт) «Философия истории в исторических концепциях А. И. Герцена и дворянско-буржуазных историков 30—40-х годов XIX в.» обоснован тезис о том, что философия истории Герцена отражала его революционные идеалы и стремление революционного демократа подчинить философско-историческую теорию политической борьбе.

В сообщении «Советская послевоенная историография русско-французских отношений» доцент В. А. Дунаевский (Государственная библиотека имени В. И. Ленина) осветил важнейшие проблемы русско-французских отношений, разрабатываемые советскими историками на протяжении последних 15 лет. Доцент И. С. Киссельгоф (Башкирский государственный университет имени 40-летия Октября) посвятил свой доклад критике буржуазной историографии истории Франции периода второй мировой войны. Оживленная дискуссия развернулась на секции по докладу доцента К. В. Петряева (Одесский государственный университет имени И. И. Мечникова) о

роли Советов в буржуазно-демократической революции 1918—1919 гг. в Германии. Доцент П. М. Гапонов и кандидат исторических наук Н. И. Кудрявцева (Воронежский университет) в своих выступлениях обратили внимание на необходимость более глубокого изучения деятельности местных Советов, которая в ряде районов Германии носила боевой пролетарский характер. Преподаватель А. Н. Мерцалов (Воронежский университет) сделал сообщение «К вопросу о фальсификации западногерманской реакционной историографией причин поражения Германии во второй мировой войне».

На секции истории древнего мира и средних веков критике зарубежной буржуазной историографии были посвящены доклады доцентов Одесского университета И. В. Завьяловой «Вопросы социально-экономического развития Франции XVI в. в современной французской и советской историографии» и М. Е. Берковича «Проблемы формирования средневековой немецкой народности в германской историографии конца XIX — начала XX в.». Вопросы славяноведческой тематики были освещены в сообщениях кандидата исторических наук Г. И. Липатниковой (Муромский педагогический институт) «Некоторые вопросы генезиса феодализма в Чехословакии в трудах современных чехословацких историков» и преподавателя Н. П. Мананчиковой (Воронежский медицинский институт) «Некоторые проблемы истории Дубровника в современной югославской историографии». Преподаватель И. И. Романова (Воронежский университет) прочитала сообщение на тему: «П. Н. Кудрявцев об итальянском Возрождении».

Доцент Ю. К. Мадиссон (Тартуский государственный университет) в сообщении «Молодой Лунин» остановился на формировании его научных взглядов. Научному наследию покойного академика А. И. Тюменева были посвящены доклад доцента С. Н. Бенклиева (Воронежский университет) «Академик А. И. Тюменев — крупнейший советский историк древнего мира» и сообщение доцента М. М. Слонимского (Липецкий педагогический институт) «К проблеме различий древнего Востока и античного мира (по поводу концепции акад. А. И. Тюменева)».

На конференции были затронуты многие вопросы, касающиеся преподавания историографии и давно уже волнующие работников высших учебных заведений. Хорошо известно, какое большое значение имеет изучение истории исторической науки для коммунистического воспитания студенчества и всей нашей молодежи, в борьбе против влияния буржуазной идеологии. Особое значение приобретает преподавание курса историографии в свете последнего решения ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Между тем действующий ныне учебный план исторических факультетов университетов страдает серьезными недостатками. Курс историографии СССР читается сейчас до того, как студенты изучат диалектический и исторический материализм и историю философии. Это затрудняет глубокое понимание студентами историографических проблем. В учебном плане неправомерно опущена как обязательный предмет историография всеобщей истории. Существующая программа курса давно устарела.

В проведении конференции имелись недочеты, в частности ее тематика была слишком пестрой; следовало сосредоточить внимание на нескольких узловых вопросах. Однако нет сомнения, что опыт проведения конференции, имевший на ней место творческий обмен мнениями, установление личных контактов между учеными разных городов свидетельствуют о необходимости регулярного проведения подобных мероприятий.

П. М. Гапонов, А. Е. Москаленко

О РАБОТЕ ИСТОРИКОВ БАШКИРСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР

Башкирский филиал Академии наук СССР является координирующим центром в области исследований по истории Башкирской АССР. Силами научных сотрудников филиала за последние годы проделана значительная работа по изучению истории Башкирии, особенно периода социализма.

Постановления XX и XXI съездов КПСС и последующие решения коммунистической партии резко повысили активность совет-

ских историков. Знаменательные сдвиги произошли и в изучении истории Советской Башкирии. Этому содействовало и то, что в республике выросли необходимые научные кадры, способные решать новые ответственные задачи.

В 1957 г. вышел в свет первый обобщающий труд по истории Башкирии периода социализма [1]. В нем с марксистско-ленинских позиций на основе новых материалов освещаются некоторые узловые вопросы развития республики с Октябрьской революции до 1957 года. Труд получил положительную оценку в печати [2]. Вслед за ним появились некоторые другие работы [3].

В 1957 г. историками филиала совместно с работниками архивов республики был опубликован документальный сборник о подготовке и проведении Октябрьской революции в Башкирии [4]. Это первая археографическая работа по данной проблеме. В сборник включено 392 документа, характеризующих подготовку социалистической революции, установление и упрочение Советской власти в Уфимской и башкирских районах Оренбургской губернии.

Опубликованы доклады, сделанные на научной сессии, организованной Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР в связи с 40-летием Октябрьской революции [5].

В 1959 г. подготовлен к печати сборник воспоминаний активных участников борьбы за Советскую власть в Уфимской и Оренбургской губерниях.

Башкирская АССР является первой автономной республикой, возникшей после Октябрьской революции в составе Российской Советской Федерации. Ее создание было первым опытом претворения в жизнь национальной политики Коммунистической партии на Советском Востоке. Работы по этому вопросу, вышедшие до XX съезда КПСС, немногочисленны. Слабо были изучены архивные материалы, касающиеся истории национально-государственного строительства в Башкирии.

В целях устранения этих недостатков в 1958—1959 гг. был подготовлен и издан ряд книг по истории возникновения и укрепления Башкирской Советской Республики [6], в которых раскрываются общие закономерности и особенности борьбы за утверждение диктатуры пролетариата и за создание советской автономии в условиях Башкирии. Среди этих работ сборник документов по истории возникновения и формирования башкирской советской автономии (1917—1925 гг.) [7]. В процессе подготовки сборника происходил широкий дискуссионный обмен мнениями по ряду вопросов истории создания Башкирской АССР, который продолжается и поныне. Сложность проблемы требует дальнейшего, более углубленного ее исследования и привлечения новых архивных материалов.

В менее значительных масштабах велись до самого последнего времени работы по истории социалистического строительства в Башкирии. По этой теме есть лишь несколько брошюр [7а]. К сожалению, еще не созданы сборники документов, которые раскрывали бы этапы социально-экономических преобразований в Башкирии после Октябрь-

---

[1] «Советская Башкирия». Исторические очерки. Уфа. 1957.

[2] См. «Вестник Академии наук СССР», 3, 1959, стр. 143—145.

[3] З. А. Аминев. Октябрь в Башкирии. Уфа. 1959 (на башкирском яз.); Х. С. Сайранов. Упрочение Советской власти в Башкирии (1919—1922 гг.). Уфа. 1957, и др.

[4] «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии». Сборник документов и материалов. Под редакцией З. А. Аминева (ответственный редактор), Р. Г. Кузеева и В. П. Чемерис. Уфа. 1957.

[5] В. П. Чемерис. Установление Советской власти в Башкирии; Т. Х. Ахмадиев. Борьба за власть Советов в городе Стерлитамаке и Стерлитамакском уезде; Л. А. Вагапова. Осуществление рабочего контроля над производством в Башкирии; В. П. Чемерис. Из истории создания первых сельскохозяйственных коммун и артелей в Уфимской губернии в 1918 г.; Р. У. Кузыев. Из истории культурного строительства в Башкирии в первый период Советской власти (октябрь 1917 — июль 1918 г.); его же. Временный революционный совет Башкортостана; З. И. Сираев. Башкирские национальные части Красной Армии в гражданскую войну; Г. Х. Гумеров. «Башкиропомощь» и «Башпомгол». См. «Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии». Сборник статей. Уфа. 1959.

[6] См. Б. Х. Юлдашбаев. Образование Башкирской АССР. Уфа. 1958; его же. Роль В. И. Ленина в создании башкирской советской автономии. Уфа. 1960, и др.

[7] «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики». Сборник документов и материалов. Уфа. 1959.

[7а] Г. Гумеров. Башкирия в период перехода к мирному строительству (1919—1922 гг.) (на башкирском яз.). Уфа. 1958; Р. У. Кузыев. Культурное строительство в Башкирской АССР в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). Уфа. 1958 (на башкирском яз.).

ской революции. Предпринятая в 1959 г публикация решений областной парторганизации [8] является важным шагом к устранению этого недостатка, хотя далеко не восполняет пробела.

Башкирский народ к моменту Октябрьской революции не прошел капиталистического этапа развития. Ему предстояло перейти к социалистическому строю, минуя капитализм. Отсюда тот большой теоретический и практический интерес, который представляет история социалистических преобразований в Башкирии. Упомянутые исторические очерки «Советская Башкирия» еще не представляют достаточно широкого и систематического изложения этой темы. В настоящее время назрела необходимость проделать такую работу и создать обобщающий труд по истории социалистического строительства в Башкирии. Таким трудом должен явиться второй том «Очерков по истории Башкирской АССР». Завершение в 1959 г. работы по подготовке первого тома «Очерков» и создание некоторой базы в виде публикаций по истории Башкирии советского периода позволили историкам филиала совместно с работниками вузов Уфы вплотную приступить в 1959 г. к подготовке второго тома «Очерков».

Известные трудности при развертывании работ по подготовке второго тома «Очерков» представляло то, что долгое время не была разработана периодизация истории Советской Башкирии. В начале 1959 г. эта задача в основном была решена. Определилась та общая схема, по которой авторский коллектив составил проспект второго тома «Очерков по истории Башкирской АССР» Он опубликован и разослан научным учреждениям, высшим учебным заведениям и отдельным лицам, интересующимся историей Башкирии. Состоявшееся 6 октября 1959 г. в Уфе совещание историков Башкирии обсудило проспект и одобрило его как первый опыт предварительной публикации подробной программы задуманного обобщающего исторического труда.

Определенные успехи имеются и в разработке истории Башкирии досоветского периода. Следует отметить, что до 1956 г. внимание и усилия научных работников, изучающих историю Башкирии, сосредоточивались главным образом в этом направлении. В результате вышли в свет работы, посвященные революции 1905 г. в Башкирии [9], присоединению Башкирии к России [10], башкирским восстаниям XVII — первой половины XVIII века [11]. Опубликованы три тома материалов по истории Башкирии периода феодализма, характеризующие социально-экономические отношения у башкир и колониальную политику царизма в этом крае [12].

Длительная работа большого коллектива исследователей завершилась опубликованием в 1956 г. первой части обобщающего труда по истории Башкирии [13], а в 1959 г.— второй его части [14]. В первой части раскрываются вопросы, касающиеся этногенеза башкирского народа, зарождения классовых отношений, присоединения Башкирии к Русскому государству и его исторического значения, социально-экономического развития Башкирии в период феодализма. Во второй части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР» освещается история Башкирии с конца XVIII в. до 1917 года. Здесь авторы разоблачают колониальную политику русского царизма, показывают кризис феодализма и отмену крепостного права, развитие капитализма и пролетариата в условиях Башкирии, рост классовой

---

[8] «Резолюции областных конференций Башкирской парторганизации и пленумов обкома КПСС (1917—1940 гг.)». Уфа. 1959.

[9] Р. М. Раимов. 1905 год в Башкирии. М.-Л. 1941.

[10] А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа. 1949

[11] А. П. Чулошников. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. «Материалы по истории Башкирской АССР». Т. I. М.-Л. 1936; его же. Восстание 1755 года в Башкирии. М.-Л. 1940; Н. В. Устюгов. Восстание 1662—1664 гг. в Башкирии. «Исторические записки». М. 1947, № 24; его же. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.-Л. 1950.

[12] «Материалы по истории Башкирской АССР». Т. I. Под редакцией А. П. Чулошникова (он же составитель). Ответственный редактор Б. Д. Греков. М.-Л. 1936; т. III. Составитель Н. Ф. Демидова. Под редакцией Н. В. Устюгова. Ответственный редактор Б. Д. Греков. М.-Л. 1949; т. IV, чч. 1, 2. Составитель Н. Ф. Демидова. Под редакцией А. Н. Усманова. Ответственный редактор Н. В. Устюгов. М. 1956.

[13] «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. I, ч. 1. Под редакцией А. П. Смирнова, Н. В. Устюгова, Г. Ф Шафикова, А. И. Харисова и Р. Г. Кузеева. Уфа. 1956.

[14] «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. I, ч. II. Под редакцией С. М. Васильева, Г. М. Деренковского, Р. Г. Кузеева, Н. В. Устюгова и А. И. Харисова. Уфа. 1959.

борьбы и роль большевистских организаций Башкирии в революционном движении. В «Очерках» впервые охарактеризована история культуры башкирского народа до Октябрьской революции.

Ряд работ вышел в свет в связи с 400-летием присоединения Башкирии к Русскому государству, среди них — материалы совместной научной сессии отделения исторических наук и Башкирского филиала АН СССР [15]. Выпущена также монография о родо-племенных организациях башкир в XVII—XVIII веках [16]. История Башкирии XVI—XVIII вв. отражена в соответствующих томах «Очерков истории СССР. Период феодализма» (Н. В. Устюгов, А. Н. Усманов, С. М. Васильев).

Одним из более изученных вопросов истории Башкирии периода феодализма являются восстания XVII—XVIII веков. Однако в оценке этих восстаний исследователи резко расходятся. Поэтому необходимо дальнейшее археографическое и монографическое исследование этой темы.

В 1959 г. начата разработка вопроса о крестьянской войне 1773—1775 гг. в Башкирии, а также продолжено изучение истории декабристского движения в Оренбургском крае.

По истории Башкирии периода капитализма начато изучение развития сельского хозяйства края в пореформенный период, формирования и борьбы рабочего класса в конце XIX — начале XX века.

Вопросы первой русской революции нашли отражение в публикациях, предпринятых еще несколько лет назад в связи с празднованием ее 50-летнего юбилея [17], а последующий период — в работе, посвященной проведению столыпинской аграрной реформы в Башкирии [18]. Готовится брошюра, раскрывающая революционное рабочее движение в Башкирии периода первой мировой войны и 1917 года.

Значительную часть работ по истории Башкирский филиал Академии наук СССР выполнил в тесном сотрудничестве с вузами, архивными учреждениями Уфы. Башкирский обком КПСС помогает филиалу координировать деятельность научных учреждений в разработке истории Башкирии, особенно периода социализма.

Серьезную помощь башкирским историкам оказывает Институт истории АН СССР обсуждением и рецензированием выполненных ими работ.

К сожалению, работы башкирских историков почти не печатаются на страницах академических исторических журналов. Между тем на местах поднимается немало вопросов, в частности по истории Башкирии, которые следовало бы поставить перед широкой научной общественностью.

В 1958—1959 гг. были разработаны 7- и 15-летние перспективные планы развития исторических исследований в Башкирском филиале Академии наук СССР. Признано необходимым в предстоящие 7—15 лет значительно расширить изучение истории Башкирской АССР, особенно истории социалистического строительства и осуществления ленинской национальной политики. В 1958—1959 гг. по этой проблематике выполнено немало работ, однако они служат лишь началом к созданию новых капитальных трудов. В частности, необходимо исследовать в монографическом и археографическом плане восстановление народного хозяйства Башкирии (1921—1928 гг.), историю советского рабочего класса и индустриализации в БАССР, историю советского крестьянства, колхозного и совхозного строительства в Башкирии, историю культурной революции в Башкирской АССР, дальнейшее осуществление национальной политики КПСС в Башкирии на ба-

---

[15] Р. Кузеев. 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа. 1957; его же. Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству; Н. Ф. Демидова. Социально-экономические отношения Башкирии в первой четверти XVIII в.; Н. В. Устюгов. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в.; С. М. Васильев. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения в конце XVII — начале XVIII в.; М. Д. Рабинович. Декабристы в Башкирии и Оренбургской губернии; Н. И. Павленко. К истории южноуральской металлургии в XVIII в. См. «Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству». Под редакцией Н. В. Устюгова и Р. Г. Кузеева. Уфа. 1958.

[16] Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии. Ч. I. Уфа. 1957.

[17] «Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии». Под редакцией С. М. Васильева, Л. П. Гнедкова, Т. Ш. Саяпова. Уфа. 1956; «К 50-летию первой русской революции.» Материалы научной сессии. Уфа. 1956.

[18] Х. Ф. Усманов. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа. 1958.

зе социалистического и коммунистического строительства, роль Башкирской партийной организации в решении задач пролетарской революции, социалистического и коммунистического строительства, помощь русского и других народов СССР в осуществлении социалистических преобразований в Башкирии. Намечено опубликовать трехтомник по истории Советской Башкирии (часть многотомника по истории Башкирии в целом). Цель его — представить в возможно более полной форме обобщенную картину борьбы Коммунистической партии, Башкирской областной парторганизации и трудящихся республики за социалистическое строительство.

Представляется также необходимым приступить в ближайшее время к разработке истории общественной мысли в Башкирии, особенно в период трех русских революций, так как идейные течения среди башкир этого периода до сих пор не подвергались специальному исследованию. Между тем их развитие органически связано с социальной и политической борьбой, разрешившейся социалистической революцией и созданием Башкирской АССР. Изучение общественно-политической мысли указанного периода будет способствовать более полному раскрытию борьбы за социальное и национальное освобождение башкирского народа, за социализм.

Основным направлением в изучении истории дооктябрьского периода нужно признать разработку вопросов развития феодализма и капитализма, классовой борьбы и национальных движений в Башкирии. В течение семилетки предполагается исследовать в монографическом плане социально-экономический строй башкирского общества и башкирские восстания XVII—первой половины XVIII в., совместную борьбу башкирского и русского народов против крепостничества и колониального гнета во второй половине XVIII в. (участие башкир во главе с Салаватом Юлаевым в пугачевском восстании), развитие капитализма и рабочее движение в Башкирии второй половины XIX — начала XX века.

В связи с расширением исторических исследований, особенно в области истории советского общества, нам представляется целесообразным в ближайшем будущем обсудить вопрос о разделении сектора истории ИИЯЛ БФ АН СССР на два самостоятельных сектора: истории советского общества и истории периода феодализма и капитализма. Проведенное в институте в 1959 г. структурное изменение — выделение группы археологии и этнографии в самостоятельный сектор — позволило значительно оживить научную работу. Необходимо и в дальнейшем улучшать организационные формы исторических исследований в Башкирском филиале Академии наук СССР.

Перспективными планами Башкирского филиала АН СССР предусматривается также существенный рост научных кадров историков башкирской национальности.

Выполнение намеченных перспективных планов исторических исследований в Башкирском филиале АН СССР будет способствовать еще более широкому распространению исторических знаний в массах, повышению их сознательности, выполнению задач коммунистического воспитания трудящихся, выдвинутых XXI съездом КПСС и постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

Б. Х. Юлдашбаев

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В Саратове состоялась межвузовская научная конференция по основным проблемам истории Нижнего Поволжья в связи с 50-летием Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Конференция была организована историческим факультетом и кафедрой истории КПСС университета. Ее задачей было подведение некоторых общих итогов ведущейся в университете и других вузах Нижнего Поволжья научной работы по изучению истории края с целью координации и более четкого планирования дальнейших исследований по местной проблематике.

В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Сталинграда, Астрахани, сотрудники саратовских вузов, музеев и архи-

вов, учителя, пропагандисты. Было заслушано и обсуждено 14 докладов, охватывающих историю края от древнейших времен до наших дней.

Центральное место в программе конференции заняли доклады, посвященные истории Октябрьской революции и вопросам социалистического строительства в Нижнем Поволжье (история рабочего класса, коллективизация сельского хозяйства, проблема культурной революции).

В. И. Томарев (Сталинградский институт инженеров городского хозяйства) охарактеризовал основные этапы борьбы рабочих и солдат под руководством большевистской партии за установление Советской власти в 1917 г. в Царицыне — одном из крупных пролетарских центров юго-востока России. Докладчик привел убедительные аргументы для доказательства того, что Советская власть была установлена в Царицыне в первые же дни после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, а не 4 ноября (по старому стилю), как утверждают авторы ряда работ[1]. Резолюцию Царицынского Совета от 4 ноября 1917 г., гласившую, что «единственной властью в городе Царицыне отныне объявляется Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[2], В. И. Томарев считает лишь юридическим оформлением фактически осуществившегося в первые дни Октябрьской революции перехода власти в руки Совета в лице его органа — Временного революционного штаба, который действовал как орган диктатуры пролетариата, как революционная власть, ломавшая сопротивление контрреволюционеров.

Интересные фактические данные о борьбе за установление Советской власти в Астрахани были обобщены в докладе П. С. Сысоева (Астраханский педагогический институт). Он осветил сложную обстановку, создавшуюся в Астраханском крае в конце 1917 — начале 1918 года. Из-за предательства меньшевиков и эсеров, создавших коалиционный «комитет народной власти», а также из-за сопротивления буржуазно-националистических элементов и реакционного казачества Советская власть в Астрахани победила только три месяца спустя после Октябрьского восстания в Петрограде. В результате самоотверженной 14-дневной вооруженной борьбы астраханских рабочих и рыбацко-крестьянской бедноты буржуазно-казацкая контрреволюция была подавлена.

Ряд выступлений был посвящен проблеме социалистической индустриализации и превращения Нижнего Поволжья из отсталого, аграрного края в индустриально-аграрный.

П. П. Панин (Саратовский экономический институт) в своем докладе осветил борьбу Саратовской партийной организации за выполнение первого пятилетнего плана в области промышленности. Он привел документальные данные о капитальном строительстве, развитии массового соревнования и ударничества на предприятиях Саратова. Саратовская парторганизация благодаря постоянной помощи и руководству со стороны Центрального Комитета партии успешно справилась с задачами мобилизации трудящихся масс города на борьбу за осуществление генеральной линии партии, обеспечив выполнение заданий плана первой пятилетки. За четыре года Саратов неузнаваемо изменился. Из купеческого в прошлом города он превратился в крупный индустриальный и культурный центр страны. На окраине, там, где прежде были пустыри, вырос новый промышленный район. В городе были построены крупные предприятия союзного значения: завод комбайнов, 8-рамный лесокомбинат и др.; в 1934 г. здесь были пущены в эксплуатацию крупнейший в стране крекинг-завод и ТЭЦ. Сумма капиталовложений в промышленность Саратова (без транспорта) за 4 года пятилетки составила 109,1 млн. рублей.

О борьбе партийных организаций Нижней Волги за дальнейшее развитие промышленности в годы послевоенных пятилеток рассказали сотрудники кафедры истории КПСС СГУ В. Ф. Листвин и В. И. Павлов.

В докладе В. К. Медведева (СГУ) был рассмотрен процесс подготовки и проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства в Нижне-Волжском крае. Докладчик дал подробную социально-экономическую характеристику нижневолжской деревни конца 20 — начала 30-х годов с ее резкой классовой дифференциацией, отметил некоторые особенности процесса коллективизации в Нижнем Поволжье, в частности

[1] См. «История гражданской войны в СССР». Т. 2. М. 1947, стр. 616; А. И. Хмельков. Царицынские большевики в борьбе за установление Советской власти в Царицыне. Сталинград. 1947, стр. 14; «Царицын — Сталинград». Сборник статей. Сталинград. 1954, стр. 62; «1917 год в Саратовской губернии». Сборник документов. Саратов. 1957, стр. 197.

[2] Государственный архив Сталинградской области, ф. 346, оп. 1, д. 39, л. 42.

более быстрые темпы коллективизации здесь по сравнению с незерновыми районами страны. Он показал многостороннюю и напряженную деятельность краевой партийной организации среди беднейшей части крестьянства и середняков по осуществлению сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Б. М. Христин (СГУ) обобщил интересный материал о мероприятиях по крутому подъему сельского хозяйства Саратовской и Сталинградской областей в 1953—1959 годах.

Э. Э. Герштейн (СГУ) в докладе «Осуществление ленинского декрета о ликвидации неграмотности в Саратовской губернии в 1919—1921 гг.» привела интересные документы губернской, уездных и волостных ЧК по ликвидации неграмотности, характеризующие самоотверженную борьбу партийных организаций, молодежи, учителей за народное просвещение в героические годы гражданской войны. Докладчица рассмотрела формы массовой агитационно-политической работы, вопросы подготовки кадров, занимавшихся ликвидацией неграмотности.

С докладом «Культурное строительство в деревне в восстановительный период (по материалам Саратовской губернии)» выступил Н. А. Якорев (СГУ).

О трудовых подвигах саратовцев в годы Великой Отечественной войны, о деятельности Саратовской партийной организации по успешному выполнению хозяйственных и политических задач в годы войны сообщил в своем докладе А. П. Казачков (Саратовская консерватория).

Несколько докладов было посвящено истории края в дооктябрьский период.

Начиная с 20-х годов, саратовские ученые ведут большую и плодотворную работу по археологическому изучению древнейшей истории Нижнего Поволжья. Об итогах этих исследований сообщил И. В. Синицын (СГУ). До Октябрьской революции многие районы Нижнего Поволжья были, по существу, белым пятном на археологической карте. В настоящее время изучены основные вопросы происхождения и развития местных археологических культур, имеются данные для характеристики производительных сил и уровня культуры для каждого периода истории края, обрисованы взаимосвязи племен Нижнего Поволжья. О достижениях саратовских археологов говорил также выступивший в прениях научный сотрудник Института археологии АН СССР К. Ф. Смирнов.

Проблеме генезиса капитализма в Нижнем Поволжье был посвящен доклад В. А. Осипова (СГУ) «Основные черты экономического развития Нижнего Поволжья в первой половине XIX в.». Опираясь на имеющиеся архивные материалы, В. А. Осипов проанализировал те изменения, которые происходили в хозяйственной жизни Нижнего Поволжья в процессе разложения крепостничества и развития капитализма. Он привел сведения, характеризующие кризисные явления в помещичьем хозяйстве, эволюцию крепостной деревни, образование сельской буржуазии и разорение основной массы производителей — крепостных крестьян. Большой интерес представляют данные о развитии капиталистического предпринимательства в области производства пшеницы в Заволжье. Докладчик остановился также на вопросах развития промышленности в крае, подчеркнув рост количества вольнонаемных рабочих, составлявших на саратовских предприятиях свыше 90% всех рабочих.

И. В. Порох (СГУ) выступил с докладом «Изучение жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских исследователей», в котором обстоятельно рассмотрел публикаторскую работу саратовских литературоведов и историков, а также их труды о революционной деятельности, общественно-политических и исторических взглядах великого революционера-демократа [3].

В. М. Гохлернер (СГУ) в докладе, посвященном участию сельскохозяйственных рабочих Саратовской губернии в революции 1905—1907 гг., проанализировала экономические и политические предпосылки нарастания революционной активности сельских рабочих губернии, показала основные этапы, черты и особенности их движения в 1905—1907 годах.

Представленные доклады вызвали большой интерес у участников конференции. Все выступавшие в прениях подчеркнули поло-

[3] А. П. Скафтымов. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов. 1947; Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М. 1953; Е. И. Покусаев. Н. Г. Чернышевский. Критико-биографический очерк. Саратов. 1955; «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников». Тт. I—II. Саратов. 1958; Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов. 1958, и др.

жительное значение первой широкой встречи историков Нижнего Поволжья. Было решено проводить в будущем подобные зональные конференции, но не общего характера, а по отдельным конкретным проблемам с целью их более углубленной научной разработки. Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

Л. А. Дербов

О РАБОТЕ УЧЕНЫХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1959—1965 гг. ПО ИСТОРИИ СВОЕГО КРАЯ

За последние годы опубликован ряд трудов по истории Дальнего Востока, получивших положительную оценку общественности[1]. Ряд кандидатских диссертаций местных научных работников и преподавателей был посвящен различным вопросам истории Дальнего Востока. Вышли в свет сборники документов о борьбе за власть Советов в Приморье, о деятельности Дальревкома и истории Благовещенска[2], сборники статей по истории Дальнего Востока[3], воспоминания участников борьбы за власть Советов в Забайкалье, Приморье, Приамурье и на Камчатке в 1917—1922 годы.

Однако сделанное является лишь началом. Рост местных кадров и проведенная в последние годы публикаторская работа позволили в настоящее время наметить более широкий план исследований по истории Дальнего Востока в текущем семилетии. План разработан с учетом итогов развития исторической науки в послевоенный период и выдвинутых перед общественными науками на XXI съезде партии задач: «Глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе»[4].

В работе по новому плану участвуют научные сотрудники отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР, преподаватели кафедр истории КПСС и истории СССР Дальневосточного и Томского государственных университетов, Уссурийского, Хабаровского, Благовещенского и Сахалинского педагогических институтов, ряда технических вузов, работники партийных и государственных архивов.

Авторский коллектив Хабаровской высшей партийной школы совместно с кафедрами истории КПСС других вузов Дальнего Востока готовит «Очерки по истории дальневосточных организаций КПСС». Этот труд явится важным подготовительным этапом к созданию «Истории дальневосточных организаций КПСС». В ближайшие три года на основе обобщения новейших достижений в области археологии, этнографии и истории намечено написать «Историю Дальнего Востока» (в двух томах). В связи со столетием Владивостока подготовлены два тома «Материалов по истории Владивостока». С 21 по 25 июня с. г. состоялась научная сессия, посвященная столетию города, в Дальневосточном филиале Сибирского отделения АН СССР с участием историков Москвы, Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Сахалина, Сибири.

Подготавливаются монографии по истории Октябрьской революции и гражданской войны на Дальнем Востоке: А. И. Крушанов

---

[1] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток. 1959; П. И. Кабанов. Амурский вопрос. Благовещенск. 1959; Л. И. Беликова. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Приморье (1917—1918). Владивосток. 1957; С. Н. Шишкин. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918—1922. М. 1957; Л. М. Папин. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М. 1957; «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР». М. 1960.

[2] «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922)». Сборник документов. Владивосток. 1955; «Дальревком. 1922—1926». Сборник документов. Хабаровск. 1957; «Благовещенску сто лет (1858—1958)». Благовещенск. 1959.

[3] «Сборник статей по истории Дальнего Востока». М. 1958; «Дальний Восток за 40 лет Советской власти». Владивосток — Комсомольск-на-Амуре. 1958.

[4] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I. М. 1959, стр. 61.

(Владивосток) — «Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке (1917—1922)»; В. П. Малышев (Благовещенск) — «Борьба за Советы на Амуре»; Б. С. Шерешевский (Чита) — «История Дальневосточной Республики»; Л. И. Беликова (Владивосток) — «Приморская организация КПСС в 1917—1922 гг.».

Увеличивается количество исследований по истории Дальнего Востока в восстановительный период и в годы социалистического строительства. Так, С. С. Гуревич (Владивосток) пишет докторскую диссертацию «Деятельность дальневосточных партийных организаций по перестройке и укреплению советского государственного аппарата в период восстановления народного хозяйства (1923—1926)»; В. С. Флеров (Томск) готовит монографию «Строительство Советской власти на Дальнем Востоке (1922—1925)». Некоторым важным темам посвящаются кандидатские диссертации, например: И. Н. Гончаренко (Владивосток) — «Регулирование рядов дальневосточной организации КПСС (1923—1926)»; А. В. Колотовкина (Томск) — «Борьба партийных организаций Дальнего Востока за индустриализацию (1926—1929)»; Н. П. Шишко (Владивосток) — «Борьба Приморской организации КПСС за социалистическую перестройку сельского хозяйства (1927—1933)»; Б. В. Иванова (Томск) — «Осуществление ленинского кооперативного плана на Дальнем Востоке (1922—1927)».

Местными авторами разрабатывается ряд тем, связанных с историей Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) и послевоенным периодом: А. Г. Макаров (Владивосток) — «Участие моряков Тихоокеанского военно-морского флота в разгроме Японии в 1945 году»; А. А. Вострикова (Владивосток) — «Трудовой героизм трудящихся Приморья в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)»; А. Н. Рожков (Южно-Сахалинск) — «Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)»; Д. П. Белых (Владивосток) — «Морской транспорт Дальнего Востока в годы пятой пятилетки».

Наряду с темами по истории социалистического строительства исследования ведутся и по вопросам археологии, этнографии, истории Дальнего Востока периода феодализма и капитализма.

С мая 1960 г. начала работу Амурская историко-этнографическая экспедиция под руководством проф. А. П. Окладникова. Ее отряды будут вести раскопки на реках Чапигоу и Баталяндза в Южном Приморье, в бухтах Пфусунг, Валентин и Судзухе, на полуострове Песчаном, у залива Петра Великого, по рекам Амур, Зея, Бурея, Уссури. В этих и других местах обнаружены поселения эпохи палеолита и неолита, городища царств Бохая и Чжурчженей (VIII—XII вв. н. э.).

Группа этнографов Дальневосточного филиала (Ю. А. Сем, В. Г. Ларькин, Л. И. Сем) готовит «Историко-этнографические очерки народов южной части Дальнего Востока (нанайцев, удэге, ороков, орочей, гиляков)». В этих очерках предполагается показать историю развития материальной и духовной культуры указанных народностей.

В текущем семилетии будут продолжены исследования по социально-экономической истории Дальнего Востока в XIX—XX веках. Эта тематика представлена докторскими диссертациями: Н. К. Кольцовой (Владивосток) — «Заселение и хозяйственное развитие Дальнего Востока в XIX — начале XX в.», И. П. Трофимова (Владивосток) — «Формирование пролетариата и революционное движение на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.», В. М. Вишневского (Владивосток) — «Русско-японская война и первая буржуазно-демократическая революция на Дальнем Востоке (1904—1907 гг.)».

Предполагается издать также работы по истории Сибирской военной флотилии, истории Дальневосточного морского пароходства, вопросам культурного и национального развития дальневосточных областей.

Несомненный интерес представляет монография В. Г. Щебенькова (Владивосток) — «Русско-китайские отношения в XVII в.», которая должна выйти в свет в текущем году.

Выполняя решения XXI съезда КПСС, постановление ЦК партии «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», ученые создадут капитальные труды по актуальным проблемам истории Дальнего Востока, связанным с осуществлением социалистических преобразований и коммунистического строительства в крае.

А. И. Крушанов

О РАБОТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Пермский государственный университет и его историко-филологический факультет являются крупным учебным и научным центром Урала. Большую научно-исследовательскую работу проводят, в частности, исторические кафедры университета.

Члены кафедры истории СССР сосредоточили свои усилия на изучении экономического и социального развития Урала. Эта комплексная тема подразделяется на отдельные направления: история первобытнообщинного строя у народов Прикамья, возникновение и развитие горнозаводской промышленности Урала, проведение реформы 1861 г. на заводах и в вотчинных имениях, формирование рабочего класса и развитие капитализма, социально-экономическое развитие Урала в эпоху империализма, история гражданской войны и социалистических преобразований.

Доктор исторических наук Ф. С. Горовой в течение ряда лет изучает историю отмены крепостного права в вотчинных имениях, на казенных и частных (вотчинных и посессионных) заводах Урала, а также волнений рабочих и крестьян, революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века [1]. Несомненный научный интерес представляют его работы о применении вольнонаемного труда и кризисе горнозаводской промышленности Урала [2].

Доцент К. С. Маханек опубликовал работы о положении крестьян коми-пермяков в вотчинных имениях Урала накануне реформы 1861 г. и восстании коми-пермяков в 1861 г. (Егвинский расстрел), по истории Пермского края в эпоху феодализма и др.[3]. Подготовлены к печати его работы об организации управления крепостными крестьянами в вотчинных имениях, развитии крупного землевладения и классовой борьбы на Урале в 20—70-х годах XIX века.

Вопросам развития капитализма и пермскому земству посвящено исследование кандидата исторических наук М. И. Черныш. Я. Б. Рабинович закончил работу «Массовое движение в годы революционной ситуации 1879—1880 гг. на Урале». Кандидат исторических наук С. М. Томсинский опубликовал работы о появлении первой печатной газеты в России, а также об Урале в русской публицистике [4]. Развитие горнозаводской промышленности Урала во второй половине XVIII в. исследует кандидат исторических наук К. К. Демиховский.

Много внимания работники кафедры истории СССР уделяют изучению экономического развития и классовой борьбы на Урале в эпоху империализма, подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции.

Ф. С. Горовой опубликовал ряд книг и статей о революции 1905—1907 гг. на Урале, рабочем движении на Урале в 1917 г., борь-

---

[1] См. Ф. С. Горовой. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь. 1954; его же. Реформа 1861 г. на казенных заводах Урала. «Ученые записки» Пермского государственного университета. Т. VII, вып. 2, 1955; его же. Волнения крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX в. Пермь. 1951; его же. Из истории волнений рабочих Урала в первое десятилетие после отмены крепостного права. «Ученые записки» ПГУ. Т. VI, вып. 4, 1951; его же. Введение уставных грамот в помещичьих имениях Пермской губернии. «Ученые записки» ПГУ. Т. VIII, вып. 2, 1953; его же. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Пермь. 1952; его же. Волнения крестьян Кунгурского уезда. Пермской губернии, в начале 70-х годов XIX века. «Доклады научной конференции Пермского университета». Вып. V—VI; 1951.

[2] См. Ф. С. Горовой. О вольнонаемном труде на Урале во второй четверти XIX в. «Вопросы истории», 1953, № 3; его же. Из истории кризиса горнозаводской промышленности Урала в 60-х годах XIX века. «Ученые записки» ПГУ. Т. IX, вып. 2, 1956.

[3] См. К. С. Маханек. Из истории реформы 1861 г. на Урале. «Пермский краеведческий сборник». Вып. IV, 1928; его же. Восстание коми-пермяков в 1861 г. (Егвинский расстрел). «Ученые записки» Пермского педагогического института № 11, 1948; его же. Пермский край в период феодализма. «Пермская область». Пермь. 1959; его же. Пермская ссылка Н. И. Гулака — члена и организатора украино-славянского общества (Из истории Пермского Кирилло-Мефодиевского общества). «Ученые записки» Пермского педагогического института № 8. 1941.

[4] С. М. Томсинский. Урал в русской публицистике первых десятилетий XVIII в. Пермь. 1959; его же. Первая печатная газета России (1702—1727 гг.). Пермь. 1959.

бе за установление Советской власти в Пермской губернии и др.[5].

Доцент П. И. Хитров исследует экономическое развитие, положение рабочих и крестьян Урала в эпоху империализма, социальные изменения и классовую борьбу в Пермской губернии. Им опубликован ряд статей [6].

Доцентом Ф. А. Александровым написаны исследования о распространении на Урале ленинской газеты «Искра», о революционных событиях 1905 г. на Урале, о борьбе народных масс за установление Советской власти в Пермской губернии и ряд других [7]. Крестьянскому движению на Урале в 1917 г. посвящена статья И. С. Капцуговича [8].

В области археологии плодотворно работает доцент В. А. Оборин [9].

В настоящее время члены кафедры истории СССР готовят коллективный труд — первый том «Очерков по истории Урала», который явится первым обобщающим исследованием по истории Урала. Следует особо отметить, что кафедра до последнего времени еще мало внимания уделяла разработке истории советского общества. По этому важнейшему разделу истории члены кафедры не подготовили серьезных исследований. Это, безусловно, большой недостаток в деятельности кафедры.

Изучением истории партийных организаций Урала заняты члены кафедры истории КПСС. В. Ф. Попов защитил диссертацию на тему «Уральские партийные организации в борьбе за электрификацию промышленности и сельского хозяйства в четвертой пятилетке». Кандидат исторических наук А. Н. Фадеев работает над темой «Деятельность партийных организаций Урала по развитию социалистических и коммунистических форм труда (1919—1920 гг.)» [10]. Тема работы П. Д. Пачгина — «Деятельность Пермской партийной организации по развитию социалистического соревнования в промышленности в послевоенные годы».

Над темой «Партийные организации Урала в борьбе за союз рабочего класса и крестьянства в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920 гг.)» работает кандидат исторических наук Т. Л. Левина.

А. А. Майорова пишет кандидатскую диссертацию «КПСС во главе патриотического движения трудящихся тыла в годы Великой Отечественной войны (по материалам Пермской партийной организации)».

Основное направление научной работы кафедры всеобщей истории — история международного рабочего движения эпохи империализма, формирование и развитие коммунистических партий.

Доцент Л. Е. Кертман разрабатывает тему «Английское рабочее движение в эпоху империализма» [11], а также принимает уча-

---

[5] См. Ф. С. Горовой. Очерки революции 1905—1907 гг. на Урале. Пермь. 1955; его же. Борьба за победу Советской власти в Пермской губернии. «Прикамье», 1947, № 10; его же. Пермская губерния в период военного коммунизма. Пермь. 1950; его же. Из истории рабочего движения в Пермской губернии в 1917 г. Сборник «1917 год на Урале». Пермь. 1957.

[6] П. И. Хитров. Некоторые данные об условиях труда и быта рабочих Пермской губернии накануне первой мировой империалистической войны (1909—1913 гг.). «Ученые записки» ПГУ. Т. X, вып. 3, 1957; его же. Забастовочное движение рабочих Пермской губернии в период революционного подъема в России накануне первой мировой империалистической войны (1912—1914 гг.). «Ученые записки» Пермского университета. Т. XII, вып. 2, 1958.

[7] См. Ф. А. Александров. Ленинская «Искра» на Урале. Пермь. 1953; его же. Декабрьское восстание 1905 года на Урале. Пермь. 1955; его же. Победа пролетарской революции в Пермской губернии. «1917 год на Урале».

[8] И. С. Капцугович. Крестьянское движение в Пермской губернии в 1917 г. «1917 год на Урале».

[9] О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь. 1958; В. А. Оборин. Некоторые проблемы изучения Родановской культуры. «Ученые записки» ПГУ. Т. XI, вып. 3, 1956; его же. Об удмуртско-пермяцких связях в IX—XV вв. Там же; его же. К истории земледелия у древних коми-пермяков. «Советская этнография», 1956, № 2; его же. Орел-городок (по раскопкам Камской археологической экспедиции 1953—1954 гг.), «Советская археология», 1957, № 4; его же. Памятники Родановской культуры у с. Таборы. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР». Вып. 65. 1956; его же. Первобытнообщинный строй на территории Пермской области. Сборник «Пермская область».

[10] А. Н. Фадеев. Возникновение коммунистических субботников в Пермской губернии. Сборник «На фронте и в тылу». Пермь. 1959.

[11] См. Л. Е. Кертман. Вопросы истории рабочего движения на страницах английских журналов «The Communist Review» и «The Labour Monthly». «Вопросы истории», 1954, № 7; его же. Рабочее движение и политика английской буржуазии в 1906—1914 гг. «Вопросы истории» 1957, № 1; его же. Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии. Пермь. 1957.

стие в создании коллективного труда «История II Интернационала», который подготавливается Институтом истории АН СССР. Кандидат исторических наук В. Т. Сиротенко написал ряд работ по раннему средневековью [12].

Доцент К. И. Ларькина изучает историю германского рабочего движения [13]. В. А. Малыгин, А. З. Нюркаева, Ю. М. Рекка исследуют темы: рабочее движение в 1919—1927 гг. в Китае, рабочее движение в Сербии начала XX в., борьба Компартии Германии за демократизацию общественного строя в 1945—1946 годах.

Преподаватели исторического отделения факультета принимают активное участие в научных конференциях. С докладами, посвященными проведению реформы 1861 г. на Урале, революционно-демократическому движению в 70—80-х годах XIX в. и другим вопросам, выступали Ф. С. Горовой, К. С. Маханек, В. А. Оборин и Я. Б. Рабинович на конференции историков Урала в Свердловске в 1957 г., на конференции историков Поволжья и Приуралья в Казани в 1959 году. Осенью текущего года в Пермском университете состоится конференция историков Урала по формированию и развитию рабочего класса СССР.

В свете решений XXI съезда КПСС и постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» историки университета в ближайшие годы основное внимание уделят изучению истории социалистического строительства на Урале. Важное значение будет иметь создание второго тома «Очерков по истории Урала», посвященного советскому периоду.

Выполняя «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», коллектив историков университета активно участвует в перестройке учебного процесса, в улучшении и расширении учебной и научно-исследовательской деятельности на историческом отделении историко-филологического факультета. Пересмотрены планы учебной и научной работы, введены новые спецкурсы, спецсеминары. Уже второй год студентам-историкам читается курс «История Урала», введены спецсеминары «Горный Урал в XVIII в.» и «История уральских заводов в первое десятилетие XVIII века». История Советского Урала освещается при чтении спецкурсов: «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)»; «Социалистическая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства».

Научные сотрудники факультета разрабатывают и вопросы методики преподавания истории в школе. Много сил отдают этому важному делу преподаватели В. А. Малыгин и Г. Ф. Горнова.

И. С. Капцугович

[12] В. Т. Сиротенко. Взаимоотношения гуннов и Римской империи. «Ученые записки» ПГУ. Т. XII, вып. 4, 1959; его же. Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской историографии. Там же.

[13] См. К. И. Ларькина. Борьба течений в германской социал-демократии в начале 1917 г. «Ученые записки» ПГУ. Т. XII, вып. 4, 1959.

Хроникальные заметки

В Пскове, в д. № 3 по ул. Ленина, находится квартира-музей В. И. Ленина. В жизни и деятельности Владимира Ильича псковский период занимает важное место. В это время была в основном завершена работа по организации первой общерусской революционной газеты. Среди экспонатов музея — пожелтевшая от времени бумага с грифом «Секретно». Это — извещение енисейского губернатора в департамент полиции, в котором сообщалось, что за Ульяновым в Пскове учрежден негласный надзор. Несмотря на слежку, Владимиру Ильичу удавалось вести шифрованную переписку, выезжать в другие города, устраивать нелегальные собрания. Одно из собраний, проведенных В. И. Лениным, вошло в историю под названием «Псковское совещание». Оно проходило в квартире статистика Оболенского, снявшего по совету Владимира Ильича отдельный флигель у железнодорожного машиниста Бочкарева в Петровском (ныне Плехановском) посаде. На совещании большинство участников поддержало выступление Ленина против «экономистов» и одобрило проект «Заявления от редакции». Местные исследователи обнаружили неизвестную ранее ленинскую публикацию. В газете «Псков-

ский городской листок» от 19 марта 1900 г. было дано следующее объявление: «Желают брать уроки немецкого языка (теор. и практ.) у образованного немца. Предлож. письменно: Архангельская, д. Чернова, кв. Лурьи, для В. У.». Инициалы «В. У», время публикации, адрес говорят о принадлежности объявления В. И. Ленину. Объявление появилось лишь в одном номере, очевидно, на него сразу откликнулись. В письме к матери из Пскова, датированном 6 апреля 1900 г., Владимир Ильич сообщал: «Беру уроки немецкого языка у одного здешнего немца...». В музее бережно хранятся и другие документы, связанные с пребыванием В. И. Ленина в Пскове.

◆ В Новосибирске состоялась конференция по истории Сибири и Дальнего Востока, созванная Отделением исторических наук АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, Сибирским отделением АН СССР. В ее работе приняли участие ученые Москвы и Ленинграда, городов Сибири и Дальнего Востока, Уфы, Челябинска, Кургана, секретари обкомов КПСС, старые большевики, ветераны Октябрьской революции и гражданской войны, работники архивов и музеев, редакций центральных исторических журналов и издательств. С докладом «Основные проблемы развития исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока» выступил акад. Е. М. Жуков. Доктор исторических наук А. П. Окладников сделал доклад на тему «300 лет сибирской археологии и ее сегодняшний день». Были заслушаны также доклады: «Задачи этнографического изучения народов Сибири в связи с решениями XXI съезда КПСС» (доктор исторических наук Л. П. Потапов), «Освещение вопросов истории Сибири за рубежом» (доктор исторических наук В. И. Шунков), «О перспективном плане развития общественных наук в Сибирском отделении АН СССР» (доктор философских наук, председатель постоянной комиссии по общественным наукам при Сибирском отделении АН СССР И. И. Матвеенков). После пленарного заседания начали свою работу секции конференции. Секция истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока советского периода работала в Томске, секция археологии, этнографии, антропологии и истории дооктябрьского периода — в Иркутске. Конференция приняла рекомендации, направленные на повышение уровня исследовательской работы, а также избрала научный совет истории Сибири и Дальнего Востока, в задачи которого входит руководство научной работой историков в этой части страны.

◆ Во Львове состоялось кустовое совещание работников государственных архивов западной и правобережной части Украины. С докладом «Выполнение постановления Совета Министров УССР от 18 апреля 1956 г. об использовании документальных материалов» выступил начальник научно-издательского отдела Архивного управления УССР И. Л. Бутыч. Были прослушаны и обсуждены содоклады об использовании документальных материалов в народнохозяйственных, научных, агитационно-пропагандистских, культурно-просветительных целях и для развития краеведения, об участии архивов в разработке вспомогательных исторических дисциплин, о практическом использовании кино-фото-фонодокументов, работе читальных залов в архивах, справочной работе и т. д. Совещание признало необходимым расширение информации о составе и содержании документальных материалов путем публикации путеводителей, обзоров, тематических каталогов и описей наиболее важных фондов, статей, сообщений, организации выставок, лекций и экскурсий в архивы, выступлений по радио и телевидению, а также с помощью кинохроники. Одной из основных задач архивов должно стать изучение истории и теории архивного дела, участие архивистов в разработке вспомогательных исторических дисциплин: археографии, истории учреждений, исторической географии, хронологии, метрологии, геральдики, сфрагистики и др.

◆ Историко-революционная секция Музея краеведения (Сочи) провела торжественное собрание, посвященное 40-летию освобождения Кубани и Черноморья от белогвардейцев и интервентов. С докладом на эту тему выступил директор музея Б. А. Шарапов. Доклад о руководящей роли партии в борьбе против белогвардейцев и интервентов сделал старый большевик С. А. Спильниченко. С воспоминаниями о создании Красной гвардии в Сочи и ее боевых операциях выступил участник похода Таманской армии Г. И. Косьмин. Бывший командир 34-й сводной стрелковой дивизии П. В. Егоров рассказал о боях за Сочи, бывшие командиры Волковского и Воронцовского отрядов В. А. Болонкин и Н. М. Барибан — о боевых операциях партизан. Воспоминаниями о борьбе хостинских партизан поделился Г. И. Громадский.

◆ В Научно-исследовательском институте Калмыцкой АССР проводится большая работа по изучению истории калмыцкого народа. Группа научных сотрудников под руководством профессора, доктора исторических наук Н. В. Устюгова работает над первым томом «Очерков по истории Калмыцкой АССР» (с 1608 г. до Великой Октябрьской социалистической революции), который должен выйти в свет в 1962 году. Над вторым томом, охватывающим советский период, трудится группа сотрудников во главе с профессором, доктором исторических наук В. А. Романовским. Книгу предполагается выпустить в 1963 году. Под руководством профессора Т. А. Бертогаева создается первая научная грамматика калмыцкого языка. Готовится к выпуску «Русско-калмыцкий словарь».

◆ В краеведческий музей (Астрахань) поступило много новых материалов, характеризующих жизнь населения Астраханского края в дореволюционный период. Экспозиция «Астрахань в первой половине XIX века» пополнилась экспонатами крестьянской одежды, предметами быта, рядом

документов, планом города. О развитии революционного движения в Астраханском крае рассказывают многочисленные листовки, прокламации, издания ЦК РСДРП(б). Все эти и другие материалы позволяют глубоко осветить революционную борьбу рабочих и крестьян Астраханской губернии. Документальные фильмы, снятые в Астрахани в 1919 г., рассказывают об обороне города. На пленке запечатлены выпуск школы красных командиров 10 апреля 1919 г., смотр кораблей Волжско-Каспийской военной флотилии, среди которых были ледокол «Каспий», миноносцы и подводные лодки, присланные с Балтики по распоряжению В. И. Ленина.

◆ Изучая материалы по истории Сибири, советские ученые установили, что еще за 20 лет до создания известного «Общего чертежа Сибири 1667 г.» были составлены карты этого края. Значительную роль в этом сыграл тобольский казак Курбат Иванов. В 1640 г. по Лене он дошел до устья р. Куленги (левый приток Лены) и собрал у местных жителей сведения о Байкале и острове Ольхоне, об истоках рек Ангары и Лены. Эти сведения позволили ему составить первый чертеж Верхоленского района. Чертеж был отправлен в Москву, но имя К. Иванова в нем не было указано. Автором карты был назван атаман казачьего отряда, в котором числился Иванов, Василий Витязев. К. Иванов первым побывал на «славном море» Байкале. В 1642 г. вместе с 75 казаками и промышленными людьми он отправился из Якутска вверх по Лене. Достигнув Верхоленского острога, «искатели землиц» перебрались на западное побережье озера. В 1643 г. экспедиция достигла острова Ольхон, где в то время проживало довольно большое число бурят. Ивановым был составлен «чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам...». К. Иванов создал более точный чертеж Байкала и района верхнего течения Лены, а также составил карту Илимского волока. В дальнейшем К. Иванов участвовал в походах С. Дежнева на Дальний Восток и составил первые чертежи Охотского побережья и долин некоторых рек.

◆ До сих пор в исторической науке были документально зафиксированы имена лишь трех русских людей, посетивших Индию в течение второй половины XV — конца XVII века: Афанасия Никитина, купца Леонтия Юдина и главы первого русского торгового дипломатического посольства конца XVII в. Семена Маленького. Исследуя архивные документы Посольского приказа и другие материалы, ленинградский историк Г. Куриленко установил, что в 1658 г. из Самары в Саратов была отправлена царская казна под охраной 70 стрельцов. Когда стрельцы возвращались в Самару, на них внезапно напал большой отряд калмыков. В числе раненых и пленных находился Петр Треногин. Он был продан в Хиву, затем в Бухару. В конце 60 — начале 70-х годов XVII в. бухарский хан отрядил посольство за Гималаи к индийскому падишаху и вместе с другими дарами отправил к нему 10 русских рабов. Петр Треногин пробыл в Индостане 9 лет. Он многое повидал, сдружился с местными жителями. За большие познания он через некоторое время был освобожден индийским падишахом Аурангзебом. В 1690 г. Треногин вернулся в Москву.

◆ В научной библиотеке Томского университета хранятся материалы, относящиеся ко времени Великой французской буржуазной революции. Это собрания официальных документов, периодические издания конца XVIII в., мемуары современников и деятелей революции. Большая часть их входила в коллекцию графов Строгановых, которую последние передали в дар первому сибирскому университету. В собрании, насчитывающем 22 тыс. томов, много редких и редчайших книг, по числу которых семейная библиотека Строгановых считалась одной из лучших в Европе. Имеются первые и прижизненные издания произведений французских просветителей и философов-материалистов XVIII в.: Монтескьё, Вольтера, Руссо, Дидро, Даламбера, Гельвеция, Гольбаха, Кондильяка; полный комплект первого издания знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», выходившей с 1751 по 1776 год.

К наиболее интересным документам французской революции относится «Генеральная коллекция декретов, выпущенных Национальным Учредительным Собранием..., Законодательным Собранием..., Национальным Конвентом..., законов и актов Законодательного Корпуса и Исполнительной Директории... Париж, 1789—1799». Это так называемая «Коллекция Бодуэна», состоящая из 90 томов. Такого полного собрания документов не удалось встретить в других книгохранилищах Советского Союза. Не меньшую ценность представляет 14-томное «Собрание подлинных документов, одобренных Национальным собранием Франции, со всеми его решениями и постановлениями и со всем материалом, который должен войти во Французскую Конституцию. Женева — Лозанна, 1789—1790». Большого внимания заслуживают также две коллекции документов, относящихся к дипломатической деятельности периода французской революции и к внешней политике Франции.

В библиотеке хранится полный комплект ежедневной парижской газеты «Монитор» за 80 лет (1789—1868). В первых томах «Монитора» (1789 и 1791—1801 гг.) в двадцать переплетов вброшюрованы 58 листов с гравированными портретами-иллюстрациями деятелей революции, известных исторических лиц, генералов и ученых. В библиотеке имеется также еженедельник «Парижские Революции, посвященные нации и округу Малых Августинцев, начатые изданием Л. Прюдомом в июльские дни 1789 года» и «Старый Кордельер, журнал, редактируемый Камиллом Демуленом, депутатом Конвента и старшиной якобинцев. Париж, 1825». Любопытными документами являются 182 номера газеты «Курьер из Версаля в Париж и из Парижа в Версаль... Горса, гражданина Парижа», заглавие которой вскоре было изменено на «Курьер из

Парижа в провинцию и из провинции в Париж». Основатель, составитель и издатель «Курьера» был гильотинирован в октябре 1793 г., а его газета закрыта за 4 месяца до казни как антиякобинский орган. Представляет интерес «Коллекция мемуаров, относящихся к французской революции, со сведениями об их авторах и историческими пояснениями Бервиля и Барьера» в 87 томах, выпущенных в 1820—1828 гг. несколькими издателями. Некоторые публикации, включенные в коллекцию, являются ценными историческими источниками. К числу их относятся «Неизданные бумаги, найденные у Робеспьера, Сен-Жюста, Пэйана и т. д., вычеркнутые или опущенные у Куртуа..., с большим количеством факсимиле..., т. 1—3. Париж. 1828».

◆ В Государственном архиве Астраханской области обнаружены письма за 1774 г., принадлежащие русскому естествоиспытателю Петру Симону Палласу, возглавлявшему экспедицию Российской академии наук в район Поволжья и Прикаспийской низменности. В одном из них содержится просьба к астраханской губернской канцелярии снять копии с калмыцких родословных грамот «о разных калмыцких владельческих племенах» и представить в распоряжение экспедиции сведения о числе калмыцких улусов между Волгой и Доном; об улусах, ушедших «с наместником ханства в Зюнгорию»; о вошедших в российское подданство «улусах дербетов, торгоутов и хошотов», расположенных в яицких и волжских степях; о времени и обстоятельствах появления «кочующих по Ахтубе кундуровских татар и в Куманской степи живущих турхменцов». Перед отъездом из Поволжья, в письме от 18 мая 1774 г. из Царицына, Паллас извещал астраханскую губернскую канцелярию, что директор Академии наук В. Г. Орлов приказал «...состоящаго при моей экспедиции монгольского языка переводчика Эриха по отъезде моем из здешних стран оставить при улусах волжских калмык на тригодишное время для обучения тангутскаго языка и для собрания разных до истории и закона калмыцкого народа касающихся известий» и просил оказывать ему всяческое содействие в работе. Кроме четырех писем Палласа и ряда документов, подписанных переводчиками Иоганном Эрихом и Ипатом Федотовым, в архиве имеется переписка местных властей по делам экспедиции.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА ДОКУМЕНТОВ О ДАВНИХ ДРУЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ СССР И ФРАНЦИЕЙ

С 25 марта по 18 апреля 1960 г. в Париже, в здании Монетного двора, была открыта в связи с визитом председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева во Францию выставка документов, освещающих историю развития отношений между Францией и СССР с XI в. до наших дней. Выставка была подготовлена со стороны Советского Союза Историко-дипломатическим управлением МИД СССР и Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, со стороны Франции — Дирекцией национальных архивов, Архивом МИД Франции и Национальной библиотекой. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в присутствии председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, первого заместителя председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и других сопровождавших Н. С. Хрущева лиц торжественно открыл выставку, отметив в своей речи, что советско-французское сотрудничество, его исторические традиции и дальнейшее развитие имеют огромное значение для укрепления мира. Н. С. Хрущев и сопровождавшие его лица осмотрели выставку в присутствии французского министра по делам культуры Мальро.

Материалы выставки представляют большую ценность для всех интересующихся историей дружественных связей между Францией и СССР. Посетители выставки знакомились с экспонатами, отражающими важнейшие события истории укрепления отношений между обеими странами.

На одном из стендов — документальные данные о королеве Анне, дочери киевского великого князя Ярослава Мудрого, выданной в середине XI в. замуж за французского короля Генриха I. Весьма интересна подлинная подпись Анны, сделанная кириллицей под грамотой, пожалованной в 1063 г. ее сыном Филиппом I аббатству Сен-Крепен в Суассоне. Рядом с этой грамотой была помещена раскрытая рукопись так называемой «Хроники Сен Дени», относящейся к XV в., с изложением истории брака Анны и Генриха I. Этот брак свидетельствовал о желании Киевской Руси и Франции XI в. развить и упрочить между собою политические связи.

К XVI—XVII вв. относятся материалы о русско-французских торговых и политических связях. Эта серия документов открывалась французским переводом грамоты царя Федора Ивановича о разрешении французским купцам Ренелю и Бистрату торговать в России (1587 г.). Далее следовали грамота Генриха IV царю Федору Ивановичу с просьбой о разрешении французскому купцу Мушерону свободно вести торговлю в России (1595 г.), запись беседы с русскими послами во Франции Кондыревым и Неверовым (1615 г.), донесение этих послов о выполнении ими своей миссии (1617 г.), копия письма царя Михаила Федоровича Людовику XIII с предложением о развитии торговли (1629 г.), грамоты Людовика XIII к Михаилу Федоровичу с просьбой о разрешении на закупку хлеба в России и с выражением благодарности за эти закупки (1630, 1631 гг.) и др. В том же ряду документов находилось письмо Михаила Федоровича к Людовику XIII о посольстве Курменена в Москву (1632 г.), грамота Людовика XIV царям Ивану и Петру с поздравлением по случаю их воцарения и с заверением о продолжении дружественных отношений с Россией (1685 г.) и другие материалы. Прекрасно сохранившиеся пергаментные грамоты французских королей, привезенные на выставку из наших архивов, привлекали всеобщее внимание. Весьма интересна также рукопись, раскрывающая препятствия, которые ставили развитию русско-французской торговли того времени конкуренция Скандинавских стран и зундские пошлины.

В XVIII в. русско-французские торговые и политические связи приняли более постоянный характер. Со времени царствования Петра I они стали строиться на до-

говорной основе и вскоре привели к установлению постоянных дипломатических представительств в обеих странах. Ряд документов выставки отражает визит Петра I во Францию в 1717 г.— листы путевого журнала, записи о вручении Петру I подарка от города Парижа, медаль, выбитая в Монетном дворе по случаю посещения его Петром, списки французских мастеров, выехавших в Россию, материалы об избрании Петра I членом Французской академии. Этот раздел выставки украшен также старинной гравюрой Петра с малолетним Людовиком XV на руках. Особенно интересен подлинник первого русско-французского договора о дружбе, союзе и торговле, подписанного в Амстердаме 4(15) августа 1717 года.

О сотрудничестве России и Франции против прусской агрессии во второй половине XVIII в. говорит такой документ, как письмо царицы Елизаветы к Людовику XV (от 14 марта 1757 г.) о присоединении России к австро-французскому союзу против Пруссии в период Семилетней войны. Дипломатического посредничества России и Франции между Австрией и Пруссией во время войны за «баварское наследство» и Тешенского конгресса (1778—1779 гг.) касаются фигурировавшие на выставке подлинные письма Панина и французского министра иностранных дел Верженна.

На выставке были представлены также материалы о культурных и научных связях России и Франции в XVIII в., в частности о посещении Камчатки знаменитым французским путешественником Лаперузом и радушном приеме, оказанном ему русскими властями. К этой группе экспонатов относятся письма Вольтера к Екатерине II, некоторые письма Дидро, касающиеся России, подлинный контракт, заключенный русским посольством в Париже со скульптором Фальконе на сооружение памятника Петру I в Петербурге, изданные в XVIII в. русские переводы сочинений Корнеля, Мольера и других французских писателей, офорты художника Лепренса на русские темы и т. д. Ряд обширных рукописных записок французских сановников содержит интересный материал о русско-французских торговых отношениях, и в частности о заключении торгового договора между обеими странами в XVIII веке. На выставке был представлен подлинный текст договора о дружбе, торговле и мореплавании между Россией и Францией, подписанного 31 декабря 1786 г. (11 января 1787 г.). Этот договор облегчал развитие русско-французской торговли через Черное море.

Большое место было отведено документам XIX и начала XX века. Посетители получили возможность видеть подлинные тексты и роскошно оформленные ратификационные грамоты с печатями всех русско-французских договоров этого периода.

На выставке были представлены первые французские издания романа «Война и мир» и «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого и ряд книг французских писателей, отражающих военные столкновения между Россией и Францией. Однако общий ход всей истории отношений между обеими странами, который позволила обозреть выставка, неопровержимо свидетельствует о заинтересованности обеих стран в мире и сотрудничестве и о взаимной пользе укрепления их торговых, культурных и политических связей.

Весьма интересен показанный на выставке подлинный экземпляр русской ратификации и протокола об обмене ратификациями до сих пор еще мало известного договора между Россией и Францией от 3 марта 1859 г. о благожелательном нейтралитете России в войне Франции с Австрией. Этот договор свидетельствует о том, что объективно позиция России благоприятствовала объединению Италии в результате войны Франции и Сардинии с Австрией.

Новую и крайне важную страницу в истории русско-французских отношений открывали на выставке документы о военной тревоге 1875 года. Это письма французского министра иностранных дел Деказа к послу Франции в Петербурге Лефло и президента Мак Магона русскому царю с выражением благодарности за поддержку, оказанную Россией Франции против германской угрозы и предотвратившую нападение Германии на Францию, и другие материалы об этих событиях. Обращает на себя внимание телеграмма российского посла в Париже Моренгейма царю от 9(21) января 1887 г. с вопросом о том, сможет ли Франция рассчитывать на постоянную поддержку России, если Германия потребует разоружения Франции, и с пометкой Александра III: «Конечно, да».

Обширная группа документов выставки касалась истории заключения франко-русского союза против германского блока. Это подлинные письма, которыми обменивались

министры иностранных дел обеих стран, Гирс и Рибо, в 1891 г., подлинный текст секретной военной конвенции от 17 августа 1892 г. с пометками президента Фора и генерала Буадеффра, письма о ратификации этой конвенции в декабре 1893 — январе 1894 г. и др. Много фотографий и документов иллюстрировали восторженную встречу французских моряков в Кронштадте (1891 г.) и русских в Тулоне (1893 г.). Франко-русской морской конвенции 1912 г. касалось письмо французского премьера Пуанкаре к русскому министру иностранных дел Сазонову.

В XIX в. Россия не раз заключала и возобновляла торговые договоры с Францией. Подлинные тексты этих договоров (1846, 1857, 1874, 1893 и 1905 гг.) были также представлены на Парижской выставке.

К истории совместных русских и французских боевых действий против Германии и взаимодействия Восточного и Западного фронтов в ходе первой мировой войны относится представленная на выставке записка начальника русского генерального штаба Сазонову от 21 марта 1915 г. о положительном влиянии наступательных действий русской армии в Восточной Пруссии и других местах на ход операций на Западном фронте, особенно во время Марнского сражения, когда решалась участь Парижа. В одной из витрин выставки находилась телеграмма русского министра иностранных дел о награждении города Вердена Георгиевским орденом, а также ряд телеграмм генерала Жоффра. Были показаны и некоторые документы о военных поставках в Россию из Франции.

В документах, экспонировавшихся на выставке, было также отражено дальнейшее развитие научных и культурных взаимоотношений обеих стран в XIX и начале XX века. К этим сюжетам относятся материалы об избрании французского хирурга Д. Ларре членом Петербургской медицинской академии (1837 г.), об избрании почетными членами Французской академии русских ученых П. Л. Чебышева (1874 г.) и Н. П. Мечникова (1904 г.), письма Л. Пастера об использовании его открытий в России, документы об избрании русского адмирала Ф. П. Литке членом-корреспондентом Парижской академии по географии и навигации и многие другие.

Посетители выставки могли ознакомиться также с документальными свидетельствами дальнейшего развития в XIX в. связей между Францией и Россией в области литературы и искусства. В витринах выставки экспонировались подлинные контракты дирекции Петербургских театров с балетмейстером Дидло (1815 г.), актрисами Жорж (1811 г.) и Саррой Бернар (1881 г.), письмо композитора Сен-Санса к сестре М. И. Глинки, документы об избрании Берлиоза почетным членом Русского музыкального общества (1867 г.) и Сен-Санса — почетным членом Петербургской консерватории (1847 г.). Большой интерес представляли письма Э. Золя к редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, Мопассана — к русскому публицисту А. Н. Энгельгардту, Жорж Санд — к И. С. Тургеневу, рукописи И. С. Тургенева, хранящиеся во Франции, материалы об издании во Франции произведений Ф. М. Достоевского, переписка Ромена Роллана с Л. Н. Толстым, медали, выбитые Монетным двором в Париже в честь русских писателей, и т. д.

Близкую сердцу каждого советского человека и дорогую для каждого коммуниста группу экспонатов составили материалы о деятельности В. И. Ленина во Франции в 1909—1912 годах. В зале, где экспонировались эти материалы, были помещены большая фотография В. И. Ленина, сделанная во время пребывания его в Париже в 1910 г., фотографии дома № 4 на улице Мари-Роз, где жил В. И. Ленин с июля 1909 г. по июнь 1912 г., и отеля «Гоблен» на бульваре Сен-Марсель, где он останавливался. На выставке можно было видеть оригинал заявления В. И. Ленина в Национальную библиотеку с просьбой о выдаче ему читательского билета (1909 г.) и объявление от 13 июня 1912 г. о выступлении В. И. Ленина в зале «Алокасар» в Париже с рефератом на тему «Революционный подъем русского пролетариата».

Достойное место на выставке заняли важнейшие документы о советско-французских отношениях. Прежде всего здесь следует упомянуть подлинные тексты таких документов, как телеграммы о необходимости быстрейшего установления дипломатических отношений между СССР и Францией, которыми в июле 1924 г. обменялись премьер-министр Э. Эррио и народный комиссар по иностранным делам Г. Чичерин, а также их взаимные поздравления в октябре 1924 г. по поводу успешного достижения этой цели.

На выставке был представлен подлинник пакта о ненападении, подписанного между Францией и СССР в Париже 29 ноября

1932 г., подлинники конвенции между ними о согласительной процедуре (1933 г.) и временного торгового соглашения от 1934 года. Продолжением этого рода дипломатических актов были советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. и советская ратификация его, соглашение 1936 г. о продлении советско-французского торгового соглашения 1934 г. и т. д., подлинные тексты которых были экспонированы на выставке.

Особый интерес представляли залы выставки, относящиеся к советско-французскому военному сотрудничеству и союзу против фашистской Германии в годы второй мировой войны. Среди документов, размещенных в этих залах, находилось, в частности, письмо посла СССР в Лондоне И. М. Майского к генералу де Голлю от 26 сентября 1941 г. с извещением о решении Советского правительства признать генерала де Голля руководителем всех свободных французов и телеграмма де Голля И. В. Сталину по случаю этого признания. Посетители выставки могли прочесть также письмо Народного комиссариата по иностранным делам СССР представителю Французского комитета национального освобождения Гарро о признании Советским правительством этого комитета, телеграмму И. В. Сталина генералу де Голлю с поздравлением по случаю освобождения Парижа и многие другие документы.

К числу самых ярких документов о советско-французском боевом содружестве в годы второй мировой войны относятся находившиеся на выставке материалы о действиях эскадрильи «Нормандия» и авиаполка «Нормандия — Неман». На выставке находились документы о присвоении французским офицерам — старшему лейтенанту Марселю Альбера и старшему лейтенанту Ролану де ла Пуапу, младшему лейтенанту Жаку Андрэ и старшему лейтенанту Марселю Лефевру звания Героя Советского Союза, а также Указ о награждении полка «Нормандия — Неман» орденом Красного Знамени и другие материалы, в том числе послание генерала де Голля И. В. Сталину с благодарностью за подаренные самолеты, на которых французские летчики авиаполка «Нормандия — Неман» возвратились во Францию, медаль, выбитая в честь этого авиаполка, и т. д.

Заключительные витрины выставки содержали среди других документов коммюнике об окончании советско-французских переговоров по вопросам культурных и научных связей (9 октября 1957 г.), материалы о гастролях советских артистов во Франции и французских — в Советском Союзе, тексты советско-французских соглашений от 29 августа 1945 г. и 5 июля 1953 г. по торговым вопросам, соглашение от 26 июня 1953 г. о воздушном сообщении между обеими странами. В отдельной витрине были экспонированы телеграммы, которыми обменялись Н. С. Хрущев и генерал де Голль, текст речи Н. С. Хрущева на аэродроме Орли 23 марта 1960 г., серебряная копия золотой медали, врученной Н. С. Хрущеву по случаю открытия выставки, фотографии и другие материалы о поездке Н. С. Хрущева во Францию.

Выставка была открыта в то время, когда советская и французская общественность проявляли повышенный интерес к истории отношений между обеими странами. Газета «Mond» отмечала, что эта выставка представляет собой как бы «историю в витринах». Уроки этой истории весьма поучительны. Они говорят о плодотворности развития дружественных политических отношений, торговых и культурных связей и сотрудничества между Францией и нашей страной на протяжении ряда веков и о том, что между народами обеих стран нет таких противоречий, которые мешали бы им жить в мире и дружбе. Военные столкновения, имевшие место в прошлом между обоими государствами, вытекали из завоевательных и реакционных стремлений капиталистов и помещиков, из агрессивной и реакционной политики империалистов и не приносили пользы народам обеих стран. Военное сотрудничество и союз обеих стран не раз служили им для борьбы с милитаристской Германией и прежде всего с фашистской агрессией. Традиции боевого содружества в двух мировых войнах, торговые и культурные связи народов СССР и Франции внесли ценный вклад в их историю и имеют большое значение для их настоящего и будущего. Реакционные силы Франции, несомненно, причиняют большой вред своему народу и берут на себя тяжелую ответственность, умаляя значение этих традиций, желая толкнуть политику своей страны на путь вражды с СССР.

Выставка представляла большой интерес не только для всех интересующихся развитием советско-французских отношений, но и для специалистов-историков, так как позволила им изучить и обозреть боль-

шое число подлинных документов, многие из которых не публиковались.

Успешное функционирование выставки в течение трех с лишним недель свидетельствует о возможности и полезности развития сотрудничества и контактов между советскими и французскими архивистами и историками.

Во время работ по устройству выставки советская сторона специальным актом передала Дирекции национальных архивов Франции ряд французских архивных материалов, в том числе документы времен Генриха IV, взятые советскими войсками в Германии в качестве трофеев в годы второй мировой войны. Акт о передаче этих документов также был представлен на выставке.

Французские эксперты, несомненно, проявили много знаний, умения и хорошего вкуса при оформлении выставки. Для исторической науки и для общественности обеих стран было бы весьма полезно опубликовать документы выставки в виде специального сборника.

Большой интерес к подготовке выставки проявил персонал Монетного двора. Рабочие Монетного двора горячо приветствовали Н. С. Хрущева. Во время открытия выставки в Монетном дворе и возле него собралось множество французских трудящихся, бурно выражавших свои дружеские чувства к главе Советского правительства.

А. Л. Нарочницкий

ВЕНЕСУЭЛЬСКИЕ ИСТОРИКИ ОБСУЖДАЮТ ЗАДАЧИ СВОЕЙ РАБОТЫ

В Венесуэле в связи со свержением в начале 1958 г. реакционной диктатуры Переса Хименеса, господствовавшей десять лет, наблюдается оживление научной жизни и заметный подъем в области исторических исследований. Об этом свидетельствует, в частности, проведенная в 1959 г. в Каракасе по инициативе прогрессивного журнала «Cruz del Sur» дискуссия о современном положении венесуэльской историографии, в которой приняли участие виднейшие венесуэльские прогрессивные историки [1]. Дискуссия состоялась под председательством профессора Германа Каррера Дамас, директора Института испано-американских исследований при Центральном университете в Каракасе.

Во время дискуссии были подвергнуты критике некоторые направления буржуазной историографии Венесуэлы и выдвинут ряд предложений по укреплению позиций прогрессивной историографии.

Как было отмечено участниками дискуссии, в начале XX в. в Венесуэле наметились две школы историков — либерально-демократическая и консервативно-реакционная. Наиболее видным представителем первой школы был Хосе Хиль Фортуль — автор обширной двухтомной «Конституционной истории Венесуэлы» (Берлин. 1907) и ряда других исследований [2], в которых он доказывал необходимость конституционного развития страны. Хиль Фортуль в своих трудах отражал интересы либерально-демократических кругов венесуэльской буржуазии. Он разоблачал реакционную роль католической церкви, отстаивал национальные интересы страны. Представителем другой школы был Валенилья Ланс [3], долголетний сотрудник диктатора Гомеса, находившегося у власти в 1908—1935 годах. Валенилья Ланс выступал в роли идеолога диктатуры Гомеса. Он пытался доказать, что Венесуэле необходим диктатор якобы потому, что венесуэльский народ «дик», «необуздан», «не дорос до демократии».

В Венесуэле, отмечал Каррера Дамас, правительства, в особенности диктаторы, использовали прошлое страны для того, чтобы отвлечь внимание народа от насущных социальных проблем, от его тяжелого положения. В то же время историки, высту-

[1] Mesa redonda sobre historiografia Venezolana. «Cruz del Sur», 1959, №№ 45, 46. Caracas.

[2] См. José Gil Fortoul. Obras Completas. Vol. I—V. Caracas. 1954—1956.

[3] См. L. Valenilla Lanz. Laguerra civil de la Independencia. Caracas. 1911; его же. Cesarismo democratico. Caracas. 1929.

павшие против реакции, стремились вскрыть народные корни истории Венесуэлы и тем самым восстановить историческую правду.

Реакционные историки объясняют прошлое страны деятельностью «сильных личностей»; народ представлен у них в роли статиста. Участники дискуссии осудили такую концепцию и поставили перед историками задачу способствовать формированию национального самосознания.

В первой половине XX в. историческими исследованиями в Венесуэле занимались главным образом состоятельные люди. Это были или видные государственные деятели, которые писали историю для того, чтобы оправдать свою политику, или богачи, для которых история была приятным времяпровождением. К числу таких историков принадлежат Висенте Лекуна, Карасиоло Парра-Перес и Альфредо Бультон [4]. Отмечая всю ограниченность этих историков-любителей, участники дискуссии указывали, что в настоящее время наиболее авторитетной фигурой становится историк-специалист, чаще всего университетский преподаватель. Их предшественники, главным образом активные борцы против диктатуры Гомеса, в трудных условиях подполья или политической эмиграции обращали внимание на различные социальные аспекты истории Венесуэлы, народные освободительные движения, пытались с прогрессивных позиций осмыслить прошлое своей родины [5].

Проф. Акоста Сайнес предложил создать исторический журнал, в котором печатались бы в первую очередь историки-профессионалы. Такой журнал мог бы публиковать и архивные документы и малодоступные исторические тексты [6], так как большое количество важных архивных документов до сих пор не опубликовано.

Большое внимание выступавшие уделили деятельности Школы истории (директор проф. Х. М. Сисо Мартинес), открытой несколько лет тому назад при Центральном университете в Каракасе. Как отметил в своем выступлении проф. Эрнесто Маис Вальенилья, Школа истории должна превратиться в основной центр исторических исследований в стране. В круг ее задач входит воспитание специалистов-преподавателей истории, подготовка исследователей, распространение исторических знаний.

Итоги обсуждения подвел проф. Каррера Дамас. Он подчеркнул, что преподавание истории в университете необходимо совмещать с исследовательской работой, без чего немыслим прогресс в исторической науке. Каррера Дамас сказал, что возрождение исторической науки в Венесуэле имеет не только научное, но и политическое значение. Если эту дисциплину поставить на подлинно научную основу, то можно добиться значительного прогресса в области исследований и способствовать консолидации прогрессивных сил страны.

Дискуссия, проведенная журналом «Cruz del Sur» о судьбах исторической науки в Венесуэле, показывает, что и в этой стране среди историков растут прогрессивные силы.

И. Р. Лаврецкий

---

[4] См. V. Lecuna. La entrevista de Guayaquil. Caracas. 1948; его же. Cronica razónada de las guerras de Bolivar. Vol. I—III. New York. 1950; его же. Bolivar [illegible] el arte militar. New York. 1955; его же. Catálogo de errores y columnios en la historia de Bolivar. Vol. I—III. New York. 1956, A. Boulton. Los Leanos de Paez. Paris. 1950; его же. Los retratos de Bolivar. Caracas. 1956; его же. Miranda. Bolivar y Sucre. Caracas. 1959; его же. Cartas del Libertador. T. XII. Caracas. 1959; C. Parra Perez. Miranda et la revolution française. Paris. 1925; его же. El regimen español y la primera Republica de Venezuela. Vol. I—II. Caracas. 1939; его же. Bolivar. Caracas. 1942; его же. Mariño. Madrid. 1955; его же. Monarquia en la Gran Colombia. Madrid. 1957.

[5] K. Blanco Fombona. Bolivar y la guerra a muerte. Caracas. 1942; J. A. Cova. Don Simon Rodriguez — primer socialista americano. Buenos-Aires. 1947; P. de Aroya. Insurrección de los negros de la serrania de Coro. Caracas. 1949; J. A. de Armas Chitty. Lazara. Biografia de un pueblo. Caracas. 1949; P. Graces. La Conspiración de Gual y Espania y el Ideario de la Independencia. Caracas. 1949; Y. Uslar Pietri. Historia de la rebelión popular de 1814. Paris. 1954; F. Brito Figuéroa. Las clases sociales en la primera Republica. «Cruz del Sur» № 39—40. Caracas. 1958; M. Picon Salas. De la conquista a la independencia. México-Buenos Aires. 1958; Y. Salcedo Bastardo. Visión y revisioń de Bolivar. Caracas. 1958; J. M. Siso Martinez. Los rasas Sociales de la guerra federal. «Cruz del Sur» № 45. Caracas. 1959; E. Machado. Las primeras agresiones del imperialismo contra Venezuela. México. 1957; R. Betancourt. Venezuela. Politica y Petroleo. Mexico. 1956.

[6] До сих пор в Венесуэле выходило два исторических журнала: «Boletin de la Academia Nacional de la historia» и «Revista de la sociedad Bolivariana de Venezuela».

内 容

社論——迎接第二十五次国际东方学家代表大会

論 文

美英兩国統治集团在法西斯侵略苏联时所站的立场……馬魯什金
烏克兰劳动者在反对弗朗格尔的斗爭中……弗列伊里赫尔（哈尔科夫）
列宁研究統計資料的工作方法……布加諾夫
談原始生产的結构問題……巴赫塔
列宁与波兰工人运动的发展……塔德烏斯·达尼舍夫斯基（波兰）
紀念格隆瓦里战役550周年……卡拉耶夫（列宁格勒）科罗洛克

編史学

四十年来的亚美尼亚苏維埃編史学……阿卢丘尼揚（埃里温）

情 报

1918—1919年外国干涉軍和白卫軍的瓦解……阿拉赫維尔多夫

書 評

历史科学在苏联

紀念列宁誕生九十周年的科学会議
苏联科学界紀念人民捷克斯洛伐克建国十五周年……沃罗比耶娃
关于研究苏联无产阶級史的科学会議……庫拉紀娃，利夫什茨
白俄罗斯苏維埃社会主义共和国科学院历史研究所工作的若干总結……克拉夫欽克（明斯克）
塔吉克苏維埃社会主义共和国苏維埃历史科学的情况和几項基本任务……
……拉德查波夫（斯大林納巴德）
高等学校际历史科学会議……加波諾夫（沃隆涅日）莫斯卡連科（沃隆涅日）
論苏联科学院巴什基里亚分院的工作……尤尔达什巴耶夫（烏发）
研究伏尔加河下游地域史的科学会議……捷尔波夫（薩拉托夫）
論远东科学家1959—1960年研究本区历史的工作……克魯沙諾夫（海参崴）
論彼尔姆高尔基国立大学历史——語文学系的工作……卡普楚科維奇（彼尔姆）

历史科学在海外

CONTENTS

Editorial: The 25th International Congress of Orientalists. Articles. **B. I. Marushkin**—The U.S. and British Ruling Circles' Attitude to Fascist Aggression against the U.S.S.R. **D. Y. Freilicher** (Kharkov)—The Ukrainian Working People in the Struggle against Vrangel. **V. I. Buganov**—V. I. Lenin's Method of Working on Statistical Sources. **V. M. Bachta**—On the Structure of Primitive Production. **Tadeusz Daniszewski** (Poland)—V. I. Lenin and the Expansion of the Communist Movement in Poland. **G. N. Karayev** (Leningrad) and **V. D. Korolyuk**—The 550th Anniversary of the Grunwald Battle. Historiography. **S. R. Arutyunyan** (Erevan)—Forty Years of Armenian Soviet Historiography. Criticism and Bibliography. Historical Science in the U.S.S.R. Scientific Sessions Dedicated to the 90th Anniversary of V. I. Lenin. **E. D. Vorobyova**—Soviet Scientists Mark the 15th Anniversary of People's Czechoslovakia. **N. A. Kurashova** and **S. A. Livshits**—The Scientific Session on the Study of the History of the Proletariat in the U.S.S.R. **I. S. Kravchenko** (Minsk)—Some Results of the Work and the Tasks of the Institute of History of the Byelorussian Academy of Sciences. **E. S. Radzhabov** (Stalinabad)—The State and Some of the Basic Tasks of Soviet Historical Science in the Tajik S.S.R. **P. M. Gaponov** and **A. E. Moskalenko** (Voronezh)—The Inter-University Historiographical Conference. **B. K. Yuldashbayev** (Ufa)—On the Work of the Historians of the Bashkir Branch of the U.S.S.R. Academy of Sciences. **L. A. Derbov** (Saratov)—The Scientific Conference on the History of the Lower Volga Country. **A. I. Krushanov** (Vladivostok)—The Work of Far Eastern Scientists in 1959-65 on the History of Their Area. **I. S. Kaptsugovich** (Perm)—On the Work of the Historico-philological Department of the Perm State Gorky University. Historical Science Abroad.

SOMMAIRE

Editorial: Au XXV-e Congrès international des orientalistes. Articles: **B. I. Marouchkin.** Attitude des milieux dirigeants des U.S.A. et de la Grande Bretagne envers l'agression fasciste contre l'U.R.S.S.; **D. J. Freiliher** (Kharkov). Les travailleurs de l'Ukraine dans la lutte contre Vranguel; **V. I. Bouganov.** Methodes du travail de V. I. Lénine aux sources statistiques; **V. M. Bahta.** Sur la question de la structure de la production primitive; **Tadeusz Daniszewski** (Pologne). V. I. Lénine et le développe-

ment du mouvement communiste en Pologne; **G. N. Karaev** (Léningrade), **V. D. Koroluk.** Au 550-e anniversaire de la bataille de Grunwald. Historiographie **Ch. R. Aroutjunjan.** 40 années de l'historiographie soviétique armenienne. Communications: **G. G. Alahverdov.** Démoralisation des troupes des interventionnistes et des gardes-blancs au Nord de la Russie en 1918—1919. Critique et bibliographie. Science historique en U. R. S. S. Sessions scientifiques, consacrées au 90-e anniversaire de V. I. Lénine; **E. D. Vorobjeva.** Les milieux scientifiques soviétiques célèbrent le 15-e anniversaire de la Tchécoslovaquie populaire; **N. A. Kourachova, S. A. Livchitz.** Session scientifique, consacrée aux études de l'histoire du prolétariat en U.R.S.S.; **I. S. Kravtchenko.** Quelques bilans du travail et les tâches de l'Institut de l'histoire de l'Académie des Sciences de la Biélorussie; **Z. Ch. Radjabov.** (Stalinabad). État et quelques tâches principales de la science historique soviétique au Tadjikistan; **P. M. Gaponov** (Voronej), **A. E. Moskalenko** (Voronej). Conférence historiographique des écoles supérieures; **B. H. Jouldachbaev** (Oufa). A propos du travail des historiens de la filiale de Bachkirie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.; **L. A. Derbov.** (Saratov). Conférence scientifique au sujet de l'histoire de la région de la basse Volga; **A. I. Krouchanov** (Vladivostok). A propos du travail des savants de l'Extrême Orient en 1959—1965 sur l'histoire de leur région **I. S. Kapzougovitch** (Perm). Travail de la faculté historico-philologique de l'Université d'État Gorki de Perm. Science historique à l'étranger.

INHALT

Leitartikel: Zum XXV. Internationalen Orientalistenkongreß. Beiträge: **B. I. Maruschkin.** Die Position der regierenden Kreise der USA und England zur faschistischen Aggression gegen die UdSSR; **D. J. Freilicher** (Charkow). Die ukrainischen Werktätigen im Kampf gegen Wrangel; **W. I. Buganow.** W. I. Lenins Methoden der Arbeit an den statistischen Quellen; **W. M. Bachta.** Über die Struktur der Urproduktion; **Tadeusz Daniszewski** (Polen). W. I. Lenin und die Entwicklung der kommunistischen Bewegung in Polen; **G. N. Karajew** (Leningrad), **W. D. Koroljuk.** Zum 550. Jahrestag der Grünwalder Schlacht. Historiographie: **Sch. R. Arutjunjan** (Erewan). 40 Jahre armenische sowjetische Historiographie. Mitteilungen: **G. G. Alachwerdow.** Die Zersetzung der Interventen- und Weißgardistentruppen im Norden Rußlands (1918—1919). Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: Wissenschaftliche Tagungen zum 90. Geburtstag W. I. Lenins; **E. D. Worobjowa.** Die sowjetische wissenschaftliche Öffentlichkeit zum 15. Jahrestag der Volkstschechoslowakei; **N. A. Kuraschowa, S. A. Liwschiz.** Wissenschaftliche Tagung über das Studium der Geschichte des Proletariats in der UdSSR; **I. S. Krawtschenko** (Minsk). Einige Ergebnisse der Tätigkeit und die Aufgaben des Instituts für Geschichte bei der Belorussischen Akademie der Wissenschaften; **Z. Sch. Radshabow** (Stalinabad). Der Stand und einige Hauptaufgaben der sowjetischen Geschichtswissenschaft in der Tadshikischen SSR; **P. M. Gaponow** (Woronesh), **A. E. Moskalenko** (Woronesh). Historiographische Konferenz der Hochschulen; **B. Ch. Juldaschbajew** (Ufa). Die Tätigkeit der Historiker der Baschkirischen Filiale der Akademie der Wissenschaften der UdSSR; **L. A. Derbow** (Saratow). Wissenschaftliche Konferenz über die Geschichte des Gebietes am Unterlauf der Wolga; **A. I. Kruschanow** (Wladiwostok). Die Tätigkeit der Gelehrten im Fernen Osten zum Studium der Heimatgeschichte des Gebietes (1959—1965); **I. S. Kapzugowitsch** (Perm). Die Tätigkeit der geschichts-philologischen Fakultät der staatlichen Gorki-Universität zu Perm. Die Geschichtswissenschaft im Auslande.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 07121. Подписано к печати 11/VII 1960 г. Тираж 22 650.
Изд. № 1181. Заказ № 1510. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.—19,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

Сычуань баолу юньдун шиляо. Дай Чжи-ли бянь. (Сборник материалов по истории движения против национализации железных дорог в пров. Сычуань. Сост. Дай Чжи-ли). Пекин. Кэсюе чубаньшэ. 1959, 549 стр., 5 л. ил.

ХЭ ЧАН-ГУН, ЛАЙ ЖУН-ГУАН. **Цзай хунсе яоланьли** (В красной колыбели. Сборник воспоминаний китайских революционеров). Пекин. Чжунго цинянь чубаньшэ. 1959, 154 стр.

Чжунхуа жэньминь гунхэго чэнли ши чжоунянь цзинянь вэньцзи (Сборник материалов, посвященных десятой годовщине образования КНР). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 1959, 11, 1266 стр.

ЧЭНЬ НУН-ФЭЙ. **Бу даоды хунци** (Непоколебимое красное знамя. Воспоминания о революционной борьбе). Пекин. Чжунго цинянь чубаньшэ. 1959, 149 стр.

КИМ СОК ХЁН. **Понгон чибэ кегибыль пандехан нонминдыри тхучжен (корепхён).** (Борьба крестьянства против феодального класса. Период Корё). Квахаквон чхульпханса. Пхеньян. 1960, 240 стр.

ПАК СИ ХЕН. **Чосон тхочжи чедоса** (История аграрного строя Кореи). Квахаквон чхульпханса. Пхеньян. 1960, 400 стр.

Материали по история на международното работническо и комунистическо движение. София. Изд-во на БКП. 1959, 897 стр.

Bojová družba. Z valečných vzpomínek Sovět. bojovníků na společné boje s Čechoslovaky. Uspoř., pozn. opatřil a předml. napsal Č. Amort. Praha. «Naše vojsko". 1960. 247 s.

HOUSER J. **Vyvoj hornického pojištěni.** K bojům naších horniků za kapitalismu. Praha. NČSAV. 1960. 152 s.

Minulostí Plzně a Plzeňska. Sv. 2. Uspoř. M. Bělohlávek. Plzeň. Kraj. nakl. 1959. 255 s.

Numismatický sborník. 6 díl. Řídí E. Nohejlová-Pratová. Praha. NČSOV, 1960. 403 s. (16) fot. příl.

WALESZKA M., MITURA Z. **Zarys rozwoju gospodarczego województwa lubelskiego w latach 1944—1959.** W XV. rosznicę powstania PKWN. Lublin. 1959. Lub. Spółdz. Wyd. s. 173.

LUKSEMBURG ROZA. **Wybór pism.** W-wa. 1959. KiW. T. II, cz. 1. 1893—1904; cz. 2. 1904—1907, s. 619; t. II, cz. 3. 1908—1914; cz. 4. 1914—1919, s. 557.

Studia z dzijów górnictwa i hutnictwa. T. 3. Warszawa—Wroclaw. 1959, Oss., s. 357.

STRZEMBOZ T. **Tumult warszawski 1925 roku.** W wa 1959, PWN, s. 135.

MALECZYNSKA E. **Ruch husycki w Czechach i w Palsce.** W-wa. 1959. Kiw, s. 551. tabl. 2.

BEREND T. J., RANKI GY. **Magyarország gyáripara a második világháboru előtt és háború idöszakában.** 1933—1944. Budapest. Akademiai Kiadó. 1953. 624 old.

CPIRA Gy. **Az 1848—49 es Szabadságharo.** (Освободительная война 1848—1849). Budapest. Gondolat Kiadó. 1959. 240 old.

DRAGOMIR S. **Vlahii din nordul Peninculei Balcanice în evu, medii.** Bucuresti. Editura Ecademiei. RPR. 1959, p. 227.

STREISAND J. **Deutschland von 1789 bis 1815.** Berlin. Deutsch. Verlag der Wissenschaften. 1959. S. IX, 454.

Philosophi des Verbrechens. Gegen die Ideologie des deutschen Militarismus. Berlin. Deutsch. Verlag der Wissenschaften. 1959. S. 418.

MALLERET L. **L'Archéologie du delta du Mékong.** T. 1: L'Exploration archéologique et les foruilles d'OC-Eo. Paris. Adrien-Maisonneuve. 1960, XI, 473 p.

HARVEY J. **Les Plantagenets (1154—1485).** Paris. Plon. 1960, 256 p.

DIEHL CH. **Impératrices de Byzance.** Paris. A. Colin. 1960, 300 p.

CHOURY M. **Les Origines de la Commune.** Paris. Edit. sociales. 1960.

GISCARD D'ESTAING H. **D'Esterhazy à Dreyfus.** Paris. Plon. 1960, 192 p.

WILLARD G. **La Drôle de guerre et la trahison de Vichy.** Paris. Edit. sociales, 1960, 176 p.

ATKINSON W. C. **A History of Spain and Portugal.** London. Penguin Books. 1960, 382 p.

GLOVER J. R. **The Story of Scotland.** London. Faber. 1960, 400 p.

The Mediterranean and the Middle East. Vol. III (September 1941 to September 1942). London. H. M. Stationery Office. 1960, 502 p.

WOODS J. A. **Roosevelt and Modern America.** London. English. Universities Press. 1960, 192 p.

BROCK W. R. **The Character of American History.** London. Macmillan, 1960, 306 p.

PETRUZZELIS N. **Il valore della storia.** Napoli. Ist. editoriale del Mezzogiorno. 1959, XV, 386 p.

PALUMBO P. F. **Gli studi di storia medievale e moderna in Italia.** Roma. Le edzioni del lavoro. 1959. 270 p. 6.

Felipe II. Rey de Espana. Correspondencia privada decon su Secretario Mateo Vázquez. 1567—1591. Madrid. Cons. Sup. de Jnv. Cient. 1959, 436 p.

TEJADO FERNÁNDEZ, M. **Historia de la Cultura.** Zaragoza. Libreria General. 1959, 472 p.

Цена 7 руб.

НОВЫЕ КНИГИ СОЦЭКГИЗА

ПО ИСТОРИИ

БУРОВА В., ШОР С. **Хозяева подземных кладовых. Из истории шахты имени Ильича в Донбассе.** 168 стр. Цена 1 р. 90 к.

В книге рассказывается об основных этапах истории старейшей в Донбассе шахты. Показаны тяжелая жизнь шахтеров до революции, их борьба за свои права, активное участие рабочих шахты в революции 1905—1907 годов и в Великой Октябрьской социалистической революции.

Читатель найдет здесь описание героических усилий рабочих по восстановлению шахты после гражданской войны, ее развитию в годы первых пятилеток, зарождения и развертывания стахановского движения; ярко показан трудовой героизм горняков в послевоенные годы. Основное место авторы отводят людям — творцам новой жизни — и руководящей роли местной партийной организации, которая возникла еще до Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга богато иллюстрирована фотоснимками, отражающими старую и новую жизнь шахтеров.

ВОЛОДАРСКАЯ А. **Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса.** 1913—1914 гг. 412 стр. Цена 4 р. 50 к.

В книге освещается деятельность В. И. Ленина по руководству большевистской партией накануне первой мировой войны, когда в России складывалась политическая и экономическая ситуация, чреватая социальной революцией.

Жизнь В. И. Ленина в Кракове и Поронине, проведение им ряда важных партийных совещаний, выступления с лекциями и докладами, подготовка предполагавшегося съезда партии, укрепление и расширение большевистской печати, наконец, борьба на международной арене против оппортунистов II Интернационала — все это нашло отражение в книге. Автор использовал малоизученные архивные материалы и исследования, существенно дополняющие наши сведения об этом периоде истории Коммунистической партии Советского Союза.

ЛАВРЕЦКИЙ И. **Боливар** (Жизнь замечательных людей). Изд-во «Молодая гвардия» 1960. 288 стр. Цена 6 р. 10 к.

Симон Боливар — один из вождей борьбы за независимость народов испанской Америки в начале XIX века.

НОВАЯ ИСТОРИЯ. ТОМ III. 884 стр. Цена 15 р. 75 к. с картами.

Том III Новой истории охватывает период от франко-прусской войны и Парижской коммуны до конца первой мировой войны — с 1870 до 1918 года.

В книге дана история стран Европы и Америки за указанный период, история международного рабочего движения и международных отношений. Две главы посвящены характеристике основных черт развития капитализма в период, переходный от домонополистического капитализма к империализму, и в период довоенного империализма.

РОДИОНОВ П. **Ленин — партия — массы.** Деятельность ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным по упрочению связи с массами. 1921—1922. 352 стр. Цена 4 р. 15 к.

Автор на большом фактическом материале показывает неутомимую деятельность В. И. Ленина и Центрального Комитета партии по расширению и укреплению связей с массами в период перехода страны к нэпу. С особым интересом читаются страницы книги, рассказывающие о том, как мудрый и великий Ленин жил интересами простого народа, заботливо и внимательно относился к людям, до деталей вникая в их нужды, просьбы, предложения; как беспощадно бичевал тех, кто свысока относился к массам, кто пытался учить их, забывая о необходимости учиться у народа. Книга помогает использовать ценный опыт работы по укреплению связей с массами, накопленный партией под руководством В. И. Ленина в 1921—1922 гг.

ШЕХВАТОВ Б. **Ленин и Советское государство** (Деятельность В. И. Ленина по совершенствованию государственного управления. 1921—1923 гг.). 316 стр. Цена 4 руб.

Являясь оригинальной научной работой, эта книга рассказывает о В. И. Ленине как руководителе Советского государства в условиях перехода к мирной хозяйственной работе в 1921—1922 годах. На большом фактическом материале с привлечением новых документов автор знакомит читателя со стилем работы Ленина, показывает его роль в разработке принципов управления промышленностью и сельским хозяйством, заботу его об осуществлении демократического централизма и соблюдении социалистической законности, об улучшении партийного руководства работой государственных органов. Автор подробно рассказывает о личном участии В. И. Ленина в подготовке гражданского кодекса и других законодательных актов того времени.

Перечисленные книги можно приобрести в ближайших магазинах книготорга и потребительской кооперации.

Библиотеки заказ на эту литературу представляют в местный библиотечный коллектор.

СОЮЗКНИГА